

РУССКАЯ СТАРИНА

|| РУССКАЯ СТАРИНА ||

РУССКАЯ СТАРИНА

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 1-й

МОСКВА
ПРОФИЗДАТ
ТОВАРИЩЕСТВО «ВОЗРОЖДЕНИЕ»
1990

Главный редактор
СЕРГЕЙ ЖУРАВЛЕВ

Редакционная коллегия:

ЮРИЙ БЕЛЯЕВ
ЮРИЙ БОНДАРЕВ
АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРСКИЙ
АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВ
ДМИТРИЙ ЗУЕВ
ЮРИЙ КРУГЛОВ
ЮРИЙ МЕДВЕДЕВ

ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ

ПЕТР ПРОСКУРИН
ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

ISBN 5—268—01401—3

© Профиздат, 1990

© Товарищество «Возрождение» Всероссийского фонда
культуры, 1990

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТЬ И СЛОВО

Историческая проза и поэзия

<i>Владимир Бенедиктов. К России</i>	8
<i>Граф Салиас. Миллион (исторический роман)</i>	9
<i>Аполлон Майков. Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне</i>	105
<i>Повесть о бесноватой жене Соломонии (Старинная русская анонимная повесть)</i>	108
<i>Михаил Кузмин. Моление</i>	117
<i>Николай Гумилев. Война</i>	117
<i>Сергей Городецкий. Царьград</i>	118
<i>Владимир Солоухин. Наполеоновские пушки в Кремле</i>	118

ОКО

Взгляд современного историка

<i>Мария Федорова. О многострадальной Евпраксии, княгини-неудачнице в жизни и в былинах</i>	120
<i>Владислав Романов. Под покровом тайны</i>	125

ГОЛОСА МИНУВШЕГО

Воспоминания, письма, свидетельства

<i>Григорий Распутин-Новый. Великие дни торжества в Киеве!</i>	138
<i>Князь Феликс Юсупов. Конец Распутина. Воспоминания (фрагменты)</i>	142
<i>Толкователь вещих снов</i>	160

РИСТАЛИЩЕ ИДЕЙ

Споры и мнения

<i>Галина Белякова. О «Влесовой книге» и славянских древностях («Влесова книга» — реальность или мистификация?)</i>	184
---	-----

КОЛОКОЛА ВЕКОВ

Исторические судьбы церкви в русском обществе

- Александр Нечволодов.* Государи и духовенство (из четырехтомного труда «Сказания о Русской Земле») 194
- Георгий Шевкунов.* Не участвуйте в делах тьмы 211

ГЕОРГИЕВСКИЙ ЗАЛ

Галерея ратной славы

- Фаддей Булгарин.* Мысли о характере Суворова 220
- Юрий Лубченков.* Ларги Гром 225

КУНСТКАМЕРА

Занимательная историческая смесь

- Листки из записной книжки «Русской старины» 232
- О наших авторах 235

К ЧИТАТЕЛЮ

История — это прошлое, увиденное из настоящего. И чем дальше горизонт ушедших веков, чем длиннее череда сохранившихся в памяти поколений, тем полнее чаша познания, которую предстоит испить ревнителю русской старины.

И в этом познании радость за величие нации, гордость за доблестных пращуров смешиваются с горечью утрат, с болью за поругание дивных храмов, славных имен и добрых традиций. Ни одному европейскому народу не было нанесено такого страшного урона в части его исторической памяти, как народу русскому. Мы утратили в среднем около 90% нашего национального историко-культурного наследия. Ужас от этих цифр трудно передать словами. Что скрывается за этим — непреодолимая воля Провидения, определившая мученическую участь народам России, или чудовищные интриги реальных земных врагов, не признающих национального достоинства и христианской нравственности?

Как бы там ни было, Россия все еще существует на духовной карте мира, и причина этого выживания лежит в ее великом необозримом историческом богатстве. И народ наш, осознав себя стоящим на краю пропасти, с еще большим вниманием устремил свой пытливый взор в прошедшие столетия российской истории, ища в них смелые аналоги, поучительные примеры и даже мудрые ответы на проблемы сегодняшнего дня.

История России входит сейчас почти в каждый дом, служа благому делу патриотического и героического воспитания наших современников.

Но как мало мы еще знаем о веках минувших, о героической жизни государства Российского!

Поэтому мы и предлагаем читателю издание новое, но тем не менее хорошо знакомое всем любителям отечественной исто-

рии. Возрождая в форме альманаха замечательный исторический журнал прошлого — «Русскую старину», мы тем самым хотим восстановить прерванную традицию — познавать родную историю через журнальное чтение, соединившее в этом процессе познания строгую науку с живой художественной литературой. Мы видим в новом альманахе своеобразного наследника популярных изданий прошлого — «Русской старины» и «Русского архива», «Старины и новизны» и «Исторического вестника». История факта и документа должна органично соединяться на страницах альманаха с историей, вошедшей в плоть художественного произведения.

Альманах постарается дать новую жизнь увлекательным историческим романам и повестям популярнейших русских писателей Ф. Булгарина и Евг. Салиаса, Вс. Соловьева и В. Авенариуса, Р. Зотова и Д. Мордовцева, не переиздававшихся после Октябрьской революции. В разделе «Голоса минувшего» будут впервые опубликованы документы, письма и мемуары выдающихся государственных и общественных деятелей России, писателей и философов, членов царской семьи. В разделах «Око» и «Ристалище идей» будут представлены полемические взгляды современных историков и литераторов на наиболее актуальные и запутанные проблемы нашего исторического прошлого.

«Раздел «Колокола веков» будет посвящен историческим судьбам православной церкви в русском обществе.

Удовлетворит ли читателя встреча с родной историей на страницах нашего альманаха, судить ему самому, но мы будем рады, если в итоге русская старина станет ему ближе и дороже.

*Редколлегия альманаха
«Русская старина»*

ПАМЯТЬ И СЛОВО

Историческая проза и поэзия

Владимир Бенедиктов

К РОССИИ

Не унывай! Все жребии земные
Изменчивы,— о дивная в землях!
Твоих врагов успехи временные
Пройдут как дым — исчезнут яко прах.
Все выноси, как древле выносила,
И сознавай, что в Божьей правде сила,
А не в слепом движении страстей;
Не в золоте, не в праздничных гремушках,
Не в штуцерах, не в дальнометных пушках
И не в стенах могучих крепостей.

Да, тяжело... Но тяжелей бывало,
А вышла ты, как Божий день, из тьмы:
Терпела ты и в старину не мало
Различных бурь и всякой кутерьмы.
От юных дней знакомая с бедами,
И встарь ты шла колючими путями,
Грядущего зародыши тая,
И долгого терпения уроки
Внесла в свои таинственные строки
Суровая История твоя.

.
Пусть нас зовут врагами просвещения!
Со всех трибун пускай кричат, что мы —
Противники всемирного движенья,
Поклонники невежественной тьмы!
Неправда! Ложь! — К врагам готовы руки
Мы протянуть: давайте нам науку!
Уймите свой несправедливый шум!
Учите нас: мы вам «спасибо» скажем;
Отстали мы? Догоним и докажем,
Что хоть ленив, но сметлив русский ум.

МИЛЛИОН

Часть первая

I

Широко, гулко, размашисто, будто потоком — идет вельможная жизнь Екатерининского царедворца.

Таврический дворец шумит, гудит, стучит.

У князя Потемкина прием.

Полдень... Под прямыми лучами майского солнца дворец ослепительно сверкает своей белизной. Весь двор заставлен десятками всяких экипажей и верховых коней. В чаще сада, на всех дорожках, мелькают ярко-цветные платья и мундиры. Во всех залах и горницах огромных палат «великолепного князя Тавриды» плотная толпа кишит как обеспокоенный муравейник и снует, путается всякий люд, от сановника в регалиях до скорохода в позументах... А среди этой толпы кое-где мелькнет, отличаясь от других, статный кавалергард в серебряных латах, арап длинный и черномазый в пунцовом кафтане; киргизенок с кошачьей мордочкой, в пестром халате и с бубенчиками на ермолке; пленный нахлебник-турок в красной феске, шальварах и туфлях; карлы и карлицы в аршин ростом с зеленовато-злыми или страшно морщинистыми лицами. А между всеми один, сам себе хозяин, никому не раб и не льстец, — ходит, важно переваливаясь, генеральской походкой громадный белый сенбернар.

На парадной лестнице и в швейцарской стоят десятки камер-лакеев и фурьеров, гайдуки, берейторы, казачки-скороходы... Мимо них проходят, прибывая и уезжая, сановники и вельможи с ливрейными лакеями и гвардейские штаб-офицеры с денщиками, гонцы и курьеры из дворца.

И все это блестит, сияет, искрится точно алмазами.

Будто ярко-золотая волна морская бьется о стены Таврического дворца, то напирая с улиц под колоннаду подъезда, то вновь отливая обратно с двора...

Высокие шегольские кареты, новомодные берлины и коляски, старые громоздкие рыдваны, экипажи всех видов и колеров, голубые, палевые, фиолетовые... снуют у главного подъезда... Лакеи и гайдуки швыряются, подсаживая и высаживая господ, и лихо хлопают дверцами, с треском расшвыривают длинные, раздвижные в шесть ступеней подножки, по которым господа чинно шагают, качаясь как на качелях...

— Подавай! Пошел! — то и дело зычно раздается по двору.

И движутся разномастные цуги сытых глянцевиных коней, то как уголь черные, то молочного-белые, или ярко-золотистые с пепельными гривами и хвостами, или диковинно пестрые, пегие на подбор, так что от масти их в глазах рябит. Цуги коней, будто большие змеи, вьются по двору, ловко и лихо изворачиваясь в воротах, или у подъезда, или среди экипажей и людей. Искусник-форейтор из малорослых парней, а чаще шустрый 12-летний мальчуган бойко ведет свою передовую выносную пару коней — подседельного и подручного.

— Поди! Гей! — озорно и визгливо вскрикивает он и все вертится в седле, оглядываясь на свои построения и на весь цуг, на дышловых, на толстого кучера с расчесанной бородицей, что расселся важно на бархатном чехле с золотыми гербами.

Всадники-гонцы, офицеры и солдаты, тут же скачут взад и вперед. Двое,

справив порученье, садятся на лошадей, а на их место трое влетели во двор и, бросив поводья конюхам, входят на подъезд, сторонясь вежливо, чтобы пропустить вельможу, сенатора, адмирала, сающихся в поданную карету.

В саду, на лужайках, на площадках и в подстриженных по-модному аллеях мелькают цветные кафтаны и дамские юбки, звенят веселые голоса, женский смех и французский говор... Здесь гуляют гости, приехавшие не по делу, не с докладом, не с просьбой, а «по обыкности» — одни как хорошие знакомые, другие — чтобы faire leur cour временщику и раздавателю милостей.

Близ легкого пестро выкрашенного мостика, среди площадки, между мраморными амурами на пьедесталах, собралась большая кучка пожилых сановников, зрелых дам и молодежи. Общество сгруппировалось вокруг красавицы баронессы фон-дер-Тален, новой львицы при дворе и в городе... Маленькая и полная немочка, уроженка Митавы, двадцати лет, от которой пышет красотой, юностью и здоровьем, одна из всех без пудры, румян и сурьмы. Блестящий цвет лица и прелестные голубые глаза белокурой баронессы не нуждаются в притираниях: «La Venus de Mitau» — ее прозвище в Питере, данное государыней в минуту раздраженья. Муж ее, уже пожилой генерал, давно в отсутствии, в армии, а она ухаживает за князем, и в столице носят слухи, что «Венера Митавская» — временный предмет светлейшего.

Недаром и племянницы князя с некоторых пор постоянно заискивают у нее. И теперь здесь сошлись около нее и подшучивают над ней любезно три из племянниц князя: Самойлова, Скавронская и Браницкая.

Пожилый генерал-аншеф, известный болтун, ходячая газета столицы и сплетник, но добродушный и подчас остроумный, рассказал что-то, будто из истории Греции, случай из афинской жизни с Алкивиадом, но с понятными всем прозрачными намеками на князя и баронессу. Всем им известно, кого давно зовут «Невским Алкивиадом».

— Vous calomniez l'histoire! — восклицает Самойлов, родной племянник князя Таврического.

— Pour plaire à la baronne, — отзывается генерал.

— Нет! Я бы на месте вашей афинянки поступила совсем не так... — звучит серебряный голосок красавицы баронессы. — Cette coquinerie d'Alcibiade — не прошла бы ему даром... Она имела мало caractère.

— В таких приключениях la coquinerie est la coquetter des hommes... — заявляет молодой премьер-майор, сердцеед и герой Кинбурна.

— Когда женщина должна себя отстоять, — горячо продолжает баронесса, — то она перерождается: добрая — делается злой, глупая — умной и трусливая как овечка — тигрицей...

Завязывается спор. Почти все дамы на стороне баронессы...

— Полноте... Все вы правы! — решает графиня Браницкая. — Только побывав в положении вашей афинянки, можешь знать: что и как сделала бы...

Беседа снова переходит незаметно на непостоянство князя.

— Domppez le lion... — говорил кто-то, смеясь, баронессе.

— О, это не лев... — весело вскрикает красавица. — Князь Григорий Александрович! Трудно найти в мире другого в pendant для сравнения... Он и медведь, и ласточка вместе!.. Знаете, что он?! J'ai trouvé! Он — апокалипсический зверь... C'est la bête de Saint-Luc. Это — крылатый вол! Он лежит лениво и покорно у ног женщины, как и подобает à la bête du bon Dieu... И вдруг в мгновение, quand on s'y attend le moins, взмахнет крыльями и умчится ласточкой.

— В синие небеса или к молдаванкам?..

— Да... к ногам другой женщины...

— Где докажет тотчас неверность пословицы, что одна ласточка весны не делает! — сострил генерал.

— Берегитесь, баронесса,— вымолвила Браницкая,— я передам дяде ваше сравненье. Оно верно, но не лестно... Вол?..

— Крылатый, графиня... Je tiens à ce détail.

— Ага! Боятесь... что дядя выйдет из слепого повиновенья,— несколько резко заметила Скавронская.

— Слепое повиновенье есть исполнение всякого слова, всякой прихоти,— заметила сухо баронесса...— Этого нет.

— А вы бы желали этого?

— Конечно. Сколько бы я сделала хорошего, если бы каждое мое слово исполнялось князем. Je suis franche. Конечно, хотела бы!

— Ce que femme veut — Dieu le veut.

— Да... но это старо и не совсем верно,— вмешивается пожилая княгиня.

— Правда! Надо бы прибавлять,— смеется баронесса,— quand la Sainte Vierge ne s'y oppose pas.

— О! О!— восклицают несколько голосов.

— Voltairienne!— говорит генерал.

— Plutôt... Vaugrienne...— прибавляет княгиня, трогая молоденькую женщину веером за подбородок.— Ох, мужу все отпишу. Он там пашей в плен берет, а жена здесь сама пленяется...

— ...и напишите, княгиня. На что похоже. Барон там курирует опасность в битвах, а жена здесь бласфемирует.

— Напишите! Напишите! Напишите...— раздается хор дам.

— Ох уж вы, молодежь... Грешите...— вздыхает старик-сенатор.— Сказывается... все под Богом ходим!

— Да-с, ваше сиятельство... Истинно! А вот при Анне Ивановне, помните, не так сказывали...

— Как же? Как?

— Говорилось по-шопту: «Все под Бироном ходим!»

И снова гулкий, звонкий и беззаботно звенящий смех раздается далеко кругом, будто рассыпается дробью по дорожкам среди подстриженных аллей.

II

В большой зале дворца тихо. Глухой, задавленный ропот едва журчит, прерывая эту тишину, соблюдаемую из высокого почтения к месту и лицу. Народу тут всякого много, от сильных мира до самых слабых.

Великая награда привела сюда одного — чтобы отблагодарить, и великая обида привела сюда другого — просить заступничества. Этот получил вчера тысячу душ во вновь присоединенной Белой России, этот — богатые уголья, луга и леса из новых пустопорожных земель в Новой России, этот — серебряный сервиз в несколько сот рублей... Этот — крест, чин, придворное звание... А эти еще не получили, но желают получить и приехали ходатайствовать... А этот потерял все имущество от несправедливой ябеды, этого разорила тяжба с соседом, родственником Зубовых, этот просит винный или соляной откуп, этот — местечка ради куска хлеба.

Во все века, у всех народов было, есть и будет то, что в этой зале теперь... Там, за высокими дубовыми дверьми — кабинет человека, который сам когда-то, простым офицером, мелким дворянином — мечтал о лишнем галуне, о лишнем рубле, а теперь для него все на свете... этот дворец, даже вся столица, даже иные пределы и иные враги этой империи — трин-трава.

Мир и люди ему — муравьиная куча... Наступит он по прихоти пятой на эту кучу — и сколько несчастных сделает, сколько горя, сколько слез. А захочет

миловать — сколько счастливых заплачут от радости и восторга и заблагодарят Бога за князя Таврического.

Что же он? Посланник неба! Олицетворенная духовная мощь! Гений! Нет, он чадо случая, сын фортуны. Его сила в слабости людской.

Он владыка мира сего, раб своих похотей.

Но где нужна тщетная сила желанья и воли сотни людей, он мизинцем двинет — и все творится по его мановению. И не в одном доме или одном городе, а на пространстве трети земного шара.

— Князь может много! — шепчет тощий, но важный сановник молодому франту, а около них дворянин из-под города Карачева, разоренный ябедой, смущенно мнет шапку в руках и робко, тайком прислушивается к их речи и вздыхает...

— Почему же так, ваше сиятельство?

— Царица всегда сделает по просьбе князя. А князь на просьбу царицы, бывает, отвечает: «Уволь, матушка, не могу. Приказ твой исполню, а коли просишь, не пеняй, не могу... Противно совести, или слову данному, или родственным чувствам!» Вот тут и аминь, государь мой.

И дворянин из-под Карачева отчаяннее мнет шапку, озираясь на сверкающие кругом мундиры, и все вздыхает...

— Воеводство, любезный приятель, токмо ему принесло пользу. Ему нужен был говор и шум на всю Европу, — тихо говорит генерал-аншеф с Георгием на шее другому сановнику, адмиралу в белом мундире с зелеными отворотами. А государской статской надобности — умирать буду, скажу — не было и ныне нету. Что нам Таврида? Подобало создать между нами и оттоманами рубеж, независимое ханство... оплот... ограду... Да. А не брать себе... А он поди уже возмечтал и Царьград и Элладу привоевать. А там уже недалече... и Иерусалим прихватить.

— Да, — смеется адмирал. — И его бы туда наместником спровадить.

Собеседники осторожно и сдержанно смеются.

Время идет, час за часом, скоро вечерни...

Тихий говор толпы, ожидающей приема, все гудит глухо под сводами зала в два света, будто рокот дальнего водопада, сдержанный горами и ущельями.

Курьеры проходят в кабинет без доклада и выходят вновь тотчас же...

Адъютанты вызывают ожидающих в очереди по фамилии, или вежливо и смиренно, или важно и гордо, или с таким видом провожают в кабинет иного просителя, как если б он был блоха, попавшаяся им в руки...

Уже много всякого народу побывало за большими дубовыми дверьми и на мгновенье и на целых четверть часа, и появясь оттуда то с сияющим, то с мрачным лицом — прошли толпу ждущих очереди и разъехались по городу.

Много сановников еще ждут, а несколько сереньких фигур в дворянских мундирах и много простых офицериков были уже приняты светлейшим. Еще несколько генералов двигаются от одного окна к другому, ни с кем уже не разговаривая и сопя, пыхтя, видимо злоствуют на публичный афронт: жди и пропускай вперед всякую сволоту. Недаром сам из смоленских «потемок».

Снова вышел адъютант и позвал господина Саблукова.

Дворянин, давно смявший свою шапку совсем в лепешку от волнения, затрепетал, зашвырялся, оглядывается кругом и будто не понимает, чего от него требуют.

— Господин Саблуков! — снова раздается громче.

Все оглядываются и переглядываются, будто говоря незнакомым: «Нет ли?»

— Господин Саблуков?! — в третий раз возглашает адъютант, озирая толпу.

— Я-с... — раздалось чуть слышно, будто не из груди дворянина, а будто откуда-то издалече.

Неровными шагами двинулся господин Саблуков к дубовым дверям и исчез в кабинете.

В день страшного суда Господня, при трубном гласе архангелов, созывающих мертвых восстать из гробов и предстать пред лицом Божиим, — господин Саблуков менее оробеет... Его жизнь вся на ладони, чиста, ни соринки на ней. А праведный небесный суд такой совести не страшен! А здесь ведь иной, земной. А ведь сейчас здесь вот, в кабинете царедворца, решится участь его личная, его жены, семерых детей, 80-летней матери, родственников, всех чад и домочадцев, даже его нахлебников. Всем на улицу без куска хлеба... Да это куда ни шло! А честь дворянская поругана будет, закон государский осмеян, правда людская поправа пятой ябедника.

И смутно в голове, бурно на сердце, темно в глазах и будто пьяно в ногах серенького дворянина, идущего вынимать свой жребий из рук фортуны, идущего класть свою голову не на плаху под топор, а хуже, обиднее... Класть голову и все головы семьи под случай, под прихоть...

— Саблуков! Преглупое прозвание! — заметил один сановник по фамилии Хантемиров.

— Стариннейшее дворянское, государь мой, — отзывается кто-то.

Проходит десять минут, пятнадцать, двадцать...

— Она как... — замечают многие мысленно.

Проходит полчаса...

— Скажи на милость?.. Важное какое дело! — иронически замечает шепотом генерал Хантемиров.

Выходит, наконец, из дверей и бежит господин Саблуков... бежит рысью по залу куда глаза глядят, а куда — ему неведомо. Лицо пунцовое, потное, мокрое... Слезы ручьем льют из глаз, челюсти судорога треплет, а зубы щелкают. А в руках блин-шапка, и он на бегу утирается ею, забыв про носовой платок... По счастью, попал он в двери и на подъезд, а авось до дома доберется.

Светлейший все расспросил, по ниточке дело его разобрал, пытал как в застенке и объявил весело:

— Небось, голубчик, все суды вывернем наизнанку. Твое дело правое? Правда при тебе и останется. Мое тебе слово.

А вслед за счастливым дворянином вышел важно курьер с письмом к английскому посланнику, где такая загвоздка Альбиону прописана, что через месяца два-три вся Европа всполошится, даже французские Мараты и Дантоны пождут людей резать и сойдутся на совет.

За курьером вышел адъютант и велел кликнуть к светлейшему капитана Немцевича... Прибежал через минуту капитан с животиком, на коротеньких ножках, кругленький, розовенький, кровь с молоком — просто булка. Пробежал он зал и скрылся...

Тотчас и назад выкатился он из кабинета и весело озирается, будто спросить что хочет. Подошел он к ближайшему, еще невиданному им в столице генералу и, стало быть, приезжому, вероятно чрез Москву, и вежливо кланяется.

— Виноват, ваше превосходительство. Не изволите ли знать... Светлейшему окажите послугу!.. Где найти самый перворазборный рагат-лукум? Сладь такая малоазийская.

«Тьфу: глупость какая», — думает генерал, пыхтит и головой трясет. Он случайно знает, где найти, ибо едал и сам этот рагат-лукум, да неприлично совсем об этом тут речь вести. Не за этим он приехал и ждет. «Черт вас подери», — думает он и прибавляет:

— Сожалею, не знаю.

— Перворазборный, удивительного качества, найдете у купца Грегорианова в Зарядьи,— отзывается самодовольно молоденький сержант.

И видно по глазам масляным, что он его сосал еще недавно, сидя у матушки своей и воспитываясь на вареньях и медах.

— Село Зарядье? Какой губернии и уезда?— спрашивает обрадованный капитан.

— Никак нет-с. Зарядье в Москве, в городе.

— А-а? В самом городе Москве!— восклицает Немцевич.

— Да-с, в Москве, но собственно в городе.

Не сразу питерский капитан понял москвича-сержанта... И подивился наконец, что в городе Москве есть еще свой город, не в пример прочим городам российским.

— В городе близ Ильинки!— пояснил сержант.

Капитан юркнул опять в кабинет князя и, появившись тотчас обратно, немного менее веселый, стал расспрашивать сержанта: где, что и как... в мельчайших подробностях.

Его светлость отрядил его, капитана, тотчас, немедля нимало, гонцом в Москву привезти пуд сего лукума-рагата. Капитан бодрится, а видно, ему не очень сладко... Сейчас он к приятелю на именинный пирог собирался, а тут собирайся вдруг тысячу с лишком верст отмахать, чтобы доставить малоазийскую сласть.

Пока дело шло об рагат-лукуме, приехал чужеземец в странном наряде, но с орденом и оружием.

Это был грек Ламбро-Качиони в своем национальном платье. Он прошел без доклада, стуча бесцеремонно по паркету... Адъютанты князя вились около него, как мухи около меда... Это любимец их барина.

Ламбро-Качиони был самый дорогой посетитель для князя, ибо у них было одно общее, дорогое им, трудное предприятие, которое, однако, шло на лад... Дело не маленькое!.. Поднять всех греков, и древнюю Элладу, и весь Архипелаг... весь христианский Восток. Князь был душою дела, а Ламбро — правой рукой.

Но совещались они недолго. Грек только передал последние вести из Эпира и из Крита.

Принял затем светлейший еще с десяток лиц после этого чужеземного вельможи. Но вдруг в зале храбро появился молоденький камер-юнкер, и о нем тотчас доложили... тотчас пропустили...

Адъютант князя появился тотчас в дверях и громко объявил всем ожидавшим еще очереди, что приема больше не будет. Светлейший вызван к государыне и пошел одеваться, чтобы ехать в Зимний дворец.

— Это со мной в седьмой раз!— раздражительно проговорил один статский советник незнакомому соседу.

III

Высокий, пожилой широкоплечий богатырь, в ярком мундире, сплошь залитом шитьем, с плотной грудью, покрытой рядами звезд и крестов русских и чужеземных, двинулся тихо и лениво из кабинета на парадную лестницу... Походка его, с перевалкой, простая, не сановитая и деланная, а естественная и даже отчасти по природе неуклюжая — производила особое впечатление... «Весь залитой золотом да орденами и регалиями, в камнях самоцветных и алмазах — и так шагает по-медвежь!» Чудится, что добродушный и добросердечный вельможа. С важными и высокостоящими он и бывает груб, высокомерен и жесток — за то, что они мнят себя ему равными. Но маленького человека он пальцем не тронет, ни с умыслом, ни нечаянно, а будет с ним «свой брат», рус-

ская душа нараспашку. Если когда и обругает кого самыми на подбор скверными и погаными словами, так это именно чтобы милость свою и доброту высказать прямее, сердечнее и понятнее для истого россиянина. Обруганный так и засияет от счастья, когда светлейший и его, и всех родственников переберет.

«Великолепный князь Тавриды», лениво и тяжело переступая с ноги на ногу, медленно прошел через весь дворец свой, меж двух рядов своих придворных, живой, блестящей изгородью протянувшихся от зала до подъезда. Подсаженный, почти внесенный на руках в поданную коляску, он двинулся из ворот в поле, за которым вдали, после огородов и пустырей, виднелась рогатка городская.

Будто большое, плотное, яркое облако, сияющее и ослепляющее глаз переливами всех радужных цветов, выползло из ворот и поплыло из Таврического дворца в Петербург. Это свита князя... которая конвоирует его всегда по городу... Всадники в разноцветных мундирах, латники, гусары, козаки, черкесы, гайдуки, — бьются кругом. А впереди экипажа и коней, сажень в пятидесяти, бежит рысью по пыльной дороге десяток скороходов в красных кафтанах. Они несутся вереницей попарно, за длинным и худым арапом громадного роста и с двухсаженной золотой булавой в правой руке. Будто сам сказочный Черномор открывает шествие почти сказочного вельможи.

Но он сам уныло, тоскливо озирается кругом...

«Подступает, — думается ему. — Идет!»

Да, он прав, действительно подступает и впрямь. Вчера еще было на молебне во дворце и вечером на торжестве, которыми поминали его подвиги, прошлые победы и благодарили Господа Бога за... плоды его разума, его воли, его усилий душевных, его деятельности... И все и вся преклонялось, поздравляло, льстило, млея перед ним.

— Не правда ли это, — думал и думает он. — Нужно ли? Дело ли это или безделье? Велико это или мало? Муравей... козявка... Ишь, ведь мишурой-то забавляемся! — оглядывает он конвой. — Австралийские попугаи какаду тоже любят это! — усмехается он, тоскливо и презрительно оглядывая свою грудь, покрытую регалиями. Им в клетке всегда лоскут притыкают, чтобы пели и говорили забористее.

Он вздохнул, встряхнул головой, будто отгоняя эти мысли.

— Эх, подступает... — полубормочет он под грохот экипажа. И затем. Что тут разбирать по ниточке. Каждая ниточка — если и распутаешь всю сию паутину как философ, то каждая все-таки, сама по себе, будет тайна великая мироздания, загадка премудрости Всеблагого Творца... И чувствуешь на душе, что сказывается там так: Не гадай, не время теперь, обожди. Теперь живи... Кончишь земной путь — тогда все узнаешь как по-писаному. А сия книга бытия твоего, и всего, и всех, при жизни — катавасия и скоморошество. Чего спешишь, вперед заглядываешь, обожди, все узнаешь! И узнаешь-то с тем, чтобы уж не пользоваться. И себе, и другим без пользы. Оттуда не придешь рассказывать: так и так, мол, братцы...

— Тьфу! Будет! Отвяжись! — выговорил князь уже громко, будто обращаясь к собеседнику невидимому, который пристал и всякую дрянь выкладывает ему, гнет грустную да безотрадную канитель.

— Подтяни вожжи!.. Прибавь ходу! Попадья! — крикнул он кучеру нетерпеливо.

Все рванулось и двинулось шибче; застучали колеса, заскакали всадники, зазвенела амуниция, и будто пуще засверкало все на солнце...

«Пожалуй, обидел ведь кучера-то своего Антона и зря... Чем он попадья? Первый кучер в столице, — думается ему. — Надо поправить. Зачем обижать зря...»

— Эй ты, собачий сын! Что, наш Юпитер все хромает?

— Лучше, Григорий Лександрыч,— отвечает не оглядываясь бородатый куцер.— Я их обоих, и Рыжика, и Евпитера...

— Не Евпитер, чучело гороховое, Юпитер! Ишь ведь вы, скоты, хуже татар и турок. Ей-Богу, вы, псы этакие, иноземных слов совсем заучить и сказывать не можете.

— А на что они нам? У нас свои есть!— отзывается Антон.

Князь Таврический пристально уперся пронизательным, умным взглядом своего глаза в широкую спину Антона и думает:

«Да. Вот. Рассудил. Истинно! Этак бы и нам все государские дела вершить. Памятовать сие изречение Антона. У нас все свое есть. А мы все чужое понахватали. Чужое на стол мечи, а свое ногами топчи! Нет такой пословицы — а должна бы таковая быть!»

— Антон?!— крикнул князь.

— Чего изволишь, батюшка?

— Ты умница, Антон!

— Рад стараться, Григорий Лександрыч.

— Ты умнее меня! Умнее всех сенаторов и советников. Мы все олухи и пустобрехи.

Трясет Антон головой и усмехается, оглядывая коней. Не в первый раз таковая беседа у него с барином, с первым вельможей российским, «ахтительным» князем Таврическим, которого он, однако, не смеет назвать «вашей светлостью». Раз навсегда крепко заказано это всей дворне и всем холопам князя.

— Я светлейший, да фельдмаршал, да князь, да тары, да бары, да трынцы-волынцы, да всякие такие турусы на колесах... для вельмож, для дворянства, пуще всего для пролазов сановитых. А для вас я барин, Потемкин, Григорий Лександрыч. Смоленской губернии дворянин.

И холопы не дивятся, давно привыкли к доброму барину, сердечному и золотому, но чудодею Григорью Лександрычу.

IV

На Дунае, в декабре 1790 года, завершилась взятием Измаила блестящая кампания.

Это была целая серия подвигов русской армии, в рядах которой уже гремели имена героев: Суворова и Репнина. Молодые Кутузов и Платов заставляли уже о себе говорить. С новым годом наступило временное затишье в военных действиях. В феврале месяце князь Таврический приехал в Петербург на побывку. Он думал пробыть недолго, быстро повершить все дела и уехать, но оказалось, что времена наступили для него иные... При дворе был новый флигель-адъютант, 24-летний Платон Зубов, приобретающий все большее влияние на государыню и начинавший вмешиваться в дела. Он уже не скрывал своей неприязни к князю Таврическому, боролся с ним и подкапывался под него.

— Пора ему на покой, чтобы и России вздохнуть дать,— говорил он со слов других, более умных.— Надорвал отечество!

Потемкин приехал удалить нового любимца, как уже не раз дельвал это прежде, но теперь все более убеждался в его возрастающем значении и силе при дворе. Вдобавок вокруг Зубова группировались враги Потемкина — а их было не мало. И какие враги! В числе их был вновь пожалованный граф Рымникский, герой Кинбурна и Измаила. Суворов не любил Потемкина. Князь должен был спешить обратно в армию, но все медлил и говорил, что не уедет, пока не выздоровеет и не вырвет у себя большой зуб.

Но «Зуб» смеялся на эту угрозу.

И в самом главном деле, которым жил теперь Потемкин, — Зубов боролся с ним. Князь жил мыслью о продолжении войны с Турцией и умолял императрицу не вступать в переговоры с вновь вступившим 28-летним султаном Селимом. Он обещал в один год полный разгром Оттоманской империи... Зубов противодействовал ему и завел свои тайные сношения с английским и с прусским кабинетами и с Диваном. Он наконец добился своей цели.

Государыня, тайно от Потемкина, дала предписание Репнину, замещавшему в армии главнокомандующего, не отстраняться, а идти навстречу могущим воследовать мирным предложениям со стороны нового султана Селима. И дело уже шло на мир, а Потемкин этого не ведал. Зубов ли становился всемогущ теперь? Или государыня становилась менее предприимчива? Или, наконец, «глас народа» влиял на судьбы России...

Недолго пробыл князь Таврический у государыни, был скучен. Узнал он чрез чтение полученных депеш с курьером из Берлина о многих великих событиях европейских, узнал о новых «пакостях» австрийских относительно его душевного и громадного дела там, за Тавридой, на берегах древнего Босфора, близ Царьграда, родного искони России. Узнал он о бегстве короля Людовика Французского из своей бунтующей столицы и его позорном в дороге захвате, возвращены под стражей и заключены.

— Вон оно что бывает! Потомок Генриха IV, Людовика XIV — в тюрьме! Заключен на хлеб и на воду, по указу портных, коновалов и ветошников!

И то, что подступало к Григорию Потемкину еще вчера, на молебне в соборе, при всем народе и на пальбе из орудий, которыми торжествовали деяния светлейшего князя Таврического... то уже подступило теперь еще неотвязнее... Хвостость эта его... своя, особенная, непонятная...

На этот раз князь приехал к государыне уже заранее несколько расстроенный, и все раздражало его, всякий пустяк волновал, и он все более горячился.

Беседа зашла поневоле о важнейшем вопросе дня. Мир с Турцией. Государыня желала скорейшего окончания кампании, которая уже обошлась государству в шестьдесят миллионов. Вся Россия, все сословия были на стороне царицы, все тяготились этой войной. Успехи беспримерные и блистательные русского оружия позволяли заключить почетный и выгодный мир. Турция была разорена, надломлена. Султан только и мечтал начать снова прерванные переговоры и готов был согласиться хотя бы и на тяжкие, но лишь бы мало-мальски возможные, не позорные условия. Европа вся, а прежде всех союзник России — Австрия и недавно вступивший на престол император Леопольд — почти требовали, чтобы русская императрица заключила мирный трактат с султаном, грозя в противном случае, что иноземная лига против нее и за султана пришлет корабли с десантом под самый Петербург. Весь мир желал мира, но война продолжалась. Кто же не хотел и слышать о мире? — Князь Таврический.

Он мечтал изгнать совсем магометан из Европы; восстановить Византийскую империю с Царьградом. Или, по крайней мере, создать союз греческих республик, по примеру новорожденного государства, появившегося в Новом Свете, после восстания и отпадения своего от метрополии.

Современники князя Таврического упрекали его в чрезмерном, безумном честолюбии. Пропади все, разорися, Россия, лишь бы имя его, как разрушителя Оттоманской империи и истребителя мусульман, прогремело по всему крещеному миру.

— Это не простая война, — восклицал князь, — а новый, российский крестовый поход, борьба Креста и Луны, Христа и Магомета. И чего не сделали, не довершили прежде крестоносцы, то должна совершить Россия с Великой Екатериной. Я вот здесь, в груди моей, ношу уверенность, что Россия должна со-

вершить это великое и Богу угодное дело — взять и перешвырнуть Луну через Босфор, с одного берега на другой — в Азию!

На этот раз князь волновался, но ничего не отвечал на попытки царицы завести речь о Турции и войне. Он жаловался на нездоровье и отмолчался.

V

Таврический дворец молчит, притаился, не дышит, будто спит мертвым сном среди дня. Уж не выехал ли светлейший князь из столицы опять в Молдавию, на театр военных действий, продолжать крестовый поход?

Нет, князь Таврический в своем дворце, и дворец, как и вчера, полон его придворных, дворовых и служащих. Но все притаилось и молчит.

Двор заперт и пуст. Подъезжающие в золоченых экипажах сановники возвращаются вспять от притворенных ворот.

— Его светлость не принимают.

В швейцарской с десятков гайдуков и лакеев сидят по лавкам и мирно беседуют.

В большой зале, где толпились всякий день просители и ухаживатели, пусто и изредка звучат только, гулко отдаваясь вверху у карнизов, одинокие шаги какого-нибудь адъютанта или лакея, которому дозволено входить во внутренние апартаменты.

Но за дубовыми дверьми, в глубине залы, которые так знакомы всему Петрограду да памятливы хорошо и тем многим провинциалам из дебрей и городов российских, которых приводила сюда своя забота, своя беда... за этими дверьми, в кабинете князя — тоже пусто. Вещи, книги, карты географические, дела, кучи бумаг для подписания — рядом лежат на письменном столе и на стульях. Тут же, на отдельном осьмиугольном круглом турецком столике-табурете с инкрустацией из золота и пергамента, лежат аккуратно наложенные кучками пакеты, нераспечатанные письма, депеши и мемории — первейшей важности и, пожалуй, даже мирового значения. Вот письмо с почерком князя Репнина. А он тоже в пределах вражеских на Дунае заменяет князя... Вот письмо посла английского... Ответ на «загвоздку» князя, где дело идет о таком вопросе, от которого пахнет войной России с Альбионом, со всей Европой соединенной.

Но пылкий нравом, твердый волей и машистый духом и поэтому легкий на подъем среди кипучей деятельности, разгорающейся все больше от помех и препятствий... русский богатырь, которому политическое море всегда было по колено, а дипломатия — кукольная комедия, — богатырь этот и духом, и телом уже три дня не выходил в кабинет свой и никого из подчиненных с докладами не принял.

Князя Таврического нет в этом дворце его имени и имени его подвигов.

В горнице, обитой сероватым ситцем, с двумя окнами в пустынный сад, на большой софе лежит протянувшись плотный человек в атласном фиолетовом халате, надетом прямо поверх рубашки с расстегнутым на толстой шее воротом. Маленький золотой крестик с двумя образками и ладанкой на шелковом шнуре выскочили и лежат поверх отворотов халата... Босые ноги протянулись по софе и свисли к полу вниз, одна туфля лежит рядом с ним, другая свалилась на пол.

Три дня уже лежит здесь Григорий Александрович Потемкин... неумытый, нечесанный и только вздыхает, ворчит что-то себе под нос... Спать он уходил два раза на свою кровать, а одну белую яркую ночь пролежал в раздумьи на софе до шести часов утра, так и не двинулся, проспав до полудня.

Обед и завтрак ему приносят сюда. Сюда же навещались и его племянницы. День целый просидела с ним графиня Браницкая. Здесь же он принял с де-

смяток близких людей «благоприятелей», два раза сыграл в шахматы с любимцем и родным племянником Самойловым, но здесь же принял и прусского резидента, который с фридриховскою настойчивостью требовал свиданья с князем. Немного вышло толку для резидента от приема. Видел он и изучил наизусть образки и ладанки, висевшие на груди князя, но ответа прямого насчет сути последнего предписания, данного князем главнокомандующему Репнину, там на Дунае... ответа резидент не получил!

Князь только мычал пустые фразы, а с ним любезничала за дядю красивая его племянница Браницкая, как бы стараясь сгладить дурное впечатление.

— Mon souverain, — говорил и повторял резидент внушительно и по-французски, — тревожится и сомневается ввиду истинно загадочного образа действий князя Репнина, вашего заместителя в армии.

— Ну и Христос с вами. И сомневайтесь. И ты, и твой суверен! — промывчал наконец князь по-русски. А на переспрос резидента проговорил: — Кранк! Ферштейн-зи! Кранк. Ну, чего же? Аллес мне теперь ганц хоть трава не расти.

И князь прибавил по-турецки ругательство.

Резидент, однако, хотя недоумевая, все-таки поднялся и уехал, внутренне возмущенный, обиженный и злобный.

— Варвары! — бормотал он по дороге. — Неодетый... А тут сидит молодая женщина, родственница... Племянница.

Болезнь князя изредка навещала его и была не болезнь, а состояние духа, необъяснимое ни ему самому, ни близким людям. Он сам не знал, что у него.

— Подступает! Идет! — говорил он угрюмо и боязливо, но еще на ногах.

— Пришло! Захватило! — говорил он тоскливо, лежа на диване.

И это подступавшее и хватавшее его за сердце и за голову — была непреодолимая, глубокая, страстная полутоска, полужлоба.

Враги находили всегда причину простую и естественную этого странного расположения духа и этих диких дней, проводимых в халате, наголо, в углу уборной. По их словам:

— Князь злится на Зубова.

— Его дурно приняла царица.

— Он завидует новому графу, т. е. Суворову, которого, наконец, на днях произведут в фельдмаршалы.

— Он ломается. Ничего у него нет и не было. С жиру бесится.

Хворость эту сам князь не понимал, но это был очередной недуг, сильный, давнишний — с юношества... И недуг чисто душевный, а не телесный. Иногда, но редко, примешивалось к тяжкому состоянию души физическое недомогание или слабость. Хворость эта приходила как лихорадка, время от времени, и держала его иногда три-четыре дня, иногда более недели. Припадок бывал слабый и очень сильный... Как потрафится.

На этот раз князь чувствовал, что хворает сравнительно легче... Меньше томит его и меньше за душу тянет. Все окружающее меньше постыло, сам он себе менее противен и гадок, чем иной раз.

Тем не менее князь послал за своим духовником и приятелем, бедным священником в Коломне.

Отец Лаврентий был любимец князя, именно за то, что при их давнишней дружбе священник, имея возможность пойти в гору, отказывался ото всего, что князь ему предлагал. Даже свой приход на другой, более богатый, не хотел он переменить...

— Все тщета... Умрешь — все останется.

— А детям? — говорил князь.

— Да ведь и они не бессмертные! — отвечал священник.

Князь видел в душе отца Лаврентия то же чувство презрения ко всем благам

земным, которое было и у него... Но у него оно только являлось сильно во время его странной хворости, а священник был всегда таков и на деле доказывал это.

Отец Лаврентий отслужил в церкви дворца всенощную, при которой присутствовал один князь...

А затем они вдвоем ушли в спальню князя и долго, целый вечер побеседовали... Начав «с самодельной» философии, как называл князь, кончили историей церкви.

И в том и в другом оба были доки. В философствовании священник уступал князю, говоря: «Служителю алтаря и не подобает в сии помыслы уходить!..»

Но в истории церкви он знал не менее князя. История схизмы была любимым коньком фельдмаршала, как если бы он был игуменом или архиереем.

Человек, «власть имеющий», — он мечтал когда-нибудь, хотя вот после разгрома Порты Оттоманской, заняться специально... Чем?.. Не более и не менее, как воссоединением церквей.

Беседа князя с священником хорошо подействовала на него. Он оживился, унылость сбежала с лица.

Вселенские соборы... привели к спору о пресловутом «filioque», символа веры западной церкви. Князь незаметно отступил от принятого направления в беседе...

— Нет, князь... Это опять философия у вас пошла... Домой пора... Десятый час. Мне до Коломны — не ближний свет.

— Мои кони скоро домчат тебя, отец Лаврентий. Посиди. Ах да, я забыл, что ты ездить... грехом считаешь...

— Не грехом... А баловством, князь. За что зря скотинку гонять. На то ноги даны человеку, чтобы он пешком ходил.

Друзья простились, и князь напомнил духовнику про его обещанье прийти опять через несколько дней, захватив сочинение о Никеийском соборе...

VI

На четвертый день, утром, выспавшись за ночь на постели, князь перешел опять в уборную, не умываясь и не одеваясь, и так же в халате и туфлях на босу ногу... Ему было легче...

— Что ж. Света не переделаешь. Людей другими существами не заменишь. Глупости и зла не одолеешь. Глупость — сила великая, и с ней даже сатана не справится. С злыми он совладал и от начала века командует ими, а с дураками давно дал себе свою дьяволу клятву — не связываться.

И смеется князь, стоя у окна и оглядывая свежую зелень густого сада.

В полдень явился молоденький чиновник в дверях с кипой бумаг в руках и стал у дверей. Лицо знакомое князю, но мало... Где-то видал.

— Что тебе? — добродушно вымолвил он.

— К вашей светлости, — робко заикаясь, отозвался чиновник.

— Ты кто таков?

— При канцелярии вашей светлости состою.

— Как звать?

— Петушков.

— Что же тебе от меня?

— А вот... Вот... Простите... Вот...

И, оробев совсем, чиновник запнулся и замолчал. Взглянул он за пагубное дело по природной дерзости, да не сообразил своих сил. Там-то, в канцелярии, казалось не страшно, а тут сразу душа в пятки ушла.

— Ну... Что? Бумаги? Для подписи?

— То... чно... та-ак-с!— заикается Петушков — и, как назло, вспомнил вдруг рассказ, что одного такого коллежского регистратора, как он вот, князь на Дунае расстрелять велел за несвоевременное появление в палатке с бумагами.

— Тебя кто послал? Правитель канцелярии приказал идти ко мне?

— Никак нет-с. Простите. Виноват. Сам вызвался. Бумаги самонужнейшие, а третий день без движенья лежат.

— Важность! Для бумаги. Бывают люди добрые и вельможи — по годам без движенья лежат. И без ног, и без языка. Это много хуже!— рассмеялся князь.— Ну, давай чернильницу и перо... Да что уж... Так и быть. Пойдем к столу.

И князь перешел в кабинет, где не был уже несколько дней.

— Вишь, прыток, молокосос,— ворчит князь, ухмыляясь.— Дерзость какая... Лезет сам, ради похвальбы... Что ему дела! А похвастать! Либо на чай заработать от тех, кому эти дела любопытны да близки к сердцу.

Петушков положил дела на письменный стол и отошел к дубовым дверям, ведущим к зале. Потемкин сел, обмакнул перо и быстро, узорчатым почерком начал подписывать одну за другой четко и красиво написанные бумаги... Подписывая, он все-таки искоса проглядывал каждую. Были и приказы, и разрешения спешные и важные... Было дело об отпуске сумм на устройство порта в его любимом городе, новорожденном Николаеве; было дело об отдаче соляного откупа в Крыму графу Матюшкину, об уплате трехсот тысяч подрядчику и поставщику Дунайской армии... Дело об освобождении из-под ареста офицера, сидящего уже два месяца по его просьбе за невежливость относительно князя при проезде его по Невскому.

— Ну вот... Бери... Иди да похвалися. В смешливый час попал. А в другой раз не пробуй. Попадешь в лихой час — и от тебя только мокренько останется.

Молоденький чиновник, вне себя от восторга, собрал бумаги и выкатился из кабинета чуть не кубарем. И похвалиться есть чем во всем городе, да и на чай обещано было с трех сторон тому смельчаку, что решился пойти к князю с бумагами попробовать доложить.

По уходе чиновника князь рассмеялся и почувствовал себя совсем хорошо. Он посидел немного, потянулся, а там перешел к турецкому столику, придвинул его к себе и начал распечатывать и читать письма и донесения, давно ожидавшие его здесь.

В нижнем этаже дворца, где помещалась канцелярия светлейшего и где было, помимо чиновников, много и посторонних и важных лиц в гостях у директора, гудел неудержимый раскатистый хохот.

До кабинета князя было далеко и высоко, и поэтому здесь человек пятьдесят юных и старых хохотали во все горло до упаду. И всякий вновь пришедший или прибежавший на хохот подходил к делам, принесенным чиновником от князя, и тоже начинал хохотать.

На всех бумагах стояла одна и та же подпись рукою князя:

«Петушков. Петушков. Петушков».

Между тем была во дворце и новость... От князя отошло! Дворец зашевелился, ожил и загудел.

Князь прибрался, позавтракал плотно и, надев кафтан, сидел в кабинете. Кое-кого он уже принял и весело беседовал. Через часа два уже узнали, что «у князя прошло», что он оделся и принимает.

Во дворце была и другая новость, еще с утра. Вернулся из чужих краев посланный князем гонцом в город Карлсруэ офицер Брусков. Он исполнил поручение светлейшего и, велев о себе доложить, ждал внизу.

В сумерки князь позвал офицера.

- Ну, что скажешь? Ты ведь, сказывают, из Немерции?
- Точно так-с, ваша светлость. По вашему приказанию ездил и привез с собой...
- Что?
- А маркиза.
- Что такое?— удивился Потемкин.
- Вы изволили меня командировать тому назад месяца с полтора в Карлсруэ — за скрипачом маркизом Морельеном...
- Так! Верно! Забыл! Верно!.. Ну что ж, привез его?
- Точно так-с!— тихо и с легкой запинкой выговорил офицер.— Привез. Он здесь, внизу, в отведенной горнице.
- Молодец! Где ж ты его нашел? В Карлсруэ?
- Да-с. В самом городе.
- Хорошо играет? Или врут газеты...
- По мне, очень хорошо. Лучше наших скрипачей во сто крат,— отозвался Брусков.— Так возит смычком, что даже в глазах рябит.
- Это что... А не рябит ли и в ушах,— рассмеялся князь.— Тогда плохо дело. А?
- Нет-с.
- То-то. Ну, спасибо. Награжу. Мне его захотелось послушать... В газетах много о нем похвал... Печатают, что божественно играет. Слезы исторгает у самых твердых. Ну вот, через денек-два послушаем и увидим. Спасибо. Ступай. Офицер хотел идти.
- Стой. Ведь он эмигрант. Бежал из Парижа? Был богач и придворный, а ныне в чужом краю пропитание снискивает музыкой. Так ведь, помнится.
- Точно так-с.
- И все это правдой оказалось? Ты узнал?
- Все истинно. Маркиз мне сам все сие рассказывал. Всего лишился от бунтовщиков.
- Ну, ладно. Приставить к нему двух лакеев и скорохода. Да обед со стола. Ступай.

VII

Еще в апреле месяце князь Таврический, после великолепного торжества, данного в честь царицы, которое изумило всю столицу, вдруг снова захворал своей неизъяснимой болезнью — хандрой. Тогда, пробегая переводы из немецких газет, которые ему постоянно делались в его канцелярии, он напал на восхваление одного виртуоза-скрипача. Газеты превозносили до небес новоявленного гения. Эмигрант Alfred Moreillen, Marquis de la Tour d'Overst, был, по словам газет, невиданное и неслыханное дотоле чудо. Его скрипка — живая душа, говорящая душам людским о чем-то... дивном и сверхъестественном. Это не музыка, а откровение божественное.

Князь тоскующий, то плачущий, то молящийся, то проклинаящий весь мир... задумался над этим известием.

Вот бы этакое достать и держать при себе, заставляя играть в такие минуты томительного, неизъяснимого отчаяния.

Гениальный виртуоз Альфред Морельен, маркиз де ла Тур д'Овер, по словам тех же газет, бежал из Франции от разгрома, где погибло все его достояние, даже родной брат был казнен, и разоренный аристократ, чтобы заработать кусок хлеба, ездил по Германии из города в город и давал концерты.

«Послать за ним? Что ж ему лучше: шататься по Немерции и гроши собирать или жить у меня на всем на готовом. Обращение обещаю ему по его роду и имени.

Царица — покровительница ученых и художников. Коли полюбит, пенсию ему положит. Напишу письмо и отряжу кого посмышленее».

И князь написал письмо, короткое, но сильное, где звал маркиза Морельена в Россию и обещал от царицы и от себя горы золотые.

Малый подходящий, т. е. юркий и смысленный, был у князя налицо — его адъютант Брусков. В полчаса времени Брусков все понял, сообразил и поклялся светлейшему, что разыщет виртуоза-маркиза и привезет в Россию самое позднее через два месяца.

Получил Брусков две тысячи червонцев на путевые и всякие издержки да еще тысячу для задатка эмигранту-французу... Но этого мало. Князь узнал, что Брусков пленен барышней Саблуковой, приезжей из провинции с отцом, и мечтает жениться, но тщетно, ибо отец, крутой и гордый, не соглашается выдать дочь за простого офицера без состояния и положения.

— Привези мне маркиза, а я у тебя сватом буду и посаженным вызовусь быть на свадьбе. Посмотрим, как тогда не согласятся. Не привезешь скрипача — не смей и на глаза мне ворочаться.

Счастливым Брусков, ног под собой не чуя от счастья, с легким сердцем и тяжелым карманом, туго набитым золотом, простился тайком с предметом своей страсти у общих знакомых и наказал девице-красавице не плакать, а радоваться и ждать его для свадьбы,— выехал.

Теперь ловкий Брусков возвратился и привез с собой кавалера Морельена, маркиза де ла Тур д'Овера. Следовательно, скоро можно посылать светлейшего сватом к Саблуковым.

Брусков, побывав у князя, нацеловавшись вдоволь со старухой матерью, рассказал ей подробно, как он разыскивал в чужих краях эмигранта-маркиза.

Много городов объездил он, всюду разузнавая про место нахождения удивительного музыканта.

— И не боялся ты... Побожися... Не боялся?— спрашивала мать.

— Чего же, матушка, ведь немцы такие же люди, как и мы. Ведь они и здесь есть — я чай, не мало вы их видали.

— Так, соколик мой, верно. Люди они тож. Да ведь здесь они промеж нас... А там-то они у себя... пойми... а ты промеж них.

— Так что же. Все едино.

— Ой, нет. Вон инего зверя показывают в клетках, иль вот Мишку какого на цепи медвежатник водит. Не страшно ничуть. А попади-ко ты ему в лапы у него в лесу, в его берлоге, что тогда. Так и немцы. Ведь они там у себя, а ты уж выходишь чужой человек у них. Ну... Ну! Рассказывай...

Брусков смеялся и весело передал матери в мельчайших подробностях, как он разыскал наконец маркиза, уговорил ехать с ним в Россию и повез.

Разгорячился юный офицер и, окончив повествование, вскочил вдруг.

— Мне бы, матушка, только бы прислать скорее князя сватом да жениться на моей Оле, а там пропадай моя головушка...

— Зачем? Что ты! За что?

Брусков спохватился... смутился и, молча поцеловав старуху-мать, вышел и поехал к Саблуковым.

Здесь ожидала его, к довершению счастья, дивная новость! Отец красавицы, упрямый и гордый, возившийся в столице с судом и подьячими, чтобы спасти от ябедника свое состояние, ни за что не хотел ехать и просить у князя Таврического помощи и заступничества!

— Я исконный дворянин русский, да поеду порог обивать, кланяться временщикам. Нет, дудки! За меня — закон.

Увидя, наконец, что он разорен и на улице, исконный дворянин смирился в

своей дворянской гордости и пошел к князю... но порог обивать ему не пришлось.

После смущения и робости в приемной светлейшего он получил слово Потемкина, что все будет сделано по справедливости и по закону.

Стало быть, теперь барышня Саблукова будет даже богатой невестой!

Приезжий неожиданно в Россию, прямо во дворец князя Таврического, кавалер Морельен и маркиз де ла Тур д'Овер сидел внизу, в горницах, отводимых для гостей у князя родственников и друзей из провинции. Маркиз был окружен по указу князя и всеми удобствами, и почетом. Даже особая четверка цугом и карета была в его распоряжении. Маркиз уже три раза выезжал и видел всю столицу, был у обедни и в гостях у своего католического пастора. Сидя у себя в сумерки и вечером, он постоянно играл на скрипке, и все кругом — чиновники и люди, даже арапы и калмычки заслушивались игры маркиза. Калмычат, прикорнувших в коридоре близ дверей его горницы, отогнать было нельзя.

Маркиз был человек лет 25-ти, высокий, красивый, с южным типом лица, чернобровый, с карими глазами и задумчивым взглядом. Было, однако, иногда в глазах его что-то странное... Глаза бегали, косились беспокойно... Но определить эту особенность лица трудно было бы. Точно он будто по словнице обеспокоен: «Знает кошка, что мясо съела!» Может быть, там у себя в отечестве совершил какое преступление да и дал тягу... А стал говорить, что эмигрант и от революции бежал; газеты и поверили и на весь мир оповестили. Может быть! Но вряд ли...

Кой-кто из чиновников князя, понимавших по-французски, уже познакомился с маркизом и бывал у него и днем и вечером. Он охотно играл и с улыбкой самодовольства принимал похвалы себе и своему дарованию. Вдобавок оказало, что он отлично говорит по-немецки, а так как язык этот был очень распространен в Петербурге, то и в канцелярии князя многие знали его... Нашлись живо у маркиза и собеседники... Он был веселый и болтун и рассказывал им многогоречно про свой дворец в Париже, про двор короля Людовика и балы и торжества, про революцию, про свое разорение, бегство.

— Нас теперь много в Германии! Во всех городах есть эмигранты, и все бедствуют. Уроки дают, лавочки заводят и торгуют чем попало, больше нюхательным табаком. Мой кузен Виконт де ла Бар живет особым талантом. Силуэты делает. Как? Да вырезает из черной бумаги портреты — и одно лицо и во весь рост, миниатюры делает. И я умею.

VIII

Князь всякий день собирался призвать маркиза — расспросить, заставить сыграть, но за недосугом все откладывал. За время его хворания накопилось столько дела, спешного письма и вообще занятий государственной важности, что он почти не выходил из кабинета, переходя от письменного стола на диван, где принимал обыкновенно всех имевших до него дело, нужду, просьбу... А таких было много. Брусков всякий день нетерпеливо ждал свидания маркиза с князем. Нетерпение его росло с часу на час. Он волновался и видимо истомился. На расспросы матери о причине его волнения он объяснил, что смущен мыслью, как маркиз Морельен понравится светлейшему.

— А тебе-то что же? — удивилась Брускова. — Ты привез по указу. А ты не ответчик за него, коли он не так, как следует, завозит смычком, завозит по скрипке.

— Ох, матушка. Играет он бесподобно. Я его уже казал здешним музыкантам. Они все от него ума решились. Райской птицей прозвали его скрипку.

— Ну и слава Богу!

— А вот то-то... Слава ли Богу-то... Еще неизвестно...

Однажды вечером Брусков, по просьбе матери, привез к себе на квартиру маркиза со скрипкой. Вся семья Саблуковых, отец, мать и возлюбленная офицера, Оля, были приглашены на вечеринку с музыкой. А помимо их до десятка сослуживцев с женами и дочерьми...

Маркиз был очень весел и говорлив с теми, кто понимал хоть малость два ему известных языка, но больше и охотнее он болтал с теми, кто говорил по-немецки. С дамами он был очень любезен, хотя несколько и неприличен. Одну молодую даму он, шутя, конечно, взял за ушко. Она сконфузилась... Муж было обиделся, но Саблуков и в особенности Брусков убедили всех, что с иностранца нельзя требовать того же, что с своего брата русского.

— У них во Франции,— заметил хладнокровно Саблуков,— может быть, это почитается за сердечное изъяснение своих чувств.

— Вестимо!— горячился Брусков.— Я вам отвечаю, что он обидного чего в мыслях не имел.

Маркиз, написавшись кофе, наевшись плотно яблоками, орехами и вареньями, сыграл несколько пьес, больше все наизусть и как бы просто из головы своего сочинения. Гости заслушались и млели весь вечер. Даже любимая собака хозяйки, Жучок, смиренно сидела в углу, наострив уши на гостя.

— Не музыка, а колдовство,— решила Брускова,— с нечистым снюхался просто.

— Не играет, а поет. Заливается соловьем. Впрямь диво!— восклицал один гость.

— Ах, ракалия! Ах, ракалия!— восторгался тихо другой гость.

— Это посылочка почище моего рагат-лукума,— говорил драгунский капитан, уже съездивший в Москву и доставивший князю пуд малоазийской сласти.

Вечеринка вышла на славу. Один Брусков только тогда успокаивался, когда маркиз был со скрипкой в руках, но как только он освобождался и вступал в беседу с кем-либо, Брусков настораживал уши и глаза.

Почему он это делал — мать его замечала, но не понимала. Французский дворянин был, по ее мнению, пречудесный, презанятный кавалер.

В конце вечера случился, однако, странный казус — и неприличный, и смешной.

Все сидели за ужином, весело болтали, смеялись... маркиз не отставал от других. Его угощали наотвал, подливали всяких вин, а заметя, что он на вино крепок, выпил больше всех, а «ни в одном глазу», — стали потчевать еще пуще. И кавалер Альфред Морельен, маркиз де ла Тур д'Овер не устоял и напился. Все бы это ничего. Хозяин и гости сами же виноваты были — спаивали. Но подгулявший маркиз вдруг начал хвастаться своими познаниями... Оказалось, что он маракует даже по-латыни, по-гишпански и по-турецки и знает немножко и по-русски.

— По-нашему?!— воскликнули гости.— По-русски?

— Да,— отвечал подпивший маркиз,— по-вашему,— и начал сыпать отдельными словами польскими и русскими. Брусков сидел угрюмый и беспокойно глядел на своего гостя.

Однако у маркиза хмель прошел живо — крепок он, видно, был на питье, и он объяснил публике, что его родитель покойный, озабочиваясь его воспитанием, приставил к нему с детства десятка с три учителей разных наций. От них-то он и научился понемножку всем языкам.

Гости только изумлялись, какое воспитание дается в чужих краях.

Когда пришлось вставать из-за стола и все поднялись, шумя стульями, и

весело подходили благодарить хозяйку, маркиз не двинулся со стула и озабоченно шарил под столом... Затем он взял свечу, нагнулся и ахнул...

— Lieber Брусков,— завопил он отчаянно по-немецки.— Помогите... Неожиданное приключение. Господа, кто это из вас пошутил?

И он прибавил по-русски, обращаясь ко всем гостям:

— Государь, коханий. Отдавай. Не карош это. Отдавай!

Оказалось, что маркиз сидит в одном сапоге; другого не было ни на ноге, ни под столом.

Все мужчины, изумляясь и со смехом, начали искать сапог, но его не было нигде.

— Да он его сам снял?— спросила Брускова, прося перевести вопрос гостю, но маркиз понял и отвечал по-русски:

— Сам. Сам. Права сапога моя...

— Ну так его Жучок истребал!— решила хозяйка.

Жучок, легавый щенок, любимец Брусковой, был известен даже в околотке как истребитель кошек и обуви. Кошек он ненавидел, гонял, ловил и загрызал, а сапоги, башмаки и туфли обожал до страсти и всякий день приносил домой изгрызанные голенища, подошвы и каблук, остатки его охоты по соседям.

Догадка хозяйки тотчас и подтвердилась: в углу гостиной нашли Жучка, усердно и мастерски разрывающего сапог маркиза на мельчайшие куски...

Смех, разумеется, гудел в доме... Маркизу уже принесли другой сапог хозяина, который оказался узок, но виртуоз, морщась и охая, все-таки напялил его, ворча и посылая к черту глупую собаку.

Некоторые гости, однако, качали головами и перешептывались. Дворянин Саблуков находил, что снимать сапог под столом за ужином в гостях совсем неприлично.

— Неужество это, как хотите!— говорил он Брускову вполголоса.

И офицер смутился.

— Может, у них там это про обычай!— заметил капитан, гонец за рагатлукумом, хохотавший больше всех от приключения.

— Не может сего быть! Это вольность с нами. Что же он нас не за дворян почитает. У себя бы в отечестве он этого сделать не отважился.

И умный Саблуков решил, что маркиз Морельен зазнался в России, благо помещен во дворец князя Таврического, и смотрит теперь на русских людей как на дрянь, не стоящую вежливого обращения.

— Да зачем, спроси ты, он снял сапог?— приставала хозяйка к сыну, стараясь обвинить гостя, а не любимца Жучка.— Колдовал он, я боюсь, у меня под столом.

— Какое тут, черт, колдовство, матушка,— сердился Брусков.— Скотина он невоспитанная. Вот и все!..

Спрашивали маркиза, зачем он снял сапог. Он жался и объяснял на разные лады.

Гости разъехались, обещаясь Брускову не оглашать казуса, а себе обещаясь наутро разнести по городу повествование об изгрызанном сапоге маркиза.

— Зачем вы сняли сапог?— сказал Брусков, провожая гостя.— Если вы это сделаете где-нибудь, вас пускать к себе не будут.

— Отчего?— изумился маркиз.— Никто бы и не заметил ничего, если бы не скверная собака.

— Да зачем вы сняли?— загорячился Брусков.

— У меня мозоли. А сапоги новые. Странные вы люди, mein Gott!— вдруг обиделся маркиз.

Наконец князь однажды утром потребовал к себе маркиза Морельена. Музыкант смутился, съезжился и, бросившись одеваться в свой самый лучший кафтан и камзол, торопился, рвал пуговицы и парик надел набок.

Маркиз, эмигрант и придворный короля Людовика XVI, был настолько сильно взволнован, что достал из шкатулки флакон с каким-то спиртуозным и крепким снадобьем и стал нюхать, чтобы освежить голову и привести свои мысли в порядок.

Дело в том, что маркиз Морельен, уже освоившийся со всем и со всеми во дворце, начинал уже давно смущаться при мысли предстать пред могущественным Потемкиным.

Разные важные сановники, приезжавшие к князю и которых он видел из окон своих комнат, выходящих на подъезд, как бы говорили ему: «Мы важные люди, а он еще важнее и выше нас». И если эти так надменны и строги, горды и неприступны, то каков же он... к которому они приезжают скромными просителями. Что же он?.. Гигант! Колосс! Земной бог!

И душа маркиза ушла в пятки. Он оделся совсем, поправил на себе парик, переменил сапоги на чулки и башмаки для большого парада... и не шел... Боялся присылки второго гонца от князя, его недоумения и гнева... и все-таки не шел.

Он ждал прибытия Брускова, за которым погнал своего скорохода.

Брусков влетел, наконец, верхом во двор и почти прибежал в горницы маркиза.

— Позвал? Зовет?.. Ну?.. Когда?..— закидал он вопросами привезенного им аристократа-виртуоза.

Волнение Брускова было не менее смущения маркиза.

— Ну что ж, Бог милостив!— воскликнул он.— Помните только одно. Поменьше храбрости. Потихе. Посмирнее...

Маркиз грустно развел руками, как бы говоря, что смиреннее того, как он себя теперь ощущает, быть никак нельзя. Брусков, внимательно оглядев его, подумал то же.

— Да... Ошибло его... Присмирел. Где тут храбрость! Ноги трясутся. Отлично!

И офицер вздохнул свободнее.

— Слава Богу!— подумал он.— В этом виде мой маркиз ничего. Боюсь только, как обласкает его через меру князь, ну и зазнается и испортит все... Ну, Господи сохрани и помилуй! Пойдемте.

Бодро, но молча прошли весь дворец и маркиз, и офицер, но двери кабинета переступили оба ни живы ни мертвы...

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его...— шептал Брусков и перекрестился набожно.

Вся его судьба, вся жизнь, женитьба, счастье, будущность, розовые мечты и сокровеннейшие надежды — все это зависит от этого свидания, все сейчас может прахом рассыпаться.

Князь сидел за письменным столом и работал; он встал навстречу, улыбаясь, протянул музыканту руку и что-то заговорил на французском языке. Брусков все видел и слышал, но ничего не понимал и не чувствовал, у него в голове будто привесили соборный большой колокол и трезвонят во всю мочь.

Маркиз жался как-то, ежился, странно, не понимая, откуда только у него вдруг дишкант взялся со страху, и в ответ на любезности князя отвечал только:

— Oui, Altesse! Non, Altesse... Votre serviteur... Altesse.

Altesse нравилось князю, и он, любезно усадив маркиза, продолжал свои

занятия и стал рассеянно расспрашивать его о последних событиях во Франции, о положении эмигрантов в чужих краях. Но разговор шел худо, так как князь все более и более углублялся в письма и бумаги, которые переглядывал.

— Переведи!— услышал вдруг Брусков приказание князя и точно проснулся вдруг и стал понимать окружающее. И он, отлично, до тонкостей зная французский язык, начал сначала робко, а там все бойчее помогать князю в беседе, в некоторых выражениях.

— Какой конфузливый твой француз,— заметил, наконец, князь.— Да еще пришепetyвает...

— Он, ваша светлость, действительно... Да и вас оробел.

— Понимаю, братец. Да ведь он в Версали да Трианоне видал немало всякой всячины.

— Он таков от природы робкий. Сам мне признавался! Да, кроме того, он говорил, что с важными людьми, вельможами он приобык, «свой брат» они ему. А с умными людьми робеет, боясь за глупца прослыть. Об вашей светлости он наслышался еще в Германии.

— Что ты плетешь!— добродушно рассмеялся князь.— Что ж, вельможи-то французского двора все дураки, что ли?! А он, по-моему... должно быть, не у себя... На чужой стороне.

И князь встал, любезно, даже ласково-фамильярно отпустил маркиза и сказал, что вечером попросит его показать свой талант при двух-трех лицах из его приближенных.

— Пронесло! Слава тебе, Создателю!— восклицал Брусков чуть не на бегу и едва поспевая за весело летевшим по дворцу маркизом.

Живо вернулись они в горницы.

— Ganz einfach,— повторял сразу раскуражившийся маркиз, потирая руки в удовольствии.— А по-латыни Simplicitas! Sancta simplicitas! А по-турецки: Буюк терчхане! А по-французски: Courage, mon garson!

— Да, все слава Богу! Но помните,— уговаривал его Брусков,— держите себя как вот сейчас. А если вы расхрабритесь — тогда пропало. Вы все потеряете. А про меня и говорить нечего! Я тогда несчастный на всю жизнь.

Вечеру князь не прислал за музыкантом.

Прошло еще два дня, а маркиз и Брусков напрасно ждали. Князь был занят и озабочен и все переписывался, гоняя скороходов и верховых, с английским резидентом, который сказывался больным. Он не ехал к князю и на предложение Потемкина посетить его отвечал, что не может решиться принять такого вельможу в постели.

— Ах, шельма эдакая!— досадливо восклицал князь.— Нечего делать. Я тебя пробомбардирую письмами и цидулями. Все равно не отвертишься у меня!

На третий день князь велел звать маркиза со скрипкой. Брусков снарядил приятеля и чуть не перекрестил, отпуская теперь одного в кабинет князя.

— Бога ради... Бога ради...— молил он маркиза.— Помните... Смирнее...

Маркиз клятвенно обещал быть тише воды, ниже травы, обещал не говорить, а только отвечать на вопросы, не смеяться, ничего не спрашивать.

Сдав маркиза двум камер-лакеям, Брусков остался внизу и сидел как на углях: раз с двадцать его то в пот ударяло, то мороз по коже пробирал.

Наконец маркиз явился сияющий и глянул на Брускова, как большой водолаз может глянуть на новорожденного котенка: «Что это, мол, за мразь такая тут».

Маркиз был важен, горд и взволнован.

Князь остался в восторге от его игры... Князь его обнял и расцеловал. Князь даже слезу раз утер... Ну, чего еще!..

Маркиз поднял скрипку над головой и воскликнул:

— Я этим мир к ногам моим приведу. Я всегда это знал и чувствовал. Но мне нужен был случай. А что в моей трущобе могло мне дать этот случай? Но вот теперь звезда моя поднимается, поднялась, сверкает и не затмится вовеки. Умру я — и все-таки здесь, в России, а может быть, и во всей Европе, имя мое останется и будет греметь в потомстве; будет отец сыну и сын внуку передавать.

— Да будет вам болтать! Скажите... Графиня Браницкая как с вами обошлась? Самойлов как обращался?

— Их никого не было.

— Князь был один?!

— Один.

Брусков подпрыгнул от радости, а потом тотчас и пригорюнился.

— Да. Но ведь в другой раз может позвать и при гостях. Не говорил он вам, когда он вас наградит и отпустит обратно?

— Нет. Он меня оставляет при себе, — гордо отозвался маркиз. — С собой возьмет и в лагерь в Молдавию.

Брусков замолчал и задумался.

— Ах, только бы мне успеть жениться, — прошептал он наконец, — а там мне все равно. Ведь не снимет же голову.

Х

Вскоре после этого, однажды вечером, вокруг Таврического дворца горели смоляные бочки и плошки, а улица была запружена народом. На фасаде дворца сияла огромная звезда из шкаликов. Ярко освещенный двор переполнился громыхавшими экипажами, и ежеминутно прибывали и выходили на подъезд гости — мужчины и дамы.

Расставленные цепью по дороге, по всему полю от дворца и до рогатки города, скороходы перекликались весело... Наконец у рогатки громко крикнул чей-то голос два слова... И эти два слова будто побежали по полю, перебрасываясь от одного к другому, и быстро достигли дворца, народа толпившегося, швейцарской, наконец — приемных и гостиных, и кабинета самого хозяина.

— Государыня выехала.

У князя был маленький званый вечер, на котором должна была присутствовать запросто сама монархиня, ради того, чтобы видеть необыкновенного новоявленного виртуоза-скрипача, добытого князем из чужих краев. И много в Петрограде в этот день вельмож и сановников было обижено, или огорчено, или взбешено. Всякий считал своим правом ожидать приглашения в Таврический дворец, а этих претендентов оказывалось так много, что маленький вечер превратился бы в огромное, многолюдное собрание. А этого не мог допустить князь, ибо не желала государыня. Были приглашены только самые близкие люди «благотриятеля» и, конечно, родня князя, но и родня родни. И все-таки двор оказался переполнен экипажами, и большая гостиная едва вмещала разряженных гостей, чинов двора, генералов, дам и девиц. Явившихся было все-таки до сотни лиц. И все они сияли и одеждой, а еще более лицами, чувствуя себя «избранниками» из столичного общества.

Любимица князя, графиня Браницкая, принимала гостей в качестве хозяйки своего холостого дяди. В числе дам была, конечно, и красавица Альма Тален...

Только одну царицу принял сам светлейший, сойдя на подъезд к ней навстречу, когда карета ее была еще в улице и длинный цуг белых коней заворачивал в ворота, озаренный огнями плошек и сверкающий своей белизной и золотой сбруей.

Скоро все гости сидели молча в рядах стульев, среди малой залы, освещенной наполовину ради придания интимного характера вечеринке в Таврическом дворце. Государыня в переднем ряду была почти не видна гостям за узорчатой спинкой огромного готического кресла, купленного князем в Вартбурге. Князя уверил продающий ему это кресло, что на нем сидел главный судья, когда-то славивший Лютера.

Около государыни, рядом на стуле, сидел хозяин, а несколько отступя назад поместился постоянный спутник царицы, ее новый флигель-адъютант Платон Зубов. На его нежное, женственное лицо, тонкий, красивый профиль и сверкающий бриллиантовый аксельбант и было теперь наиболее обращено внимание гостей, в особенности девиц. «Почем знать», — думалось каждой.

Впереди, пред креслом царицы, в приличном отдалении, стоял стул, столик с инструментом и пюпитр с нотами.

Публика ждала уже с пять минут... Государыня тихо разговаривала с подошедшим к ней ее же секретарем, — хозяин начал уже оборачиваться и поглядывать на дверь, из которой ждали виновника собрания.

Наконец в зале появился маркиз и нетвердыми шагами приблизился к пюпитру. Князь хотел встать, подойти к виртуозу и заметить ему, что он должен был явиться заранее и быть на месте прежде государыни и гостей, но, взглянув на своего маркиза, Потемкин чуть не ахнул.

Маркиз был бледен как полотно, глаза его горели лихорадочным блеском, губы побелели, и какая-то гримаса, будто судорога, передергивала черты лица. А вместе с тем, благодаря этой мертвенной бледности и, может быть, еще и тому обстоятельству, что на нем был простой и изящный костюм, темно-фиолетовый кафтан, матово-желтый камзол, оттенявший его лицо, казавшееся еще белее, маркиз был очень в авантаже и казался еще красивее. Публика одобрительно встретила его появление. Все заметили:

— Какой красавец!

Государыня заметила бледность и смущение виртуоза-эмигранта и сказала что-то хозяину.

— Обойдется! — отвечал князь, улыбаясь. — А не обойдется — вы обласкаете. И от одного вашего чудодейственного слова все к нему вернется: и чувство, и разум, и гений.

Маркиз, взявший скрипку и смычок, прилаживался, но руки его заметно дрожали. Он наконец двинул смычком и начал играть... и сыграл, и кончил...

Молчание было ответом.

— Ничего! Так себе — обыкновенный скрипач. Эдаких в Питере десятков своих доморощенных! — думали и говорили теперь гости. Государыня покачала головой и вымолвила Зубову:

— Надо его ободрить. Il a perdu son latin. Пойдите. Поговорите с ним. Обласкайте.

Зубов встал и, подойдя к маркизу, заговорил с ним по-французски. Виртуоз постепенно несколько ободрился, отвечал и стал смотреть храбрее. Он глянул в первый раз на государыню, присутствие которой до сих пор чувствовал только, но еще не видал, боясь поднять на нее глаза... Она ласково улыбалась, милостиво глядела на него.

Она совсем не то, что он воображал.

«Она добрая!» — думает маркиз.

И маркиз ободрился совсем и уже бойко отвечал Зубову и тоже подошедшему к нему хозяину.

Флигель-адъютант, исполнив приказание, вернулся на свое место.

— Видите, как оправился, — сказала государыня. — Теперь услышим иное...

Князь еще говорил с виртуозом и добродушно смеялся. Зубов, пользуясь минутой, наклонился к государыне и шепнул, насмешливо улыбаясь:

— *Ce n'est pas un français.*

— Как? Это эмигрант. *Un marquis français. Morei Ilen de la Tour de...* Дальше не помню.

— *Emigrant — peut-être... Marquis — plus ou moins Français-jamais!* — проговорил Зубов. — Кажется, совсем не парижский выговор.

— От робости...

В эту минуту Потемкин вернулся на место и сказал:

— Я его совсем разогрел... Теперь сыграет!

XI

Виртуоз взмахнул смычком и взял несколько аккордов. Затем он медленно обвел глазами все общество. Быстро, искоса глянул на государыню, пристально поглядел на князя, улыбнулся вдруг как-то странно, почти грустно и, припав головой к скрипке, повел смычком.

Он начал маленькую вещь... Сонату... Простую свою...

Его мать любила ее слушать. Ей всегда играл он ее, когда ему было еще двадцать лет... Когда и она, и он бедствовали, почти голодали, а в холодном доме всегда бывало тихо, уныло... Рассвета не виделось в жизни... Она так и скончалась однажды под звуки этой ее любимой сонаты и отошла в тот мир тихо, покорно, безропотно... «Как ему-то здесь будет без меня?» — шепнула она.

Смычок сам двигался по струнам, привычные пальцы шевелились сами... Артист был всем существом в иных пределах, а не в зале Таврического дворца.

Он провожал тело матери, в гробовом деревянном гробу, на даровое помещенье городского кладбища, где хоронят самоубийц и безвестных мертвецов, найденных на дорогах, проходивцев и бродяг... Два крестьянина стащили гроб в яму, опустили — зарывают... Зарыли. Ушли. Он стоит один... Он пойдет теперь назад домой — один... И будет весь день, весь год, всю жизнь — один и один... Весь мир кругом него глядит и молчит бестрепетно и безучастно. Ни света, ни тепла, ни радости, ни улыбки для него нет... здесь все зарыто... И навеки! Все кончено...

В зале наступила тишина и длилась несколько мгновений. Звуки музыки замерли, а гости еще явственно слышали их на себе или внутренне вызывали их опять, ожидали вновь.

Наконец молчание перешло в шепот, а шепот в оживленный говор.

— Я не ожидала этого... — проговорила государыня тихо, и в голосе ее было чувство — была слеза.

Она что-то пережила вновь из прошлого, полузабытого и пронесшегося сейчас перед ней в этой зале бледным призраком. Но от этого грустного призрака повеяло тоже чем-то иным — дальним, ясным, светлым, молодым...

«А-а! Что? Присмирели! — думает артист, оглядывая публику. — Вы съехались и сели слушать потому, что обещал играть вам равный аристократ, маркиз... А если б явился в Петербург бедный шляхтич, голодный и босоногий, и заиграл так же... Вы бы его и со двора гнать велели. «Что может быть хорошего из Назарета...» А из Назарета вещей голос и раздался, и все ему поклонилось...»

И виртуоз снова поднял смычок и будто злобно рванул по струнам. Мысль его руководила смычком.

«Маркиз?! Аристократ?! Нет! Выше маркизов! Простой нищий — артист! Творец. Да. Творец, созидающий из ничего, из сочетания дерева и бычачьих жил — целый мир. Вызывающий из глупой деревяшки и веревочек — целое море

бурь, чувств, страстей, волшебный поток, захватывающий сердце людское и увлекающий его в те таинственные пределы, куда разум никогда не проникнет... И в этот миг я помыслом, сердцем, душой в моих небесах, а лишь пята моя на земле, и ею топчу я вас во прахе земном...»

Бурной страстью, всепожирающим огнем и неукротимой, дикой силой дышало от новой блестящей импровизации виртуоза. Слушатели будто почували все то, что вдруг забушевало в душе артиста и порывом вылилось в звуках. Это был вопль злобы и отчаянья, проклятие могучего и горячего сердца, разбитого жизнью и людьми... Виртуоз кончил и недвижно стоял и молчал, не подымая глаз на гостей... Что они ему? Он забыл об них! Он еще не вернулся с своих небес к ним на землю...

Но вдруг зала огласилась громкими, дружными рукоплесканьями, артист вздрогнул и вздохнул — и сошел на землю...

Он стал кланяться и улыбаться деланной улыбкой. Хозяин встал и подошел к нему, в восторге протянул руки и благодарит.

«Ведь это он, могущественный вельможа, от которого зависит все...» — думает музыкант и окончательно приходит в себя и вмиг становится тем, что он и есть. Обыкновенный смертный, жаждущий пристроиться и иметь кров, кусок хлеба обеспеченный и средства к пользованию всеми благами этой мелкой жизни, которую он сейчас клеймил сердцем и которую он тоже любил своим обычным разумом бедного музыканта.

Государыня между тем поднялась с места, и все зашевелилось и зашумело, поднимаясь тоже. Хозяин бросился к монархине, но по ее слову снова вернулся к маркизу, взял его за руку и повел... Он представляет аристократа-эмигранта, придворного французского короля — русской монархине.

— Marquis de Moreillen de la Tour d'Overst...

Маркиз смущенно низко кланяется, красивое лицо его покрывается наконец ярким румянцем и глаза блестят довольством и счастьем.

Монархиня чистым французским выговором спрашивает его — спаслись ли все его родственники... Давно ли он посвятил себя искусству и развил в себе обворожительный талант.

Маркиз отвечает на вопросы сначала робко, односложно, потом все смелее.

У императрицы понемногу морщились брови.

— Вы ведь природный француз?— вдруг спрашивает она с царски упорным взглядом, строго устремленным в его лицо.

— Вы говорите по-немецки?— спросил Зубов.

— Точно так-с,— сразу смелее и самоувереннее отзывается маркиз.

Государыня, улыбаясь несколько загадочно, взглядывает на своего флигель-адъютанта.

Зубов откровенно рассмеялся и заговорил с маркизом... Речисто, свободно и даже бойко заболтал маркиз...

Милый язык ее любимых поэтов и философов, язык Гете и Шиллера, Лейбница и Канта... этот язык был в устах маркиза-виртуоза изуродован, обезображен. Он залопотал на нем, а не заговорил... Что же это значит?.. Кого? Какую речь? Чье произношение напомнил он ей вдруг?..

И наконец государыня вспомнила, слегка рассмеялась... и двинулась из залы... Хозяин и Зубов пошли за ней, провожая до кареты. Часть гостей перешла в гостиную отдохнуть... Другие подошли к музыканту, расспрашивали его и, обступив его, стояли кучкой среди высокой залы впереди опустевших рядов стульев. Он был доволен, счастлив, но это был уже не тот человек, который играл здесь за минуту назад... Это был болтливый, дерзкий, самодовольный и самоуверенный чужеземец сомнительного происхождения.

Государыня ласково простилась с князем, но выговорила:

— Ну, спасибо, Григорий Александрович, за музыку... да и за машкерад... Зубов усмехнулся едва заметно, но князь видел, слышал и слегка побледнел. Через несколько мгновений князь, суровый, медленно явился в залу.

Гости собирались снова усаживаться на свои места...

Через час Таврический дворец был пуст и темен. Гости разъехались. Маркиз-виртуоз сидел у себя внизу и хвастался пред Брусковым, лихорадочно его прождавшим целый час, и рассказывал о своем успехе, комплиментах императрицы, о восторгах публики...

— Отчего же князь, говорят, вернулся темнее ночи?— смущенно заметил Брусков.

— Это не мое дело!..— решил музыкант, вне себя от всего испытанного за вечер.

Князь между тем сидел у себя, один, угрюмый и задумчивый. Он думал.

— Позвать его! Допытать!..— прошептал он и потряс головой.— Нет, завтра. Пусть спадет. Теперь нельзя...

ХII.

Поутру, проснувшись, князь молча оделся и, выйдя в кабинет, задал себе вопрос:

— Кто же из них виноват? Оба или один — и который... Вернее всего оба!

Приключенье это его сердило и волновало более обыкновенного. Случай простой и даже смешной. Надо бы смеяться — и ему первому... Но все так повернулось, что он, богатый врагами и завистниками, как никто, станет посмешищем столицы. Дураком нарядят.

И все переиначат, раздуют, разукрасят и разнесут по городу — невесть какую фантазмагорию. Никакая Шехеразада не смогла бы измыслить того, что сочинят теперь его враги и расскажут. А Зубову на руку. Да шутка ли! Старый, в 60 лет, представил у себя во дворце русской царице... Кого же?.. Проходимца! Самозванца! Может быть, даже беглого!.. Царице русской!.. Он!

— Убью! Ей-Богу!— вздыхает князь, в волнении двигаясь по кабинету.

Раз десять собирался он позвать лакея и потребовать к себе Брускова, который был уже им вытребован с квартиры и ждал. Но каждый раз князь отлагал вызов, решая обождать.

— Пусть спадет...

Князь знал по опыту, что гнев его опасен... для его же репутации. А когда первый порыв пройдет, «спадет» — он может владеть собой.

Он сел и стал читать толстую книгу в переплете, на которой были вытиснены крупные золотые буквы: «Фукидид». Прошло около часу. Князь кликнул лакея.

— Позови Брускова.

Через четверть часа раздались шаги в зале, открылись двери, и на пороге показался Брусков... Глаза его сверкали и тотчас впились в князя.

Но глаза князя тоже упорно и зловеще впились в лицо Брускова.

Офицер побледнел.

— Как зовут твоего музыканта?— выговорил князь глухо.

Брусков хотел отвечать, но не мог.

Наступило молчанье. Слышно было, как Брусков дышит.

— Ну, слышал? Как его зовут...

— Маркиз Морельен... де ла...

— Ах ты... мерзавец!— вдруг крикнул князь и, поднявшись, с книгой в руке, двинулся к офицеру.

— Простите!..— пролепетал Брусков, дрожа и зеленея.

— Его имя! Ну...

— Шмитгоф...— шепнул офицер через силу.

— Шмитгоф!— шепнул и князь.— Славно!..

И, не сдержав порыва, он взмахнул толстой книгой. Книга плашмя ударилась об голову Брускова, выскочила из руки и запрыгала по ковру, шумя листами.

Брусков, сшибленный с ног машистым ударом, ударился головой об дверцу шкапчика. Забренчал фарфор, и несколько сервских фигурок полетело на пол, разбиваясь вдребезги.

— Простите... Не губите... Виноват... Хотел лучше... Простите!— зарыдал Брусков.

И на коленях подполз к князю, хватаясь за его ноги.

Наконец князь отошел, опустился на диван и, полулежа, крикнул глухо, сдавленным голосом:

— Рассказывай все!..

Брусков стоял по-прежнему на коленях и начал свое признание... Он доехал до Рейна и извездил вдоль и поперек Вюртембергское, Баденское и Баварское королевства и много других герцогств и княжеств... И наконец нашел графа, а не маркиза де Морельена де ла Тур д' Овера. Граф жил на вилле около Карлсруэ... с женой и двумя детьми. На расспросы Брускова — играет ли он на скрипке и так замечательно, как говорят о нем газеты, он смеясь отозвался, что все это газетное вранье, что он играет на этом инструменте так же, как и всякий другой обыкновенный музыкант из любого городского оркестра... Брускова он просил, объяснив цель своего посещения, удалиться.

Брусков заявил ему о предложении светлейшего князя Потемкина. Оказалось, что французский граф смутно даже припомнил себе фамилию князя. А относительно предложения князя ехать в Россию показать свой талант отвечал изумлением и гневом...

— Ну, продолжай... Да встань... Ты не за обедней,— сказал Потемкин.

Брусков поднялся на ноги и продолжал свой рассказ несколько смелее...

Он долго и много уговаривал графа ехать в Россию, обещая горы золотые. Граф наконец позвал двух дюжих лакеев и кротко сказал им, мотнув головой на офицера: *Flanquez moi sa la porte...* Его вежливо вывели из дома и проводили до подъезда.

— Что ж было делать, ваша светлость. Рассудите, будьте милостивы и справедливы. Вы приказали его доставить или на глаза вам не казаться. А прогоните вы меня — пошла прахом вся моя жизнь, потому что моей возлюбленной как ушей не видать... Что мне было делать?..

— Ты и разыскал мне немца?

— Нет. Разыскивать, чтобы обмануть, я не стал. Я как отчаянный поехал назад в Россию и порешил броситься вам в ноги и все пояснить по сущей правде.

— И лучше бы всего сделал.

— Да, но раздумье меня одолело! Ведь сватовство вами было обещано за привоз маркиза. Вы изволили обещать быть у меня даже посаженным за привоз музыканта. А тут я с пустыми руками. Вы бы меня простили и оставили, может, при себе, но сватать бы не стали меня... Не за что было бы...

— Верно.

— Вот и уехал я, и пустился в обратный путь в самом горестном состоянии. Миновал я кое-как Польское королевство, где претерпел всякие утеснения в качестве вашего гонца. Два раза меня заарестовывали и обыскивали в надежде найти на мне какие-либо любопытные депеши вашей светлости... Доехал я затем спокойно до города Вильны... Тут меня лукавый и попутал... Вот я и виноват теперь еще пуще и горше.

— Так маркиз-то твой — поляк?— спросил князь.

— Наполовину. Даже меньше того. Да он все... Он и поляк, и немец, и венгерец...

— Ну... Угостил ты меня! Отблагодарил! Угостил. Спасибо... Продолжай... И голос князя зазвучал снова грозно.

Офицер продолжал.

Бродя по улицам Вильны, он случайно набрел на домик, из которого раздавались восхитительные звуки. Кто-то играл на скрипке.

Долго простоял Брусков около этого домика, точно пригвожденный к земле. Это дьявольское наваждение было. Враг человеческого захотел его погубить и толкал в дом музыканта, науськивал офицера звать и везти его в Россию вместо француза. Так он и сделал. Познакомившись с музыкантом, который оказался бедняком, по фамилии Шмитгоф, Брусков без труда, в один день уговорил его ехать и назваться маркизом Морельеном.

— Я полагал, ваша светлость,— закончил Брусков,— что вы, повидая музыканта, заставите его, любопытства ради, сыграть и, наградив, отпустите восвояси... И полагал я — всем оттого только хорошее будет. Вам послушать хорошего музыканта, мне быть женату, а бедняку Шмитгофу разжиться. Не думал я, что так выйдет, что и до матушки-царицы дойдет и коснется мой дерзостный обман...

Брусков замолчал.

Молчанье длилось долго.

— Простите...— лепетал Брусков.— Жизнью своей готов искупить прощенье...

— Жизнью? Все вы одно заладили... Что мне из твоей жизни? Что я из твоей жизни сделаю?— Князь перешел к письменному столу и собрался писать.

Он взял лист бумаги, написал несколько слов и, подписавшись с росчерком, бросил бумагу через стол на пол...

— Бери! Собирайся в дорогу.

Брусков поднял лист, глянул, и сердце екнуло в нем.

— Прочти!

Офицер прочел бумагу...

Это было предписание коменданту Шлиссельбургской крепости арестовать подателя сего и немедленно заключить в свободную камеру, отдельно от прочих, впредь до нового распоряжения.

Брусков затрясся всем телом и начал всхлипывать.

— Помилосердуйте!..— прохрипел он, захлебываясь от рыданий.— Помилосерд...

— Слушай!.. Ты с жидом вырядил меня в дураки. Если удастся мне ныне снять с себя сие одеяние, мало мне приличествующее, то я тебя выпущу, но на глаза к себе не пущу. Если не потрафится мне, не выгорит, то сиди в Шлюссе, кайся и чулки, что ль, вяжи. Но это еще не все. Ты должен отправляться тотчас, не выдавшись ни с кем и никому не объясняя, за что ты наказуем. Если твой христопродавец узнает, что я его раскусил,— то тебе худо будет. Никому ни единого слова... Понял?

Брусков прохрипел что-то чуть слышно.

— Ну, ступай и моли Бога в своей келье ежедневно и еженощно за свой обман.

XIII

А в то же утро музыкант-виртуоз и не чуял, какая беда стряхивалась на его приятеля и какая гроза надвигалась и на него, самозванца, по ребяческой беззаботности и смелости. Музыкант не чувствовал себя виноватым ни пред кем,

и совесть его была не только совершенно спокойна, но он даже восхищался своей предприимчивостью.

Молодой и красивый, талантливый и даровитый, но полуграмотный и невоспитанный, артист-музыкант был, собственно, дитя малое, доброе и неразумное, но с искрой Божьей в душе.

Когда он держал скрипку и смычок в руках и, опустив глаза в землю, как бы умирал для всего окружающего мира и возрождался вновь в мире звуков, в мире иных, высших помыслов и чувств, а не обыденных людских похотей и вожделений,— он перерождался... Он чуял, что в нем есть что-то, чего нет у них у всех... Когда же его скрипка и смычок лежали в своем футляре под ключом — и дивные звуки не хотели ни улечься в футляре около скрипки, ни уместиться на сердце или в голове виртуоза и прельщать оттуда людей. Они таинственной невидимкой скрывались и витали в мире Божиим, в ожидании, что их вновь вызовут и исторгнут из струн, натянутых на какой-то деревянной коробке,— за это время творец дивных ощущений был простой бедняк, который плотно ел, напивался, как губка, и спал сном праведников.

Самородок и самоучка — Юзеф Шмитгоф сказывался то немцем, то поляком, но в действительности был еврей. Отец его, портной и часовщик вместе, неизвестно когда перебрался в Вильно из своего родного города Франкфурта-на-Майне и тотчас перешел в католицизм и стал верноподданным королей польских вместе с женой и двумя детьми.

Авраам Шмитгоф если не был виртуоз на каком-либо инструменте, то был истинный виртуоз в создании своего благополучия, общественного положения, состояния...

Недолго он кроил и чинил кафтаны и камзолы или разбирали и чинил часы и орложи пановой и паней виленских... Через десять лет он был любимцем могущественного магната князя Радзивилла и, справив ему много тайных и важных поручений, получил в награду патент на капитана и стал, стало быть, шляхтич или дворянин. Именитый и щедрый крез своего времени, «пане коханку» произвел в дворяне, пользуясь своим правом князя Священной Римской империи, такое многое множество, что капитан Шмитгоф был явление заурядное. Главный надзиратель над охотой и псарней князя был из прирожденных крымских татар, привезенный Радзивиллу еще татарчонком, стал затем шляхтичем и, наконец, за три тысячи гульденов — и бароном, по патенту владетельного князя Гольштейн-Штирумского.

При смуте и безурядице во всем королевстве, благодаря тому что магнаты не хотели признать королем посаженного им насильно на престол дворянина Станислава Понятовского,— всякий пронырливый и ловкий авантюрист и проходимец мог быстро выйти в люди, разбогатеть и иметь даже известное значение.

Авраам Шмитгоф, капитан и шляхтич, по природе юркий, умный, хитрый и дерзкий, горячо служил делу Радзивилла и его единомышленников... Но в политике он понимал мало и не понял того, что совершалось в королевстве, и того, что должно внезапно совершиться.

Наступил первый раздел.

Вильна стала не Польшей, а Россией, и Шмитгоф очутился вдруг русским подданным...

Еще горячее стал он слушаться и служить верой и правдой Радзивиллу и его соучастникам в огромном предприятии освобождения Литвы от москалей.

Но через два года Радзивилл почти бежал за границу в Италию, доходы с его громадных поместьев были секвестрованы русским правительством, да и самые поместья рисковали перейти к Понятовскому в награду.

Шмитгоф остался в Литве и служил делу Радзивилла честно, неутомимо и горячо, как бы не еврей из Франкфурта, а природный шляхтич, поляк.

И в один ненастный осенний вечер Шмитгоф был схвачен, закован в кандалы русскими солдатами и отправлен в путь... Путь продолжался 14 месяцев. Он очутился среди камчадалов!.. Еще бы два месяца пропутешествовать ему, и он очутился бы в самой свободной стране мира — в новых Соединенных Штатах Америки! Но солдаты, везшие его в ссылку, дальше крайнего берега Камчатки не поехали, вероятно предполагая, что тут и конец миру, а вернее, потому, что начальство не приказало.

Что стало с Авраамом — жена его и сын Юзеф не знали. Отец однажды вечером приказал им приготовить себе теплого питья из яблоков от простуды и вышел из дому, чтобы вернуться через полчаса... Тут-то он и поехал в кандалах к камчадалам... С этого дня о нем не было прямых известий. Его считали и утонувшим, и бежавшим, и убитым, до тех пор пока такие же солдаты не выгнали женщину с сыном из ее дома, отобрав все в казну русского начальства. Тут узнали они, что муж и отец — шпион и изменник отечеству.

И двенадцатилетний Юзеф с большой, пораженной горем матерью очутился на улице, без куска хлеба.

Надо было подумать, как заработать себе пропитание. Мать поступила в богатый дом ключницей-экономкой, а сына отдала на хлеба к музыканту, так как он любил до страсти музыку. Юзеф стал наполовину учеником, наполовину прислугой. Он убирал горницу музыканта за его отсутствие, носил ему его контрабас, когда тот отправлялся играть на гуляньях или на вечерах, — но вместе с тем он учился и сам играть. Бросив вскоре контрабас и взявшись за скрипку, молодой Шмитгоф за один год пылкой, неустанной работы сделался замечательным скрипачом и 14-ти лет был уже приглашен на жалованье в городской оркестр. Жалованье было ничтожное, но мать могла теперь покинуть свое место в чужом доме, где с ней обращались дурно, и поселиться вместе с сыном.

Недолго прожила больная женщина. Скоро Шмитгоф остался один-одинехонек на свете. Заработок был скудный, а он любил иногда кутнуть со сверстниками, любил вино, любил немного и картежную игру... был поклонник прекрасного пола, у которого имел успех.

Его месячного жалованья хватало ему иногда как раз на одну неделю, остальные три он голодал, сидел в сырой и холодной квартире — зимой, а летом жил из милости в беседке парка одного магната. Виленские обыватели любили звать его и слушать на вечеринках, но денег почти не платили, а угощали ужином и вином.

Результатом беспорядочной порывистой жизни артиста явились неоплатные долги. В квартире его не было ничего, кроме одной пары платья, кое-какой мебели и двух смен белья.

Шмитгоф чувствовал, что если б он мог выбраться из Вильны куда-либо за границу — в Варшаву, в Дрезден или Кенигсберг, то наверное обстоятельства его поправились бы сразу. Не одни деньги, но и слава явилась бы к нему. Но выехать было не с чем. Он мечтал и собирался... Так шли из месяца в месяц — года, а из них незаметно накопился и десяток лет... Юноша давно уже стал мужчиной... А счастье все не улыбалось...

В этом положении застала его фортуна, когда постучалась к нему в квартиру в лице русского офицера Брускова.

Шмитгоф едва с ума не сошел от радости при неожиданном объяснении и предложении Брускова: съездить на неделю в Петербург и заработать деньги, необходимые для того, чтобы предпринять потом музыкальное путешествие по Польше и Германии.

Но надо назваться маркизом французским.

Что за важность. Москали ведь варвары! Тысячу раз слышал он от отца и матери, что Русская империя — та же татария, где самый первый и богатый вельможа ниже польского хлопа и крестьянина.

Если б Шмитгоф знал только одну свою скрипку — он не поехал бы. Но он еще при жизни отца, когда был у них не только достаток, но и излишек, много вертелся в лучшем виленском и окрестном помещичьем обществе и прилежно учился грамоте и наукам у иезуита местного монастыря. Способности у него были блестящие. Юзеф обучился от патера немного по-латыни и довольно много по-французски. Немецкий язык он знал с детства, ибо это был язык отца с матерью. А польский язык дался сам собой. К тому же — благодаря близости русской границы, а затем присоединению Вильны — русский язык начал проникать к ним. Всякий поляк имел про запас с сотню слов русских.

— Отчего не ехать попытать счастья! — решил Шмитгоф. А присвоить себе имя маркиза Морельена, выдать себя за француза и не ударить лицом в грязь среди петербургского общества при знании языков и при известной смелости в обращении — его не пугало.

— Ведь они, москали, — полудикие, — повторял он себе.

Тот же князь Таврический, к которому он поедет, знает чуть-чуть по-французски и с трудом говорит по-немецки.

И маркиз Шмитгоф-Морельен приехал.

XIV

Зубов не упустил случая посмеяться над врагом. На другой же день во дворце на приеме государыни он всем не бывшим на концерте рассказал, как князь Таврический угостил царицу. «Скрипач удивительный — слова нет, но это жид простой, а не французский маркиз», — объяснял Зубов всякому.

Государыня сама слышала его немецкую речь, вспомнила, как настоящие жида в Германии говорят по-немецки...

Узнав, что Зубов прямо рассказывает про смехотворный случай с князем, все гости его, бывшие на концерте, принялись тоже рассказывать, и только родня молчала, не желая срамить князя и не имея возможности опровергать диковинный с ним казус.

Через два-три дня вся столица знала про жида-маркиза Морельена и хохотала до упаду, не столько по своей смешливости или особой забавности случая, сколько из зависти к могущественному и надменному врагу.

Зубов и его ухаживатели торжествовали. В первый раз герой Тавриды давал случай посмеяться над собой. Многих он своей хитростью делал шутами, а теперь сам попал в довольно забавный просак.

Не будь он Потемкин — ничего бы не было особенного, что ошибкой вместо аристократа-маркиза — жида представил... Но ему и меньше этого не простили бы униженные им.

Князь между тем съездил к императрице, рассказал все подробно, что знал от Брускова, и просил прощенья, что необдуманно поступил. Он получил милостивый ответ.

Князь смеялся, шутил и острил на свой счет, но был задет за живое. Он вернулся к себе и не велел никого принимать...

Он сердился и бесился, как школьник, который, напроказив, сознается внутренно в своей вине, но не может примириться с заслуженным наказанием.

Когда доложили князю об его любимой племяннице Браницкой, он принял ее и излил перед ней свою горечь. Графиня напрасно успокаивала дядю, убеждая, что не стоит печалиться от такого пустяка.

— Обида... Обида... — твердил князь. — Что ж, кто будет учить меня

приличиям и порядкам?.. Я теперь до тех пор не буду покою иметь, пока не отомщу, их всех в дураки не выряжу.

— Как же тут отомстить? И какая польза? У вас, слава Богу, довольно врагов!— возразила графиня.— Да и нельзя отомстить.

— Почему это...

— Я понимаю месть в этом случае лишь такого рода, чтобы вы, как называется, отплатили тою же монетой... А что ж будет хорошего, если вы просто начнете мстить... Все-таки случай смешной останется.

— Их самих на смех поднять!— раздражительно сказал князь.

— Ну да... Но это невозможно, говорю я.

— Трудно... Но невозможного ничего нет... Одурачить всякого можно.

— Полноте, дядюшка,— ласково заговорила Браницкая.— У вас и без этого есть о чем думать...

— Все своим чередом... Одно другому не помешает.

— А дело великое будет стоять из-за пустяков!— укоризненно выговорила Браницкая.

— Говорю тебе, что не будет отсрочки никому в моей отместке.

— Давай Бог!.. А все ж таки вы, дядюшка... Простите... Вы что малый ребенок бываете.

— Не груби, Сашенька,— шутя произнес князь и нежно поцеловал в лоб любимицу.

— Да ничего нет...— шепнула Браницкая.

— Не переупрямишь... Есть. Есть...

Графиня уехала от дяди с надеждой, что он «остынет», как многие выражались про князя, впечатлительного и непостоянного.

Между тем виновник этой досады и волнений был счастливее и веселее чем когда-либо. Наконец-то фортуна посетила его и сразу возвысила и дала все... Шмитгоф процветал!..

Давно ли он сиживал одинок и впроголодь в маленькой холодной квартире в Вильно или играл на вечеринках разных панов, которые платили ему подачками пирогов и жаркого от своего ужина. А теперь... Он помещается в двух горницах дворца; у него свои лакеи и скороход... Наконец, у него деньги, которых некуда девать. После первого же раза, что он играл у князя в кабинете, домоправитель Спиридонов, или простой дворецкий, но важный человек в позументах — принес ему от князя сто червонцев...

Шмитгоф уже тотчас по приезде разузнал, есть ли в столице Московского царства трактиры и герберги, и, к своему удовольствию, убедился, что есть такие, каких нет и в Вильно. Вскоре все вечера свои виленский маркиз проводил в герберге «Цур-Штат-Дандиг» на Невском, где не замедлил и свести знакомство с разными офицерами. Здесь же бывал с ним до ареста и кутил на его счет его благодетель Брусков.

Теперь, после игры в присутствии императрицы, Шмитгоф, однако, недоумевал. Уже несколько дней как друг его исчез бесследно из столицы. И никто не знал, где Брусков. Даже адъютанты князя, даже главный швейцар дворца, хитрый невшателец и всезнайка — не знали, куда девался офицер.

XV

Прошло две недели после злополучного концерта. Князь никуда не выезжал, но принимал всякий народ и, глядя в лицо появлявшегося в его кабинете, иногда думал:

«И этот знает небось. И тоже радуется, да меня в шутках поздравляет про себя».

Иногда мысль эта приходила ему в пылу серьезного и важного разговора. Однажды, споря с австрийским резидентом о смысле обещаний, данных еще недавно России покойным теперь императором Иосифом II, князь вдруг заплунул. Он вспомнил, что его маркиз — тоже Иосифом называется... И он, перебив цитату резидента из конвенции Австрии с Россией, спросил:

— А вы слышали, какой у меня в доме эмигрант-маркиз оказался?..

Резидент слышал, конечно, но давно забыл и теперь сразу не понял... А когда понял, то подумал невольно:

«Пустой человек — считается гениальным. Говорит о деле политического интереса, и вдруг на глупости мысли перескачут...»

Резидент ошибался, глупости укладывались в этой русской голове рядом с великими помыслами, ширь которых изумляла царицу.

Наконец однажды, в приемный день, один посетитель рассеял вполне его хандру и вывел почти совсем из угнетенного состояния духа. Это был грек Ламбро-Качиони, снова явившийся к князю с хорошими вестями.

Четыре из его крейсеров с волонтерами из критян и фессалийцев совершили ряд подвигов в Архипелаге.

Потемкин оживился, достал огромную карту и стал искать места, которые называл Ламбро-Качиони...

Разговор быстро перешел в жгучий для князя вопрос.

— Что нового?— спросил грек.

И князь понял, что дело идет о согласии царицы на продолжение войны с Турцией.

— Ничего... Я бьюсь... Надеюсь. Врагов у нас много. Куда ни обернись — всюду друзья султана Селима!— усмехнулся князь.— Из трущоб даже приходят жалобы россиян, жаждающих замирения; дворянские собрания присылают депутатов просить правительство заключить с Портой мир. Что им — будет ли сокрушен полумесяц православным крестом или нет? Им за свои имения в новом ломбарде побольше получить... да поменьше платить... А какой-то идол пустил слух, что правительство от расстроенных войной финансов велит повысить процент ломбарда.

— Я слышал вчера, ваша светлость,— заявил Ламбро,— что от Платона Александровича отправлен к Репнину на сих днях особый гонец с письмом... Его приближенный человек из родственников...

— Ну, что ж?

— Прежде он не посылал таковых. И письмо, сказали мне, пространное. И его все Зубов написал собственноручно, просидев за грамотой четыре вечера.

— Откуда ты это знаешь?

— От его камердинера. Мне эта весть двадцать червонцев обошлась.

Потемкин посмотрел на лицо грека, помолчал и наконец вздохнул и подумал:

«Да... Не то стало...»

Отпустив грека, князь снова долго сидел задумчивый, почти грустный.

Наконец адъютант доложил князю, что просителей очень много.

— Шведский гонец просил доложить!— сказал офицер.— Говорит, что ему очень ждать нельзя. Некогда!

— А-а?— протянул князь иронически.— Хорошо... Так и знать будем.

Офицер прибавил, что в числе прочих просителей находится дворянин Саблуков.

Потемкин вспомнил, что выхлопотал в сенате для дворянина справедливое решение его дела.

«А ведь это будущий тесть моего поганца Брускова, — подумал он. — Вот уж добром за зло плачу... Что ж? По-христиански...»

И он прибавил адъютанту:

— Благодарить явился? Скажи, что не стоит благодарности. Пушай с Богом едет к себе в вотчину и спокойно землю пашет да хлеб сеет. А швед пусть позлится еще...

Адъютант вышел и тотчас снова вернулся, докладывая, что Саблуков слезно молит князя допустить его к себе... ради важнейшего челобития...

— Опять челобитие? Что ж у него, другая тяжба, что ли? Зови!

Дворянин Саблуков вошел в кабинет и стал у дверей.

— Ну, поздравляю... Победили ябедников... Что же тебе еще от меня?

— Ваша светлость — Бог наградит вас за ваше добросердие... Да. Я получил извещение... Достояние мое спасено... Правда торжествует, закон... Но счастья и спокойствия нет в моей семье. Дочь моя старшая в безнадежном состоянии. Помогите... Троньтесь мольбою старика-отца...

Саблуков опустил на колени...

— Я-то что же могу...

— За спасение достоянья своего не молил вас коленопреклонением... А теперь вот...

— Дочь больна у вас, говорите вы?

— Да-с... И не выживет, сказывают здешние медики... Помогите...

— Да я... Я в медицине — что же? — заметил Потемкин, смеясь.

— Тут не лекарства нужны... Тут душевная болезнь. И вы одни можете ее поднять на ноги, возвратить ей сразу жизнь...

— Объяснитесь...

Саблуков объяснил коротко, что дочь его уложила в постель весть об участи, постигшей ее возлюбленного...

— Брускова... Заточение в крепость...

— Да. Помилосердуйте. Спасите... Умрет моя Олюшка — я не переживу.

Наступило молчанье. Саблуков плакал.

— Меня Брусков дерзостно обманул...

— Нет. Вы желали диковинного музыканта услышать, он вам такого и доставил.

— Да зачем с чужим именем? Зачем за дворянина выдал...

— Это в счастья так рассуждают! — воскликнул Саблуков. — Я горд был тоже всю жизнь моим дворянским состоянием, а теперь — вот вам Господь — сейчас в жиды пойду, в крепостные запишусь, только бы мне дитя спасти единокровное... У вас не было детей, ваша светлость!

Князь встрепенулся, будто по больному месту его ударили. Лицо его слегка изменилось. Снова стало тихо в кабинете.

— Да... — проговорил князь. — Думаю, что... Думаю... что я...

Князь замолчал и спустя мгновение прибавил, вставая и направляясь к столу:

— Ну, поедem лечить твою Олюшку. Своих детей нет — видно, надо чужих баловать...

Саблуков вскочил на ноги и бросился к князю, но не мог сначала ничего выговорить...

— Вы?! Ко мне?! Сейчас?!

— Вестимо, к твоей больной. Повезу лекарство. Дай прописать.

Князь сел за письменный стол и написал несколько строк: приказ шлиссельбургскому коменданту освободить содержащегося у него Брускова.

— Ну, ступай. Жди меня в зале. А поеду я сам к тебе потому, что хочу видеть,

как подействует мое лекарство. Если плохо, то, стало быть, оно не по хворости и не годится. Тогда выдумывай другое, от другого дохтура.

Саблуков, восторженно счастливый, вышел в залу.

Князь перешел от стола к софе, лег враспяжку, и когда, по выходе Саблукова, появился в дверях адъютант, князь вымолвил:

— Шведа давай...

Адъютант вышел, и через минуту в кабинете появился офицер в иноземном мундире. Быстрыми, развязными шагами вошел он и остановился, озираясь на все стороны. Софа была в глубине комнаты и не сразу попала ему на глаза. При виде лежащего князя офицер гордо выпрямился.

Это был военный агент и гонец, только что присланный в Петербург королем шведским с весьма, как ходила молва, важным поручением к русскому двору. Князь уже слышал о приезде шведского гонца и знал, что он принадлежит к знатному роду, а дядя его по матери стоит даже во главе партии «шляп», сломившей автократизм и самовластье шведских королей. Переговоры с этим гонцом Швеции могли быть важнее по своим результатам, нежели сношения с самим королем Густавом III, так как за коноводом, т. е. дядей гонца, стояла национальная партия, сильная, сплоченная и только что вышедшая победоносно из борьбы с монархом. Порученье, ему данное, князь подозревал... Дело шло о правах торговых для шведов и норвежцев в Белом море и Архангельске.

— Salut, general! — выговорил князь, не двигаясь с софы.

— Барон Эйгерштрот, — рекомендовался военный холодно.

— Садитесь... Что вам угодно... — продолжал князь по-французски.

Офицер сел на кресло пред богатырем, лежащим враспяжку на диване, и в нем так забушевало негодование, что он несколько мгновений молчал. «Что, ошибло! — думал князь, мысленно смеясь... — Благодетельствовать России приехал».

Королевско-шведский гонец начал несколько сухо свою речь о деле, с которым приехал... Князь дал ему только начать, и как посланец упомянул об интересах Архангельска и Беломорья в частности и Российской империи вообще, — князь прервал его.

— Вы об наших выгодах мне ничего не говорите — это наше дело. А вы об своих выгодах говорите.

Швед начал еще более сухо и холодно говорить о взаимных выгодах и пользе — двух наций. Он уже увлекся было в разъяснении благотворных последствий от нового соглашения между двумя соседними державами, когда князь вдруг выговорил:

— Теперь у государыни столько важных вопросов, подлежащих решению, что нам этим некогда заниматься... Скажите — как здоровье принца Зюдерманландского?

Швед изумленным взором глянул на князя, а князь вдруг начал добродушно смеяться:

— Знаете... После подвигов Чичагова в ревельском сражении наши матросы и солдаты захотели узнать имя командира неприятельского флота. Узнав, они его прозвали по-своему. Принц Сидор Ермолаич!.. Мне ужасно жаль, что я не могу вас, не знающего русского языка, заставить оценить это прозвище... Принц Зюдерманландский — принц Сидор Ермолаич.

Барон Эйгерштрот поднялся с кресла, выпрямился, поклонился одним движеньем головы и вымолвил:

— Очень рад, что имел случай лично видеть знаменитого князя Потемкина. Много я слышал не раз о нем от соотечественников и от иностранцев, бывших в России, но собственного мнения иметь не мог. Теперь я рад, что могу иметь и высказывать другим суждение, вынесенное из настоящего свидания. Из-

вините, что обеспокоил вас. Благодарю за вежливый и радушный прием. Обращение ваше меня очаровало, и я уношу впечатление, которое не изгладится из моей памяти. Я видел истинного русского вельможу!.. Завтра я сажусь обратно на корабль и отвезу ваш ответ моему государю.

— Да... И поблагодарите его величество за его неусыпные попечения о русских интересах...

Швед повернулся и, выйдя из кабинета, быстро прошел всю залу... Его лицо, бледное, с пятнами, сверкающий гневом взгляд немало удивили толпу, ожидавшую приема. Князь сел между тем за свой стол, веселый и улыбающийся, и продолжал прием.

Он принял еще около десятка человек и, отказав остальным, пошел одеваться. Через четверть часа, в своей всегда пышной одежде, залитой золотом, алмазами и орденами, он вышел к Саблукову.

— Ну вот! Давай баловаться. Как у господина Мольера в лицедействе «Le medecin malgre lui».

И, посадив смущенного от счастья и радости старика в свою коляску, князь двинулся в город, где не был уже несколько дней.

Воздух, тепло и яркое солнце подействовали на добровольного затворника. Он оживился и начал шутить с Саблуковым, а потом и с Антоном-кучером.

XVI

Через полчаса быстрой езды коляска и конвой князя въехали во двор небольшого барского дома, желтенького и полинялого, стоявшего в глубине зеленого двора. Переполох в доме сказался сразу. Первая же душа человека, застигнутая на крыльце — баба, парившая горшки, — бросила обтираемый горшок обземь при «наваждении» на дворе и, заорав благим матом: «Наше место свято...», шаркнула в сени как ошпаренная.

Но там дети и домочадцы уже все сами видели и тоже голосили и швырялись.

Госпожа Саблукова как стояла среди горницы, так и присела на пол без ног.

— Полноте, дурни! Полноте, барыня! Чего оробели? Бог с вами, — выговорила маленькая и красивая девушка, но странно одетая, будто не в свое, а в чужое платье, которое болталось на ней, как мешок. — Барин наш с вельможей приехал... Это на счастье, а не на горе. Господи помилуй! Да это он! Сам! Светлейший! Барыня, радуйтесь! Креститесь! Молитесь!

И живое, бойкое существо, будто наряженное, а не одетое, ухватило длинный подол платья и, перебросив его себе через плечо, начало прыгать и припевать:

— На счастье! На счастье! На Олюшкино счастье.

На ногах этого танцующего существа были татарские шальвары и туфли. В дом вбежал первым сам хозяин и крикнул:

— Жена, Марья Егоровна... Его светлость...

Саблукова дрожала всем телом... но, приглядысь к лицу мужа, которого двадцать лет знала и любила, она быстро от перепуга и отчаяния перешла в восторженное состояние...

— Зачем... милость... Олюшке? — прошептала она со слезами на глазах. Саблуков махнул рукой.

— Ну, живо... Приберитесь... Вы! Вон отсюда! Господь услышал мою молитву... Увидишь, жена. Живо! Вон! Все!! Саркиз! Ты чего глазеешь... Вон! — крикнул Саблуков на бойкое существо.

Все бросились из приемных комнат в другой угол дома... Хозяйка, забыв свои сорок пять лет, пустилась рысью в спальню переодеваться в новое шелковое

платье. Саблуков, оглядев горницу, чтобы убедиться, все ли в порядке, побежал принимать князя, стоявшего между тем перед своим цугом и беседовавшего с фореитором.

— Пора тебе, лешему, в кучера...— шутил князь ласково.— Ишь, рыло обратять начало... Давно женат уж. небось, собачий сын?

— Как же-с.

— И то... Помню.. На Пелагейке, что из Смоленской?

— Никак нет-с,— вмешался Антон.— Она из нашей же, из степной вотчины.

— Вашей родительнице причитается крестницей,— прибавил фореитор.

— Так! Помню. Пелагейка косоглазая,— заговорил князь.— Дети есть...

— Двое было. Да вот учерась третьего Бог послал.

— Ну, меня зови в крестные...

Фореитор встряхнулся в седле от радости и, быстро взяв повода в одну руку, хотел снять шапку. Сытый и бойкий конь рванулся от взмаха руки седока... И весь цуг заколыхался...

— Нишкини! Смирно!— крикнул князь строго.— Смотри, чего натворил. Фореитор в седле что солдат на часах — не токмо шапку ломать, а почесаться не смей... Так ли я сказываю, Антон?

— Истинно, Григорий Лександрыч!— отозвался Антон.— Пуще солдата... Солдат на часах, бывает, пустое место караулит, а тут у фолетора покой и самая жисть светлейшего князя Потемкина. Да это он с радости сплоховал, а то он у нас первый фолетор в Питере. С ним кучер хоть спать ложись на козлах.

Между тем Саблуков успел уже вернуться из дому и стоял за князем в ожидании. Потемкин приказал своей свите оставаться на дворе и вошел в подъезд.

Хозяйка встретила князя раздетая в «гродетуровое» платье, которое она надевала только к заутрени в Светлое Христово Воскресенье да на рождение мужа. За Саблуковой стояла вновь собравшаяся толпа человек в двадцать пять, чад и домочадцев, и все робко и трепетно взирали на вельможу, готовые от единого слова его и обрадоваться до умарешения, и испугаться насмерть.

Князь ласково поздоровался с хозяйкой, оглянул всех и спросил: что дочка?

— Плохо, родной мой, сказывал сейчас знахарь, что она... кормилец ты мой...— начала было Саблукова, но муж вытарачил на нее глаза, задергал головой и показывал всем своим существом ужас и негодование. Жена поняла, что дело что-то неладно, и смолкла, конфузясь.

— Могу я ее видеть, сударыня?

— Как изволишь, кормилец...

Саблуков, стоя за князем, опять задергал головой и замахал руками.

— Простите, ваша светлость!— вмешался он.— Жена к светскости не приобькла... Сказывает не в урон вашей чести, а по деревенской привычке...

— И полно, голубчик! Родной да кормилец — не бранные слова. Идем-ка к дочке.

Пройдя гостиную и коридор в сопровождении хозяев и всей гурьбы домочадцев, князь очутился наконец в маленькой горнице, где у стены на постели лежала молоденькая девушка... Ее предупредили уже, и она, видимо слабая, но потрясенная появлением нежданного гостя, смотрела лихорадочно горящими глазами.

— Ну, касатушка,— подступил князь к кровати.— Ты чем хворашь... Отвечай по совести и по всей сущей правде. Зазнобилась аль обкушалась?

Девушка молчала и робко озиралась на мать и отца, стоявших позади князя, и на всю толпу, которая влезла в горницу и глазела, притаив дыхание.

Князь сел на кресло около кровати.

— Отвечай мне. Я доктор. И могу тебя в час времени на ноги поставить... Возлюбленного у тебя в крепость посадили. Так?

Бледное лицо Оли вспыхнуло румянцем, глаза блеснули, и она еще испуганнее озиралась.

— Хочешь ты — он будет через двое суток здесь?.. Выпущен... И тогда, если родители согласны, можешь под венец одеваться...

Девушка затрепетала всем телом и так поглядела князю в лицо, что сомнения не было. Она может выздороветь в несколько мгновений.

— Ну вот, бери, красавица... — подал князь больной бумагу, достав из-за обшлага мундира.

— Это приказ выпустить из Шлюшина твоего жениха... Смотри же, к его приезду будь на ногах. А будешь лежать да недужиться — я его опять заарестую.

— Нет... нет! — выговорила Оля и быстро села на постели. Глаза ее сияли.

— Я сейчас! Сейчас!.. Я здорова!

Князь рассмеялся.

Саблуковы со слезами счастья на глазах бросились целовать его руки. Потемкин отбил от них и, оглянувшись на толпу, глазевшую с порога и из-за растворенных настежь дверей, переглядел все лица. Тут были и крошечные дети, и уже большие девочки и мальчики, и взрослые, и старые няньки. Все они как-то дико уставились на князя и его великолепную одежду.

Князь высунул им язык. Толпа рассмеялась и стала глядеть смелее.

— Брысь!.. — вскрикнул он.

Все расхохотались, попятились, но остались в дверях и за дверями. Князь увидел на маленьком столике около постели большую кружку с водой. В один миг он приподнялся, взял ее и выплеснул веером в толпу домочадцев... Визг, хот-хот поднялся страшный, но князь встал и запер дверь.

Саблукова, смущаясь, предложила князю отведать хлеба-соли и пройти в гостиную, где уже хлопотали давно две женщины. Князь был сыт, но отказать значило бы обидеть.

— Давайте, хозяйшюка... Только уж лучше сюда. Я и есть буду, и на вашу Олюшку поглядывать. Оно и вкусней будет.

Люди внесли в двери уже накрытый стол, заставленный всем тем, что только у хозяев могло найтись в погребе и кладовых — от холодного поросенка в хрене и оладий на патоке до разнокалиберной смоквы и обсахаренной в пучках рябины.

— Не побрезгуйте, ваша светлость... — прошептала Саблукова. — Чем Бог послал...

Князь чувствовал себя настолько сытым, что не знал, как ему отбыть эту повинность гостя и российских хозяев. На его счастье, в числе прочих закусок оказалось его любимое кушанье — соленые рыжчики с приправой из выжимок черной смородины.

— А!.. Вот этого я отведаю с отменным удовольствием, — сказал князь и, проглотив несколько грибов, вымолвил, оживляясь:

— Диво. Ей-Богу, диво! Вот хоть зарежь ты ученого повара, он такое блюдо не выдумает... Что ж вы? Садитесь.

Хозяева, почтительно радуясь, стояли около стола.

— Садитесь, кушайте... — настаивал князь. — А то встану и уеду... Вот вам Христос — уеду!

Саблуковы, после долгого отнекивания, сели к столу, но есть, конечно, ничего не стали. Князь быстро и охотно очищал тарелочку с рыжичками и стал спрашивать Саблуковых, каким образом могла начаться та ябеда и тяжба, которая привела всю семью в столицу и чуть было не лишила всего имущества.

В то же время на другом конце дома раздавались все сильнее веселые голоса, крики и залпы детского смеха... Саблуков тревожился, морщился, внутренне бесился на эту вольность своих домочадцев, но оставить князя и унять озорников он не мог. Наконец он дал понять мимикой жене — глазами, бровями, чтобы она сходила прекратить «срамоту».

Саблукова встала.

— Куда?.. Не пушу...— догадался князь.— Сидите, хозяйюшка... Я смерть люблю это!.. Пускай голоса.

— Простите, ваша светлость.

— Негу мне пущего удовольствия, как слушать детскую возню и хохотню. Это ваши дети?

— И мои тут... И родственника женина... Сиротки...

— Много ль всех у вас детей?

— Одиннадцать со старшей, замужней,— самодовольно ответила Саблукова,— да внучат еще трое...

— И всегда так заливаются... То-то весело этак жить,— вздохнул вслух князь и слегка надулся, будто от тайного помысла, который скользнул нечаянно по душе.

Наступило мгновенное молчание.

— Саркиз все...— выговорил вдруг Саблуков.

Князь встрепенулся и, придя в себя, почти сумрачно глянул на хозяина.

— Маркиз... Что? Маркиз?..

— Саркиз, ваша светлость... Простите. Я пойду сейчас уйму...

Хозяин встал, смущаясь от взгляда гостя, но князь тоже встал и уже улыбался.

— Маркиз... Саркиз... Похоже... Это что ж такое — Саркиз?

— Имя. Прозвище, ваша светлость. Это у меня калмычонок так прозывается. Отчаянная голова. Это все он мастерит в доме с детьми. Первый затейник на всякую штуку. Такая голова, что даже, верите, подчас удивительно мне. Все у него таланы. И пляшет, и поет, и рисует, и на гитаре бренчит. А ведь вот татарва, и еще некрещеный...

— Отчего?— рассеянно спросил князь.

— Не хочет...— пожал плечами Саблуков.

— Как не хочет?— оживился князь.— Калмык и не хочет креститься в нашу христианскую веру? Это что ж?

— Что делать... Я уже ломал, ломал и бросил...

— Не годно... Вы ответите пред Богом, что его душу не спасли. Будь он теперь у себя — иное дело. А коли уж у вас — то след крестить.

— Не могу уломать!

— Пустое. Где он... Пойдем... Я с ним потолкую и усовещу.

И князь двинулся вперед на голоса, которые еще пуще заливались за дверями, где была зала.

XVII

Среди простора горницы возилась гурьба детей мал мала меньше, от 6-и до 15-летнего возраста, а с ними вместе несколько девчонок горничных, два казачка, кормилица с грудным ребенком и старая седая няня.

Центром всей возни была та же красивая фигурка, по-видимому, наряженная ради потехи в голубое шелковое платье барыни. Она маршировала теперь по зале, размахивая длинным шлейфом, с огромным чепцом на голове, с веером в руках и, очевидно, что-то представляла на потеху детей.

Появление князя на пороге залы действовало как удар грома. Все сразу

притихло, оторопело и осталось недвижно в перепуге. Оглянув гурьбу детей, князь тотчас заметил красивую девушку в голубом платье и стал искать глазами калмыка, о котором шла речь.

— Какая хорошенькая! Шутихой, что ли, у вас?— спросил он.— Ну, где же строптивый-то?

— Саркизка, иди сюда!— строго приказал Саблуков.

Фигурка в голубом платье виновато выдвинулась из гурьбы детей, но светлые глаза смотрели бойко и умно.

— Какая прелесть девчонка!..— выговорил князь, забыв о калмыке.— Не русская, однако. Видать сразу — не русская. Татарва, а иному молодцу и голову вскружить может.

— Простите, ваша светлость,— заговорил Саблуков.— Это не...

— Невеста ведь,— перебил князь.— Небось уж лет шестнадцать, а то и семнадцать. Ну, отвечай, красотка, сколько тебе лет?

Князь взял ее рукой за подбородок и приподнял вверх хорошенькое личико. Все в ней было мило и оригинально. И этот вздернутый носик, и белые, как чистейший жемчуг, зубы, и смугло-розовый, с оранжевым оттенком, цвет лица, и выющиеся мелкими кольцами золотистые волосы, а в особенности, страннее всего, светлые, добрые, но лукавые глаза какого-то оригинального синего цвета.

— У русских вот девушек таких глаз не бывает,— сказал князь.— Хочешь замуж, касатка... Небось только это и на уме?— ласково прибавил князь и продолжал гладить и водить рукой по смугло-румяной щеке маленькой красавицы.

— Простите, ваша светлость,— вмешался вновь Саблуков, смущаясь...— Это он и есть... А не девица... Он это...

— Кто он?— спросил князь, озираясь.

— Он самый. Саркиз мой... Ну, ты!— прикрикнул Саблуков.— Полно при князе скоморошествовать. Скидай скорее упряжку-то шутовую...

Князь стоял слегка раскрыв рот и, ничего еще не понимая, взглядывал то на хозяина, то на хорошенькую девочку.

Но вот она быстро расстегнула лиф чужого платья, одним ловким движением стряхнула с себя все на пол и сбросила уродливый чепец. Из круга тяжелых складок женского платья, как бы из заколдованного круга волшебника, вдруг выскочил на глазах у князя маленький калмык, в своем обычном наряде — куртке, шальварах и ермолке.

— Тьфу... Прости Господи!— выговорил князь.— Хоть глаза протирай. Обморочил...

— Да-с. Это точно...— заговорила хозяйка.— Завсегда все этак... Уж простите. Мы не знали...

— Так ты калмык... Калмычонок?— невольно выговорил князь, как бы все еще не веря своим глазам и желая убедиться вполне, что красавица-девушка исчезла, как виденье, а ее место заступил калмычок.

— Я-с... Виноват... Детей веселил...— проговорил калмычок развязно, но простодушно.

— Удивительно. Я таких никогда не видывал. Удивительно,— повторял князь.— Все калмычата — уроды. А этот — прелесть какой... А глаза-то... глаза...

— Диковинный, ваша светлость... Я говорю, жаль, что он девушкой не уродился. Свое бы, поди, счастье нашел.

А князь молчал и все смотрел на калмычонка. Ему показалось, однако, необъяснимым — каким образом он мог так грубо ошибиться и начать ласкать как девочку простого калмыка. И вдруг ему пришло на ум простое подозре-

ние: «Что, если старый Саблуков держит в доме татарку, одетую калмычком? Такие примеры бывали нередко».

— Так тебе имя Саркиз? Ты калмык Саркиз?— спросил, наконец, князь, усмехаясь своему подозрению.

— Я Саркиз, ваша светлость.

— Ты, щенок, креститься не хочешь?

— Нет, не хочу!— смело ответил тот.

— Вот как?.. Почему же это? А?

— У меня своя вера есть!— бойко отрезал Саркиз. И его оригинальные глаза смотрели на князя прямым, открытым взглядом, отчасти наивно-смелым.

Князь видел, что это не напускная дерзость избалованного нахлебника, а совершенно естественная самоуверенность, глубокое сознание собственной силы.

— Да твоя вера туркина, а не Христова,— сказал он, улыбаясь.— Это не вера...

— Магометов закон. Не хуже других...— отрезал Саркиз.

— Ах ты...

И князь чуть было не ругнулся.

— Ах ты... прыткий... Скажи на милость,— поправился он.

— Магомет был пророк великий, посланец Божий,— заговорил Саркиз серьезным голосом.— Но он не говорил, что он Сын Божий, и миряне его за такого не стали считать...

И, помолчав мгновение, красивый калмычонок прибавил:

— Учение Магометово почти то же, что и Христово. В нашем Коране, почти-тай, половина учит тому же, что и Христово учение. Коли изволите, я вам укажу и поясню.

Князь не знал что ответить. Удивителен был чрез меру этот калмычонок, который сейчас тут в барынином платье, паясничал на потеху детей, а теперь звучным, серьезным, хотя особенно мягким, точно женским голосом толкует об вероучении Корана.

— Вот он у вас какой!— нашелся только выговорить князь, обращаясь к хозяевам.

— Диковинный, ваша светлость...— отозвался Саблуков.— Умница.

— Сколько раз из беды выручал...— вставила робко хозяйка свое словечко.

— Как тоись выручал?

— Советом,— объяснил Саблуков.— Как у нас что мудреное — мы к нему...

И никогда еще дурного или малоумного не заставил нас учинить. Завсегда развяжет всякое дело на удивление. Талан. Мы за то его и любим как родного и не трогаем. Не хочет креститься, ну и Бог с ним. А поступлениями он все одно что христианин, только молится да постится на свой лад.

Светлейший покачал задумчиво головой, но не словам Саблукова, а на свои мысли...

«Чуден!.. Чудное бывает на свете!— думалось ему, глядя на стоящее пред ним оригинальное существо.— Кого иногда Господь-то възьмет. Если он и впрямь калмычонок, купленный, поди, на базаре каком-нибудь в Казани или Астрахани! И умен, и красив, и речист, и смел... А все это пропадает и пропадет... Для калмыка-приживальщика и шута такое лицо не нужно. Ум и таланы тоже почти не нужны. Природа одарила и подшутила — сделала человеком, как ему быть следует, а в люди выйти не дает... Что он? Татарчонок!»

— Ну, Саркиз, ты, голубчик мой... явление чудесное. Видимое объявление

чудес природы на земле,— медленно выговаривал светлейший, как бы подыскивая слова для выражения своей мысли.— Тебе надо называться не Саркиз... а Каприз. Каприз Фортуны.

Саркиз глянул вельможе прямо в глаза, и князю почудилась вдруг в красивых глазах его и на хорошеньком личике дымкой скользнувшая печаль.

— Ты знаешь ли, что я сказываю? Что такое Фортуна?

— Знаю-с.

— Знаешь? А ну-ка, скажи... Скажи...

— Что же сказать?.. Фортуна — наименование таких непредвидимых удач ли, напастей ли — кои с человеком сбываются... Фортуна, сказывают в шутку, — баба молодая да шалая. Порох-девка. Творит не ведает что... Бегает по миру без пути, творит без разума. Что учинила учерась — не помнит; что учинит наутро — не знает. Да что... Так надо пояснить: она, стало быть, на удивление всему миру мудреные и неразгаданные литературы пишет... вилами по воде...

— Что? Что? Что?..— медленно проговорил князь, пораженный ответом.

Саблуковы начали смеяться добродушно, очевидно, принимая слова любимица за болтовню. Гурьба детей тоже весело усмеялась тому, что их Саркизка князю докладывает так бойко и речисто.

— Как вилами по воде?..— повторил князь.

— От многих удивительных на свете делов Фортуны,— выговорил Саркиз серьезным и отчасти грустным голосом,— не остается ничего... Пшик один.

— Пшик?

— Знаете, кузнец хохлу за червонец пшик продавал... Сперва червонец получил, а там раскалил добела железо да в воду и сунул. Вот, мол, держи пшик!— А где же?— А был... Ты чего зевал — не ловил? И видел и слышал хохол этот пшик... А в руки взять не смог.

Саркиз замолчал и смотрел на князя по-прежнему просто, прямо, но все-таки будто задумчиво-уныло. А светлейший князь Таврический совсем понурился, задумался, совсем затих, сидя на стуле, и будто забыл, что сидит пред калмыком и гурьбой детей в доме Саблукова.

По больному ли месту его души, по слабой струне зацепил этот диковинный татарчонок?..

— Продай мне его,— выговорил наконец князь, придя в себя и оборачиваясь к Саблуковым.

Хозяин как-то встрепенулся, хотел что-то сказать и кашлянул, хозяйка двинулась и охнула... Вся гурьба детей сразу перестала усмеяться, все лица насупились печально и испуганно стали глядеть на вельможу.

Наступило полное затишье и молчание.

— Что ж? А?

— Как прикажете...— пролепетал наконец Саблуков, совершенно смутясь.

— Приказывать в таком деле нельзя...— сказал Потемкин.— Жаль вам его! Вижу. А вы пожертвуйте. Я вам все ваше достоиние вернул. Отблагодарите меня вот Саркизкой...

— Вестимо. Извольте!.. Честь великая,— вдруг забормотал Саблуков.— И Саркизке счастье. Что ж он у нас в деревне. Запропадет. А у вас, поди, и в люди выйдет.

— Ну, спасибо. Не надо. Я пошутил. Вижу, как он вам дорог, и отымать не стану.

Саблуков развел руками, не зная, что отвечать.

С трепетом и смущением на сердце переступило порог Таврического дворца юное существо, одаренное природой будто в шутку,— умный и красивый калмычок Саблукова.

Вечером того же дня, что князь побывал у дворянина, он послал за своим наперсником Бауром.

Лукавый, ловкий, но скромный и мастер на все руки, он всегда служил князю в особо важных делах.

— Важнеее пустяковинное дельце!— говорил князь Бауру.— Смотри, не опростоволоситься! Дело выеденного яйца не стоит, а мне важно!

Последнее «сакраментальное» выражение Потемкина было теперь мерилom всего.

Полковник Баур знал лучше всех, как рядом с этим ежечасным помышлением князя, этим его насущным вопросом явились на очередь большие и мелкие затеи и прихоти, в которые баловень судьбы влагал всю свою душу так же пылко и капризно, как и в важнейшее дело.

И Баур достал и сманил калмычка саблуковского.

Вступив во дворец маленьким ходом, а не чрез парадный подъезд и швейцарскую, Саркиз следом за Бауром прошел чрез вереницу маленьких горниц, минуя толпы обитателей, прямо к князю на половину. Здесь они оба прождали около двух часов, пока князь объяснялся в кабинете с посетителями.

Наконец князь вспомнил о Бауре и Саркизе, ожидающих его, и приказал позвать. Калмычок появился, пытливо озираясь.

— Ну, здравствуй, умница,— сказал князь,— вы познакомились...

— Точно так-с,— отозвался Баур, шутя.— Мы с ним совсем приятели. И у меня на дому, и здесь беседовали.

Светлейший, улегшись на огромной софе враспяжку, снова начал было беседу о религии, уговаривая стоящего пред ним Саркиза креститься и бросить «мухоедову веру». Калмык так же упорно и умно стал доказывать, что все веры хороши. Его ясная и простая речь сводилась к тому, что надо лишь Бога бояться и жить праведно и честно... А не изменять родной вере...

Познания Саркиза, ясность разума, красноречие, самоуверенность и вообще одаренность природная — снова подивили князя. Он слушал и молчал.

— Ну, Бог с тобой!— сказал он наконец.— Верь как знаешь! А со временем я тебя все-таки совещу и в христианство обращу. А теперь забота иная у меня. Ты мне нужен справить одно важнеее дело. Кроме тебя некому справить. Обещаешься ли ты послужить мне верой и правдой, не жалеючи себя... Всем разумом своим.

— Вестимо, ваша светлость...— отвечал Саркиз.— Все, что прикажете. Лишь бы по силе и по разуму пришлось.

— Уговор такой. Ты мне сослужи службу одну, немудреную, а я тебе волю дам. Ну, воля — не диво. Ты и у Саблуковых жил как родной... Ну, я тебе обещаю пять тысяч рублей деньгами, чин, зачисление на службу и невесту из моих крестниц с приданым... Довольно или еще набавить...

Красивое лицо Саркиза вспыхнуло и пошло пятнами, а губы дрогнули.

Вельможа попался ему на пути и хочет, стало быть, его «человеком» сделать. То, о чем он все мечтал втайне. Ведь это — все... Это дверь ко всему... Остальное уж от него самого зависеть будет, от его воли, умения, настойчивости.

— Что прикажете? Какое поручение?— спросил калмык глухо, от внутреннего волнения и бури на душе.

— А это, братец ты мой, теперь расписывать долго, да и пояснить с оника мудрено... Скажи я тебе, в чем дело — ты не сообразишь и заартачишься, а

с тобой ведь не совладаешь. Вишь ведь ты какой кованный, из-под молота уродился. А силком тоже нельзя заставлять... Дело не такое. Мы вот с ним все обсудим,— показал князь глазами на Баура,— а он уж тебя сам научит всему и приготовит потихоньку. Ты мне только обещаю душу в дело положить, помня уговор... Поручение мое тебе — для меня вот какое дело! Сердечное дело... А уж что я тебе обещал — это все свято исполню... Ну... Обещаешься...

— Могу ли? Сумею ли?— смутясь в первый раз, отозвался Саркиз, недоумевая и уже опасаясь, что князь надумал дело мудреное.

— Отсюда, из Питера,— вдруг сказал князь,— один до Вены или Парижа, не зная иноземных наречий,— доедешь?

— Доеду!— быстро и самоуверенно выговорил Саркиз, как если бы ему сразу стало легче.

— Посланцем моим ко двору монарха Римской империи возьмешься ехать?

— Что ж?— выговорил Саркиз, подумав.— Если мне переводчиков дадут... да поручение разъяснят, отчего не ехать?

— Да ведь надо не калмыком являться, надо уметь себя держать не дворовым из-под Казани и не скоморохом, а моим наперником. Надо быть важным да гордым, чтоб рукой не достали... Можешь ли ты на себя напустить такую амбицию не по росту?— шутя произнес князь.

— Что ж рост? Рост ни при чем!— засмеялся Саркиз.— Иной богатырь меня вот за пазуху засунет и понесет, а я его умишко весь за щеку положить могу, как орех. Ведь новорожденные без амбиции этой на свет приходят, а уж потом ее на себя напускают тоже. Да вот я вам сейчас изображу, как я беседу поведу.

Саркиз отошел, прислонился к письменному столу князя, опираясь одной рукой и слегка выпятив грудь, закинув чуть-чуть голову назад, поднял другую руку и произнес с достоинством, мерно и холодно:

— Передайте господину министру, что я его прошу именем всероссийского вельможи, князя Таврического — отвечать мне прямо, без утайки и без проволочки. Согласен он? Да или нет?

Фигура Саркиза была в это мгновение так элегантно горда и надменна, а слова эти были так произнесены, что князь сразу вскочил с софы на ноги и устался на калмыка.

— Фу ты, проклятый!..— выговорил он.

Баур, таращивший глаза на актера, тоже ахнул.

— Каков?— обернулся князь к любимцу.

— Чудодей,— проговорил Баур.

— Оборотень, как есть. Ну, Саркизка, я сам теперь за тебя поручаю, что ты мне справишь порученье миру на аханье!— весело воскликнул князь.— Помни, родимый, только одно: не робеть. Не робеть! Сробеешь — все пропало! А коли этак вот обернуться можешь, как сейчас,— диво!

— Уж коли я, после моей трущобы, первый раз будучи поставлен пред очи светлейшего князя Таврического, не сробел,— промолвил Саркиз,— так что ж мне другие. В этом будьте благонадежны... Робеть я не умею.

— Не умеешь?— рассмеялся князь.

— Нет. Никто меня этому не обучил, откуда же мне уметь...

Потемкин начал уже хохотать.

— Молодец. Ей-Богу. Эко судьба меня подарила. Фортуна-то меня балует, что мне тебя послала. Не поезжай я, умница, к Саблукову — так бы я тебя и не нашел. Вся сила была в этой поездке, а то бы ничего не было.

— Не привези меня в Петербург господин Саблуков — ничего бы не было. Вестимо,— отозвался Саркиз.

— Это верно.

— А не родись я на свете, и привезти бы он меня не мог.

— Еще того вернее!— вскрикнул Потемкин.

Стало быть, вся сила не в князе, а в Саркизе, что он есть на свете!— усмехаясь, вымолвил калмычонок, хитро шуря свои красивые глаза.

— Каков гусь?— обернулся князь к Бауру.— Ну, что скажешь? Не справит он наше дело на славу?

— Справит, Григорий Александрыч. Я его день один как знаю, а голову за него тоже прозакладаю. Видать птицу по полету.

— Ну, ступайте... Ты его готовь: все поясни и начни хоть с завтрашнего же дня муштровать и обучать... Да и прочее все готовь без проволочки. Нам ведь здесь долго не сидеть. Через месяца два надо и выезжать на войну. Время дорого. Когда будет он обучен совсем, привози ко мне. Я его испытаю, и коли годен — хорош, а не годен — отправлю обратно к Саблукову, а ты найдешь другого. Питер не клином сошелся.

— Лучше не выищем, Григорий Александрыч. Уж верьте моему глазу. Я не ошибусь.

— Ну и слава Богу. Прощай, Саркизка. Учись серьезно,— выговорил князь.— Чем скорее обучишься к исправленью должности, тем я тебя лучше награжу.

Баур и Саркиз откланялись, пройдя опять особым ходом, и скоро уехали, а князь остался один, задумался и потом шепнул:

— Ну, погоди же!.. Угощу я! Вишь, переодетые гонцы в Вену и в Константинополь ездят... Ну, вот и мы наряжаться начнем.

Через три дня после этой беседы с князем Саркиз простился в доме Саблуковых и выехал по Новгородской дороге. Калмычонок был задумчив и даже грустен...

Не по силам ли взял он на себя порученье... Или, как все истые умницы,— умалял свои силы...

ХІХ

И снова вдруг, сразу, притих Таврический дворец!..

Князь снова хворал своей диковинной, всех удивляющей и самому непонятной болезнью, капризно и внезапно являвшейся к нему и покидавшей его, по-видимому, без всякой причины, без предварения и без последствий.

Смутно чувствовал сам князь, когда болезнь должна прийти и когда уйдет; смутно понимал, почему она идет, но объяснить другим не любил.

Князь, как всегда, не выходил из уборной, изредка переходя в кабинет. Не занимался ничем, не принимал никого, не притронулся пальцем ни к одному письму, ни к одной бумаге или депеше, как бы она по печати и внешнему виду важна ни была.

Теперь не было вокруг него, здесь в кабинете, и во всем Петербурге, и в России, и в целой Европе, даже на всей земле этой подлунной, ничего важного — все прах и тлен! Важное есть только «там».

На этот раз недуг необыкновенного и странно-гениального человека казался сильнее, чем когда-либо...

— Чем изгнать из себя этого беса?!— восклицал князь один, громко разговаривая сам с собой.— Да, я верю, что бесы входили в человека и входят; верю, что они повергали их наземь... И теперь могут... со мной нету того, кто мог словом своим изгонять их...

Князь снова послал за духовником.

Он захотел исповедаться и причаститься.

Отец Лаврентий явился и с участием отнесся к духовному сыну...

Если не ум, то душа священника поняла, с кем она имеет дело в лице этого

«сильного мира сего», временщика, баловня Фортуны и друга великой монархини.

Отец Лаврентий три дня прожил в Таврическом дворце, служа в домовый церкви или сидя в спальне князя. Целый вечер — с остановками, с беседой и разъяснением многих слов — читал он князю правило...

И что же сказал духовный сын на исповеди?.. Почему оба плакали?..

Почему, повергнутый пред налоем, этот русский богатырь своими рыданиями заставил и священника слезы утирать...

— Бог простит... — повторял духовник, и голос его дрожал чувством.

— Кому много дано — с того много и взыщется! — шептал чрез силу исповедующийся, от избытка чувства как был лишившись голоса.

На совести князя не было, конечно, ни одного преступления, не было даже из ряда выходящего греха... Но этот неведомый «бес», который потряс его и поверг пред налоем, смутил, видно, добрую душу пастыря...

Зато наутро за обедней князь причастился, и лицо его просветлело на несколько часов... Тишь сошла на душу... Но не надолго...

Он отпустил духовника домой, но, чувствуя себя ненадежным, заперся на ключ в своем кабинете, не велел принимать даже племянницу Браницкую.

И здесь, один-одинехонек, лежа на софе полуодетый, князь промучился еще трое суток, почти не принимая пищи... Из всего приносимого Дмитрием он дотронулся только до хлеба и молока.

Он маялся умом и сердцем, как приговоренный преступник пред казнью.

И куча разнородных помыслов, чувств и порывов — сменялись в душе его, прилетая и уносясь, будто рой за роем...

Он томился в этой тоске, проклинал все и всех, плакал горько о себе и о любимых им. Смеялся едко и метко над собой, над всеми... Клеймил остроумно всех и вся... Молился Богу на коленях искренно и горячо... Боялся смерти, которая идет... придет! Может быть, и не скоро, но все-таки придет!.. А затем вдруг искренно желал умереть, скорее, сейчас...

— Все прах и тлен! Там только будет разумно все, там — добро, истина, свет. А здесь одно обидное для души бессмертной земное скоморошество. Это не жизнь, не бытие — это святки, маскарад, позорище и торжище, продажа и купля житейского хлама и рухляди. А какой рухляди? Чести, славы, нравственности, долга христианского, обязанностей семейных и гражданских — всего...

— И все идет и пройдет... Все пройдет! А останется ли Таврида?..

— Таврида. Клок грошовой земли. Миллионная частица земного шара, который сам миллионная частица Божьего здания, бесконечного и непроницаемого надменному разуму.

— Срам и грех кругом во всех, в тебе самом, паяц таврический, грешник любимый. Раб утробы своей паскудной. Червь! Да, червь! Да не перед одним лишь Господом, а червь и перед одной вот этой звездочкой, что мигает... Господи, прости мне... Избави меня от лукавого... т. е. от зла, от неправды, от суеты мирской, грешной и постыдной, да и постылой. Да, я уйду, спасуся в обитель какую на краю России, в Соловках, на Афоне. В узкой келье иноком, с просфорой и водой ключевой я буду счастлив. Я буду молиться, наложу на себя епитимью, вериги в два пуда надену... Истомлю проклятое тело, убью поганую утробу... Все ведь сгниет в гробу... Так я теперь умалю поживу червям... Я стану достоин предстать пред судом твоим, явлюся чистым, унаследую жизнь вечную, Господи, смилуйся!.. Спаси и помилуй раба твоего Григория...

Так стенаньями молился богатырь духом и телом, иногда в темноте ночи, стоя на коленях около окна и глядя туда, где загадочными алмазами вспыхивали звезды и где, быть может, и есть все то, чего он здесь всю жизнь искал... Оно

там!.. А слезы, крупные и горячие, лились по лицу... И будто легче становилось от них на душе. Будто очищаются, омываясь в них, голова и сердце от ига помыслов, жгучих до боли!.. Неземной боли!!!

Часть вторая

I

Прошло две недели. Князь снова был здоров, весел и деятелен. Снова более чем прежде ухаживал он и просиживал вечера у Venus de Mitau.

Однажды в Зимнем дворце, когда князь, выйдя от государыни, стоял окруженный придворными и беседовал с кем-то, он, чуткий на ухо, услышал за собой горячий спор вполголоса двух пожилых сенаторов.

— Не я один. Уже многие слышали и знают! — говорил один.

— Славны бубны за горами! — отозвался другой.

— Да не за горами, а здесь... Понимаете: здесь! С собой привезла весь миллион!

— Золотом? Сколько же это весом будет? На это надо особый экипаж! Полноте. Питерские выдумки!

— Персидскими, говорят, бумагами! Вот как наши новые ассигнации. Но миллион, батюшка! Миллион — чистоганом! А сама чистокровная персидская княжна и писаная красавица.

— Верно, все враки!

— Ох, малoverный! Ведь вот неловко только... А то бы сейчас спросили, и сам князь вам бы сказал... Он лучше нас с вами знает и что за принцесса, и какой такой миллион.

— Почему?

— Потому что она уже посылала к нему своих адъютантов, прося аудиенции по делу, из-за коего приехала сюда. Спросите вон князя.

Князь сделал вид, что не слышит ничего, и быстро вышел и уехал.

Вернувшись к себе и войдя в подъезд, князь был тотчас окружен адъютантами-нахлебниками и дворовыми, которые всегда встречали его, а равно провожали при выездах.

— Кто дежурный? — спросил князь.

Один из адъютантов выдвинулся вперед, руки по швам.

— Ты?

— Я-с.

— Присылали к нам справляться приезжие персиды?

— Приезжал утром толмач княжны персидской, секретарь ее, спрашивал насчет приема у вашей светлости...

— Чего ж ты мне не доложил... Я буду сам у вас дела выпытывать. А? И голос князя зазвенел гневно... Адъютант молчал и только слегка переменился в лице.

— Ну? Столбняк нашел!

— Я полагал, ваша светлость, что правитель канцелярии доложит, — дрожащим голосом проговорил офицер. — Секретарь прямо в канцелярию отнесся, а не ко мне... Я был наверху, у вашей свет...

— То иное дело... Ну, прости, голубчик... Прав. Позвать дежурного по канцелярии.

Несколько человек зараз бросились по коридору и рассыпались по нижнему этажу... Двое побежали на квартиру чиновника. Князь не двигался и ждал в швейцарской.

«Загорелось!» — подумало несколько человек из офицеров.

«Приспичило! — подумали и дворовые. — А может, и важное дело».

— Кто там сегодня дежурный?.. — спросил князь.

— Петушков, — отозвался кто-то.

— Петушков? — повторил князь и что-то будто вспомнил... — Петушков? Что такое? Мне что-то сдается? А что?..

Все знали, что именно князю вспомнилось. Бумаги, подписанные светлейшим Петушковым Таврическим, еще вчера поминали здесь в швейцарской и хохотали опять до слез...

Князь огляделся... все кругом улыбались и ухмылялись.

— Чему вы, черти?

— Да оный Петушков, — заговорил, выступая вперед, дворецкий Спиридонов. — Петушков тот самый, Григорий Лександрыч, что надясь распотешил.

— Петушков? Что за дьявол! Не могу вспомнить. А что-то такое помню. Глупость он какую-то сделал.

Князь вспомнил, но не спрашивал, и никто не осмеливался сказать сам.

— Ему у нас теперь, — продолжал дворецкий, — другого звания во дворце нет, как «ваша светлость».

— А-а! Помню! Помню... — вскрикнул Потемкин. — Князь Петушков Таврический.

Князь рассмеялся, все подражали, и гулкий смех огласил швейцарскую как раз в то мгновение, когда черненький и вертлявый чиновник появился на рысях из коридора.

— Ты, ваша светлость, дежурный сегодня? — спросил его князь.

Петушков смутился и сразу оробел при этом титуле в устах самого князя... И он понял вопрос по-своему...

— Я не виноват-с. Я сказывал сколько раз, — залепетел он. — Вот все знают... Запрещал, бранился, грозил, а они знай свое... Я не виноват. Вот как пред Богом.

— Что? Что? Что?.. — произнес Потемкин. — Чучело огородное. Что ты плетешь!

— Они все с того разу зовут... Я не вин...

— Светлостью-то тебя величают? Пущай, поделом! Так ты и оставайся светлейший Петушков до скончания своего века. А ты отвечай мне теперь, как, будучи дежурным, смел не доложить мне об персиянах. А?.. Был сегодня секретарь?

— Был-с... Господин Баур взялся сам доложить вашей светлости, сказал, что это дело важное...

— И не доложил. Важное! А сам забыл. От чьего имени был секретарь?

— От имени персидской княжны, что прибыла в столицу по делу своему...

— Какое дело?

— Ходатайствовать насчет обиды и претерпенья от властей тамошних. Просить хочет сия княжна заступничества Российского...

— Мне-то что ж! Нешто я могу персидским шахом командовать? Добро бы еще султан турецкий... Что ж я могу...

— Так секретарь сказывал! — извинился Петушков.

— Знаю, что не порешил... Прыток ты больно на ответ... — несколько серьезнее прибавил князь и сморщил брови. — Я еще, ваша светлость, у тебя в долгу.

Петушков уже со слезами на глазах упал на колени и выговорил:

— Простите!

— Ну, кто старое помянет, тому ведь глаз... как у меня вот — будет!.. Как звать эту княжну?

— Ее светлость, княжна Адидже-Халиль-Эмете-Изфагань, — скороговоркой потрещал бойко Петушков, стоя на коленях.

— Молодец... Как отзубрил. За это одно простить тебя следовало...

— А ну, повтори! Повтори!

Петушков шибко повторил длинное имя персидской княжны. Князь рас- смеялся.

— Коли персиянка, то и мирзой тоже должна быть. Фамилия же эта по го- роду — Испагань. А правда, сказывают во дворце, что эта княжна писаная красот- ка?

— Не могу знать, — отозвался чиновник.

— Так точно, ваша светлость, — вступился капитан Немцевич. — Я слышал в городе. Ей всего 17 лет.

— Красавица?.. А?

— Особенной красоты. Только ростом не взяла.

Князь двинулся по лестнице, а в швейцарской на этот раз долго оставались, толпились и беседовали сошедшиеся к нему навстречу. Предметом толков была персидская княжна, красавица, которой князь, очевидно, даже заглазно заинтере- совался.

— Вот отчего ему загорелось узнать о секретаре... — решили все. И долго об этом толковали.

II

В столице уже за два дня пред тем начинали поговаривать, что большой дом одного кавказца богача на Итальянской улице, именовавшего себя грузинским князем, осветился огнями. Полудворец стоял темен и необитаем уже с год. Вла- делец его, как говорили, проигрался в карты, уехал из столицы и скрывался от долгов.

Многие из питерских любителей новостей заинтересовались — кто такой мог нанять дорогое помещение. Конечно, далеко не бедный человек!

Общее любопытство еще более усилилось, когда стало известно, что полудвор- ец занят приезжей из Тифлиса княжной, не только грузинской, а даже персид- ской, фамилия которой происходит от древнего рода Изфагань или Испагань.

А когда вслед за тем стоустая молва разнесла весть, что княжна не старуха и не старая дева, а 17-летняя красавица, к тому же богачка, да к тому же еще и круглая сирота, то многие, даже пожилые сановники в столице, встrepенулись... А когда эта же молва присочинила, что юная и красивая сирота-княжна желает будто бы найти себе мужа в Питере и сделаться российской подданной, то и мо- лодежь зашевелилась...

Все чаще стали по Итальянской скакать и прогуливаться взад и вперед краси- вые всадники-гусары, мушкетеры. Появлялись часто и экипажи шагом...

Всякий, проезжавший мимо «грузинского дома», умышленно или случайно поглядывал пристально в окна, стараясь увидеть кого-то. Но ни разу никто в окнах не увидел никакой красавицы... Видали только черных, наподобие тараканов, бо- родатых мужчин... Из дому тоже выезжали и выходили настоящие персияне, в халатах, черные как смоль, с длинными бородами, зачесанными клином на грудь, в черных мерлушечьих остроконечных шапках, с красивым оружием, украшен- ным самоцветными камнями. Все это была свита княжны. Сама же она вовсе не показывалась из дому.

Шутники в гвардии скоро распустили слух, что княжне семьдесят семь лет и что она страшнее самой бабы-яги.

Спорить никто не мог: никто лично княжну не видал. Многие молодцы приуны- ли от разочарования.

— Быть не может! — решили некоторые, которым хотелось от скуки, чтобы княжна была красавицей.

Начались справки.

Кто первый пустил слух, что княжна столетняя баба-яга, что ей не 17, а 77 лет, что она страшна как ведьма.

Кто был этот виновник — было неизвестно; равно было неведомо тоже, кто пустил слух и о красоте и юности.

Прошла неделя... Всадники и проезжие в колясках цугом мимо грузинского дома поуменьшились числом, так как кто-то наверное узнал и кому-то передал, что персидская княжна действительно женщина под пятьдесят лет, дурнорожа, беззубая и лысая.

Смеху было немало в кружках гвардейцев.

— Из-за кого скакали по Итальянской!

Но однажды утром известный своим пронырством, громадным состоянием и отчаянной головой офицер лейб-гусарского эскадрона граф Велемирский прискакал в трактир, где собирались офицеры разных полков, и объявил:

— Сам видел! Княжну видел! — заявил он. — Красавица божественная!.. Маленькая, белокурая, беленькая, с голубыми глазами...

Велемирский присутствовал при выезде княжны из дому. И опять всполошились все сразу...

Опять появились всадники на Итальянской и разъезжали, усердно заглядывая в окна.

— Авось покажется красавица за стеклом.

Молва Петербурга не ошиблась.

Действительно, грузинский дом был занят приезжей чрез Москву княжней. По сведениям полиции, это была княжна Адидже-Халиль-Эмете-Изфагань, бывшая со свитой из пределов Персии.

При княжне, 17-летней девице, был опекун, ее дядя — Мирза-Ибрагим-Абду-Улла со многими другими мудреными именами; духовник княжны — Абдурахим-Талейб, тоже со многими именами, переводчик — Саид-Аль-Рашид, трое молодых адъютантов, из которых Амалат-Гассан, еще юноша, был родственник княжны, две старые персиянки, вроде статс-дам — Фатьма и Абаде, и затем с полдюжины разных персиян, в разных должностях... Остальные, человек с двадцать, были наемные: лакеи, кучера, повара, кондитеры и дворники, и были все из русских: одни из Москвы, другие наняты по приезду в Петербург.

Княжне было действительно не более 17-ти лет, а на вид и того менее, так как она была маленького роста и казалась девочкой лет 14-ти.

Княжна с приезда никуда не показывалась и почти ни разу не выехала, хотя два экипажа и два цуга красивых лошадей были тотчас куплены для ее выездов.

Княжна Эмете, как говорили, сидела все с своим духовником и, вероятно, много по-своему Богу молилась, или по целым вечерам училась по-русски с Саид-Аль-Рашидом.

Дело, по которому княжна Эмете Изфаганова приехала в Петербург, было очень важное: она явилась ходатайствовать о защите своих прав на огромные поместья, которые ее отец имел в Грузии и которые у нее дальние родственники хотели оттягать, опираясь на шаха. Ябедники поехали в Тегеран, а княжна поехала в Петербург. Только один двоюродный брат ее, Гассан, принял ее сторону и последовал за ней в Россию. Он же, по слухам в городе, считался ее женихом и собирался жениться на ней в случае успеха, ибо, кроме огромных поместий, у нее будто бы миллион приданого.

Когда юность, сиротство и богатство княжны уже не подлежали никакому сомнению, когда лейб-гусар Велемирский протрубил о божественной красоте княжны Эмете, которую собственными глазами видел в двух шагах расстояния, — многие сановники и многие дамы стали пробовать из тщеславия познакомиться с персидской красавицей, обладательницей миллиона... Но попытки не увенчались успехом. Некоторые пролезли даже в дом и отважно заявили о желании «спозна-

комиться» с ее светлостью. Но назойливых гостей принял переводчик княжны, вечно мрачный, с черно-сизой головой, Саид-Дербент, и объявил, что Адидже-Эмете не примет никого, пока не побывает у князя Таврического и не справит дела, за которым пожаловала в Питер. Опекун и духовник княжны тоже появлялись, но, не говоря и не понимая ни слова по-русски, лопотали что-то по-своему, переговариваясь с переводчиком, и недружелюбно, цепными псами, поглядывали на гостей.

Однажды, благодаря назойливости питерцев, случилось и маленькое происшествие... В числе барынь, настойчиво и бесцеремонно желавших пролезть к княжне, была одна княгиня Рассадкина, вдова, у которой был единственный сын, малый лет 30, мушкетер, и которого княгиня все стремилась усердно, но неудачно, на ком-нибудь женить, разумеется, при условии хорошего приданого. Прослышав про новоявленную сироту-княжну из Персидской страны, обладательницу миллиона, княгиня пищи и сна лишилась. Стала она мечтать женить сына Капитошу на княжне Эмете.

«Вот бы партия-то! Вот бы озлилась Анна Афанасьевна... Лопнул бы со злости Павел Кондратьич... Ахнул бы весь Петербург... Вот бы счастье Капитоше!»

Разумеется, она недолго мечтала и скоро начала действовать... Сто рублей истратила она на подкуп людей из русских и на выведывание у них подноготной о княжне. Но русская дворня княжны сама ничего не знала о своей новой барышне... Переводчик Дербент был несловоохотлив и ни с кем из нанятых людей не разговаривал, только разве когда надо было что приказать сделать... Абдурахим и Мирза-Ибрагим вовсе по-русски не знали. Старая Фатьма и пожилая Абаде совсем не показывались из верхних горниц, и, как ходил между дворовыми слух, обе только ели, а затем спали беспробудно и день и ночь...

Перепробовав все средства, княгиня Рассадкина решила и поехала самостоятельно добиваться знакомства.

«Будь что будет! А ради Капитоши я хоть на крепостную стену с пушкой полез!» — решила княгиня.

Когда о княгине доложили, Саид-Дербент принял ее в гостиной и на выраженное ею на все лады желание познакомиться с княжной отвечал прямо, с восточным хладнокровием, то же самое, что и другим:

— Теперь нельзя. Позднее, пожалуй, можно...

Но княгиня, тщетно поспорив, заявила наконец господину Дербентову, «что она вот как села, так и будет, как кочан на гряде», сидеть до тех пор, пока княжна не допустит ее до себя, так как она, во-первых, сама русская княгиня и «не хуже персидской княжны», а во-вторых, исполнять прихоти «всякого служителя» не намерена.

— Эдо kdo злужидель?— мрачно и гробовым голосом спросил Саид-Аль-Рашид-Дербент, произносивший русские слова правильно, но заменявший одни согласные буквы другими.

— Вы служитель княжны... И должны доложить обо мне,— заявила княгиня.— Не захочет она сама меня принять, тогда иное дело... Я плюну и уеду.

Дербент крикнул лакея-персиянина и что-то приказал ему. Через минуту явились свирепо-угрюмые опекун Ибрагим-Абд-Улла и духовник Абдурахим-Талеб, а с ними еще два персиянина... Все затараторили по-своему, быстро, часто и хрипиво.

И переводчик заявил княгине, что вот господин Мирза-Ибрагим-Абд-Улла приказал просить княгиню выходить и уезжать «с добротой и со здоровьем».

Дербент верно хотел сказать — подобиру-поздорову. В противном случае Мирза-Ибрагим грозит вывести ее из дому.

Княгиня рассвирепела. Персиды! Дрянь! Мразь! Чучелы огородные! И смеют с ней, с русской княгиней!..

Произошло маленькое неприятное для всех приключение... Княгиня бранилась и не шла...

Персияне полопотали опять, как бы соображаясь, и наконец Мирза-Ибрагим-Абд-Улла приказал слугам княгиню взять под локотки и за талию.

И персидские невежи повели вон и вывели на подъезд, где она, бранясь и крича на всю Итальянскую, грозясь чуть не войной России с Персией, сама уже влезла в свой рыдван и плюнула.

А пока выпроваживали княгиню из гостиной, маленькая фигурка, с прелестным смугло-румяным личиком, одетая в алое бархатное платье, выглядывала в приотворенную из гостиной дверь и смеялась до слез всей этой сумятице. Это была, по всей вероятности, сама юная княжна Изфаганова.

III

Однажды, около полудня, в большой зале Таврического дворца, в приемный день, вся толпа посетителей и просителей вдруг особенно оживилась...

У подъезда князя появилась карета персидской княжны, а адъютант пробежал докладывать об ее прибытии.

У князя Потемкина был прием, но начался он недавно, и зала была полна сановников, генералов и — как всегда, всякий почти день — полна всяким народом, от чужеземцев, секретарей иностранных резидентов и банкиров до простых дворян, провинциалов и мелких чинов военных, штатских, прапорщиков и регистраторов... На этот раз была кучка купцов из Новгорода, явившихся хлопотать о важном торговом деле.

Говор тихий и сдержанный все-таки гудел в зале, но когда появилась на дворе голубая карета цугом вороных коней, с лакеями на запятках, в высоких мерлушечьих колпаках, в халатах, расшитых позументами, и с кинжалами за поясами, все догадались, бросили беседу и двинулись к окнам.

Раздались голоса:

— Это княжна Изфаганова!

— Персидская княжна!

— Персидка с Итальянской!

Адъютанты пробежали обратно чрез залу на лестницу... За ними вышел любилец князя, полковник Баур, и тоже пошел навстречу к прибывшей.

Все обернулись к дверям, и чрез несколько минут в зале, на глазах у всех, под руку с Бауром появилась молодая девушка в алом бархатном платье, почти европейского покроя, с корсажем и рукавами, вышитыми золотом. Только на светло-белокурых волосах, которые вились кудрями, не было по обычаю пудры. На голове была серебристая круглая шапочка, а с нее на плечи и до пояса падал шелковый белый тонкий вуаль или покров, вышитый по краям цветами серебром. На шапочке горели огнем крупные бриллианты и рубины, на талии был пояс, сплошь унизанный огромными бирюзами. На ручках красавицы была тоже масса колец, и они тоже искрились драгоценными камнями, а маленькие ножки были обуты в алые шелковые башмаки на чересчур высоких каблуках, от которых княжна видимо шла с трудом и с особенной осторожностью...

Княжна Эмете окинула всю публику в зале холодным и гордым взглядом, но многие из сановников заметили, что это была напускная восточная важность... или «щит смущенья», чтобы не ударить лицом в грязь перед чужими людьми. Видно было, что к этому миловидному свеженькому личику, с прелестным носиком и с синими, почти зеленоватыми глазками, не шла важность и напыщенная холодность... Обладательнице этих розовых губок и зеленых глазок — век бы смеяться.

За княжной, почти вплотную, стали рядом, в великолепных цветных шелковых

халатах, ее опекун и духовник, с клинообразными, черными как уголь бородами и с дорогим оружием. На кинжалах и шашках горели алмазы, а рукоятки были тоже сплошь залиты бирюзой.

Переводчик Саид-Дербент был сбоку — и не рядом с княжной, и не сзади ее. Его костюм был простой, так как он не был ни дворянин, ни богач, а попал в свиту княжны только ради знания языков — русского и персидского...

Сзади всех, около дверей, стала стенкой свита: адъютанты с Гассаном и две женщины, Абаде и Фатьма. Они несколько дико озирали залу и присутствующих. Мрачнее всех выглядывал духовник княжны Абдурахим. Он будто злился, что его привезли сюда.

Баур тотчас же предложил княжне кресло, которое приставил камер-лакей. Девушка села, бесцеремонно вытянув ножки из-под своего алого платья, и смело оглядывала всех — и генералов, и сенаторов, и офицеров, и купцов. И хотя она видела и понимала, что привлекает исключительное внимание, однако не смущалась и упорно глядела в глаза всякому, смотревшему прямо на нее.

В зале снова начался говор, но уже исключительно о княжне.

— Хорошенькая! Прелесть! Котенок! Глядите, совсем кошечка, — слышалось в одном углу.

— А ведь прелесть княжна-то! Этакую женушку иному и русскому молодцу не стыдно за себя взять.

— Хороша пташка... Ну и перышки тоже не плохи! Смотрите, на ермолке-то камешек что у нее нацеплено. Собери их все, так за одну эту горсточку целую вотчину купишь, — говорили старики.

— Вот красавица-то! Глазки-то бирюзовые... А губки-то!

— Выкрашены сандалом.

— Полно врать... От природы. Прелесть! — говорили чиновники и офицеры, просители, адъютанты князя и другая молодежь.

— Бархат-то на ней, сдается, французский, а не свой. Знать, в Персии его не изловчились делать! — заметил один из новгородцев.

— А у нас умеют? Вестимо, и к ним туда француз да немец пролез и шибче всех, поди, торгует, — отвечал другой...

— В полчаса времени, братец ты мой, можно в нее врезаться — и без ума, без памяти, — решил в своем углу и заявил товарищу капитан Немцевич.

Княжна между тем обратилась к своему опекуну и тихо заговорила с ним по-своему. Странные и дикие звуки незнакомого языка долетели до слуха публики... И тотчас горячо заспорили о том — труден ли персидский язык для изучения... Один уверял, что «дело плевое», а другой уверял, что «вовсе не осилишь». Никто из спорящих, разумеется, не знал ни единого персидского слова.

Князь, который занят был в кабинете с резидентом императора Леопольда, по неволе заставлял княжну Эмете дожидаться в зале.

Немец-австриец был в этот день в Таврическом дворце по особо важному делу, почти с миссией от своего правительства «уломать» князя Потемкина. Венский кабинет знал отлично положение дел в России и даже новые веяния при дворе, недавнее значение все возвышавшегося в фаворе и могуществе молоденького 24-летнего флигель-адъютанта Зубова... Все мелкие интриги двора и приближенных царицы российской были в Вене хорошо известны благодаря Кобенцелю. Князь Потемкин не по слухам, а по их достовернейшим сведениям падал во мнении императрицы и лишался постепенно прежнего значения. Но насколько был он близок к полному падению и насколько был еще в данную минуту силен — было неизвестно. Это могло знать одно лицо — сама императрица всероссийская, и никто больше. А между тем время было дорого. Надо было как можно скорее заставить Россию заключить мир с Портою и никак не допускать открытия вновь кампании и военных действий на Дунае.

А главный враг мира с султаном был князь. Пока Зубов поднимется и приобретет полное влияние на ум стареющей повелительницы северного колосса, Потемкин успеет уговорить царицу поставить на своем — вернуться в армию и начать снова погром издыхающей Турции...

Австриец поднялся, наконец, и пошел вон. Князь остался один, потянувшись как после сна, сладко и протяжно охнул.

— Экий леший,— выговорил он.— Умаял! Точно в телеге — растрясло... Ну, теперь надо приниматься за княжну Эмете... или как там ее... Надо в нее влюбиться, а других хоть на время побоку. Что делать? Персидская княжна интереснее во сто крат! Кого не спроси, ахают — красавица писаная.

Князь постоял и подумал, соображая:

«Выходить?.. Или сюда просить? Нет, черт с ними. Да и лучше при всех. На глазах столичных мельниц куры персидке строить начну. Пусть смотрят и разносят по всему городу. Да и завидуют!»

Князь огляделся в зеркало, поправил кружево на груди и, обтянув на себе камзол, молодежато вышел в залу, не медвежьей, как всегда, походкой, а легкой и элегантной.

Подумаешь, и впрямь, что ли, захотелось вдруг прихотливому баловню счастья понравиться персидской красавице.

При появлении на пороге светлейшего генерал-фельдмаршала все зашевелилось и двинулось, низко кланяясь всесильному временщику.

IV

После первого же приветствия Потемкин стал пристально вглядываться в личико княжны... Все заметили по выражению его лица, что маленькая персиянка сразу произвела на князя особенно сильное впечатление. Известная всем слабость его к прекрасному полу наглядно сказала здесь тотчас же... Князь улыбался, голос его понизился и стал вежливо-ласков; он, казалось, не знал, как любезнее обойтись с этой прелестной и элегантной гостьей, явившейся сюда, как в сказке царевна, из-за тридцати земель. Стоя пред маленькой девушкой, он казался еще выше, огромнее, колоссальнее, и его любезничание было еще смешнее. А княжна, наоборот, казалась теперь около богатыря князя еще меньше ростом...

«Вот уж и впрямь черт с младенцем связался!» — подумал про себя пословицей один острый-генерал, враг князя.

Княжна раскланялась и присела, совсем как бы придворная дама европейского государства, а не Персии, но затем она приложила руку ко лбу, потом к сердцу и сказала несколько слов по-своему... Выступивший на шаг вперед Саид-Дербент объявил князю громким, но странным русским языком, благодаря употреблению одних согласных вместо других, что княжна Адидже-Халиль-Эмете-Изфагань, дочь именитого Мирзы, приветствует всем разумом и сердцем славного вельможу князя, правую руку российской царицы, душу и разум великой империи россиян, победителя оттоман, покорителя стран и народов Европы и Азии, устроителя городов и насадителя просвещения, добродетели и правосудия...

Князь отблагодарил и сказал, что рад видеть в Петербурге такую замечательную красавицу, как княжна Изфаганова.

Дербент передал девушке слова его... Она улыбнулась и заговорила более мягким голосом, как-то вкрадчиво и кокетливо щуря свои зеленоватые глазки на богатыря.

Переводчик выслушал и перевел по-русски:

— Гняжна Эмете Изфагань сказывал гнязью: в персидскэм царства замедил все луди, чдо деперь солнца не дакой светлый, как прежде был... Эдо слава ге-

рой гнязья Даврической больше солнца сведлый деперь... Солнца другой места деперь на земля, а гнязья Даврической первый места.

Князь добродушно рассмеялся восточному комплименту княжны.

Он отвечал:

— Моя слава не может затмить ослепительные лучи солнца, а вот прекрасные черты лица и небесные очи, которые я теперь имею счастье зреть, действительно ослепляют и очаровывают сердце. Я пленник и раб княжны Эмете. Пусть она приказывает. Ее желания будут мне повелениями.

Саид-Аль-Рашид-Дербент стал медленно передавать, и красавица, слушавшая с опущенными глазами переводчика, кокетливо, стыдливо, вдруг вскинула их на Потемкина и глянула ему в лицо уже не с восточной сдержанностью.

— Шустрый бесенок! — шепнул один сановник соседу.

«Вишь, кошечка какая... Того и гляди нашего князя цап-царапнет», — подумал остряк-генерал.

— Фу-ты, ну-ты! Отдай все, да мало... Ангелок персидка! — чуть не сказал вслух один старик-сановник, стоя невдалеке от княжны и давно уж любуясь ею во все глаза.

Потемкин между тем спросил, какое дело привело княжну в Россию и в столицу и чем он может служить ей. Дербент начал речь, приготовленную, очевидно, заранее... и начал издали, чуть не с потолка... Смысл был такой:

«Когда, по воле Аллаха, началась на земле великая распря и мир был потрясен и поколеблен злодеяниями суннитов и подвигами шиитов... тогда некоторый святой муж, пустынный, избранник Божий и последователь Магомета...»

Но князь вдруг прервал речь Дербента и попросил его предложить княжне пройти в кабинет и там объяснить свое дело.

По слову переводчика все персияне, даже две старухи, двинулись с места, но Потемкин приостановил их и заявил, что достаточно, если княжна с одним переводчиком пройдет к нему.

Княжна тотчас охотно и весело согласилась. Ибрагим что-то пробурчал, но Дербент зарычал на него — и опекун покорился. Потемкин попросил жестом княжну идти вперед и двинулся за ней вслед, а Дербент, важно и свысока своего величия озираясь на всю публику, зашагал за князем.

Когда все трое скрылись за дверями кабинета, в зале поднялся сдержанный говор. У всех на языке была, конечно, княжна. В группе сановников слышалось восклицание:

— Кошечка! Просто котенок!

— Какая прелестница-каналья.

— Вон, батюшка, в Персии-то какие девчурочки водятся, хоть в карман сажай! — нежно говорил сенатор.

— А ведь наш князь на нее шибко зарился, — заметил капитан Немцевич.

— Замечательного ума девица. По-русски учится и скоро говорить начнет! — объяснял Баур кучке собравшихся вокруг него лиц.

На этот раз всем чайвшим приема пришлось дожидаться. Княжна просидела в кабинете около часу. Когда, вскоре после ее ухода со светлейшим, сунулся было в кабинет с докладом один адъютант, то мгновенно появился обратно в зале несколько быстрее и с физиономией, как сказывается, «ошпаренного». После этого уж никто не шел в кабинет, и всякому вновь прибывшему курьеру советовали обождать и не соваться.

— Надо так полагать, что дело княжны незауряд важное или любопытное для светлейшего! — пошутил генерал-остряк.

Многие ухмылялись, переглядываясь...

Наконец дверь отворилась, князь весело смеялся и, нагибаясь насколько мог,

вел гостью под руку... Княжна, несмотря на свои чрезмерно высокие каблуки, все-таки, казалось, вытягивалась и становилась на цыпочки, чтобы подать руку богатырю. Саид-Дербент шагал за ними.

Княжна Эмете, двигаясь через залу, произнесла несколько слов с расстановкой по-русски, с трудом выговаривая, но правильно и почти без иноземного акцента.

— Еще надо учить. Много учить! — говорила она, кокетливо заглядывая в лицо нагибавшегося к ней князя. — Я скоро... скоро... Тогда я без Дербент с князь говорить будет сама.

Все слышали слова княжны, и многие удивлялись чистоте произношения. Светлейший не ограничился тем, чтобы проводить княжну до дверей залы. Он прошел далее... Свита княжны и Баур последовали за ним гурьбой.

К изумлению всех, князь проводил красавицу по всей лестнице до швейцарской и дождался, пока она села в карету и послала ему ручкой поцелуй.

Тогда он двинулся обратно, медленно переступая и тяжело поднимаясь по ступеням лестницы. Он шел усмехаясь и опустив глаза в пол, будто вспоминая или соображая нечто забавное и приятное вместе... На пороге дверей залы он остановился.

— Какова, господа, княжна? — сказал он громко, обращаясь ко всем и не глядя ни на кого в отдельности.

Ближайшие отвечали комплиментами.

— Предрекаю, господа, заранее, что княжна многих у нас в Питере очарует и одурочит. Помяните мое слово...

«Не суди по себе!» — подумали многие в ответ. Князь прошел в кабинет и продолжал прием просителей и докладчиков.

Разумеется, через часа два после разъезда из дворца всех присутствовавших на приеме вся столица уже знала, как князь принял, час целый беседовал через переводчика и, главное, как проводил до подъезда красавицу-княжну.

Вечером многие уже решили, что княжне Эмете не миновать когтей влюбчивого и настойчивого невского Алкивиада.

У Зубова на вечере гости и друзья его советовали ему взять под свою защиту, от распущенного нрава князя, сироту-персиянку.

— Вы сами можете тоже хлопотать по ее делу до правительства, — говорили гости Зубова. — По крайней мере честь при ней останется. А он ее загубит ради праздности. Ведь этот срам на нас, на столицу ляжет.

Зубов отговаривался и не хотел вмешиваться, чтобы подливать масла в огонь, т. е. окончательно сломить свои отношения с князем.

— Я ему и не в силах помешать, коли захочет блажить, — говорил Зубов. — Не стеречь же мне эту приезжую княжну. У нее свои опекуны есть, с ней приехали. Им нечего Потемкина бояться.

— Срам будет... До персидского шаха срам на Россию и русских людей дойдет. Да и жаль девочку, сироту круглую! — уговаривали Зубова.

— Там увидим! — уступил наконец хозяин.

Наутро все уже знали подробности о княжне и о том, что князь в нее с приезда влюблен и давно у нее тайно и скрытно на Итальянской сидит до полуночи. Как всегда, сочинили... на этот раз выдумка вышла предсказанием.

В тот же вечер князь действительно поехал к княжне Эмете и просидел у нее до одиннадцати часов вечера. Впрочем, князь и не скрывал этого визита. Все могли видеть у подъезда грузинского дома экипаж и конвой светлейшего.

Прошла неделя.

По-видимому, князь был действительно быстро очарован и пленен маленькой Эмете. Весь город знал уже, что светлейший иногда далеко за полночь засиживается в грузинском доме, который теперь стали звать в шутку «Тавридоперсидский дворец».

Все лично видевшие княжну Эмете заявляли и сами сознавались, что как мимолетная прихоть для влюбчивого человека — интереснее ничего выдумать или требовать было нельзя.

Богатство, знатное происхождение, красота, юность, ум, грация, кокетство и тонкая светская живость, природная, изящная, сдержанная в границах приличия,— все это было в княжне Изфагановой. И если всякий без различия юный молодец-гвардеец или придворный не прочь бы был влюбиться и жениться на княжне — то почему пятидесятилетнему Потемкину не увлечься кокеткой, которая, вероятно, из личных выгод, а отчасти и из тщеславия, усердно кокетничает с ним... Да и почем знать расчеты персидской крошки-княжны. Как она ни богата, а князь Потемкин богаче... Как она ни знатна там у себя за Каспием, а светлейший еще знатнее и славен на всю Европу и Азию... И он ведь не женат. А холостая жизнь ему, быть может, уже начинает прискучивать... Как раз может жениться, потому что уже давно пора. Холостяки, враги брака, всегда попадают в сети не ранее 40 и не позже 50 или 55 годов. А князю как раз эти самые года подошли. Почем знать, не сообразила ли и не взвесила ли все эти обстоятельства юная кокетка Эмете? А может ли он, мужчина за 50 лет, понравиться ей, девушке 17-ти... Да ведь он — «знаменитый князь Тавриды», а не простой смертный. Да таким маленьким женщинам, говорят, всегда нравятся преимущественно богатыри, и наоборот — князь-колосс, с косою саженью в плечах, может по той же причине влюбиться в эту миниатюрную девушку.

Он же любит, вдобавок, все восточное — поклонник усердный глаз, бровей и кос цвета воронова крыла, шальвар, ятаганов, гашиша и кальяна... Чем Эмете не «предмет» для князя. И чем персиянка не невеста для старого холостяка.

Так за эту неделю судили ежедневно по гостиным и приемным, на вечерах и балах.

Чтобы не прерывать занятий делами и в то же время видаться с очаровательницей, князь Потемкин стал у нее принимать курьеров и даже назначил, к соблазну многих, вечерний доклад в том же грузинском доме, где он совсем расположился как у себя. В одной из гостиных был поставлен письменный стол для бумаг и письма, а в другой ожидали докладчики.

Два раза княжна была вечером в гостях у князя, но других гостей не было. Она приезжала совершенно одна, без опекунов и даже без переводчика, так как начала будто бы сносно мараковать по-русски. Этому быстрому чересчур изучению русского языка, разумеется, никто не поверил, так как с приезда княжны в столицу едва прошло три недели.

Сплетники уверяли, что княжна пользовалась в беседах с Потемкиным по-прежнему переводчиком и у себя дома, и у князя в гостях, но что Саид-Аль-Рашида временно отстранили, заменив какой-то старухой-армянкой, найденной в столице и поселенной в Таврическом дворце. А эта армянка закуплена князем, чтобы ничего не видеть, что увидит, и ничего не слышать, что услышит, а главное — не болтать.

— Ну вот, чрез армяшку сладкопечно и беседуют они,— говорили, подсмеиваясь, в столице.

После двух или трех визитов к княжне Потемкин свез к ней однажды и своего виртуоза, о котором вспомнил.

Самозванный маркиз, не вызываемый князем для игры, совсем пропадал по целым дням и ночам из дворца, болтаясь по разным гербергам. Перезнакомившись со многими офицерами, он бывал и в гостях, но играть не мог нигде.

Только однажды, под величайшим секретом, сыграл он в доме богача графа Велемирского — для него и его товарищей.

Князь, поместивший и обставивший музыканта у себя во дворце по-барски и щедро плативший ему жалованье, запретил Морельену играть в чужих людях.

— И вы мой, и музыка ваша моя! — сказал ему князь тотчас после пресловутого концерта.

Князь, конечно, ни слова не сказал тогда музыканту, что его самозванство раскрылось, и виду ему не подал, что взбешен.

«Черт с ним! Пускай ничего не знает и себя маркизом величает. Все в свое время. И ему отплата должка моего будет... А пока пушай его!»

Впрочем, князь был когда-то особенно взбешен — не на самого Шмитгофа, а на Брускова, не оправдавшего его доверия. Так как главный виновник был уже прощен и вернулся в столицу, то на самого виртуоза-самозванца сердиться теперь и подавно не приходилось.

Музыкант был представлен княжне Эмете как француз маркиз Морельен де ла Тур д'Овер, а не как «странный» проходимец неизвестной народности.

После первого же дебюта у персидской княжны музыкант увидел, что он произвел на красавицу Эмете сильное впечатление своей музыкой.

На другой же день, еще в сумерки, княжна прислала своего двоюродного брата Гассана и переводчика Саида в Таврический дворец просить к себе Морельена. Музыкант не посмел отправиться самовольно, и пришлось доложить князю.

Тот же капитан Немцевич пошел с докладом в кабинет и затем разболтал во дворце то, что при этом ему случилось слышать.

Князь, по рассказу капитана, узнав, в чем дело, задумался и долго молчал. «Все причуды!» — вымолвил он будто про себя. «Бабий конь именуется: прихоть, каприз. На нем она с сотворения мира и едет... и валится с него наземь то и дело». Затем, помолчав еще немного, князь вымолвил, как бы обращаясь к капитану: «Влюбится, пожалуй. Ведь он играет божественно. Это надо ему честь отдать...» Князь замолчал, опять задумавшись, а капитан не посмел ничего сказать. «Как тут рассудить? А?» — вдруг спросил, наконец, князь уже прямо.

Однако в конце концов светлейший позволил Морельену ехать, обещаясь быть и сам — раньше обыкновенного.

Виртуоз был очень доволен разрешением. Княжна была так прелестна и так милостива с ним накануне, что ему даже во сне приснилась.

—...*Charmant enfant, Linda piccollina. Hübsches Kind. Dear little... Pulchramulier!*— болтал Морельен, надевая весело новое платье — оранжевый камзол и ярко-лиловый шелковый кафтан... Долго провозился артист с буклями своего парика, чтобы придать им живописный беспорядок, а затем долго теребил накрахмаленное кружево на груди, чтобы рюш и складочки гармонировали с прической.

— Проклятые прачки московитские... — ворчал он по-немецки себе под нос. — То ли дело у нас в Вильне и Варшаве. Варвары! Ничего здесь нет порядочного. Страна снегов, рабов, и больше ничего!

Наконец, разодевшись, раздушившись, уложив свою волшебную скрипку в ящик, Морельен вышел вместе с двумя персиянами, но сел не в их карету, а в свою.

Княжна приняла музыканта особенно милостиво и радостно. Она объяснила Морельену чрез Саида, что всю ночь не спала, потому что все чудились ей волшебные звуки.

Одега была Эмете очень просто, но очень элегантно. Светлое нежно-голубое бирюзовое платье без шитья, без золота или каких-либо украшений. Серый пепельный и легкий, как дымка, вуаль, пришпиленный к кудрявой белокурой головке, составляли весь ее наряд. Ни единого кольца или какого-либо камушка не блестело на ней...

Но музыканту почему-то показалось, несмотря на простой наряд княжны, так сказать, почудилось, что хозяйка занялась собой так же, как и он занимался собой пред выездом к ней.

Эмете была особенно красива.

Голубое бирюзовое платье шло к ней, к ее нежному, светленькому и свеженькому личику, к ее тоже бирюзовым глазам, к ее светлокудрой головке, а серый, цвета золы, вуаль, ниспадавший покровом, придавал что-то особенно чарующее всему лицу... Она казалась еще белее, нежнее, румянец на щеках пылал ярче, обнаженная шея и тело в маленьком вырезе на груди сквозили в этих пепельных волнах тонкого вуаля и казались еще белее за сероватой дымкой кисеи.

Началась музыка... На этот раз виртуоз остался случайно глаз на глаз с княжной. Саид, после первой же сыгранной пьесы, начал отчаянно зевать и попросился уйти. Гассана еще раньше вызвали. Опекун и духовник тоже выехали или уже спали.

Морельен играл и играл... Томный взгляд, милая улыбка, серьезная складочка прелестных алых губок красавицы — все воодушевляло виртуоза. Быть может, на этот раз — и он это чувствовал — он играл лучше, чем когда-либо. И наконец, окончив одну пьесу и взглянув на княжну, виртуоз увидел ее лицо в слезах...

Эмете заговорила тихо и с чувством, но по-своему и как бы себе самой, и Морельен не мог понять ее. Зато все, что говорили прекрасные глаза в слезах, смущенное оживленное лицо, он хорошо понял. Он видел ясно и то, как Эмете донельзя сконфужена и устыдилась своих невольных слез, как если б они были совершенно неуместные. Яркий румянец стыда покрыл все лицо княжны, когда виртуоз пристально стал смотреть на нее, польщенный этими слезами.

— Не надо это... Но не могу! — произнесла отчетливо Эмете, к изумлению Морельена.

— Вы? По-русски? — произнес он.

— Да. Немного. Много нельзя...

И оба, равно с трудом выражаясь, начали говорить по-русски медленно и односложно. Слов то и дело не хватало ни тому, ни другому. Артист произносил тогда поневоле немецкое слово, княжна какое-нибудь свое, дико звучащее в ушах его. Они не могли понять друг друга, но затем при помощи усиленной мимики и жестов, кончили тем, что понимали обоюднo то, что хотели сказать.

Морельен был очарован красотой, ласковостью и простым обхождением княжны. Она смотрела на него иногда так милостиво, что виртуоз начинал смущаться своими собственными помыслами.

Он не знал, что подумать, как объяснить эту ласковость обхождения.

«Говорят, что действие музыки на диких, — подумалось ему, — неотразимое, волшебное. Уверяют, что музыка их, как и змей, может непостижимо очаровывать. А ведь эта княжна полудикая по происхождению и воспитанию. Она никогда, может быть, не слыхала у себя на родине никакого инструмента... Тогда понятно, что она должна перечувствовать в первый раз в жизни при такой игре, какова его...»

Княжна просила сыграть что-нибудь веселое, объяснив жестами... Морельен сыграл тирольский танец и привел ее в иной восторг. Она оживилась...

Наконец появился снова Саид-Аль-Рашид, и при его помощи княжна объяснила Морельену то, что он думал сам, т. е. что она никогда такой музыки не слыхала, благодарит его и просит принять на память от нее подарок...

Она достала кольцо из шкатулки и подала ему. Морельен сначала отказывался, но по ее настоятельной просьбе взял кольцо, поцеловал его и надел на палец, говоря, что всю жизнь будет носить его.

Через несколько минут, хотя было довольно рано, персиянин-лакей доложил о приезде светлейшего.

Князь вошел в гостиную, поздоровался с княжной, кивнул головой виртуозу

и глянул на обоих несколько странно, как показалось Морельену. Взгляд князя был и сумрачен и насмешлив вместе.

Он тотчас отпустил музыканта домой, т. е. вежливо выгнал. Но взгляд Эмете, украдкой брошенный виртуозу вслед, был наградой... И Морельен вышел счастливым.

V

Столичный говор о княжне не умолкал. Особенно сильно заговорили о персиянке, когда какой-то банкир рассказал, что княжна громадные деньги положила у него на сохранение и что вообще она, кажется, свой миллион привезла с собою «чистоганом».

Кончилось тем, что петербургский полицеймейстер Рылеев счел долгом доложить о приезде персиян и о миллионном чистогане самой государыне. Он подал бумагу, которая гласила, что присутствие персиян в столице «плодит толкие пустые разговоры, от коих подобает предостеречь многих легковверных людей, дабы они тем праздным словам веры не давали и родить пустые толки о миллионе посылно воздерживались, за что по законам, как за вредительное благочинию празднословие яко противники, оному строжайше ответственать могут».

Государыня за последнее время очень недолюбливала «государственных болтунов и пустословов», т. е. людей, сочинявших хотя бы и невинные, но высшего разбора сплетни, т. е. касавшиеся намерений правительства и «статских дел материй».

А то, что пустила теперь молва в Петербурге, была выдумка, касавшаяся «материи статских дел», т. е. имела и политический характер.

Слух о браке персидской княжны с князем Таврическим, ради создания нового государства из христианских и мусульманских племен, был отголоском политических деяний, фокусов и превращений того времени.

Государыня, к удивлению полицеймейстера, на этот раз никакой меры к запрещению не указала, а только смеялась, что «Григорий Александрыч в зятя к шаху попал и кабардинским королем объявился».

Рылеев доложил, что он доподлинно узнал, что за княжна такая — эта приезжая. Он опасался, не шайка ли новая картежников и шулеров, подобно тем, что появлялись постоянно в столице с подложными визами, обдeldывали разных недорослей из дворян, а иногда и сановников, а затем исчезали... Оказалось, что персияне живут мирно и тихо, тратят, действительно, большие деньги, но документов никаких княжною и свитою не предъявлено «за неимением оных и небытием таковых в ее отечестве».

Полицеймейстер прибавлял, что сама княжна Эмете Изфаганова для себя только лично имеет документ, но приложила его к своему прошению на имя князя Григория Александровича и передала ему. А Баур сказывал, что это сущая правда.

— Так чего ж тебе еще! И оставь княжну в покое, коли Григорий Александрыч ее лично знает и видит. Ну, что в городе?..

Полицеймейстер, как всегда, по обычаю за много лет, передал государыне все новости столицы — и крупные, и мелкие.

Откланиваясь, полицеймейстер снова, однако, спросил насчет княжны. Следить ли за ней?

— Князь порукой за персидов!

Скоро у персидской принцессы перебивали почти все. Само же праздное общество создало себе празднословием кумир.

Княжна принимала всех радушно и гостеприимно, кокетливо любезничала с молодежью, еще милее обходилась с пожилыми, очаровывая их тонким лестным смешением бойкого кокетства с почтительным отношением к их годам или отличиям.

— Перецарапала чуть не всех — персидский котеночек! — решил один остряк-генерал, таявший больше других перед кокеткой.

Сама княжна не ездила в гости ни к кому, но, несмотря на это, у нее в доме явились и барыни: одни исключительно ради добычи невесты-богачки сынкам, другие, даже и с дочерьми, вследствие одного снедавшего их любопытства. Наконец, третьи явились в грузинском доме, «сами не зная, как и зачем... Другие туда едут, как же не заехать»...

Наконец однажды княжна заявила, что у нее будет бал, и просила всех сделать ей честь пожаловать...

Начались толки, и пересуды, и колебания... Нашлись барыни, которые в толках о бале заявляли, что поедут только в том случае, если домоседка-княжна явится к ним с визитом.

Но княжна по-прежнему не ехала ни к кому и не собиралась ехать.

— Гордячка какая! Скажи на милость! Кто ж это поедет к ней? — говорили барыни. — Еще там о царстве-то Каспийском пока враки одни. Она вот, того и гляди, не в царицы, а в скрипичи попадет, влюбившись в музыканта.

И многие барыни твердо решили не ехать на бал к «гордячке-персидке». Но вдруг пробежала молва, что не только князь Таврический будет на бале в числе приглашенных, но все для бала княжны, из любезности, будет дано от него... Лакеи, музыканты, повара, цветы из оранжерей дворца... все будет от князя — даже знаменитый нарышкинский оркестр, оригинальный, единственный не только в России, но и в Европе... Это был хор роговой музыки из рожков разного калибра, изобретенный Нарышкиным и купленный у него князем. Каждый музыкант мог взять на своем рожке только одну ноту, но из них составлялись и исполнялись искусно самые мудреные пьесы и танцы.

Искус великий, и устоять против соблазна кто же может!

— Но почему же она с приезда не была ни у кого? Ведь не из гордости же одной... Ведь она как любезна — у себя. Никакой тени амбиции даже нет. Зачем же она не ездит в гости и не едет приглашать?

Вот вопросы, смущавшие многих.

— Однако если все едут, то и я поеду! — решал всякий. И набралась толпа, из отдельных мнений набралось общественное мнение.

Два дня особое оживление было заметно во дворе и в горницах грузинского дома. Дом убирался к балу, и подводы с людьми из Таврического дворца запрашивали двор, и лакеи в ливреях князя Потемкина сновали в горницах.

Княжна Эмете не входила сама ни во что и даже не показывалась из своей маленькой гостиной — все устраивалось в зале и в больших парадных гостиных явившимися дворецкими и лакеями князя под руководством Баура.

Сама княжна хлопотала только о своем туалете при помощи двух горничных — своей персиянки Фатмы и русской, присланной от князя. Она проработала два дня, собственноручно унизывая свой корсаж многотысячной парюрой из бриллиантов и жемчугов. Эту работу опасно было поручить кому-либо чужому. Тут было целое состояние.

Абдурахим, Дербент, Ибрагим и Гассан ни во что не вмешивались и только дикими очами следили за приготовлениями к балу.

Наконец, на третий день дом ярко осветился. Все окна засияли, освещая улицу, а на подъезде появился в красной с золотом епанче, с громадной булавой, известный Питеру швейцар-невшателец. И его дал князь на этот вечер.

Эмете еще одевалась, когда посланный от князя офицер Немцевич прибыл в грузинский дом и просил передать княжне от светлейшего на словах вопрос и попросил таковой же ответ.

«Не робеет ли княжна Изфаганова?»

Немцевич передал вопрос Бауру, этот передал его лакею, а лакей русской горничной, приставленной из дворца, которую вызвал из уборной. Горничная передала княжне словесный вопрос.

Княжна задумчиво улыбнулась при этом и велела передать князю:

— Робею шибко, но не за себя...

Скоро начался съезд, и грузинский дом, роскошно убранный цветами, сиял в огнях. Хозяйка со свитой принимала гостей на пороге из большой гостиной в залу, где попеременно гремели уже два хора музыкантов, то обыкновенный инструментальный, то роговой.

Княжна мило приветствовала всех. Персияне угрюмо и мрачно кланялись из-за нее гостям, как всегда немые и будто озлобленные.

Многие заметили, однако, что сама княжна как-то менее обыкновенного весела, будто немного озабочена чем-то и рассеянна.

В числе гостей явился и красавец граф Велемирский, так как ни один вечер или бал в городе, вообще какое бы то ни было празднество не обходилось без него.

Теперь он явился без приглашения, и товарищи уговаривали его не ехать на бал.

Велемирский понимал, что дом, а потому и бал персиян такой особенный, что сюда можно ехать без зову. Явясь, он долго любезничал с княжной и заметил тоже озабоченность красавицы. Глаза ее бродили рассеянno и беспокойно по зале.

Когда гостиная и зала уже были полны народом, внизу у подъезда послышался стук колес и вместе с тем топот коней и бряцание оружия...

Это был князь с своим конвоем.

Светлейший вскоре появился на парадной лестнице, сопровождаемый свитой адъютантов и офицеров всех родов оружия.

Он медленной, тяжелой походкой поднялся по ступеням...

Лицо его было особенно оживленно, весело и довольноно.

— Молодец... Спасибо...— сказал он, проходя, Бауру, который его встретил один из первых.— Вишь как! Лучше, чем у меня было. А что наша княжна?..

— Слава Богу.

— И слава нам! Так ли? — усмехнулся князь весело...

— Слава вашей светлости,— отозвался Баур.

— И тебе, разбойник!

Княжна Эмете двинулась навстречу князю такая же озабоченная, но вдруг просияла. В свите князя глаза ее сразу нашли и увидели виртуоза-маркиза...

Его отсутствие на бале смущало ее целый час! Но вот он тут... и она будто ожила.

Княжна, улыбаясь как-то особенно лукаво, низко присела пред князем...

Он взял Эмете за руку и долго держал ее, не выпуская, и заговорил, любезно наклоняясь...

Князь невольно любовался ею. Эмете была чрезвычайно аванжна.

Весь туалет ее был дымчатый opakовый, с серебром из матово-белого шелка. На голове было нечто вроде легонькой шапочки, вышитой белым шелком, унизанной крупным жемчугом с серебряным шнуром... Стан был перехвачен тоже

белым серебряным поясом. Кроме того, на шапочке, на груди и на руках блестели и искрились бриллианты... Ни одного самоцветного камня не надела Эмете на этот раз. Вся ее фигурка была с головы до пят серовато-белая, серебристая и блестящая ярким алмазным блеском... Только румянец на щеках был розовый, только прелестные глаза заменяли бирюзу, только губки напоминали рубины...

— Один у вас порок, — сказал князь, и лицо его стало чуть-чуть суровее... — Ваше сердце холодно, как лед... Такая холодность чувств прилична бы уроженке северных стран, а не Персии.

Княжна опять промолчала и только опустила глаза и стояла недвижно, будто ожидая, чтобы князь ее отпустил, освободил.

— Однако я вас удерживаю. Пора начинать танцы, — вымолвил быстро Потемкин, будто догадавшись.

Княжна двинулась в залу, он последовал за ней.

Когда князь появился на пороге, грянула музыка и танцы начались.

VII

Едва князь очутился в толпе обступивших его льстецов и ухаживателей и удалился от дверей гостиной, как княжна ловким маневром очутилась в этих дверях и, найдя на пороге артиста, подала ему руку.

— Я очень пужалась, вы не приедет! — выговорила она быстро и взглянула на молодого человека такими глазами, что он невольно смутился...

Это не была только гостеприимная хозяйка, любезно бросающая фразу приветствия... В словах княжны была какая-то фамильярность и было даже чувство. Многие, стоявшие тут же, с любопытством прислушивались. Но княжна, казалось, не замечала никого или не обращала никакого внимания на толпу.

— Я наехал с князь, — отозвался артист на ее любезность, тоже ломаным русским языком.

— Да. Я увидел вас... И очень обрадовал. Послушай. Вы танцевать. Да. Конечно.

— Да-с... Но я не знаю... Я боился, много ваш гость дам не хочет мне сделать честь...

— Маркиз Морельен делай честь для русский дам, а не дам для французский дворянин! — любезно отозвалась княжна.

Несколько человек фыркнули и отвернулись.

Молодой человек промолчал и потупился пред княжной.

— Я приглашай вас сама второй менуэт. Послушай... согласна, маркиз?

— Но я не вем, княжна, — заговорил, смущаясь, артист... — Добже... Но я у князь Потемкин...

Артист не успел договорить. Около него появилась вдруг высокая фигура князя, и, оттеснив его, светлейший снова заговорил любезно с княжной... Все кругом видели, что княжна Эмете сразу будто разучилась по-русски, отвечала односложно, не то смущаясь, не то досадуя.

Раздалась ригурнель менуэта, и граф Велемирский подошел к княжне и поклонился.

Князь с изумлением взглянул на офицера. Он хорошо знал его и даже покровительствовал ему вследствие того, что тот был родственником мужа графини Браницкой.

Лицо князя омрачилось при виде этого офицера, известного в Петербурге волокиты. Он уже подавал руку княжне, чтобы вести ее на место...

Князь двинулся и тихо вымолвил голосом, в котором была строгость:

— Велемирский! На два слова...

Граф, заметивший выражение лица и голоса князя, несколько робко подошел к нему.

— Зачем ты здесь? Кто тебя пригласил?

— Никто, — совершенно смутившись, прошептал офицер, и лицо его пошло пятнами. — Я полагал...

И офицер смолк, не зная, что сказать...

— Ступай. Уезжай отсюда — и нимало не медля... — строго выговорил князь.

— Но как же менуэт? Я пригласил...

— Пустое.

И князь прибавил громче, обращаясь к княжне, которая стояла в двух шагах и с совершенно изумленным лицом смотрела на князя.

— Княжна, вы извините графа. Ему надо домой ехать сию минуту... Ступай! — обернулся князь к офицеру.

Несмотря на то, что эта сцена произошла быстро и князь говорил тихо и осторожно, но так как общее внимание было обращено на него, то иные все слышали, а другие видели и догадались...

Офицер почтительно, но с явным негодованием в лице вышел из залы и быстрой походкой взволнованного человека двинулся чрез ряд гостиных к лестнице.

Князь подошел к Эмете, все еще изумленной.

— Зачем вы прогнали графа? — вымолвила она беспокожно.

— Это нелюбопытно знать! — гневно сказал князь, подал ей руку и стал с ней среди пар, готовых начинать менуэт. В то же время взор его бродил в зале, отыскивая кого-то. Менуэт начался... Все глаза были обращены на танцующего князя. Все были изумлены... Нетанцующие осторожно перешептывались.

— Видели? Какова?

— Вот врезался-то?

— Каково! Прогнал...

— Это уж что-то по-турецки. Может, он этак на балах в Измаиле или Очакове после штурмов с пленницами привык танцевать. Кавалера вон, а сам на его место.

— Ну, жди, судари мои, чего диковинного в скором времени. Этакое так просто не сойдет.

Шепот и злоязычие длилось всю первую фигуру.

Кончив фигуру, князь подозвал молодого кирасира, не танцевавшего и которого он даже не знал по имени.

— Выручи, голубчик. Кончай за меня. Не за свое дело взялся. Стар... Простите, княжна... Вот вам кавалер.

Кирасир, довольный и польщенный, стал на место князя, а светлейший отошел в толпу глядевших на танцы.

Шепот прекратился, и ближайšie к князю обратились к нему с комплиментами.

— Где мне! Стар. Прежде умел не хуже нынешней молодежи.

Между тем на лестнице взбешенный граф Велемирский повстречал Баура, которого хорошо знал, и стал горячо жаловаться на поступок с ним князя.

— Здесь все незваные. Здесь ведь бывает всякий народ.

— Полно, граф. Не стоит горячиться. Уезжайте. Этак лучше. Право, — говорил Баур.

— Что ж он? В самом деле, что ли, разум от персидки потерял?

— Полно. Пустое.

— Да разве это не ревность?

— Ну, вот еще... Поезжайте домой! — усмехнулся Баур. — Я и сам жалею, что вас не видал прежде князя, а то бы тоже не апробовал вашего приезда. Пол-

но горячиться... Уезжайте. Ну, прогнал — эка важность. Завтра где отпляшете вволю.

И Баур, успокоив офицера, проводил его до лестницы и, вернувшись, пошел по гостиным поглядеть, все ли в порядке. Обойдя все гостиные, где прохаживались гости, он заглянул и в залу.

Князь стоял на пороге один, увидел любимца и подозвал его.

— А гляди-ка! Гляди! — мотнул он головой.— Говорили, мало будет народу. Не поедут... Небось!!

— Да-с. Много,— отозвался Баур.— Я даже, признаюсь, не ожидал такого многолюдства...

— Нет, а ты скажи, какова наша княжна! — вдруг воскликнул Потемкин.— Ведь просто алмаз. Ты посмотри, как красива в этом сереньком покрывале. Какое лицо... Какие глаза... Как танцует! Как принимает и любезничает со всеми. Как русские слова говорит, которые только вчера выучила. А?..

Князь весело расхохотался.

Бал все оживлялся. Всюду, все нетанцующие тоже весело двигались и без умолку пересмеивались. Видно было, что помимо танцев было что-то оживлявшее толпу.

Было злорадство. Они приехали сюда, уступив любопытству и унизив немного свою гордость. Надо было отомстить злоязычьем и хозяйке, и ее патрону, этому гордецу.

А злорадствовать было отчего. Во время второго менуэта князь не спускал глаз с красавицы-персиянки, и лицо его было угрюмо... И этого мало. Он не дождался не только конца бала, который сам устроил, но не дождался даже конца этого менуэта и уехал...

Какая была этому причина?

Толпа гостей поняла все... Князь был взбешен.

Этот второй менуэт княжна Эмете танцевала с проходимцем-музыкантом, которого он же, по неразумию, привез с собой, вероятно, лишь в качестве зрителя. И вдруг музыкант оказался кавалером княжны. Но этого мало. Персиянка, по наивности и малому воспитанию, выдала себя с головой. Кто видел этот менуэт, видел ее танцующею с красивым артистом, тот ясно понял, что персидская принцесса ни больше ни меньше как без ума влюблена в музыканта.

И все гости видели это... И сам артист, казалось, был изумлен и смущен обхождением красавицы.

И светлейший Таврический, старый волокита, видно, хорошо все понял, потому что не выдержал и ускакал.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — говорили, смеясь, повсюду.

— Вот тебе и персидочка!.. Кого предпочла вельможе-временщику.

— Ай да Изфаганова! Молодец, котенок!

Гости, однако, начали разъезжаться и разъехались очень рано. Любопытство было удовлетворено. Двойной скандал с Велемирским и с музыкантом все видели. Хозяйку и князя за гостеприимство растерзали... Больше же делать было нечего. А все остальное было нелюбопытно.

В час ночи грузинский дом уже опустел.

VIII

После бала у княжны и ее поведения с маркизом не оставалось сомнения, что Эмете равнодушна к артисту. Не только сам Морельен-Шмитгоф должен был поневоле думать это, но даже в столице начались толки, что князю что-то не везет за последнее время. Проходимец нарядил его в шуты, сначала выдав себя за

француза и заставив князя поверить, что он аристократ и эмигрант, а затем, теперь, отбив у него «предмет».

Все бывшие на бале видели, как «прелестный котенок» недвусмысленно обращался с музыкантом и как угрюмый князь волновался, очевидно, ревнуя.

Какая пропасть лежит между ним, могущественным вельможей, и безвестным скрипачом-проходимцем! Они оба стоят на двух крайних ступенях длинной и мудреной лестницы общественной иерархии... Один — превыше всех и всего, а другой — нищий, без роду и племени... А вот в деле получения пальмы первенства от женщины, в деле суда женского искренного и влюбчивого сердца — могущественный Потемкин проиграл и должен уступить красивому и талантливому артисту. Могуществу временщика есть предел — сердце красавицы, недоступное честолюбию.

Так толковали, ликуя, многочисленные враги князя и, всячески превознося княжну, заезжали к ней в гости, сидели до сумерек, объясняясь отчасти чрез Саида, отчасти прямо с ней самой, так как с каждым днем Эмете начала все легче и лучше объясняться по-русски.

В столице знали теперь, что делалось в грузинском доме, знали, что самозванец-маркиз стал бывать почти ежедневно у красавицы Эмете, но тайно от князя.

Виртуоз не ограничивался днем и не ограничивался только игрой у княжны. Он бывал и вечером, засиживался поздно, а скрипка его оставалась иногда дома. Он просто проводил время в беседах с красавицей, и уже всегда без помощи Саида, так как оба — и она, и он — усердно учились по-русски. Маркиз делал успехи огромные и, достав себе настоящего учителя, начал даже учиться читать и писать, чтобы скорее осилить российскую грамоту. Знание польского языка значительно облегчало учение. Что касается княжны, то она делала успехи поистине невероятные и уже почти свободно объяснялась с своим любезным.

Все шло быстро... с неимоверной быстротой, точно в арабской сказке. Недаром героиня была Адидже-Халиль-Эмете...

Не прошло десяти недель с бала у княжны, как и она, и виртуоз беседовали свободно по-русски, изъясняя друг другу далеко не двусмысленно взаимные чувства.

Красавица-персиянка, вероятно, вследствие простоты полученного бесхитростного воспитания, вела себя прямее, откровеннее и решительнее невыходящих красавиц... Она намекала, что свободна как ветер, независима, как сирота, самостоятельна настолько, что одни лишь свои личные мечты для нее указ и закон, а богата настолько, что всякую мечту может привести в исполнение помимо всего и вопреки всем.

Маркиз, наоборот, будто переродился и из легкомысленного и веселого артиста стал осторожным, стал даже озабочен и задумчив.

Причина этой перемены была простая. Он был как бы испуган чрезмерным счастливым, невероятным поворотом колеса Фортуны. Давно ли он голодал и не имел полного приличного платья, чтобы идти играть где-либо на вечере за скудную плату. И вдруг он в Петербурге, в Таврическом дворце, сыт, обут, одет, с карманами, наполненными золотом, которого положительно девать некуда. А затем тотчас же колесо Фортуны поворачивается опять и опять... Он встречает красавицу-девушку, знатную и богатую, сходится с ней... сначала принимает ее милостивое обращение за дань его таланту, но вдруг видит, что она его любит! Да, любит страстно! Но все это может внезапно и мгновенно рассеяться, как дым, исчезнуть, как сон в минуту пробуждения. А какая это ужасная минута, чтобы ее пережить! И что-то шептало артисту на ухо — не отдаваться поспешно и опрометчиво обманчивым сновидениям и мечтам...

— Она меня любит — нет сомнения, — думал и говорил артист, волнуясь, у себя в горнице. — Но кого она полюбила во мне?

И музыкант иногда с отчаянием на душе восклицал:

— Она любит все-таки маркиза Морельена де ла Тур д'Овера. И когда я упаду к ногам ее и признаюсь, исповедуюсь... Что будет?.. Что совершится?.. Да, я чувствую, что я этого не переживу; моя голова, мое сердце не вынесут такого поворота колеса Фортуны. Иметь все и все потерять! Я с ума сойду. Я слишком глубоко и сильно чувствую. А все-таки надо, рано или поздно, сказаться. А как ей признаться, что я бедный простой мещанин, без гроша, без роду, даже без родины, что я не знаю того, что знает последний холоп русский, не знаю, где я родился. Говорить ли это? Когда? Как...

И артист видел, что он никогда не решится на этот шаг, разве только когда увидит ясно, что ей жить без него стало невозможно и невысказано. А пока она только увлечена им. Сильно, искренно... Но все-таки это еще не пылкая, безумная страсть, которой нет преград.

IX

Легкомысленный, вечно веселый дотеле артист становился с каждым днем все сумрачнее, по мере того что прелестная княжна, очаровывая его, сердечно и наивно, хотя все-таки не прямо, а намеками, выказывала ему свое увлечение. Сначала в самозваном маркизе заговорила только алчность.

Его соблазнили средства княжны, ее обстановка, куча денег, которую она тратила на туалеты и на всякий вздор. Эта масса, наконец, бриллиантов и вещей, которая появлялась на ней... На бале все видели и ахали от ее жемчугов и бриллиантов, а между тем у нее было еще полдюжины всяких парюр из рубинов, изумрудов. Он даже видел целую коллекцию бирюзовых украшений с алмазами, от шпилек в голову и до пряжек на башмаки из такой пары бирюзы, которая одна стоила до тысячи рублей.

Этот блеск обстановки ослепил и привлек проходимца, как манит серенькую бабочку огонь, ярко сверкающий среди мрака темной ночи. Но около этого огня, помимо ослепительного блеска, есть и заманчивое тепло, которого, быть может, и ищет ночная бабочка, не ведающая лучей солнца. Этот проходимец, как одаренный от природы художник, у которого была все-таки чистая и чуткая к прекрасному душа, пылкое сердце, полное порою высоких стремлений и благородных порывов, скоро отнесся к любящему его существу совершенно иначе.

Он скоро перестал думать о самоцветных парюрах и бриллиантах знатной персиянки и видел в ней только девушку, прелестную лицом, чувствительную сердцем, остроумную в беседе.

Были минуты, и артист сознавал себе самому — и был горд этим сознанием, что если наутро он узнает, что персидская принцесса самозванка, или если окажется, что она разорена, нищая, без приюта... то он предложит ей разделить с ним его холодную горницу в Вильно, его необеспеченный кусок хлеба, добываемый мало кому нужным трудом... Потому что он любит ее... Да, любит страстно — не за бриллианты ее... а за эти проникающие в сердце бирюзовые глазки, эту простодушную улыбку пухленьких пунцовых губок и грациозно мягкие движения котенка.

Вскоре и совершенно неожиданно для артиста произошло объяснение.

Он сидел, по обыкновению, у княжны, и было уже поздно. Эмете была скучна на этот раз и малоразговорчива, и наконец, когда артист напомнил, что уже скоро полночь, и, встав, начал собираться домой, — красавица насмешливо и раздражительно вымолвила:

— Да, пора... Вообще пора... и мне пора домой.

Музыкант изумленно поглядел на нее, его удивил оттенок досады в голосе ее, а равно и слова, которых он не понял.

— Домой? Вам? — вымолвил Шмитгоф, стоя пред ней.

— Да. Не вечно же я буду здесь в Петербурге. Дело мое, говорил вчера князь, чрез три дня будет решено — и я могу ехать к себе на родину.

Артист стоял как громом пораженный...

Такое простое обстоятельство еще ни разу ему не приходило на ум.

— Что с вами? — спросила Эмете.

— Я не думал никогда об этом, — сознавался он. — Мне не приходило на ум, что вы можете вдруг уехать и я никогда вас более не увижу.

— От вас зависит... — едва слышно произнесла Эмете и отвернулась от него как бы в досаде.

Наступило молчание...

— Но зачем вам ехать?.. — вымолвил он наконец. — Отчего не жить здесь? Ну хоть до зимы... Вы свободны...

— Гассан не хочет. Он хочет скорее венчаться.

— Но вы сто раз говорили мне, — воскликнул вдруг артист горячо, — что вы его не любите и не пойдете за него.

— Да... Если найдется другой, который меня полюбит и которого я люблю.

— И такого нет?.. — нерешительно произнес он.

— Которого я люблю? Есть. Но он... Я не знаю...

Наступило опять молчание... Княжна будто ждала и ожидала помощи, но артист, взволнованный, тяжело дышал и молчал, опустив глаза в пол.

— Я не знаю, любит ли меня тот, за которого я бы пошла? Он ни разу не сказал мне этого прямо. Почему? Бог его знает...

Артист упорно молчал. Эмете продолжала решительнее:

— Я могу думать, что он меня любит. Но он молчит. Вот... Вот и теперь молчит... Что же мне делать? Уезжать, конечно, и выходить замуж за Гассана...

— Он молчит, потому что он боится этого признания, — выговорил чрез силу Шмитгоф. — Он может признанием сразу все потерять...

— Я не понимаю...

— Скажите мне: кого вы любите?.. — произнес вдруг артист, наступая на сидящую Эмете как бы с угрозой.

— Кого? Зачем эта странная игра в слова? Вы знаете...

— Скажите мне имя человека, которого вы полюбили... Скажите мне его титул, его положение в обществе...

— Имя его простое, как и происхождение... А положение его самое скромное и самое блестящее вместе: он замечательный музыкант...

— Его имя?.. Его имя? — почти закричал артист. — Его имя для вас маркиз Морельен де ла Тур... Понимаете ли вы меня! — кричал молодой человек с отчаянием в голосе.

— Вы ошибаетесь, я люблю другого, а не маркиза Морельена, — серьезно говорила княжна, вскидывая опущенные глаза и глядя артисту прямо в лицо.

Он стоял пред ней как истукан, глядел на нее, но почти не видел от тревоги на сердце.

— Я люблю музыканта-скрипача, неведомого происхождения, которого имя Шмитгоф, — тихо проговорила княжна.

Молодой человек вскрикнул, бросился пред ней на колени и схватил ее за руки.

— Что вы сказали? Что вы сказали?

Она молчала и не двигалась. Он прильнул губами к ее рукам и, не произнося ни слова, целовал их.

Княжна снова заговорила первая и передала ему, что она на другой же день после бала узнала все. Ее гости рассказали и предупредили ее, кто он. А князь из ревности подтвердил тоже, что музыкант не француз, а безвестной национальности, и не только не маркиз, но даже и не дворянин.

— И вы все-таки любите меня, зная правду...— воскликнул он.— И согласны быть моею, стать простой мещанкой?

— Мы и дворянство, и титул купим!.. Но чего нельзя купить ни за какие деньги, то у вас есть...

— Что?.. У меня ничего нет...— вскрикнул артист, все еще боясь рокового недоразумения...

— Молодость, красота и искусство! — нежно произнесла княжна, наклоняясь над ним...

Молодой человек, в порыве увлечения, обнял миниатюрный стан красавицы, привлек к себе ее лицо и хотел поцеловать.

Княжна быстро отшатнулась.

— Нет! Нет... Этого никогда... Пока я не буду вашей женой, я не могу позволить целовать себя... Это не обычай... у нас.

Он выпустил ее из рук и восторженно воскликнул:

— Моей женой! Скажите слово — и вы будете ею завтра. Сегодня... Сейчас...

— Да... Но наша судьба — мудреное дело.

— Отчего?

— Мы в чужом краю... Здесь, в этом городе, есть могущественный человек, который может, если захочет, погубить нас обоих, уничтожить. Он всевластен столько же, сколько жесток.

Князь?

— Конечно. Кто же?.. Неужели вы не догадались? И неужели вы не знаете его? Он на все способен.

— Что же делать... Уезжать. Скорее... Или вместе, или врозь, в разные стороны. И съехаться опять на границе, там, у Каспийского моря.

— Да. Но прежде всего мы должны все-таки здесь же обвенчаться по обряду вашей религии, так как ваших церквей нигде нет, кроме Петербурга, ни в России, ни в Персии. А по обряду моей веры меня мой духовник обвенчает беспрекословно всегда и везде.

И княжна объяснила Шмитгофу, что он не может ехать за ней, не будучи с ней обвенчан заранее.

— Ступайте к пастору и переговорите с ним. Но главное — тайна! Иначе мы наживем много хлопот с князем. Он упрямец и бессердечный человек...

Княжна долго и подробно объясняла, как надо поступить, чтобы брак совершился втайне и обошелся без несчастия.

Перетолковав обо всем, заговорившись далеко за полночь, они наконец расстались.

Шмитгоф вышел от княжны опьяненный от счастья... Ему не верилось.

Вернувшись домой, он всю остальную ночь просидел не раздеваясь и сумасшествуя... Два раза доставал он свою скрипку и начинал страстно целовать ее. И глаза его были влажны: в них стояли слезы упоения.

X

Княжна Эмете была права, говоря, что ее брак — дело мудреное.

На другой день Шмитгоф отправился к своему пастору и объяснил ему все дело. Старик-священник, расспросив все, объявил, что постановления церкви не позволяют ему венчать магометанку с христианином и что княжна необходимо должна прежде креститься... Музыкант был поражен открытием, но понял, что священник прав. Когда он вернулся к княжне с ответом пастора, она призадумалась и была, видимо, поражена.

— Я не знаю, что делать! — произнесла она наконец.— Надо подумать...

— Надо креститься в мою веру,— сказал он робко и нерешительно.

— Никогда! — промолвила княжна.

— Другого исхода нет...
 — Переходите в мою...— как вызов бросила она эти слова, упорно глядя в лицо его и будто говоря глазами: «Будешь ты способен на такую низость или нет?»
 — Я вас люблю... Страстно... безумно...— начал молодой человек.
 — Но веры для меня своей не покинете...
 — Нет! — прошептал через силу артист, будто боясь этих слов.
 — За такие чувства я вас и полюбила! Да... Каждый из нас останется в своей религии... Поезжайте к вашему пастору и скажите, что за наше венчание он получит десять тысяч! Не согласится — обещайте двадцать и более. Другого средства нет.

Шмитгоф через час уже был снова у пастора, но не застал его дома... Вечером он опять отправился и тоже не застал, но заезжавший домой священник пролил его через лакея приехать наутро.

Утром все уладилось... Деньги, т. е. целое состояние, соблазнили, видно, старика. Он согласился венчать за 25 тысяч, но с двумя условиями. Первое: уплата денег перед венчанием, и второе: обязательство соблюсти полную тайну со стороны венчающихся.

Последнее условие было не только выполнимое, но даже необходимое самим жениху с невестой из боязни мести князя.

Шмитгоф имел, однако, неосторожность рассказать тотчас пастору, насколько им самим нужна тайна из-за князя Потемкина, и старик, старожил Петербурга, призадумался...

— Может вместо вас достаться мне... когда вы будете далеко, вне его власти.

Шмитгоф понемногу уверил, однако, старика, что князь и не узнает, что он и Эмете были обвенчаны, так как они тотчас уедут в Персию.

Пастор смутился и колебался, но, однако, согласился окончательно.

И в то же утро Шмитгоф обрадовал невесту согласием священника... Она же объявила ему, что переговорила уже с Абдурахимом, который очень обрадовался ее сообщению, так как не любит Гассана.

На следующий день пастор неожиданно прислал за Шмитгофом, прося к себе по важному делу. Артист, чуя беду, поскакал и с первых же слов старика пришел в отчаяние.

Пастор объяснил, что посвятил предыдущий день на расспросы в городе, и, узнав много нового, отказывался наотрез. Ему рассказали все... Друзья из русских объяснили ему, что с князем шутить нельзя, хотя бы и иностранцу... А тем более и легче можно меня погубить,— прибавил пастор от себя,— что и деяние будет противное законам церкви. Если б княжна была христианкой, то он еще решился бы и в случае преследований со стороны Потемкина уехал бы на родину, где мог бы поселиться. Но совершать незаконное деяние в таких обстоятельствах невысказано.

— Меня отрешат, лишат сана и сошлют,— сказал он.— Если же она крестится, то я буду прав перед моим духовным начальством и могу жить на родине.

Шмитгоф вернулся к невесте и объявил ей новость... Княжна долго молчала, закрыв лицо руками.

Вечером, когда уезжавший Шмитгоф снова был у нее, она встретила его словами:

— Поезжайте завтра — скажите пастору, что я крещусь... Перехожу в вашу веру...

Шмитгоф вскрикнул...

— Да. Я люблю вас, другого исхода нет. Но пусть все это в один день, зараз. Это мое условие неперемное. Я надеюсь, что теперь он может согласиться.

На другое утро Шмитгоф снова поехал к пастору и сиял от счастья, но приехал к княжне вне себя от отчаяния. Пастор все-таки наотрез отказывался.

— Отчего? — воскликнула княжна.

— Бойтся. Он опять собирал по городу всякие слухи. Все уверяли его, что князь настолько влюблен в вас, что в его гневе и мщении не будет предела жестокости... Пастор согласится только в том случае, если будет разрешение императрицы.

— Он безумный! Разве я могу? Разве это условие?.. Через кого же мы будем просить царицу... Да наконец... Это невозможно...

И они просидели целый час в унынии.

— Вы согласились перейти в мою веру... — сказал наконец Шмитгоф. — Я делаю ту же уступку. Я перехожу в магометанство. Нам достаточно венчаться по обряду вашей веры у Абдурахима.

Княжна потрясла кудрявой головкой.

— Этим все препятствия устраняются, — сказал артист.

Княжна усмехнулась коварно и презрительно...

Шмитгофа кольнуло.

— Христианин не может и не должен переходить в нашу веру... У меня на родине таких презирают. Все это вздор! А вот что не вздор. Вы завтра же поедете просить заступничества у единственного в Петербурге человека, который не побойтся князя. К Зубову! Если он прикажет пастору, тот согласится.

Шмитгоф подпрыгнул от радости.

— Да! Да! Да!

Через два дня Шмитгоф рано утром был у Зубова.

Заявив лакею, что у него есть дело до господина Зубова, о котором ему уже говорено было, он велел доложить о себе.

— Как ваша фамилия? — спросил лакей и озадачил прибывшего.

Под каким же именем явиться к Зубову? Как назваться? Вот что озадачило артиста. Он является просить о деле, от которого зависит вся его жизнь. Уместно ли тут продолжать комедию самозванства? Тем более неуместно, если княжна знает давно правду... от самого князя, то, стало быть, весь Петербург знает правду. Потемкин, неизвестно зачем, продолжает играть роль обманутого и все зовет его маркизом Морельеном. Но ведь Зубов и не слышал его настоящей фамилии и может отказать неизвестному лицу.

Молодой человек запнулся на минуту и велел наконец доложить...

— Приезжий из-за границы скрипач, живущий у князя Таврического.

Зубов удивился его появлению и, догадавшись, что это — пресловутый французский эмигрант, заинтересовался.

«Что такое? — подумал он. — Князь его прогнал! Хочет ко мне наниматься. Что ж. Только уж с уговором возьму — не под титулом маркиза».

И Зубов велел ввести скрипача.

Шмитгоф, смущаясь от предстоящего объяснения и просьбы, нетвердыми шагами вошел в кабинет. Но ласковость Зубова и добродушно-веселый, хотя отчасти насмешливый тон, с которым он принял музыканта, несколько ободрили его.

Он стал передавать дело подробно... Зубов не перебивал и слушал его с видимым любопытством. О княжне, ее красоте и состоянии он слышал много раз от друзей и знакомых. О том, что князь влюблен в персиянку, говорилось повсюду. Интересуясь всем, что касалось до Потемкина, Зубов давно подсылал своих доверенных в грузинский дом разузнать всю подноготную. Но они, конечно, попались в сети еще более. И в результате Зубов узнал об Эмете только то именно, что она пожелала. Выслушав теперь подробное объяснение музыканта, Зубов, видимо, был доволен.

— Я рад вам помочь. Всячески. Но что же я могу? — спросил он музыканта. Тот передал подробно свои переговоры с пастором и его боязнь мести князя.

— Только-то...

— Только... Но все в этом... Все наше несчастье. Если ваше превосходительство за нас скажете пастору одно слово, обещаете заступничество ваше — он не побоится.

— В таком случае поздравляю вас с вашей свадьбой... Обождите здесь в приемной. Я сейчас pošлю курьера за вашим пастором.

Шмитгоф вышел в соседнюю горницу и вскоре увидел, как курьер тройкой в дрожках проскакал к Невскому проспекту.

Пока артист дожидался, флигель-адъютант послал за своим братом, полковником Николаем Зубовым, и, смеясь, объяснил ему казус с Потемкиным.

Артист между тем радовался придуманному княжной средству выйти из затруднения и нетерпеливо глядел в окно.

Наконец появилась тройка в дрожках, и около курьера сидел пастор. Старика провели к Зубову.

Нескоро, однако, вызвал Зубов артиста, а когда позвал, то объявил ему, смеясь и показывая на пастора:

— Ну-с, господин Шмитгоф, дело уладится, если княжна согласится иметь в качестве свидетеля при крещении одного офицера, присутствие которого требует г-н пастор ради своей безопасности. Стало быть, зависит от княжны, ее согласия принять якобы в крестные этого офицера.

— Кого же?

— Господина Платона Зубова.

— Помилуйте... Это такая честь! — воскликнул артист, сияя от восторга.

— Ну вот, поезжайте и скажите княжне. И если она согласна — вы пришлите меня уведомить, когда будут ее крестины и ваше венчание. Я готов изображать и крестного, и посаженного.

XI

Любезность Зубова разрубила гордиев узел, т. е. устраняла все затруднения. Однако не все были счастливы и довольны.

Старик-пастор тревожно думал и обдумывал все последствия.

Друзья напугали пастора, что он случайно попал между двух огней. Были случаи такой борьбы не раз и свежи в их памяти...

Пастор многое сам понимал и передумывал теперь и чувствовал, что у него все-таки кошки на сердце скребут. Сначала он хотел тайно и скрытно обвенчать влюбленную парочку и, получив крупную сумму, тотчас уехать подальше, а теперь, с этим сильным якобы покровителем, будет, пожалуй, беда и Зубову, и ему!..

Известие, привезенное княжне Шмитгофом, что, по настоянию робкого пастора, сам Зубов будет присутствовать при ее крещении и венчании, привело Эмете в восторг. Точно будто ей только этого и хотелось...

Она запрыгала как ребенок и захлопала в ладоши. Она не утерпела и тотчас выбежала к себе в спальню, где сидела и кроила платье ее горничная Параша.

— Зубов, Зубов будет, — воскликнула княжна.

Параша вскочила с места.

— Где? Здесь?

— Нет. В церкви свидетелем...

Эмете объяснилась, и Параша тоже просияла.

— Пастора так напугали в городе князем, что без присутствия Зубова на свадьбе не соглашается венчать меня.

И оставив радостную Парашу одну, княжна выбежала назад к жениху.

Горничная отпросилась выйти со двора у Фатьмы и через полчаса была уже

на пути к Таврическому дворцу, где по приходе долго таинственно совещалась с братом, лакеем Дмитрием.

Отпуская сестру обратно, Дмитрий сказал шутя:

— Ну, прощай, Паранька. Скоро, стало быть, твоей службы конец. Князь слово сдержит. Выходит, тебя можно хоть сейчас уж и с лихим женихом, и со здоровым приданым поздравить.

В тот же вечер у князя был Баур, и между ними шло совещание.

Князь сидел задумчив, но с более ясным лицом и более веселый, нежели был за весь день.

— Еще он сказывал, что приличнее и желательнее было бы, если бы не в самом храме шум был. Говорит, зачем князь не хочет раньше помешать, еще на дому, когда он с женихом соберется...

— Зазнался! — кратко промолвил князь и прибавил: — Не его это дело. Зубов-то поедет прямо в храм, а не на дом. Ну, его пустобрешества мне слушать нечего. Ты лучше подумай-ка вот да скажи: кого же?

— Я не знаю, отчего вы Немцевича бракуете? Он усердный.

— Толстая он индюшка! — отозвался князь. — Его только за рагат-лукумом в Москву гонять можно. За прошлый раз пробарабанил поясницей 1200 верст до белокаменной и обратно, ну, жиру с него и сняло малость. Бодрей стал. А где же его на этакое дело главным посылать?

— Меня, сказываю, пошлите командиром.

— Сказал — не хочу. — Неподходящий ты. Да и зачем тебе Зубову идти в бête noire.

Баур помолчал и воскликнул:

— Брускова... Вот кого...

— И да, и нет... — отозвался князь. — А где он, шельма?

— Сидит у невесты. У Саблуковых. Да не весел, горюет, что ваше расположение потерял. И свадьба его не на радость.

— Не надуйай. Спасибо еще, что из Шлюшина ради девочки выпустил. Ну да вот что... Я его обещал совсем простить, коли мое дело выгорит... Возьми его опять и наряди тоже в поход. Но главнокомандующим и его нельзя... Робок и не сметлив. Тут нужен хват!

Наступило молчание.

— Стой! Готово! — вскрикнул князь. — Нашел: Велемирский!

— Да, это, пожалуй, лучше всего! — весело сказал Баур. — Хорошо надумали, Григорий Александрович. И вам преданный человек, и голова отчаянная. Лишь бы не пересолил только. Поранит кого! — рассмеялся Баур.

— Свиту княжны все равно надо по домам распускать.

На другой день граф Велемирский, вызванный к Потемкину, сидел у него и слушал объяснение предприятия князя относительно княжны Эмете.

Наконец Потемкин кончил и сказал:

— Ну, могу я на тебя положиться?

— Я так виноват перед вами, ваша светлость, — ответил граф, — за прошлый случай на бале, что готов хоть на луну лезть для вас... Вы поступили со мной как родной...

— Вот то-то вы, молодежь. А небось как злился на меня, что я тебя отогнал от дамы и прогнал с бала. Только, чур, исполнишь ли ты указ мой? Никому ни слова, что знаешь.

— Свято исполню.

— Ну, ладно. А теперь я одного опасуюсь. Баур говорит, коли ты распалишься, то начудишь... Не убей кого в сумятице...

— Будьте спокойны. Зачем, — рассмеялся граф. — Это от них будет зависеть... От их строптивости.

Наконец однажды к Зубову явился в полдень переводчик княжны Саид-Аль-Рашид и, принятый им, объяснил ему своим диким русским языком, что завтра ввечеру, в восемь часов, известные ему лица поедут в церковь венчаться.

Зубов приказал двум офицерам к вечеру приготовиться, чтобы сопровождать его в «некую забавную поездку» в качестве адъютантов.

Он не думал о церкви, крестинах и венчании княжны, хотя его интересовало видеть очень хорошенькую женщину, судя по единогласному отзыву всех, ее выдавших. Зубова занимала и забавляла иная мысль. Он вообразил себе князя, получающего известие о браке княжны, о том, что она уже даже не невеста, а молодая жена... И чья же? Того же цыгана, жида или венгерца, который его уже раз одурачил на весь город, а теперь одурачит еще большее.

«Но хороша, однако, и княжна эта,— думал он,— выходящая замуж за безродного пройдоху-скрипача. Сомнительная княжна... Может быть, тоже из цыган!»

Мысли о княжне, которую все признавали за красавицу и кокетку, привели молодого человека к мысли: «Не поехать ли к ней? Поглядеть, познакомиться».

«Ведь даже неловко ехать на свадьбу, ни разу не выдав ее!» — решил он.

А в это самое время, час в час, у князя среди комнаты, стояло в сборе несколько человек офицеров, из коих трое в первый раз переступили порог частных апартаментов князя.

Все его ожидали.

Тут был, между прочим, и Брусков, довольный, счастливый, прощенный князем и принятый вновь на службу с условием отличиться в этот день. В чем — он не знал еще.

После всех явился граф Велемирский, веселый, сияющий, и оглянул команду, которую ему поручал князь.

— Известно им? — спросил он Баура.

— Нет. Князь объяснит сам... а вы готовы?

— Готов... Вот что. Пистолеты брать с собой?

— Уж не знаю,— усмехнулся Баур.— Полагаю, что князь не позволит брать. Зачем?

Офицеры, услышав беседу, стали переглядываться и коситься на графа и Баура. Больше всех смутились Немцевич и Брусков. Новички еще могли желать отличиться ради князя и сразу выйти в люди, т. е. поступить во дворец на службу.

Брусков боялся вообще таких положений, где пускается в ход оружие, и сумел даже в войну на Дунае очутиться делопроизводителем в канцелярии.

Наконец появился князь, оглянул всех и вымолвил:

— Ну, судари молодцы, услужите мне. Награжу всякого тем, что попросит. В чем дело — не ваше дело! Что прикажет вот граф. Он — ваш командир, и вы должны ему завтра повиноваться как бы на войне. Скажу только — вам придется отбить женщину у ее охраны, но не бить никого.

XII

Зубов свой визит в грузинский дом долго помнил потом... Когда княжне доложили о его приезде, она отвечала вопросом, т. е. велела спросить господина Зубова, зачем он пожаловал.

Зубов, ожидая, что княжна его примет с восторгом, был неприятно озадачен и даже изумлен.

— Доложи княжне,— сказал он,— что я желал с ней заранее познакомиться ввиду того дела, которое она знает...

Княжна приказала просить.

Когда Эмете вышла к гостю, он был приятно поражен и мысленно отдал ей дань восхищения.

«Действительно, прелестный котенок!» — подумал он словами всей столицы.

— Благодарю вас за честь... — заговорила княжна, прося гостя садиться... — Но очень сожалею, что вы ко мне пожаловали.

— Я вас не понимаю, княжна, — сказал Зубов, изумляясь и поневоле смеясь этой наивной манере принимать. — Объяснитесь.

— Объяснитесь вполне ясно — я не могу... Но скажите мне вы... Зачем вы приехали сюда?..

Зубов объяснил, удивляясь, что ввиду ее просьбы быть свидетелем при ее свадьбе и заступником против преследований ее угнетателя он пожелал с ней познакомиться. Княжна отвечала, что она никогда не просила жениха ходатайствовать об этом, не желая навлекать на господина Зубова срам и позор.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что моя свадьба будет самый ужасный соблазн, скоморошество... по милости князя. И вы, будучи свидетелем, попадете в смешное положение.

— Почему же, княжна? Вы думаете, что князь что-либо предпримет, не допустит вас обвенчаться?

— Я боюсь... Почти уверена в этом заранее! — воскликнула Эмете.

— Но я за вас заступлюсь! За этим я и буду... Я был очень рад, что Шмитгоф меня пригласил, а пастор поставил даже условием мое присутствие...

— Я вас прошу, глаз на глаз, господин Зубов, не быть на этой свадьбе... Я не хочу, чтобы над вами смеялись потом.

Говоря это, княжна глядела пристально в лицо Зубова своими прелестными зелеными глазками, и какая-то странная тревога, помимо ее воли, сказывалась в чертах ее лица и во взгляде. Она будто боялась его ответа, его решения.

Зубов молчал и не знал что ответить... Его умолял жених согласиться... Он был рад случаю досадить князю. А теперь невеста просит его бросить все... Конечно, надо опять согласиться, т. е. бросить затею.

— Извольте, княжна... Не могу же я насильно предлагать вам свою помощь.

— Ну, вот и отлично! — громко воскликнула Эмете с неестественной, будто сыгранной веселостью и тотчас прибавила: — Да и где же бороться с князем?..

— Ну это... Это позволяйте, княжна... Позвольте не согласиться.

— Вы воображаете, например, что если вы явитесь чьим-либо свидетелем или покровителем, то князь не посмеет ничего сделать.

— Ему будет труднее... Он не решится... Я уверен, что если бы он что-либо затевал против вас, то после вашего венца, при котором я был бы в качестве посаженного, он ничего не сделает.

— Ах, вы ничего не понимаете... Вы малый младенец! — воскликнула Эмете.

Зубов слегка обиделся, как всякий молодой человек, когда ему женщина бросает в лицо его молодость в виде упрека.

— Князь вас с лица земли стереть может! В шуты нарядить! И я не хочу, слышите ли вы, этого. Я не хочу, чтобы это было из-за меня... Вы меня потом возненавидите, а я этого не желаю...

Княжна говорила горячо и не смотрела почти на гостя, но все-таки хорошо видела действие ее слов.

— Позвольте же, княжна, мне доказать вам на деле, что вы ошибаетесь... Во всем ошибаетесь... Вы преувеличиваете могущество князя и унижаете мое положение...

— Как? Вы все-таки будете? — воскликнула Эмете. — Ну, так я вам говорю... что вы не посмеете быть... А если решитесь быть... то будете уничтожены князем...

Зубов досадливо рассмеялся:

— Буду и докажу вам, что вы ошибались...

— Я молчу... Я свое сказала. Все сказала... Мне вас жаль... Очень жаль... Вы себя губите...— И княжна покачала головой, усмехаясь, прибавила: — Вам с князем — тягаться!! Вам...

Зубов встал и уже несколько раздражительно, смеясь, выговорил:

— Вот увидим... До свидания...

Зубов протянул руку.

— Еще одумаетесь...— шепнула лукаво и насмешливо княжна, тоже подавая руку.

Зубов нагнулся, очевидно, с целью поцеловать ее. Эмете быстро отдернула руку.

— Княжна... Поцеловать руку у нас не считается оскорблением для хорошенькой женщины.

— Нет. Я не хочу...

— Ну, я прошу, настаиваю...

— Никогда!

— Ну, хотя бы за все те неприятные, оскорбительные слова, которые вы мне наговорили сейчас.

— Ни за что!

— Я вас умоляю...

— Ни за что! Никогда! Хоть убейте...

— Я вас умоляю, княжна. Я не уйду без этого! — вдруг заупрямился Зубов, как баловень столицы.

Эмете была первая женщина, которая не оказалась счастливой от такого знака внимания с его стороны.

Наступило молчание. Зубов стоял протянув руку, и видно было по его лицу, что он не уступит.

— Я не уйду... Не уйду! Хоть до вечера...— шепнул он, глядя в прелестное личико княжны.

— Но я не могу допустить этого... У нас это не в обычае... Поймите...

— Вы в России, а не в Персии...

— Что ж из этого?..

— Мы одни... Никто не увидит, не узнает.

Княжна молчала, стояла опустив глаза и сильно смущенная. Даже лицо ее зарумянилось сильнее.

— Оставьте это... Прощайте! — вымолвила она наконец.

— Повторяю десятый раз: ни за что! Вы упрямы. Я тоже.

Княжна двинулась в сторону. Зубов догадался и заступил ей дорогу. Она очутилась между ним и диванчиком, как в западне.

— Послушайте, если так...— заговорила она.

— То я буду кричать и звать моих к себе на помощь,— прибавил Зубов, смеясь.

— Нет... Если вы так упрямы, то я уступаю! Уступаю насилью... Но руку я вам все-таки не дам. Это не обычай у нас... Целуйте меня!

— Вас?!— воскликнул Зубов.

— Да, целуйте меня... Это возможнее... Тут ничего особенного не будет... А руку я не могу. Ну... Извольте-с!..

И княжна, став вполоборота, подставила свою щеку. Зубов смутился, в свой черед, от неожиданности, но был слишком светский человек и слишком шалун в юности, чтобы терять время и раздумывать...

Он нагнулся и крепко поцеловал румяную щеку княжны.

В ту же секунду она юркнула мимо него и убежала из гостиной.

Зубов постоял мгновение один среди горницы, как бы приходя в себя от неожиданной, странной сцены. Потом он рассмеялся и двинулся уезжать.

«Вот уж не ожидал! — думал он.— Не хотела принимать! Наговорила с три короба дерзостей! Не дала руки и подставила личико!.. Однако понятно, почему Питер от нее в восхищении. Замечательный зверек!.. Прелестный котенок!..»

ХІІІ

Наступил день и время, назначенное для тайного венчания.

К вечеру тревога пастора усилилась и перешла в лихорадочное волнение, так как за час до назначенного времени старика поразило странное обстоятельство. Около храма появилось много всякого народу, и плотная толпа зевак все росла.

Княжна Эмете, по словам Шмитгофа, никому не хотела говорить о своей свадьбе... Стало быть, Зубов неосторожно рассказал, что поедет на венчание и крестины персидской княжны.

Так или иначе, но старик-пастор, выглядывая из окна своей квартиры, был изумлен и встревожен.

Толпа любопытных все увеличивалась и скоро дошла от десятков до сотен. Посланный причетник, потолкавшись в народе, вернулся и доложил пастору, что все эти люди знают, зачем собрались: всем известно, что будет бракосочетание персидской принцессы. Только многие простые люди путают и думают, что сам князь будет венчаться, так как их всех княжеские дворовые люди прогнали сюда глядеть... И сами пришли.

— Как, люди Потемкина?..

Причетник объяснил подробнее, что в числе прочих зевак в толпе оказывается много народу из Таврического дворца, люди князя и их приятели, люди других господ... И все они говорят, что их сейчас только негаданно прислали глядеть на свадебный поезд княжны... Поэтому некоторые из них полагают, что не сам ли князь венчаться будет.

«Что же это такое? — подумал смущенный пастор.— Если даже людям Потемкина известна тайна княжны... Что же князь? Покорился участи? Отказался от княжны?»

Однако через полчаса пастор уже в облачении поджидал брачащихся среди освещенной церкви. Что ж было не освещаться и соблюдать тайну, когда ее разделяют сотни зевак, сошедшихся со всего города.

Но и этого мало. За десять минут до назначенного часа против церкви появились кареты, коляски, экипажи и всадники-гвардейцы... Все это съехалось глядеть свадебный поезд княжны Изфагановой, весть о замужестве и венчании которой молнией пролетела по гостиним не далее как за час перед тем. Некоторые барыни не успели одеться, как подобало случаю, и поэтому решили ехать поглазеть хоть из кареты на один поезд.

Многие, однако, выходили из экипажей и вступали в церковь, за ними и простой народ, кто посмелее, пробирались в «кирку», опросив наперед соседей:

— А как там, тоись, насчет шапки...

— Вестимо, без шапок. Тоже храм. И образа, и всякое такое...

— Нет, вы, ребята, — заметил в толпе только один солдат-инвалид, — так подтвердительно не надейтесь... Я этак-то вот, в плену будучи, зашел в басурманов храм да как шапку-то снял — мне в шею и наклали, да и вытурили вон. Говорят, нагрешил! Все сами-то в шапках стоят.

В той же толпе весело болтали и лукаво ухмылялись люди Потемкина и все поглядывали в два места, то на угол Итальянской, то на противоположную сторону, где был дом графа Велемирского, наискосок от церкви.

Глухой и темный слух ходил утром между ними, что графу, по случаю свадьбы

княжны, поручено что-то диковинное. Чудодей князь что-то затеял!. И теперь их офицеры тут у графа, гостями.

Наконец шум и говор прошел по толпе. Вдали показалась желтая берлина, а за ней двое конных — это был Зубов.

Зубов подехал, вышел и, входя в церковь, был, видимо, удивлен, как и пастор. Не предполагал он быть на свадьбе при таком стечении народа. Он недоумевал. Музыкант умолял его о соблюдении тайны, и поэтому он никому, кроме братьев и двух близких друзей, ни слова не сказал... Ему даже хотелось свое участие в свадьбе сделать сюрпризом. Кто же разболтал? Даже в обществе известно... Кареты!

Зубов прошел в церковь в сопровождении двух офицеров и, встреченный пастором, тихо заговорил с ним. Пастор — это видели наполнявшие церковь — пожимал плечами и ежился, как от холода... Расспросы Зубова еще более встревожили старика.

На улице в эту минуту оживились, прошел гул... Вдали показалась голубая карета цугом, а за ней несколько открытых экипажей, из которых торчали и остроконечные мерлушечьи колаки персиян.

— Свадебный поезд!

— Гляди-ка! По-басурмански! Не обвенчаны, а уж вместе.

— Вместе в храм едут. Жених с невестой. Вот, братцы, колено-то!

— Это по-персидски.

— Должно, из церкви зато врозь поедут, в разные стороны! — крикнул кто-то громко, и дружный хохот был ответом на шутку.

— Невеста-то какая... С наперсточек...

— Тише, что вы по ногам ходите! — с достоинством произнес чиновник соседа.

— Ах, родимые мои,— ахнула женщина в платке,— никак, ей всего годов девять...

— Жених-то, братцы, тоже персид аль иной какой?..

— Эй, любезный, ты чего это лезешь на меня!— провизжала здоровенная барыня на мастерового.— Что я тебе — авка, что ль, аль забор?

— А ведь невеста, ваше превосходительство, действительно из себя прелестница.

— Да, субтильна!.. Да...

Карета с невестой и женихом подъехала к церкви; три лакея, соскочив с запяток, отворили дверцы.

Жених изумленными глазами, как бы потерявшись, оглядывал густую толпу. Княжна, наоборот, казалось, совсем не была удивлена и, весело улыбаясь и оглядываясь по сторонам, выпорхнула из кареты.

Одежда ее ослепила ближайших.

— Батюшки-светы... Бралли-антов-то!.. А-я-яй... Я-яй! — завыл кто-то даже жалобно.

Толпа во все глаза, не сморгнув, глядела на голубую карету и на жениха с невестой, но вдруг сразу все обернулись назад к ним спиной.

— Дорогу! Расступись! — крикнул повелительный голос сзади.— Живо! Задавим!..

Пять человек офицеров и с десятков солдат верхами будто выросли из земли и, налезая, рвались чрез толпу к карете.

В один миг толпа расступилась на две стенки, и всадники достигли панели, где еще стояла, оправляя платье, невеста.

Персияне, выйдя из экипажей, подходили гурьбой к ней с Гассаном впереди. Но командовавший офицер соскочил с коня и, бросив повода другому, быстро подошел к княжне.

— Позвольте просить вас обратно садиться в карету, — сказал он вежливо. — По приказанию светлейшего, я вас должен немедленно доставить в Таврический дворец.

Говоривший был граф Велемирский.

Княжна стояла не двигаясь и глядела на графа и на свою свиту, ожидая чего-то...

— По какому праву! Что вы, господин офицер... — робко воскликнул Шмитгоф. — Это незаконно... Мы чужеземцы...

— Молчать! — уже крикнул Велемирский на артиста и тотчас обернулся снова к невесте. — Извольте садиться в карету, или я велю людям спешиться и арестую всех.

— Я не дам! — крикнул Шмитгоф. — Здесь господин Зубов... Здесь в церкви...

Граф, видя, что княжна стоит не двигаясь, обнажил саблю. Персияне сразу загалдели, но на их лицах было только изумление и тревога.

— Княжна, пожалуйста!

Он отстранил Шмитгофа, подал руку Эмете и, при всеобщем молчании и изумлении плотной толпы, княжна так же легко и грациозно вспорхнула обратно в карету, как выпорхнула из нее за минуту назад.

Граф захлопнул дверцу.

— Вы, на место! — приказал он лакеям, и трое ливрейных живо бросились на запятки.

Карета тронулась, а за ней вплотную поскакала конвоем команда графа. Только один Брусков остался у панели, держа под уздцы лошадь графа.

— Что это? Это насилие! — крикнул Шмитгоф своему бывшему другу Брускову, которого вдруг увидел. — Скажите, что это такое?

Брусков сидел на лошади, как истукан, и не ответил ни слова.

Персияне между тем снова галдели. Гассан горячился.

Граф Велемирский, обратясь к ним, толково и медленно разъяснил, что им следует покориться распоряжению начальства, которое знает, что делает.

— Поэтому, господа, садитесь спокойно в свои экипажи и отправляйтесь обратно домой! — закончил он речь. — А что значит арест княжны — вы узнаете после. Понятно?

Дербент плюнул и пошел садиться в свою коляску.

Граф, усмехаясь, собирался сесть на лошадь, когда незнакомый офицер приблизился к нему и вымолвил:

— Господин Зубов, флигель-адъютант ее величества, приказал вас, господин офицер, просить войти в церковь для дачи объяснений всего происшедшего.

— А разве Платон Александрович в церкви? — спросил Велемирский, весело усмехаясь.

И на утвердительный ответ он быстро двинулся на паперть.

Зубов встретил офицера почти в дверях, за ним стояли бледный, как полотно, Шмитгоф и не менее встревоженный пастор.

— Что все это означает? — гневно спросил Зубов.

Граф объяснился.

— Но какое основание может иметь князь арестовывать персидскую княжну в минуту ее венчания. Это смахивает на простое похищение женщины!

— Не могу и не должен знать-с. Бумаги и дела княжны у князя. Я исполняю только приказание светлейшего, — отвечал Велемирский почтительно.

Зубов вышел на улицу.

Шмитгоф, как потерянный, почти, казалось, без сознания всего окружающего, последовал за ним... И чуть-чуть, по рассеянности и убитости, не сел артист в коляску Зубова.

Персияне уже уехали, и он был один.

Народ глядел на уезжавших по очереди в глубоком молчании. Власти разыгрались — держи язык за зубами. А то неровен час сболтнется — и живо причастным к делу окажешься.

Но когда Зубов отъехал, а граф Велемирский и Брусков тоже ускакали, толпа шелохнулась и, расходясь во все стороны, загудела, весело перемешивая речь смехом и прибаутками.

Два имени — Потемкин и Зубов — были у всех на языке.

И народ сразу рассудил дело иначе, чем сами участники происшествия. Офицеры, бравшие княжну как бы под арест, верили, что увозят женщину. А народ решил по-своему.

— Нешто станет он для такого дела силком девку во дворец волочить — чего ему в персидке этой! Невидаль какая!

— А энтот, вишь, ее с немцем венчать хотел. А князю тот немец самый нагадил... Князь его и поучит...

— Вестимо. А то — для себя, вишь, будет!

— Ну вот из-под носу невесту теперь взял да за другого, гляди, и просватает.

— А что, ребята... Я что видел! — говорил глуповатый молодой парень.

— Что?

— Персидка-то эта самая? Как ее сгребли да повезли... Чудно!..

— Да ну, что?

— Сидит да смеется. Ей-Богу! Ей бы плакать, а она смеется...

— Чего ж ей плакать-то?..

— Я ж почему знаю...

XIV

Экипаж княжны Изфагановой, в сопровождении конвоя из офицеров и солдат, немало дивил всех встречных...

Прохожие ожидали увидеть в карете мощную фигуру князя, а вместо него оттуда выглядывала миниатюрная женская фигурка, хорошенькая, богато одетая и весело улыбающаяся.

Наконец карета въехала во двор Таврического дворца... Княжна при помощи лакеев выпрыгнула на подъезд и быстро вошла в швейцарскую.

— Доложить прикажете? — несколько недоумевая, спросил швейцар-невшатель, узнавший княжну, но дивившийся конвою ее...

— Не знаю, — нерешительно отозвалась княжна. — Я думаю!..

Но прискакавший с нею капитан Немцевич уже бежал докладывать...

Другой офицер, Брусков, тоже слез с лошади и, спокойно войдя в швейцарскую вслед за княжной, вдруг, как бы волшебством, превратился в истукана. Он стоял невдалеке от княжны и глядел на нее разинув рот, широко тараща глаза, очевидно, находясь под мгновенным влиянием столбняка.

— Княжна Изфаганова? — повторял он мысленно, и он вдруг подумал, искренно испугавшись:

«Батюшки, уж не я ли спятил?»

— Что, какова? И вас поразило? Дивная красавица, — шепнул ему на ухо чиновник Петушков, прибежавший из канцелярии поглазеть на княжну.

— Да-а... — промывчал Брусков бессознательно.

— Вы в первый раз ее видите?..

— Я... Да-а... Я... Ой, не спятил ли я? — громко проговорил Брусков.

Княжна, озиравшаяся кругом, услышала эти слова и увидела взгляд Брускова, прикованный к ней, и, усмехнувшись, повернулась к нему спиной.

— Князь просит пожаловать! — почти крикнул Немцевич, спускаясь рысью по лестнице.

Княжна поднялась быстрой походкой, прошла весь дворец, все парадные комнаты и большую залу, уже окутанные мерцающими сумерками летней белой ночи.

Князь распахнул дверь из кабинета и ждал; завидя идущую, он еще издали протянул к ней руки.

— Ну...— вскрикнул он.— Иди, княжна моя неоцененная!

И когда княжна была уже около него, он нагнулся, обхватил ее могучими руками и поднял на воздух, как перышко...

— Целуй меня... Вот так!..— с чувством сказал он, целуясь.— Еще раз... Вот так... Чем поквитаюсь — не знаю...

И, поставив ее на пол, слегка смущенную и румяную от волнения, князь протянул ее за руку, ведя в кабинет.

— Садись. Рассказывай все... Ничего не забудь! Все...

— Раненых нет?

— Нет!

— Аминь и Богу слава! Ну, ну, рассказывай!..

Княжна начала быстро рассказывать.

Между тем у церкви происходило иное.

Чрез полчаса после происшествия, когда улица давно опустела и пастор, довольный отчасти, что все так разрешилось мимо него, выходил из темной церкви, причетник тушил свечи, на ступенях паперти ему попала на глаза в полумраке сидящая фигура в блестящем костюме...

Пастор подошел ближе, пригляделся и ахнул. Это был злосчастный жених.

Шмитгоф сидел на ступени, очевидно, уже давно, положив голову на руки и закрыв лицо ладонями.

Пастор позвал его... Он не двинулся и не ответил.

Старик заговорил с участием и, наконец, тронул молодого человека рукой за плечо. Артист наполовину очнулся и поднял голову.

— Что же это вы... Так! Здесь?.. Идите! Уезжайте домой.

Артист смотрел в лицо пастора и молчал.

Лицо его, даже в сумраке вечера, сверкало белизной.

— Как вы бледны! — воскликнул участливо старик.— Идите. Войдите хоть ко мне пока...

Шмитгоф поднялся с трудом, как бы наполовину сознательно, и молча двинулся, пошатываясь, за пастором. Старик что-то говорил, но он не слушал.

Они вошли в квартиру.

— Утештесь. Авань все обойдется еще счастливо,— заговорил пастор.— Господин Зубов очень возмущен этим делом. Посмотрите. Он ответит, то есть князь. Есть же предел, наконец, хотя бы и могущественным людям! Это соблазн! Ему прикажут возвратить вам вашу невесту.

— Возвратить! — воскликнул вдруг артист и зарыдал.— Возвратить!.. Опозоренную!

Старик вздохнул и, стоя против сидящего и рыдающего молодого человека, ни слова не ответил...

— Она погибла! Погибла! — восклицал молодой человек и взглядом как бы умолял пастора о противоречии.

Но старик, понурившись, молчал.

В тот же вечер рассказ о «неистовом деянии» князя облетел город.

Многие лица, ездившие смотреть свадьбу, были тоже очевидцами насилия над чужеземкой.

— Как? Нашлась девушка, которая не сдалась добровольно уже постаревшему бабьему угоднику, так он норовит силой взять! — восклицали одни.

— Да еще действует не сам, позорит военное звание, посылая на такое дело офицеров! — прибавляли другие.

— И находятся же такие низкие люди, которые согласны идти на всякое дело! — рассуждали трети.

— Зубов должен не уступать... Помимо доброго дела, ему же пуще всех тут неприятность. Он должен спасти девочку от чудодея и ради ее самое, и ради своей амбиции.

Зубов, по дороге домой, после происшествия, был несколько смущен той ролью, которую он разыграл. Ему хотелось подшутить, обвенчав княжну с другим! А вышло, что он сам попал в смешное положение! Но мог ли он думать, что князь решится на такой грубый поступок! Среди бела дня... На глазах всех.

Но когда он рассказал домашним происшествие, то отец его и братья отнеслись к делу совершенно иначе. Самый умный из них, Валерьян Зубов, решил, что дело — отличное. Лучше не надо...

— Это начало конца! — воскликнул он. — Шабаш! Дальше нельзя. Дальше его прихотничество и самовольничание идти не могут. Посмотри, что на персидской княжне — оборвется...

И Зубовы уверили брата, что непременно строго взглянут на этот поступок.

— Ты знаешь, — говорил Валерьян Зубов, — все прощают милостиво. Одного не любят и не прощают — зловредные женщинам козни наших сердцеядов.

— Жениться на ней велят! Вот что!..

— Это только не наказанием ему будет. Он в нее как мальчишка врезался!

Братья посоветовались и решили, не предпринимая ничего, ждать. Полицеймейстер должен был донести о таком крупном соблазне в столице.

Рылеев доложил наутро все подробности происшествия около кирки.

Тотчас приказано было просить князя.

Князь прислал Баура объяснить, что он очень болен, в постели и, извиняясь, обещается через два дня явиться непременно.

Баур отвез затем письменный ответ князя.

Государыня прочла записку в несколько строк, пожала плечами и задумалась. Она думала:

«Ну как же не ошибиться простакам да и умным на его счет? Кто же поверит, что в этой голове могут рядом зреть и уместиться планы и предназначения самых громадных предприятий — и самые пустые и смехотворные прихоти и затеи... Высшая политика — и скоморошество, военные подвиги — и домашние штуки, дипломатические интриги — и похождения...»

XV

Князь, похитив «персидку», хворал для всех, то есть никого не принимал. Он был не только здоров и бодр, но веселее чем когда... Он играл и доигрывал партию в той игре, что сам затеял.

Баур, граф Велемирский, Немцевич, Брусков, лакей Дмитрий и его сестра, даже дворянин Саблуков, даже персиянин Амалат-Гассан и еще многие другие действующие лица — бывали у него, уезжали и исчезали, являлись вновь... Только княжны не было видно, и никто о ней не говорил, по-видимому, и не думал. И где была она, никто, кроме разве Дмитрия с сестрой, не знал. Только раз, однажды утром, капитан Немцевич, из желания подольститься к князю, осведомился нежно о здоровье княжны.

— Как, ваша светлость, она себя изволят чувствовать? Все ли в добром здравьи?

— Кто? — спросил князь наивным голосом.

— Княжна тоись...

— Какая княжна?

— Княжна Изфаганова-с...— оробел Немцевич.

— Какая Изфаганова?

Немцевича душа машинально ушла в пятки, и он не отвечал.

— Отвечай, коли спрашивают! Чего рот разинул? Ну? Я у тебя спрашиваю, какая такая княжна Изфаганова? Откуда ты такую выудил?

— Не могу знать-с...— пролепетал Немцевич.

— Не можешь. То-то... Пошел...

И капитан не ушел, а выкатился шариком.

Наконец, на второй день вечером, когда князь сидел полулежа на софе, с книгой в руках, явился Брусков с докладом.

— Ну что ж? Прощать совсем придется тебя? — весело спросил князь, и не только губы, но и глаза его смеялись.

— Придется, ваша светлость.

— Справил, стало быть, как след?

— Справил отменно. Шесть часов бился с ним. Уговорил-таки просить, умолять, в ногах у Зубова валяться хоть сутки...

— Да отчего же он, шельма, не хотел. Простое дело. Самому надумать бы следовало.

— Сказывал: не стоит... Все погибло... Княжну вернешь самое, но уж... не совсем тоись...

— Как не совсем? Не пойму!

— Княжну, сказывал, может, князь и отдаст назад, но, стало быть, ее только самое вернешь, а чести ее уж не вернешь...

Князь вдруг залился громким хохотом и даже опрокинулся на подушку дивана.

— Ой, батюшки, уморил... О-ох... дай воды испить...

— Ну, ты уверил его, дурня, что невеста его для меня священна осталась? Хоть сейчас получай в полной неприкосновенности.

— Уверял. Вот он и был у Зубова. Тот все не хотел, но потом поддался и обещал вам написать.

— Ну, а когда?

— Записку с курьером, должно быть, завтра получите.

— Ну, ладно... Спасибо... Я у тебя на свадьбе посаженным.

— Не стою я ваших милостей.

— И у меня, братец ты мой,— рассмеялся князь,— из-под носу невесту не увезут от жениха.— Ступай и посылай ко мне Баура. Надо тоже и пустяками заняться. Просьбу датского резидента вели ему захватить с собой... Совсем забыл со всей этой кутерьмой.

На другой день, действительно, явился курьер от Зубова и привез князю записку.

Зубов объяснил Потемкину, что он вмешивается в дело, до него не касающееся, только из жалости к артисту и из «чувства оскорбленной справедливости», а затем и «ради попирания законов гостеприимства», и, наконец, «в защиту несчастной сироты, одинокой на чужбине».

— Вишь как расписался! — воскликнул князь.— Все тут есть... Только смелки нет...

Князь велел сказать курьеру, чтобы он передал на словах господину Зубову, что князь получил записку, но отвечать ему на нее нечего.

В то же время князь вызвал Немцевича и объяснил ему, чтобы он ехал тотчас к Велемирскому и сказал: «Пора».

— Понял ты?

— Понял-с.

Когда капитан был в дверях, князь вдруг остановил его, как бы вспомнив:

- Стой. Про какую это ты прошлый раз княжну говорил? Как сказывал-то... Изфагановская, кажись?
- Точно так-с! — робко шепнул Немцевич.
- А кто она такая... Откуда ты ее выискал?
- Не могу знать-с!.. — прошипел капитан.
- Когда он вышел, князь весело расхохотался.
- Вечером явился и сам граф Велемирский.
- Завтра в двенадцать часов Платон Александрович будет к вам, — произнес он, театрально кланаясь.
- Молодец! — крикнул князь. — Садись. Рассказывай, как обделал...
- Не сердитесь только, князь... Может, я пересолил, — сказал граф. — Только ведь это из усердия! По необходимости, а не по глупости.
- Что такое?
- Я действовал через всех знакомых. И ото всех слышал в ответ только одно. Зубов говорит, что ему на такой шаг решиться при их отношениях неприлично, не позволяет амбиция. Да и толку от сего, кроме унижения, ничего не будет. Тем дело и кончилось... Прогорело все.
- Ну?
- Ну, я перекрестился да сам к нему и махнул.
- Как сам? Да ведь ты у него никогда не бывал. Ты из моих.
- А вот. Сам-то я все и устроил! — рассмеялся Велемирский. — Приехал и объяснил все дело. А дело вот какое... Простите, коли пересолил... Дело такое, что тетушке графине Александре Васильевне да и всей родне нашей очень неприятно все это происшествие с княжной Изфагановой и что все мы на князя Григория Александровича поскольку посмели — напали с осуждением и просьбой освободить персидскую княжну. Князь, видимо, и сам был смущен необдуманным шагом... Да и княжна ревет, мечет и плачет и руки на себя наложить два раза хотела, так что ее чуть не на привязи держат и караулят... Дело, стало быть, плохо... Князь сам видит все, но уперся... Стыдно... Будто ищет только приличного предлога, чтобы разделаться с этой княжной... Предлог этот есть, и сам князь обмолвился...
- Ну, ну... Пока хорошо... А вот тут загвоздка. Что ты на меня-то выдумал?
- Князь обмолвился, — продолжал Велемирский, — что если бы сам Зубов, у него почти не бывающий, разве только по особенно важному государственному делу или поручению царицы, — если Зубов сам приедет и попросит князя возвратить невесту, но не жениху ее, а только отпустить и дать свободно уехать к себе, да поручится князю, что сего ненавистного брака с скрипачом не состоится, то князь тотчас ее отпустит.
- Ну...
- Ну, он помялся, помялся, да чтобы всех одолжить — и вас, и всю нашу родню, и княжну, да и себя самого... и согласился.
- Ну и одолжит! Воистину одолжит!
- Завтра, в 12 часов, он и будет лично к вам просить отдать ему эту прелестницу, обещаясь, что не допустит ее брака с музыкантом.
- А сам думает небось про себя: «и надую». Поедет вместе домой к ней — да и обвенчаются где по дороге, хоть в Москве или Киеве...
- Отпуская Велемирского, он поцеловал его и затем приказал позвать Баура.
- Завтра прием... Я выздоровел.
- Князь рано лег спать и наутро рано проснулся. Одеваясь, он почти по-товарищески весело болтал с Дмитрием о всяком вздоре, вспоминал кое-какие приключения из прошлого, случаи из жизни в Яссах.
- А что наша княжна, — спросил он, — готовится на объяснение?
- Чего тут готовиться... — фамильярно отвечал Дмитрий. — Нешто такая голова, чтобы загодя гадать, что говорить! Бесценная голова — умица, каких

поискать, да и днем с огнем не найдешь! И как это вот бывает на свете, в таком состоянии и такими свойствами Господь одарит...— важно зафилософствовал лакей, одевая барина и подавая уже камзол.

— Господу Богу все равны. Кого захочет, того и взыщет. Ну, а как мундир? Скоро поспеет?

— Какой мундир? Вам?

— Дурень... Мундир княжне Изфагановой...

— А-а... Готов! Уж примеривали, — весело сказал Дмитрий. — Чуден вышел канцелярский служитель, Григорий Александрыч.

— Да мал еще очень! Совсем видать — не мужчина, как ему быть следовало...

А ребенок либо девчонка.

— Сам с ноготок, да ум в потолок!

В эту минуту вошел в уборную капитан Немцевич и доложил, что просители уже набираются и происходит удивительное.

— Что ж такое? — спросил Потемкин.

— Да уж очень много, — сказал капитан. — И простых людей много.

Князь усмехнулся.

— Что ж мудреного, — сказал он, обращаясь к офицеру. — Столько вот дней приему не было, ну и понабралось, зараз и полезли...

XVI

В зале князя, действительно, вследствие двухдневного отказа, набиралось много посетителей... Были и сановники, которым дали знать, что князь выздоровел и будет принимать... Но были и офицеры. Было много и простых людей, купцов, мещан и разносортных горожан.

В некоторых группах офицеров шел разговор.

— Вы что, полковник, по какому делу? Жалоба аль благодарить за что?..

— И сам не знаю, зачем приехал...

— Вот как? Стало, нас этаких тут много...

— И вы тоже не знаете...

— Да мне граф Велемирский сказал, что князь хочет посоветоваться с офицерами о новых уборах головных и покажет модели. Говорит: случай лично беседовать с князем.

— А вы что... Почему...

— Да мне сродственник один посоветовал сегодня собраться просить князя насчет моего дела в Соляном правлении.

Такие все шли разговоры.

Наконец в полдень князю доложили о прибытии Зубова.

— На моей улице праздник! — произнес он.

Затем он быстро встал и двинулся в залу.

Все шевельнулось, зашумело, двинувшись, и поклонилось.

Князь ответил кивком головы на общий поклон и своей тяжелой походкой прошел мимо двух рядов плотной толпы прямо к противоположным дверям и остановился...

Зубов уже двигался к нему по анфиладе гостиных...

Князь ждал на пороге, и по лицу его пробежала недобрая усмешка...

Зубов ускорил шаг и подошел... Лицо его казалось несколько смущенным. Видно было, что он будто сам не рад, что явился.

— Чему обязан удовольствием вас видеть?.. — с сухой любезностью проговорил князь, подавая руку.

— Дело, князь...

— Поручение от государыни?

— Нет, князь... Я по своему делу... то есть по особому делу...

И Зубов сделал незаметное движение вперед, как бы говоря, что пора двинуться и идти в кабинет...

Князь будто не заметил движения и не шевельнулся с места, а только повернулся боком к толпе, и оба очутились почти на пороге, друг против друга, окруженные толпой почти вплотную.

— Я слушаю...— произнес князь.

Зубов слегка усмехнулся.

— Но здесь... Я не могу. Я могу только наедине объяснить... Вам будет неприятно. Вам! Если я здесь все скажу. Поймите... Мне все равно!..— несколько свысока промолвил флигель-адъютант, косясь на толпу.

— И мне тоже, Платон Александрович, все равно... Тайны у нас с вами нет.

— Извольте! — вспыхнув, вымолвил Зубов громко. — Я приехал просить вас освободить княжну Изфаганову.

Князь глядел на молодого человека и не отвечал.

Фамилия произвела магическое действие. Все встрепнулись, прислушиваясь, ждали.

Наступило молчание в зале, и, несмотря на многолюдство присутствующих, воцарилась полная тишина, не возмущаемая ни единым звуком.

— Вы приехали за княжной Изфагановой? Просить освободить как бы из заточения?..— повторил князь.

— Да-с...

Снова молчание. Князь вздохнул.

— И этого сделать не могу,— произнес он.— Но скажите, государь мой,— снова громче заговорил князь,— какое вам до этого дело? И как вы в такой переплет замесались?

Зубов выпрямился и произнес запальчиво:

— Похитить чужую невесту, чуть не из храма, и держать ее насильно...

— Кто же вам все это сказал?

— Я был приглашен на свадьбу княжны и видел... Княжна сама просила...

— Извините. Вы ошибаетесь. Я это строго запретил! Эта именуемая вами княжной Изфагановой вас усиленно просила не быть в церкви. Вы явились по приглашению...

— Все равно... Жених позвал меня как защитника, боясь насилия... И он не ошибся! И вот я поневоле являюсь теперь защитником сироты-чужеземки, почти ребенка.

— Позвольте же вам доложить: никакой княжны Изфагановой на свете нет и не было! — проговорил князь мерно.— Был машкерад, чтобы проучить здорово проходимца, который явился ко мне сюда под именем маркиза-эмигранта... А что многие лица полезли, куда их не звали, приехали на бал, куда их не приглашали,— я сожалею, но в этом не виноват... А что вы, наконец, вмешались в этот машкерад по молодости лет — я еще более сожалею. Мой главный скоморох — сиречь юная персидская княжна — сама просила вас, по моему приказанию, в церковь не ездить...

Зубов несколько оторопел и глядел на Потемкина уже с тревогой в лице...

— Я ничего не понимаю, князь. Какой машкерад!..— выговорил он.— Стало быть, княжна Изфаганова...

— Не княжна! — отвечал князь вразумительно.— Так же как маркиз — не маркиз.

В зале наступила опять тишина и молчание...

Зубов стоял румяный и смущенный, но вдруг вымолвил:

— Я не верю. Извините... Пускай княжна, запертая у вас, сама придет сюда и сама все это скажет. Я поверю!

— Брусков! — крикнул князь.

— Чего изволите? — отозвался тот за его спиной.

— Позови поди сюда прелестницу персидскую, которая вместо одного многих обморочила и в шуты вырядила. Пускай сама явится.

Офицер кинулся в кабинет, и с этой минуты все взоры приковались к дубовым дверям.

— Да-с,— продолжал князь.— Я этого, конечно, всего предвидеть не мог... Я хотел пошутить только над самозванцем-маркизом. А потрафилось не то. Один скomorох — правду сказать, шельма и бестия — весь город одурачил...

— Но кто же тогда эта... девушка... Ваша крепостная?.. — вымолвил Зубов, уже окончательно смущенный.

— А вот извольте спросить сами! — любезно отозвался князь, указывая на отворяющиеся двери...

На пороге показалась маленькая фигурка в светло-голубом платье с вырезным лифом и матово-серым вуалем на голове.

— Княжна Эмете!.. Пожалуйте! — сказал Потемкин.

Красивая фигурка приблизилась.

— Это ли княжна, господин Зубов?

— Это. Да... — пробурчал молодой человек.

— Ну, виныся... Шельма! — рассмеялся князь... — Буде скomorошествовать-то. Довольно у тебя ручки-то лизали разные старые и молодые! Иди-ка на расправу... Говори... Княжна ты или нет... Персидская?..

— Нет, ваша светлость! — вымолвила фигурка, косясь на толпу с румяным от смущения лицом...

— Верите ли вы, господин Зубов... — обернулся князь.

Зубов стоял уже не смущенный и насмешливо улыбался.

— Если она, эта девушка, сама говорит, что она не княжна, — отозвался он умышленно развязно, — то, конечно, я должен верить... Но, извините, я не понимаю главного.

— Чего же?

— Остроты, князь. Остроты во всей вашей шутке. Разума и цели в машкераде.

— Как тоись?..

— В чем же ваша проучка самозванца-маркиза или шутка над всеми... Выдать прелестную девочку за княжну персидскую и дать влюбиться музыканту, чтобы потом ее у него отнять. Ему больно. Да. Но извините... — надменно смеясь, выговорил Зубов, обращаясь как бы ко всем. — *Peu de sel*, как говорят французы.

— А я так боюсь, Платон Александрович, что я пересолил...

— Мало потому, что если это не княжна, то во всяком случае прелестная девушка, умная!

— Да, но в этаких на святках не влюбляются, а тут многие врезались, руки целовали — и более того, обнимали да чмокали... Ну, буде... Конец машкераду! Княжна... Шельма! Раздевайся!..

Раздалось несколько восклицаний, так как на глазах у всех маленькая фигурка начала послушно и быстро расстегивать лиф платья.

— Что вы делаете, князь! — прошептал в изумлении и негодовании Зубов.

— Хочу вам в его настоящем виде калмычка показать...

— Калмычка?

— Кал-мы-чка!.. — протянул князь. — Пока так...

Маленькое существо быстро побросало уже на пол всю свою одежду и вуаль, и, когда платье съехало на пол, вышел из круга складок в красной куртке и шальварах прелестный мальчик, но при этом, уже и сам невольно смеясь, застегнул ворот на голой груди, которая была открыта под вырезом женского платья.

В зале пошел гул сотни голосов.

— Честь имею представить! — сказал князь, обращаясь ко всем. — Калмык, по имени — Саркиз. Зацеловали беднягу. Да чуть было не обвенчали и храм христианский не опоганили. Спасибо моим молодцам, что вовремя Саркизку арестовали... А вам, Платон Александрович, спасибо за добровольное участие в маскараде. С вами веселее вышло. Честь имею кланяться...

XVII

— Слышали о потемкинской мороке?

— Слышал, да в толк не возьму.

— Чудеса в решете. Ну, и афронт для всех тоже не последний!..

— Калмык. Простой тоись калмык, сказывают?

— Калмык — Саркизом звать. Настоящий. Из Астрахани! Привезен был нарочито для маскарада этого и мороки. Выбирали по всем базарам самого красивого, какой найдется. Ну и нашли! Сей чудодей захочет птичьего молока и сухой воды — ему достанут...

— Слышали? Персияне-то наемные были из Москвы и тоже обморочены были. Им сказали, что свита принцессы в дороге застряла, а их на время берут. Они сами почитали ее... Тьфу! Его почитали за княжну персидскую. Ну и служили верой и правдой. Только дивились, что княжна по-ихнему ни бельмеса не знает. Да жалованье хорошее мешало им очень-то дивиться да ахать и болтать. А две бабы-то, сказывают, и вовсе русские были. Зато они обе и молчали всегда...

— Послушайте. Что же это?! Калмык-то князев?!

— Что ж! С жиру бесится!

— Да ведь это невежество. И не дворянский совсем поступок, воля ваша! Что ж это за времяпрепровождение?!

— Да и не смешно. Озорничество одно. А остроты никакой тут...

— Ума нет простого, не токмо остроты. Благоприличия нет... Уважения к своему сословию...

— Одно слово: развращенность и повреждение нравов.

— А ведь князь Хованов попался. Руки целовал каждодневно.

— Ну, ему, старому, поделом!

— А Зубов-то? Зубов?

Зубов был взбешен, конечно, более всех и поклялся отомстить. Но не по-росийски — смехом и морокой, а, как говорил князь, по-английски, т. е. злом, а не шуткой. Зубов готовил князю удар в самое сердце.

В домово́й церкви Таврического дворца на той же неделе были торжественные свадьба и крестины.

Венчался офицер Брусков с барышней Саблуковой, а князь был сватом и посаженным отцом у невесты. И все смеялся, поздравляя после венца молодых.

— Смотри, Брусков... Не башкиренок ли?!

Крестины были еще торжественнее. Все, что жило во дворце Таврическом, присутствовало. Крестился калмык Саркиз, и князь был восприемником от купели.

И вышел из церкви уж не Саркиз, а Павел Григорьевич Саркизов, получив имя от благодетеля и бывшего своего барина, а отчество от крестного отца.

Наутро Павел Григорьевич получил чин сенатского секретаря, пять тысяч рублей денег: но от невесты-приданницы, что прочил ему князь, отказался.

— Что? Аль боишься? Подведу тоже и тебя! — шутил князь.

Павел Григорьевич объявил, что просит одной милости — быть век при князе по гражданским поручениям...

Через неделю управляющий канцелярией фельдмаршала Попов сделал Саркизова делопроизводителем и доложил князю:

— Видал я на своем веку двух-трех, как их именуют, самородков, ну, а эдакого не видывал. Чрез пять лет на моем месте будет, а то и выше...

А сам Павел Григорьевич теперь исповедовал и молился новому своему Богу — христианскому. Но часто думал:

«Пока князь жив! А без него беги из Питера на край света. Да и там найдут для отплаты».

XVIII

— Это неправда! Нет, это неправда! Могущественные и властные люди, «сильные мира сего», не все могут делать... Могут ли безнаказанно всякие злодеяния творить... Я любил ее... И она меня любила и любит. Это неправда. Сердце мне говорит это... И где княжна? В каземате? Погублена. Где ты, бедная Эмете, жертва самовластия? Я слезы лью от зари до зари. Томлюсь в тысяче терзаний, изболел душой по тебе... А ты этого и не знаешь... Где ты, бедная крошка?.. Неужели я никогда не увижу тебя, не обойму, не прильну губами к твоему милому личику... Твой взгляд изумрудный, глубокий, полный слез наслаждения, когда я играл тебе. О! Я вижу его! Вижу, как если бы ты была предо мной... Эмете, где ты?.. Боже мой, за что судьба так безжалостно поступает с людьми. Чем я заслужил эту кару? Что я сделал? Я жил всю жизнь безвинно. На моей совести нет ничего... За что же это наказание? За что эта насмешка судьбы? После нищеты, голода, холода — дать мне много, обещать еще больше... Дать мне любовь чистого и невинного создания, чудно красивого, доброго... С душой, способной на восторженный отклик тому, что составляет и наполняет мою жизнь, — способной рыдать от музыки... Дать мне все это... И отнять... Эмете, где ты? Неужели она уже мертвая? В гробу! Под землей... Или убитая зарыта тайком в Таврическом саду по приказанию сатрапа, пресыщенного всем, что свет может дать за его миллионы и его власть... Нет!.. Нет, она жива! Я верю. Я чувствую. Она жива... А если жива, то любит меня. Эмете! Отдайте мне ее. Я люблю ее. Отдайте мне... Отдайте...

Так мучился артист-музыкант, приютившийся в квартире старика-пастора. Он томился, то плакал тихо, то рыдал судорожно и отчаянно говорил сам с собой и стонал, и ни разу не взял в руки свою скрипку.

Зубов в тот же день сказал ему правду. Он поверил... но, пролежав часа два в обмороке, так что его приняли уже за мертвого, он пришел в себя...

Пришел в себя и понял, что над ним зло посмеялись. Они погубили его возлюбленную и с наглостью уверяют его и убеждают... В чем же? Что ее никогда не было на свете!

Наконец однажды пастор понял, что бедный артист близок к помешательству.

«Лучше сердечная боль от оскорбления, лучше пусть пострадает его самолюбие, нежели эти муки сердца влюбленного в несуществующее».

Так рассудил старик и отправился к Зубову объяснить все и просить устроить артисту свидание с той личностью, которая так зло насмеялась над ним.

Зубов наотрез отказался. Одно воспоминание обо всей истории его вывело из себя.

Пастор решил и отправился прямо к князю в приемный день, был принят и объяснился.

Князь подумал и головой покачал.

— Жаль молодца. Но ведь горю не пособишь. Я полагаю, что он и самой княжне в вицмундире не поверит...

Князь велел позвать делопроизводителя Саркизова и пояснил казус с музыкантом.

Павел Григорьевич выслушал и грустно потупился.

— Что же? — спросил князь.

— Увольте, ваша светлость, — глухо и тихо проговорил он. — Вы сами изволите сказывать... Кончен машкерад, и кончена эта канитель. Я свое слово сдержал, хоть и трудно было. Душа не лежала к этому. Я знал, что злодеяние совершаю. Кому смех, а кому и горе, отчаяние. Я слово дал и сдержал. Сдержите и вы свое... Мне видеть музыканта будет тяжело, так тяжело, что я и сказать не могу. Ведь я ему сердце растерзал... Мне его жаль... А видеть просто не в силу. Увольте хоть пока. А чрез месяц — обойдется, может. Тогда мы повидаемся... А затем ваша воля — как прикажете...

Наступило молчание.

Пастор, пораженный голосом Павла Григорьевича, ничего не сказал.

«Этот тоже страдает из-за причиненного им ближнему зла», — подумал старик.

— Ну, вот ответ! — сказал князь пастору. — Я приказывать не стану. Чрез месяц, коли мы будем еще здесь, пускай свидятся.

Пастор вернулся домой... Объяснил несчастному все, что видел и слышал сам, своими глазами и ушами.

Но артист засмеялся, а потом горько заплакал, как ребенок.

— И вы тоже! Священник! Тоже ложь, даже в устах служителя алтаря...

ЭПИЛОГ

Чей одр — земля, кров — воздух синь,
 Чертоги — вкруг пустыньны виды...
 То он — любимый славы сын,
 Великолепный князь Тавриды!

Державин

Голая равнина на громадном протяжении вся изрезана водными потоками, из которых каждый — широкая быстрая река и бурно катит свои волны в недалекое море. Это — рукава и гирла Дуная.

На одном из рукавов, вдоль пологого берега, раскинулись кое-где постройки... Это маленький городок Галац.

Здесь, среди домов и домишек, кое-где виднеются христианские храмы, а за рекой, на том берегу, уже высятся тонкие и легкие остроконечные минареты. Там начало мусульманского мира.

В маленьком городке заметно особенное оживление, но весь город кажется лагерем. На улицах и в домах только и видны что мундиры, на площадях — кони и орудия.

Несмотря на августовские жары, горячий воздух и раскаленную землю, на улицах сильное движение.

Три дома в городе разделили между собой толпы военных и служат как бы центрами сборищ.

В одном из них, поменьше других, квартира военачальника князя Репнина. Еще несколько дней назад он был главнокомандующим победоносной армии... Великий визирь после поражения при Мачине сносился с ним одним.

Но вот не так давно явился сюда могущественный вельможа и полководец, «великолепный князь Тавриды» и принял вновь начальство над русскими силами и над заменявшим его полгода Репниным... И теперь он первое лицо здесь — и для своих, и для неприятеля.

В другом доме, неподалеку от первого, красивой архитектуры, но сравнительно меньшем, движение ограничено подъездом и двором. К дому идут и скачут офицеры со всех сторон, но, не входя, а только побывав в передней или на дворе, возвращаются обратно... Они являются сюда за вестями...

В этом доме поместился генерал русской службы, принц Карл Вюртембергский и за последнее время опасно заболел южной гнилостной горячкой. Так как это родной брат жены наследника престола, то болезнь его многих озабочивала.

На другом краю города, в большом доме, где поместился приезжий со свитой князь Таврический, движение более чем когда-либо.

В одной из горниц этого дома, несколько в стороне от всех остальных, на большой софе лежит в одном белье и турецких туфлях на босу ногу огромный широкоплечий человек, лохматый, неумытый, небритый и задумчиво, почти бессмысленно смотрит в пустую стену и грызет ногти... Лицо его, изжелта-бледное, худое, осунувшееся, не только угрюмо, а печально-тоскливо... Он или был опасно болен, или горе поразило его недавно. Черты лица настолько изменились за последнее время, в волосах так дружно сразу блеснула седина, а глаза так неожиданно вдруг потускнели... что этого человека многие друзья и враги едва бы теперь узнали. Друзья бы ахнули, а враги возликовали.

Это сам князь Потемкин, еще недавно, месяца с полтора назад, выехавший из Петербурга бодрым, веселым и могучим. Он скакал счастливый чрез всю Россию, сюда, на Дунай, снова громить векового врага, надеясь теперь окончательно стереть его с лица земли, именуемой Европою, и, «оттеснив луну от

берегов этой реки, перебросить затем чрез Босфор, на тот берег, где уже другая часть света...». Это его мечта уже за двадцать лет, и она его несла и гнала, как вихрь, от берегов Невы на берега Дуная. Но здесь ожидал богатыря удар, сразу сразивший его... Только это, что он узнал здесь, могло сломить его железную мощь и духа, и тела...

Первого июля прискакал он в этот городок, окруженный целой золотой толпой военачальников и сановников... и стал лихорадочно поджидать появления своего заместителя с поздравлением по случаю прибытия в армию и с первым докладом...

Князь Репнин, видевший въезд генерал-фельдмаршала, главнокомандующего, медлил и не являлся...

Прошел час.

Тень набежала на лицо князя... Оставшись один с любимой племянницей, всюду его сопровождавшей, он поглядел на нее тревожными глазами и вздохнул.

За час назад графиня Браницкая видела его счастливым и сияющим... На ее удивление и вопрос о причине внезапной перемены князь ответил с тревогой в голосе:

— Боюсь... Сашенька... Боюсь... Если Репнин не прибежал тотчас, не выбежал за сто верст навстречу, то... дело плохо! Мое дело плохо!

Несмотря на возражения, шутки и успокаивание дяди, графиня не добилась улыбки от него.

— Сразит меня. Если это так!

— Что?

— Команда передана ему... Тайно. Без моего ведома. Я здесь второй... Я этого не перенесу. Что ж хуже этого может быть... Ничего! Одно разве — мир с Турцией. Да. Уж если выбирать — то пускай я буду его адъютантом, его ординарцем на побегушках, да буду видеть, как мы начнем громить турку.

Князь Репнин явился, наконец, поздравил светлейшего с прибытием из дальнего пути и как бы передал ему права главнокомандующего, начав доклад подчиненного о последних событиях на берегах Дуная.

А одно событие мирового значения совершилось вчера...

Вчера, 31-го числа июня, он, князь Репнин, заместитель светлейшего, подписал здесь в Галаце перемирие с султаном и прелиминарии будущего трактата. Вчера! Молния ударила в сердце и в мозг богатыря, и с этого мгновения он до сих пор еще не пришел окончательно в себя.

— Как вы смели? — вскрикнул он тогда. И до сих пор еще в ушах его звучит ответ Репнина, много значащий, многое говорящий иносказательно и многое объясняющий, чему не хотел верить князь еще на берегах Невы.

— Я исполнил свой долг и отдам ответ в моих действиях государыне императрице, — сказал Репнин.

«Перед ней, монархиней, а не пред тобой. Тебя прежнего уже нет. Ты был! Теперь ты нечто иное... Могущественный Потемкин заживо умер, осталась внешняя твоя оболочка в мундире и орденах, а пустяки, мелочная подробность, т. е. власть и могущество, от тебя отошли».

«Отчего и когда!.. От одного слова, одной бумаги, которую привез сюда курьер из Петербурга, когда ты там чудодествовал... Теперь ты, как кукла, имеешь все права и полномочия действовать так, как тебе прикажет оттуда тот, кто власть имеет...»

Платон Александрович Зубов! Мальчишка!

Он вел все лето тайные переговоры с Диваном, и он привел их к указу царицы о подписании первых основных условий мирного трактата между двумя империями.

Вот с этого дня и лежит на диване, полураздетый, будто обезумевший, человек, будто заживо погребенный... Да и впрямь, жизнь его держится только в теле,

ухватившись за соломинку... Он писал и пишет в Петербург, умоляя в тысячный раз — продолжать войну, но и сам не верит в успех своих молений. Он верит только в русский авось!

«Авось что-нибудь случится, и он снова расстроит мир и снова ударит на врага». Если же этого ничего не случится — то... Что же? Надо умирать!.. Песенка его спета и кончилась, оборвалась тогда, когда он думал, что еще только на половине ее.

И он а обманула его, как прежде, по его же совету, обманывала других... Григорий Орлов также был поражен здесь же одним неожиданным известием. Он поскакал в Петербург, но не был допущен в город... Очутился узником в Гатчине. А когда был допущен, то встретил в ней уже только монархиню, милостивую и благодарную, но свергнувшую с себя всякое иное иго.

Что ж? И ему скакать теперь туда, чтобы очутиться узником в Москве или даже в Таврическом дворце, без права явиться в Зимний впредь до особого разрешения гофмаршала.

«Нет, уж лучше умирать!»

Мирный трактат будет праздноваться на его свежей могиле.

Борьба Креста с Луной была его душой. Нет борьбы — нет души. Она отлетела. А эта скорлупа, это брненное тело — ни на что никому не нужно. И ему не нужно. Он видел на своем небе крест, а на нем надпись: «Сим победиши». Упал этот крест с русских небес и утонул в волнах Дуная...

И все кончено!..

День за днем проводил так, в каком-то полузабытьи, томительном и болезненном, князь Таврический, еще недавно деятельный, самоуверенный, счастливый...

Давно ли он был способен с маху и на отважный политический шаг, весь успех которого именно в дерзости, в махе. И на ребяческую проказу, вся прелесть которой — в ее добродушии... Теперь и то и другое было немислимо. Полный упадок духа и надломленность тела сказывались во всем. Он никого не принимал, изредка справляясь о курьере, которого ждал из Петербурга, и об здоровье принца Карла.

Однажды графиня Браницкая вошла и объявила ему печальную весть. — Дядюшка, принц Вюртембергский скончался.

Князь онемел... Потом он сразу поднялся с дивана и вытянулся во весь рост. Лицо его побледнело.

— Что? — прошептал он и через мгновение робко прибавил: — Как же это?

И, постояв, князь сгорбился понемногу, осунулся весь и опустил бессильно на диван, почти упал.

— Ох, страшно... — простонал он. — Да и рано... Рано же!!

— Что вы, дядюшка? — изумилась графиня, зная, что между покойным принцем и дядей не существовало крепкой связи, а была лишь одна простая приязнь.

Князь молчал и тяжело дышал.

— Что вы, дядюшка? — повторила графиня.

— Сашенька! Цыганка в Яссах о прошлую осень предсказала по руке принцу, что ему году не прожить.

— Странно... Ну, что ж... Бывают такие странные совпадения... Чего же вы смущаетесь?

— А мне — год...

— Что-о?

А мне — год дала... Ровно год... Мы тогда смеялись... Вот...

Князь закрыл лицо руками.

— Полноте, дядюшка... Как не стыдно? Бог с вами. Это ребячество. Ну, тут потрафилось так. Но ведь это простая случайность.

Браницкая села около князя и долго говорила, успокаивая его...

— Это простая случайность! — повторяла она.

Наконец князь отнял руки от бледного лица в слезах и выговорил глухо:

— Не лги, Саша... Сама испугалась и веришь...

— С чего вы это взяли!

— По твоему лицу и голосу... Сама веришь, испугалась и лжешь...

И князь замолчал и просидел несколько часов, не двигаясь, в той же позе, понурившись и положив голову на руки.

На третий день после этого князь, слабый, унылый, задумчивый и рассеянный, будто совсем ушедший в самого себя, оделся в свою полную парадную форму главнокомандующего и генерал-фельдмаршала и, сияя, весь горя, как алмаз, в лучах южного палящего солнца, отправился на похороны умершего принца...

Все, что было воинства от офицеров до генералов в Галаце и окрестностях, явилось присутствовать на погребении и отдать последний долг хотя чужестранному принцу в русской службе, но родному брату будущей царицы.

Всех поразила фигура генерал-фельдмаршала.

Он тихо двигался, странно глядел на всех, озирался часто по сторонам, будто усиленно искал что-то или кого-то, но на вопросы и предложения услуг ближайших бессознательно взглядывал и не отвечал.

И за все время отпевания он не произнес ни слова.

Наконец, оглянувшись вновь кругом и завидя движение около гроба, всеобщее молчание, отсутствие пастора, он услышал смутно слова: «Вас ждут, князь!» Он отозвался как в дремоте:

— А? Что?

— Вас ждут, князь, — говорил тихо Репнин. — Соизвольте... Или прикажете всем прежде вас подходить?

— Что?

— Прощаться с покойником!

— Да... Да... Я первый. Первый... — прошептал князь глухо. — Да, первый после него, из всех вас... Моя очередь. За ним — первый...

Репнин ничего не понял и, приняв слова за бред наяву, изумленно глянул в желтое и исхудалое лицо светлейшего.

Князь полусознательно приложился к руке покойника и, отойдя от гроба, двинулся к дверям между двух рядов военных.

Всюду толпа, мундиры, ордена, оружие... Все незнакомые лица и все глаза так пристально, упорно смотрят на него... Точно будто он им привидение какое дался...

Князь двинулся скорее. Уйти скорее от них, от их пучеглазых лиц, их глупого любопытства!

Сойдя с крыльца снова под жгучие лучи солнца, палящего с безоблачного неба, он увидел лошадей... Экипаж при его появлении подали к самым ступеням подъезда. Дав ему время остановиться, князь сел...

Лошади не трогаются... Чего они?! Уж ехали бы скорее от этого глупого народа. Скучно! Ну, что ж они?.. Застряли!

— Ваша светлость! Ваша светлость! — уж давно слышит князь голос около себя, и наконец кто-то дергает его за рукав мундира...

— Ваша светлость!

— А-а?.. — вскрикивает он, как бы проснувшись.

Маленький красивый чиновник, его новый любимец Павел Саркизов, стоит перед ним, смело положив руку на обшлаг его кафтана.

— Извольте слезть!— говорит Саркизов тревожно.

— Чего?

— Извольте слезть!.. Вы по забывчивости... Слезайте...

И Саркизов смело потянул его за рукав...

Князь очнулся, огляделся и, вскочив как ужаленный, сразу шагнул прочь...

Он увидел себя сидящим среди погребальных дрог, поданных к подъезду для постановки гроба.

Жутко стало, защемило на сердце суеверного баловня счастья.

Князь быстро отошел, сел в свои дрожки и, отъезжая от толпы, отвернулся скорее..

Он чуял, какое у него в этот миг лицо, и не хотел казать его толпе.

— Видели? — говорила эта толпа шепотом.

— Да... По рассеянности!

— Ох, плохая примета...

— Совсем негодная примета. И верная.

— И без приметы вашей — приметно! По лицу его... Недолог!..

Так говорили, перешептываясь и толпясь вокруг погребальных дрог, собравшиеся офицеры..

«Ох, типун вам на язык! — грустно думал маленький и красивый чиновник-юноша, прислушиваясь к этому говору.— Злыдни! Вы бы рады! Да Бог милостив... Не допустит. Его смерть — моя погибель... Ох, Фортуна! Неужто она и со мной ныне — мудреные литеры вилами по воде пишет... Страшно... Помилуй Бог. Куда тогда бежать, где укрыться... Только разве за границу, в Польское королевство...»

Был он Саркизка — и весело жилось... Светел был весь мир Божий... Стал он чиновник канцелярии, Павел Григорьевич... на миг все блеснуло кругом еще ярче, но тотчас же темь началась, и вот все больше темнеет и темнеет... Надвигается отовсюду на душу оторопелую тяжелая мгла... и чудится ему голос:

«Я отшутила... Буде!..»

Это Фортуна кричит ему из мглы...

Ровная, голая, однообразная пустыня раскинулась без конца во все края... Ни камня, ни дерева, ни птицы, ни чего-либо, на чем взор остановить... Это степь молдавская.

Степь эта — словно море разверзлось кругом, но черное, недвижимое, мертвое. Не то море, что лазурью и всеми радужными цветами отликает, встречая и провожая солнце, что журчит и поет, покрытое золотыми парусами, или порой, озлобясь, стонет и грозно ревет, будто борется с врагом, с невидимкой-вихрем. Но, истратив весь порыв гнева, понемногу стихает, смотрится вновь в ясные небеса, а в нем сверкают, будто родясь в глубине, алмазные звезды.

Здесь, в этом черном и недвижимом просторе, нет ни тиши, ни злобы — нет жизни.

В теплый октябрьский день в этой степи, в окрестностях столицы Ясс, летели вскачь три экипажа, в шесть лошадей каждый. Вокруг передней открытой коляски несло трое всадников конвойных.

В коляске, полулежа, бессильно опустив голову на широкую грудь и устремив тусклый взор в окрестную ширь и голь, бестрепетную и немую, сидел князь Таврический. Около него была его племянница... И ее взор тоже грустно блуждал по голой степи, будто искал чего-то...

Князь упрямо решил на отчаянный шаг, безрассудный, ребячески капризный и, быть может, гибельный...

Уехав из Галаца тотчас после похорон принца Карла, он весь сентябрь месяц прожил в Яссах. И все время был в том же состоянии апатии... Изредка он сбрасывал с себя невидимое тяжелое иго безотрадных помыслов, боязни телесной слабости... Он принимался за работу, переписывался с царицей и со всей Европой, надеялся вновь на все... Надеялся разрушить козни Зубова, прелиминарии мира с Портой, интриги Австрии и Англии... Все с маху вырвать с корнем и отбросить прочь!.. Все! От Зубова и трактата — до боли в груди и поясице...

Но этот подъем духа и тела — был обман... Так бывает подчас, вспыхивает ярко, порывом угасающее пламя и, блеснув могуче, сверкнув далеко кругом, упадет вновь и бессильно, будто мучительно ложится и стелется по земле...

После порывов работать и надеяться, после попыток схватиться с невидимым подступающим врагом и побороть его князь детски, бессильно уступал, сраженный и умственно, и телесно.

— Нет... Рано еще мне... Я не все свершил! — восклицал в нем голос. — Подумись, богатырь!.. Схватись! Потягайся! Еще чья возьмет!..

Но скоро страдным тоном отзывалась в нем эта борьба:

— Нет, не совладаешь... Конеч!

С первого же дня октября месяца князь почувствовал себя совсем плохо... и в первый раз сказал вслух:

— Я умираю... Да! Я чую ее... Смерть...

И 5 октября князь вдруг решил, как прихотливый ребенок, покинуть Яссы и ехать в отечество.

Напрасно уговаривала его Браницкая и все близкие остаться спокойно в постели и лечиться.

— Нет. Я умираю. Хочу умереть в моем Николаеве, а не здесь, на чужой земле.

И слабый, едва двигающий членами, едва держащий голову на плечах, сел в коляску...

И три экипажа понеслись в карьер по степи молдавской...

Прошло часа два... Князь изредка заговаривал, обращаясь к племяннице, и произносил отрывисто, но отчетливо и сильным голосом то, что скользило будто чрез его темнеющий и воспаленный мозг. Это были отрывки воспоминаний и намерений, или порыв веры, или приступ боязни, или простые, но сердечные и последние заботы об остающихся на земле.

Вместе с тем князь вслух считал верстовые столбы... И вдруг однажды произнес резко:

— Тридцать восьмой...

— Нет, дядюшка, еще только тридцать верст отъехали...

— Далеко... Далеко до родной земли... А вот гляди — моя Таврида... Я вижу. Я лучше теперь вижу...

Графиня Браницкая тревожно поглядела на дядю... Если это бред, то как же скакать несколько верст до Николаева! Не лучше ли вернуться скорее назад, в Яссы?

Через полчаса князь начал видимо волноваться, тосковать, шевелиться и встряхиваться своим грузным телом.

— Ну, вот... Вот...

Наконец он вдруг вскрикнул:

— Стой...

Все три экипажа остановились... Люди обступили коляску.

— Пустите... здесь отдохну...

Он вышел, с трудом поддерживаемый рослым гусаром и своим лакеем Дмитрием. Маленький чиновник Павел Саркизов взял плащ из коляски.

Князь отошел немного в сторону от дороги, к верстовому столбу с циф-

рой 38. Плащ разостлали на земле, и он, с помощью людей, опустился и лег на спину.

Браницкая села около него.

— Вам хуже... Надо ехать назад... Отдохните, и вернетесь...

Князь не отвечал... Глаза его упорно и пристально смотрели вперед, будто силились разглядеть что-то...

Люди столпились невдалеке, между князем и экипажами... Только молодой чиновник стоял близ лежащего.

Прошло с полчаса среди полной тишины.

— Скажи царице, — заговорил князь тихо. — Благодарю... за все... Любил... одну... Никого не любил... Все все равно... Тебя... Да...

«Убирается!» — грустно, со слезами на глазах подумал Саркизов.

— Скажи ей... Надо... Через сто лет — все равно... Лучше она — великая. Босфор будет... Я хотел... Все можно... Все! Захоти и все... захоти и все...

Он двинулся резко, почти дернулся, и взор его еще пытливее стал будто приглядываться к подходящему... И он вдруг выговорил сильно:

— Да... Да... Иду...

Прошло полчаса... Все стояли недвижно. Никто не шевельнулся. Никто не хотел поверить.

Браницкая присмотрелась к лежащему, тронула его рукой и зарыдала...

Через час один из экипажей поскакал в Яссы...

Браницкая уже сидела в отпряженной среди дороги карете...

Люди, офицеры и солдаты стояли кучкой у пустой коляски и уныло, односложно, даже боязливо перешептывались.

Скоро опустилась на все темная и тихая мгла.

А на краю дороги, близ одинокого верстового столба, на земле, среди разостланного плаща лежало тело «великолепного князя Тавриды».

Около него стоял недвижно солдат-запорожец, поставленный на часах... А у края плаща сидело в траве маленькое существо... понурившись, съежившись, и думало...

«Да... Вот... Велик был... А что осталось... Меньше меня...»

Среди ночи запорожца сменил высокий гусар... Он пригляделся к покойнику и вымолвил:

— Павел Григорьевич!

— Ну... — отозвался юноша-чиновник.

— Нехорошо... Глаза не закрыли... Что ж это они — никто... Надо закрыть...

— Да...

— Я закрою...

Гусар присел на корточки около тела и толстыми, неуклюжими пальцами старался опустить веки на глаза... Но застывшие веки вновь подымались.

— Пусти! — выговорила уныло маленькая фигурка. — Я закрою...

— Ничего не поделаете... Надо вот...

Он полез в карман и, достав два больших медяка, закрыл по очереди каждое веко — и накрыл монетами...

— Это всегда надо кому... вовремя взяться... — сказал гусар. — Покуда теплый...

— А кому надо-то? Чья забота? — грустно отозвался маленький человек.

— Кому? Вестимо... Ближним...

— Он на свете-то был... вот, что я теперь... Выше всех, но один! А я-то вот...

И ниже всех — и один...

СТРЕЛЕЦКОЕ СКАЗАНИЕ

О ЦАРЕВНЕ

СОФЬЕ АЛЕКСЕЕВНЕ

Как за чаркой, за блинами
Потешались молодцы,
Над потешными полками
Похвалялися стрельцы:

«Где уж вам, Преображенцы
Да Семеновцы, где вам,—
Мелочь, Божии младенцы,
Нам перечить, старикам!

С слободой своей немецкой
Да с своим царем Петром
Мы, мол, весь приказ стрелецкий,
Всех в бараний рог согнем!

Всех — и самую царевну...»
«Нет, уж тут, голубчик, врешь!
Нашу Софью Алексеvну
Обойдешь да не возьмешь!

Даром что родилась девкой —
Да иной раз так проймет
Молодецкою издевкой,
А как в духе, да взмахнет

Черной бровью соболиной —
Пропадай, богатыри!
Умер, право б, за едино,
Если б молвила: умри!..

Грех бывал и между нами,
Как о вере вышел спор,
И ходили с чернецами
В царский Кремль мы на собор.

Бунтовское было дело!
Да ведь сладила! Как раз
Словом вышибить умела
Дурость всякую из нас!

Будем помнить мы дни оны!..
Вышли наши молодцы;
Впереди несут иконы
Со свечами чернецы...

Не сказали бы, так узнала б
Вся Москва их: старики!
Не наотмашь, низко на лоб
Надевали клобуки;

Не развалисты в походке,
А согбенные идут;
Не дерут, разиня глотки,—
Тихим голосом поют;

Лица постные, худые,
Веры точно, что столпы...
Уж не толстые, хмельные
Никоньянские попы!..

Умилился люд московский,
Повалил за ними, прет,
И на площади кремлевской
Что волна забил народ.

А уж там, во Грановитой,
Все нас ждут: царевны, двор,
Патриарх, митрополиты,
Освященный весь собор.

Старцы свечи возжигали,
И Евангелье с крестом
На амвоны полагали,
И царевне бьют челом:

«Благоверная царевна!
Солнце Русския земли!
Свет София Алексеvна,
Государыня! Вели,

Чтоб у нас быть рассмотренью
С патриархом о делах
По церковному строенью
И о Никоновых лжах!

Процветала церковь наша,
Аки райский крин, полна
Благодати, яко чаша
Пресладчайшего вина!

Утверждалася на книгах,
Их же имем от мужей,
Проводивших жизнь в веригах
И в умертвии страстей;

Их же чтением спасались
Благоверные цари,
И цвели, и украшались
По Руси монастыри;

Но реченный Никон волком
Вторгся в оный вертоград
И своим безумным толком
Ниспроверг церковный лад!

Аки римская блудница,
На Драконе восседя,
Рек «Несть Бога! (кровопийца!)
Аз есмь Бог, и вся моя!»

И святые книги рушил...
Ну и начал все мутить...»
Патриарх их слушал, слушал,
Подымался говорить,—

Да куда!.. Из-за владыки
Ну выскакивать попы...
Брань пошла, мятеж и крики!
На дворе — ревут толпы,

Вкруг царевен — натерпелись
Уж бедняжки! — мужики,
Чернецы орут, зарделись,
Поскидали клобуки,

Все-то с взбитыми власами,
Очи кровью налиты.
И мелькают над главами
Палки, книги и кресты!..

Ждет царевна не дождется,
Чтоб затихли, то вперед,
Словно лебедь, к ним рванется,
Образумливать учнет.

«Замутили царством бабы,—
Голосят кругом,— ахти!
Государыням пора бы
В монастырь давно идти!»

Слыша то, и глянув гневно,
И отдвинув трон златой,

Вся зардевшись, царевна
Удалилась в свой покой.

С барабанным вышли боем
Из Кремля мы: вдруг приказ —
Чтоб к царевниним покоям
Выслать выборных тотчас.

Ночью, с фонарями, ровно,
Тихо вышла на крыльцо.
Так-то ласково-любовно
Обратила к нам лицо...

Видел тут ее я близко:
Белый с золотом покров,
А на лбу-то — низко, низко
Вязь из крупных жемчугов...

«Если мы вам неугодны,—
Говорит,— весь царский дом,
Мы объявим всенародно,
Что из царства вон уйдем!

У Волохов иль Цесарцев
Где-нибудь найдем приют...
Вы сменяли нас на старцев,
Давних сеятелей смут,—

Пусть на них падет и царство!
Но в вину не ставьте нам,
Коль соседи государство
Все растащат по клочкам.

Коль Поляки с ханом крымским
Русь поделят меж собой:
Поклоняйтесь папам римским!
Басурманьтесь с Татарвой!

Мы в церквах положим вклады
И поклонимся мощам,
Да и с Богом!... Всей громадой
Пали мы к ее ногам.

«Что ты, матушка, какое
Слово молвишь,— говорим; —
Слово — самое пустое!
Нешто мы того хотим!

Знаем мы, без государей
Каковы дела пойдут.
Заедят народ бояре
Да в латинство поведут!..

Все те старцы — лиходеи!
Чтобы пусто было им!
Нешто мы архиереи?
Что мы в книгах разглядим?

Ты уж смилуйся, пожалуй,
Хоть жалеючи земли..
А за грубость — нас до малу
Жестоко казнить вели!»

Ждем: что скажет?.. И сказала:
«Встаньте! верных Россиян
Вижу в вас! Я так и знала..
Бойся ж нас ты, крымский хан!..

Пир готов, а в гости будем!»...
Мы — «ура!» на весь народ,
А она начальным людям
«Выйти,— крикнула,— вперед!»

И велит дьякам приказным
Награждать кого казной,

А кого именем разным,
Соболями аль земель,

А кого боярским саном,
А для прочих молодцов,
Говорить: «Три дня быть пьяным
С наших царских погребов!»...

И была гульба в столице!
Будет помнить царский град!..
Чернецы ж сидят в темнице,
И сидят, стрельцов корят:

«Так-то веру отстояли
Вы, стрелецкие полки!
Прогуляли, променяли
На царевы кабаки!»

Ладно, братцы! Ши вам с кашей!
Что, брат, скажешь? хороша?..
Лучше нет царевны нашей!
Вот, как есть, совсем душа!»

ПОВЕСТЬ О БЕСНОВАТОЙ ЖЕНЕ СОЛОМОНИИ

(Старинная русская анонимная повесть)

В лето 7167 февраля случилось это неподалеку от города Устюга за сорок поприщ.

Вверх по Сухоне-реке есть волость, называемая Ергоцкой, в ней же церковь пресвятой Богородицы. Священник той церкви именем Димитрий и жена его Улита имели дочь Соломонию, о которой и предстоит слово.

Когда Соломония выросла, захотели родители выдать ее замуж за крестьянина Матвея. Так и случилось. И после совершения брака, когда находилась она в чертоге невесты и захотел муж ее выйти за порог дома телесной ради нужды, то, по исшествии его, искони ненавидящий добро злой старый враг дьявол-сатана, который не прекращает человека искушать, чтобы не ему одному, сатане, в геенне мучиться, замыслил зло сам, или послан был неким волхвом, человеком лукавым и недобрым, окаянником и угодником сатанинским, на погубление Соломонии.

И пришел сатана, словно человек, к дому и, постучав в дверь без молитвы, проговорил человеческим голосом: «Соломония! Открой дверь!»

Она же, встав с ложа своего, открыла дверь дома, думая, что это муж ее пришел к ней. И в тот час пахнул ей в лицо сильный вихрь, и явилось пламя огненно-синее. Соломония ужаснулась, догадавшись в уме своем, что не муж ее пришел к ней, а некое ужасное видение. Когда же спустя время вернулся муж ее Матвей в дом, она впала в еще больший ужас и была всю ночь без сна. Нашло на нее великое трясение и лютый озноб, и на третий день ощутила она у себя в утробе демона лютого, терзавшего утробу ее, и была все время во исступлении ума от жившего в ней демона.

И на девятый день после свадьбы, по захождении солнца, когда были они с мужем в доме и хотели ложиться спать, внезапно увидела Соломония демона, пришедшего к ней в образе зверя — мохнатого, с когтями, и зверь тот лег к ней на постель. Она, испугавшись его, пришла в исступление. Зверь тот осквернил ее блудом, а она очнулась на следующий день в третий час дня и не рассказала никому случившееся с нею дьявольское кознодейство.

И с того дня окаянные демоны стали к ней приходять по пяти и по шести в человеческом облике, как прекрасные юноши, и нападали на нее, сквернили ее и уходили. Люди же того не видели.

Соломония поведала мужу, что демоны приходят и сквернят ее. Он же ничего ей не отвечал. И прожив с нею некоторое время и видя гибель жены своей, отвез ее к отцу, священнику Димитрию, и к матери и оставил ее жить у родителей. Те же окаянные водяные демоны и туда приходили и сквернили ее, и стоило Соломонии выйти из дома на порог, они, окаянные, невидимо похищали ее и уносили в воду. Она кричала, а домашние бежали на голос и не находили никого. И жила Соломония у демонов в воде по три дня и три ночи. Здесь же осквернив ее, относили демоны Соломонию, оставляя когда в лесу, когда в поле, и бросали ее нагую, и христоробивые люди приводили ее к дому отца. Отец же и мать, видя гибель дочери своей, горевали и недоумевали.

Однажды окаянные демоны пришли, когда была Соломония одна в доме отца своего, и стали ее бросать: один демон в тот угол дома, другой демон — в иной

угол, третий демон — на полати, четвертый же — на печь, — и так мучили ее многие часы. И, взяв веревку, привязали за шею ее, вздели на веревку камень жерновный и положили на лицо и на грудь ей, и на столе прорезали дыру, и тут же повесили Соломонию к потолку дома.

Соседи же, услышав, что с нею что-то случилось, рассказали отцу ее об этом, он же пришел и не увидел никого, лишь Соломонию одну лежавшую и веревку на шее у нее, и камень, и стол. И не знала она, как оказалась внизу, и долго была словно мертвая от того мучения, и с трудом очнулась. Отец освободил ее от веревки и камня, и пришли соседи и увидели, что тело ее избито и посинело, однако боли она никакой не чувствовала.

Отец и мать Соломонии запирали ее на ночь в доме одну, ибо боялись ее: когда окаянные демоны к ней приходили и бывала она вне ума, давали те демоны ей копье железное, чтобы заколола отца своего. И наутро показывала домашним свое настоящее, не привидевшееся копье. И было ей такое мучение беспрестанно, не находила от демонов покоя, а иные вражьи козни невозможно и описанию предать. И многие люди тому вражью кознодействию в той волости были свидетели.

Спустя некоторое время пришло водяных демонов великое множество, и стали они принуждать ее, чтобы жила у них и веровала бы, как и они, в сатану, отца их, так же бы пила и ела с ними, волю бы их во всем творила. Сначала лаской и честью хотели отвратить ее от христианской веры, говорили ей: «Видишь ли, Соломония, какая жизнь у нас, и добра, и богата, и в чести у нас ты великой будешь». Она же им ничего не отвечала.

Увидели окаянные демоны, что добротой и лаской не смогут прельстить ее и отвратить от христианской веры истинной, и стали ее мучить. Растянули ее по стене, и руки и ноги в смыки забили, и копьем ее кололи, и рожнами тыкали, и ножами резали, и когтями все тело ее драли, и потом спросили ее: «Веруешь ли в нас и в отца нашего сатану?» Она же ничего им не отвечала. Тогда расковали ее и возвели на высокое место, и взяли за руки и ноги, и бросили на землю, так что упала и ударилась смертно. И с трудом очнулась.

Взяли демоны Соломонию к себе и отдали некой деве, а называли они ту девицу Ярославкой, и сказали: «Увещай сию жену, чтобы она с нами жила здесь, и пила, и в нашу веру веровала, как и ты. Мы же не смогли отвратить ее от прежней жизни ни ласкою, ни принуждением, ни мучением. Не говорит она нам ничего».

И отступили от них демоны. Девица же начала Соломонию расспрашивать: «Как ты пришла сюда, из какого города или села, чьих отца-матери и сородичей?» Обо всем подробно расспрашивала. Соломония же все о себе рассказала. Ярославка отвечала ей: «Если ты, Соломония, жить здесь не хочешь, ты у них ничего не ешь, не пей и ничего им не отвечай. Они помучают тебя да и отпустят». О себе же девица поведала, что рождением она из города Ярославля и отдала ее к этим темновидным демонам мать после рождения ее.

Спустя некоторое время пришли демоны к Соломонии и спросили: «Веруешь ли в нас?» Она же им ничего не отвечала. Долго угрожали ей, заставляя уверовать в них. Соломония молчала. И после многих угроз взяли ее те лукавые духи и отнесли от мучений едва живую в лес, и с великим трудом к дому своему она пришла.

И прожила в доме отца шесть дней, покуда демоны те, придя невидимо, не взяли ее и не унесли к себе. И была у них два дня и две ночи, и зачала у них, и носила полтора года.

Когда же пришло ей время родить, осталась она в доме отца своего и выслала отца со всеми домашними из дому вон, сказав им, что будет рожать неприязненную силу демонскую и не хочет, чтобы те прескверные, когда родит их, убили сородичей ее. Домашние послушались Соломонии и вышли, горько сетуя и плача, и оставили ее одну в доме.

И когда начала она рожать, пришла к ней от тех темновидных демонов жена и стала с нею водиться. И родила Соломония шесть демонов, а с виду они были синие. И взяла их та жена, что с нею водилась, и унесла из дома, и положила под мост.

Отец ее пришел со всеми домашними в дом, и сели обедать, а темновидные демоны, что родились у Соломонии, выбрались из-под моста и камнями стали метать в них и землю бросать. Отец и мать Соломонии и все жившие в доме, видя такуюю погибель, выбежали из дома. Соломония осталась одна.

Жена, что водилась с Соломонией, пришла вновь и принесла сосуд крови и велела ей пить. Соломония не могла пить. И сказала ей темнозрачная жена: «Если ты не пьешь крови, заколи отца своего». Соломония же ей отвечала: «Дайте мне урочное время, и я заколю отца моего». Потому сказала ей так Соломония, что уже не могла терпеть мучения от тех демонов, что сама родила. Они сосали грудь ее, как змеи лютые.

И три дня и три ночи не входили в дом домашние все, боясь камней, бросаемых демонами. И в четвертый день, когда вошли, не увидели никого. Соломонию демоны с собою унесли и осквернили ее вновь. И снова зачала в утробе от насилия дьявольского, и носила, и родила двоих демонов в доме отца своего, и невидимо унесли их от нее.

В другой раз родила одного демона, и потом снова родила двоих демонов. Соломония, рожая, хлеба не ела, но приносили ей невидимо темные те синьцы птичью кровь, и траву, и коренья, и тем ее кормили. И спустя некоторое время те окаянные взяли ее невидимо и унесли к себе в воду. И была у них она три дня и три ночи. А отец и мать искали ее и плакали.

И когда окайные те принесли ее к себе, то стали радоваться тому, что она родила им детей. И принесли их к Соломонии и спросили их: «Кто вам сия жена?» Те же отвечали: «Мать она нам». И потом окайные сели каждый на своем месте и начали есть и пить, и Соломонию стали принуждать к тому. Но она, как и прежде, того не хотела. Окайные же мучением стали ей угрожать, тогда она им повиновалась. И дали ей ковш и начали вином наливать, и всем темнозрчным повелели подносить, и имена их называть. Соломония же всем подносила пить от первого до последнего.

Было же демонов великое множество, и все они говорили друг другу: «Всяко мы ее мучили, и били, и ножами резали, и копьем кололи, и когтями драли, чтобы отступилась от веры своей, и в нас веровала, и жила бы у нас, и никак не можем отворотить Соломонию от веры ее». И тогда решили: «Сварим в котле воды и туда ки-нем ее, если, убоявшись, не повинется нам».

Но не сбылся злой их умысел, снова отдали Соломонию девке Ярославке, она же и поведала Соломонии о том, что хотели демоны ее сварить. Ярославка сказала ей: «Соломония, я тебя отпрошу у них к отцу сходить проститься». И стала учить ее именам демонским, как кого зовут. Учила же ее Ярославка прежде по десяткам, тому выучит да иному. И Соломония, по десяткам уча, все имена их узнала. Потом сказала Ярославка: «Соломония, как тебя отпустят к отцу проститься, ты вели отцу своему те имена, что тебе назвала, переписать и проклинать окайных во святом алтаре, где бескровная жертва приносится Господу, и тогда им, окайным, уже невозможно будет ни тебя увести, ни приблизиться к тебе».

И пришла девка Ярославка к темнозрчным демонам и сказала им: «Отпустите Соломонию к отцу проститься, и простясь она с отцом будет здесь вечно жить». Они же послушались ее и понесли Соломонию к отцу, а принесли на болото. Было же их, окайных, великое множество, и стали они Соломонию в болоте топить. В то время нашла туча большая с молнией и громом страшным и с тресканьем сильным, и начало их молнией палить, и убило их многое множество.

И были болото и озеро исполнены ими как смолою, и, видя их погибающих, побежала Соломония и укрылась в яме. Но оставшиеся окаянные демоны и там ее нашли и снова стали мучить всякими муками. И в тот час случилась буря великая, и гром, и молния, и, страшась бури, отступились от нее демоны, а она от них убежала и добралась до дома отца своего сильно истомленная.

Увидев ее, отец и мать очень обрадовались, потому что уже отчаялись, думая, что вечно ей не выйти из воды от окаянных тех демонов. Соломония поведала отцу своему, как ее демоны мучили и как отдали девице Ярославке и что ей Ярославка наказывала, чтобы от демонов спастись, как выучила ее именам демонским и велела их написать и проклинать. И про все то подробно рассказала отцу. Отец и мать и все родные ее, слышав все это от нее, плакали. И отец написал имена демонов, которые слышал от нее, и стал их, окаянных, проклинать во святом алтаре, где тайная жертва совершается.

И с того времени Соломония от бывшего с ней демонского мучения и ран впала в болезнь близ смерти. И в один из дней, когда задремала, истомленная недугом, увидела во сне жену святолепную, которая пришла к ней и сказала: «Соломония! Пойди ко граду Устюгу, а здесь не живи нимало, и от волхвов не ищи себе исцеления, не будет тебе от них помощи». Соломония спросила имя ее. Жена же сказала: «Нарицаюсь я преподобная Феодора». И стала невидима.

Соломония пробудилась от сна и поведала видение отцу своему. Отец стал посылать ее в город Устюг. Она же отвечала: «Не хочу того слышать». Ибо воспротивилась в ней тому демонская сила. Отец же и мать ее едва умолили, чтобы шла Соломония к городу Устюгу, и с трудом повиновалась им.

И когда пришла в Устюг, повелели ей жить возле соборной церкви Пресвятой Богородицы, что на площади, у вдовы, тоже именем Соломонии. И стали родные водить ее по церквам: в собор Пресвятой Богородицы и к чудотворцам преподобным Прокопию и Иоанну. И начали тогда в ней демоны утробу рвать и терзать. А она от того демонского терзания в скорби была. Пожалели ее родные, призвали священника соборной церкви Никиту. Он, придя, исповедал и причастил ее Христовых тайн.

И спустя время Соломония выздоровела, и наложил на нее злой враг таковое желание, чтобы идти в дом отца своего. Пробыла она в дому отца своего несколько дней, и в один из дней по захождении солнца пришли нечистые духи — темные демоны и стали кликать ее по имени: «Соломония! Полонянка!» И голоса их слышали отец и мать ее и все люди, жившие на погосте. И пока была Соломония у отца своего восемь недель, окаянные демоны много раз приходили и кликали, как и прежде, и говорили отцу ее: «Поп! Отдай ты нам нашу полонянку, а мы дадим тебе богатства сколько угодно». И снова блудили окаянные: «Нам ее, полонянку, отдали братья наши, водяные демоны, а она нас оболгала и проманила. Если вы ее ныне не отдадите нам, все равно унесем от вас ее в лес». И всю ночь приходили окаянные, кричали и ревели, ломая дом, где она жила.

И в то время было освящение церкви Пресвятой Богородицы здесь на погосте. И приезжали на освящение с Устюга священник соборной церкви Никита да протодьякон Димитрий и иные многие люди. И слышали они вражье кознодейство: как демоны кричали и звали Соломонию. И стали те люди демонов бранить. И как человек в каких речах оспорит их или начнет бранить, то они, окаянные враги, того человека обличают грехами, какие он сотворил, и обнажали так совесть каждого человека. И те, стыдясь, ушли.

Отец же снова отвез Соломонию к Устюгу, чтобы ходила она по церквам божьим: в собор к Богородице, к праведным Прокопию и Иоанну чудотворцам. Придя, стояла она в церкви во время божественной литургии, и на святом Евангелии, и на великом сходе, и на приношении, и на спросении. А те окаянные демоны, что в ней жили, бросали ее о помост церковный. Люди, видя это, не чая-

ли, что жива останется. Окаянные же демоны, как свиньи, визжали, и стонали, и иными голосами вслух голосили. Утроба ее в то время сильно вздымалась. С трудом в ум она приходила, но неотступна от церкви божьей была всегда.

И снова явилась к ней во сне преподобная Феодора и наказывала: «Соломония, живи здесь неотходно от града Устюга, и от церкви Пресвятой Богородицы и от святых преподобных Прокопия и Иоанна никогда не отступай, и к отцу своему на Ергу никогда не ходи. Снова унесут тебя демоны и будут тебе последние горше первых. Да будет тебе ведомо, отчего тебя так тяжело демоны мучили: потому что тебя поп пьян крестил и половины святого крещения не исполнил, а крестись ты рукою крестообразно и истово, как и прежде, и подобает тебе иметь воистину отца духовного, и у него обо всем спрашиваться, а в церковь всегда ходить ко всякому пению. Если не можешь идти, вели себя носить». И сказав это, преподобная стала невидима.

Соломония же, от сна проснувшись, очень дивилась, но виденного сразу никому не поведала.

После видения того страдала Соломония так же, как и прежде. Мучили ее темные проклятые нечистые духи, жившие в ней, и тогда она вне себя бывала, выбежала из дома своего обнаженная, в разодранной одежде и простоволосая, и кидалась в воду зимним и летним временем. Случавшиеся же здесь люди когда наступали на край воды, а иногда в воде удерживали и вытаскивали ее из воды на берег да из проруби на лед, словно мертвую. Утроба у нее тогда бывала как у жены, собирающейся родить, и во чреве ее терзались темные демоны, словно рыбы во мрежах. И видя ее страдания, здесь стоявшие люди дивились и относили ее, словно мертвую, в дом, где жила она. И мучение это и томление от демонской силы много раз случалось.

И в нынешнем году в святой Великий пост принуждена была Соломония с родными своими исповедаться у отца своего духовного священника соборной церкви Никиты и причаститься святых тайн. В тот же день по захождению солнца в смятение пришел в ней окаянный демон и начал утробу ее рвать. Она же от боли стала сильно кричать, и прогрыз у нее демон левый бок насквозь, и когда прогрыз, Соломония очнулась и, в ум придя, увидела сорочку свою окровавленную и показала всем бывшим тут, что сотворил ей демон в ночи. Они же, видев гибель ее от демона, плакали сильно.

Стали утреннюю благовествовать, Соломония же скорбная пошла к утренней, и когда на девятой песне возгласил дьякон: «Богородицу и мать света песньми возвеличим!» — начал демон в утробе ее снова метаться и терзать чрево. По отпетии же утренней пошла Соломония в дом, и когда зазвонили к литургии, снова пришла в церковь, и едва стала иконы целовать, живущий в утробе ее демон начал рвать утробу ее. Она закричала и во время чтения святого апостола стала блевать и была во исступлении ума. И когда пришло время святого причастия, живший в ней демон начал бить ее о помост церковный. Священник служащий с великим страхом причастил ее Христовых тайн, а люди с трудом держали ее. И начал демон ее устами вопить страшным голосом: «Сжег меня, сжег меня!» И нескорю Соломония в ум пришла.

Вернулась в дом свой Соломония, и с того времени нимало не давал покоя живущий в ней демон, терзал утробу ее и люто рвал, и мучил ее больше, чем вначале. Прознал он, окаянный, свою гибель. И месяца мая в 27-й день сильно мучима была Соломония от демона, и тяжело утомилась, и уснула, и увидела святых и праведных Прокопия и Иоанна, пришедших к ней, и сказали ей святые: «Соломония, молись Прокопию и Иоанну, они тебя вскоре избавят от такого мучения. Иисусову молитву твори беспрестанно и крестись истово и разумно, крестообразно, как и прежде». И повелели ей молитву Иисусову творить. Демон же, в ней живший, не давал ей молитвы творить. С великим трудом молитву сотворила, и

сказали ей святые: «Веруешь ли во Христа?» Она же ответила: «Верую я во Христа». И снова спросили святые: «Веруешь ли ты во Христа?» Она же сказала: «Верую во Христа». И в третий раз спросили ее: «Воистину ли веруешь?» Она же отвечала: «Воистину верую во Христа». И снова сказали святые: «Слава тебе, Владыко, Христе Боже человеколюбче, ибо еще хочет Соломония твоей рабою быть». И вмиг святые невидимы стали. Проснулась Соломония и никому не поведала видения до времени, пока не исцелилась.

В лето 7179 июля в 8-й день, в самую память святого праведного Прокопия, после божественной литургии пришла Соломония в соборную церковь Пресвятой Богородицы и поведала все о себе сама всему освященному собору — Архангельского монастыря архимандриту Арсению и соборной церкви протопопу Владимиру с братией и всем православным, прилучившимся здесь, о том, как она, Соломония, исцеление получила милостию общей заступницы рода христианского Пресвятой нашей Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии и святых и праведных Прокопия и Иоанна Устюжских чудотворцев.

В прошлом в 7167 году грехов моих ради вселился в меня сатана-дьявол и его демонская сила и обладал мной одиннадцать лет и пять месяцев. И в те годы мучима была я многими муками и не видела я, грешная, света истинного и солнечных лучей, но был мне всякий день как ночь, и к церквам божьим ходила как пленник связанный. Ни в церкви святой, ни в притворе ни поющего, ни чтущего голоса не слышала: глаза мои помрачались, уши глохли от страшного демонского наваждения. С тех пор как в первый день коснулся меня вражий демонский синий пламень, был в ушах моих шум великий во время божественного пения.

И месяца июля против восьмого числа, памяти святого праведного Прокопия, пришло ко мне таковое желание, чтобы идти ко всенощному бдению к праведному Прокопию-чудотворцу в церковь послушать о его преславных чудесах, а прежде такового желания у меня не было. И пришла я и стала вне церкви, у северных дверей.

В то время в церкви читали житие праведного Прокопия. Я же постояла здесь мал час, и стал меня брат мой посылать в церковь. С великим трудом вошла я в церковь, возбранилась этому во мне демонская сила. И сказала я брату: «Веди меня близ чтущего житие». И постояла тут я мал час и внезапно увидела, что гроб святого Прокопия словно бы вздрогнул. И жившая во мне демонская сила смутилась и начала вопить в утробе моей, будто малый младенец. И все стоявшие здесь слышали ужасное то вражье кознодейство. Я же не могла в церкви стоять, и побежала, и ушла в притвор святых чудотворцев Козьмы и Демьяна, и была во исступлении ума.

Была я с братом моим и иным неким человеком. Когда же в ум пришла, снова повели они меня в церковь святого Прокопия. Я же не могла там быть, противилась этому жившая во мне демонская сила. И начала я кричать изо всех сил: «Не ведите меня в церковь святого Прокопия!» Они же силой меня вели.

Я вырвалась от них и пошла в церковь святого Иоанна-чудотворца, и села близ гроба, и увидела, как гроб святого Иоанна пошатнулся. Очень убоялась я страшного того видения, и руками своими грешными коснулась гроба святого Иоанна, и задремала, и увидела во сне свет неизреченный и во свете девицу святолепную и прекрасную, ее красоту невозможно описать. Вошла она в церковь святого Иоанна в полуденные двери возле иконы, и приблизилась ко мне, и взяла меня за правое плечо, и сказала: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас!» Я же ничего не отвечала. Она снова ту же молитву повторила, и второй раз, и третий. И сказала мне пресвятая та девица: Соломония, глаголи «аминь». Я едва отвечала: «аминь». Она же сказала: «Отвечай дважды «аминь». Я отвечала дважды «аминь», «аминь». И спросила она: «Знаешь ли, кто я?» Я отвечала ей: «Госпожа

моя, я тебя не знаю, я грешная, в скорби великой от живущей во мне демонской силы». И подивилась пресвятая святолепная девица: «Как же ты не знаешь меня? В дом мой приходишь беспрестанно пять лет». Я же, грешная, спросила: «Где же, госпожа, дом твой?» Она же сказала мне: «Дом мой соборная и апостольская церковь. Я же нарицаюсь Пресвятая Мария, родившая плотию Иисуса Христа, Творца моего и Бога. Сегодня покажу тебе чудо великое ради предстателей и молебников ко мне праведных Прокопия и Иоанна Устюжских чудотворцев. Ты же молись им беспрестанно ради исцеления своего. Есть ныне в утробе твоей семьдесят бесов, и еще придут на тебя тысяча семьсот бесов, а ты их, окаянных, не бойся, предстательствуют за тебя святые чудотворцы Прокопий и Иоанн, избавят они тебя от демонской силы немощной. А крестись ты разумно и внятно крестным знамением, как и прежде того». И снова сказала мне Пресвятая Богородица: «Как станут просить у тебя святые Прокопий и Иоанн обещания твоего, ты им во всем обещаешься сохранить заповеди, что они тебе изрекут». И слушаю я, грешная, а не могу отвечать ей ничего. И сказала Пресвятая Богородица: «Мир тебе, Соломония!», и ушла тем же путем, каким пришла.

Я же, очнувшись от того преславного видения и ужасного явления, хотела бежать из церкви, да увидела брата моего, близ стоявшего, и убоялась, но потом укрепились, и села, и задремала, и привиделся мне свет великий в церкви, какой никогда я прежде не видела, и святой Прокопий, входящий в церковь в западные двери. И когда был он близ гроба святого Иоанна, восстал святой Иоанн из гроба. И подошли ко мне, грешной, и, став передо мною, изрекли святые: «Отойдите, проклятые, от рабы божией Соломонии». И сказал мне святой: «Соломония, молись от глубины сердца твоего заступнице христианской Пречистой Богородице и святым праведным Прокопию и Иоанну, и будешь в сей день исцелена. Дай же нам обещание, чтоб тебе к прежнему мужу твоему не идти и за иного также не посягнути. И будет тебе лютое мучение еще на три часа дневных, и потом исцелишься. И на то время призови к себе двенадцать священников, и чтоб они над тобой прочитали двенадцать псалтырей в те три часа, и если те псалтыри не исполнятся, призови отца духовного, чтоб тебя он исповедал и причастил Христовых тайн временного ради лютого мучения».

Был же святой Прокопий волосом рус, бороду имел простую и русую, одеяние его было короткое, сапоги на ногах, Иоанн же святой таков был, как и на иконе писан, — в виде странника. И снова сказали они: «Мир тебе, Соломония». И пошли от меня и невидимы стали.

Я, грешная, очнувшись от того преславного видения и в себя пришедши, пошла из церкви вон, брат же мой и еще некий человек повели меня снова в церковь к святому Прокопию, я же стала кричать изо всех сил: «Не водите меня к святому Прокопию!» Они же не послушали, но силой вели меня в церковь. Я же пробыла в церкви мал час, и не могла стоять от жившей во мне демонской силы, и снова стала молить брата, чтобы отпустил меня из церкви. Он отпустил меня.

И пришла я в дом, где жила, и была я во исступлении ума, и начала говорить о своем видении, о том, что видела в церкви святого Иоанна-чудотворца, и не было в доме никого, только брат мой возле дома стоял и слушал, о чем я говорила. А я того не знала, что кто-то слышал о моем видении. И когда проговорила все и замолчала, брат мой пошел к церкви Пресвятой Богородицы и поведал отцу моему духовному священнику Никите, что слышал от меня. Тот же повелел меня привести в соборную церковь. Брат мой повел меня в церковь Пресвятой Богородицы и поставил в приделе — в церкви святого Предтечи.

И стал отец мой духовный вопрошать меня о видении, о котором он слышал от брата моего. Я же, помня все видение, не смогла поведать о нем, претило мне в том дьявольское наваждение. Тогда брат мой повелел надо мной псалтырь читать, и мне наибольшее явилось мучение от живших во мне демонов. И не

могла я, грешная, слышать произносимых слов. И стала кричать, чтобы надо мной псалтыри не читали, а дали бы мне сроку на три часа, и тогда то видение все объявлено будет. Священники повелели вести меня из церкви к брату моему.

Взяли меня брат мой и еще некто другой, вывели из церкви, и была я во исступлении ума, и увидела снова видение преславное и страшное: на правой стороне священнический и дьяконский чин идут и поют, и крест и Евангелие несут с кадилами и фимиамом, а на левой стороне вижу демонов многое множество, а лицами они, окаянные изуверы, черны и сини, и страшны, и было их туча великая, и на лицо мое те окаянные плевали и сморкались. Я же от прихода тех страшных изуверов ничуть не пострадала молитвами Пресвятой Богородицы и святых и праведных Прокопия и Иоанна.

Повели меня в дом, где жила, и стала я просить позвать отца духовного. Пришел же ко мне отец мой духовный и исповедал меня, и причастил святых тайн страшного ради моего мучения, благословил и отошел от меня.

И потом пришли священники и дьяконы читать псалтырь надо мной и увидели меня словно мертвую, а чрево мое вздулось, и, глядя на меня, все плакали о моей гибели. И вот внезапно воссиял свет неизреченный там, где я лежала, и увидела я юношу, идущего в дом мой и свечу несущего, а за ним шли Прокопий и Иоанн. И, став у изголовья моего, говорили святые мужи между собою. Я же того не ведала, о чем они говорили.

И снова приступил ко мне святой Прокопий и перекрестил рукой своей утробу мою, а святой Иоанн, держа в руке копейцо малое, приступил ко мне и рассек утробу мою, и взял из меня демона, и подал его святому Прокопию. Демон же начал вопить громким голосом и виться в руке его. А святой Прокопий показал мне демона и сказал: «Видишь, Соломония. Видишь ли демона, который был в утробе твоей?» Я же глядела на демона — лицом он был черн, и хвост был у него, уста его были толсты и страшны. Положил Прокопий его, окаянного, на помост и заколол кочергой. Святой Иоанн снова стал вынимать демонов из утробы моей и отдавать святому Прокопию. Тот же закалывал их по одному. И сказали святые: «Соломония, ныне мы у тебя изъяли половину демонской силы вражьей, а совершенное исцеление примешь в дому нашем у гроба святого Прокопия». И снова сказали святые чудотворцы: «До нареченных трех часов не подобает нам здесь оставаться». И отошли от меня, и невидимы стали.

И тогда начали у святого Прокопия молебны совершать и воду святить архимандрит и игумены, и протопоп со всеми освященными соборами. В то время и меня, грешную, принесли сюда в церковь, к гробу святого Прокопия. Ничем же я, грешная, не могла двинуть, ни руками, ни ногами, ни языком проговорить, но словно мертвая была от демонской силы, жившей во мне.

И внезапно осветил меня свет великий, и явились святые Прокопий и Иоанн. И стали передо мной, как и прежде стояли. И сказал святой Иоанн святому Прокопию, чтобы тот резал утробу мою да у меня, грешной, сорочки не окровавил и церкви божьей не осквернил. И отвечал святой Прокопий: «Не окровавится Соломония, и дом мой не будет окровавлен от вражьей силы». И стал святой Иоанн изымать из той раны демонов, как и прежде. Святой же Прокопий принимал их и бросал на помост церковный и давил их ногою своею. И спросил святой Прокопий у святого Иоанна: «Чиста ли утроба Соломония от демонов?» И отвечал святой Иоанн: «Чиста, и нет порока в ней». Святой же Прокопий заглянул сам в утробу мою, чтобы была чиста. И сказал святой Прокопий: «Славно Бог прославился!» То же и святой Иоанн изрек: «Славно Бог прославился!» И снова обратились ко мне святые: «Скажи и ты, Соломония: «Славно Бог прославился!» Язык мой двинулся, и я сказала: «Славно Бог прославился!» Тогда сказал мне святой Прокопий: «Здравствуй, Соломония, до великого божьего суда», и благословил меня рукою своею и изрек: «Пусть будет наше благословение с тобою

отныне и до века». И повелел мне святой Прокопий: «Соломония, иди к правому крылосу, сотвори молитву Иисусову и скажи: «Славно Бог прославился!» По изречении сего святые невидимы стали.

Я же, от того преславного видения в себя пришедши, увидела в церкви солнечный свет и, оглядев всю церковь и образы, спросила брата своего: «Во церкви ли стою или видение вижу?» Отвечал мне брат: «Во церкви стоишь святого Прокопия на литургии, и читается святое Евангелие. Увидела я гроб святого Прокопия и возрадовалась радостью великой, и поклонилась гробу святого Прокопия, припав, стала молиться и в помощь его призывать: «О святой божий праведный Прокопий! Не презрел ты меня, грешную, но взыскал, как овцу погибшую, от насилия вражия изъял». В утробе моей не было больше силы вражьей, и стала я, словно никогда не страдала, и язва, бывшая от дьявольского прогрызения, исцелилась, и отныне здорова я, как и сказал святой.

О сием преславном чуде Пресвятой Богородицы и святых и праведных чудотворцев Прокопия и Иоанна узнав, священноначальники и весь освященный собор, градские воевода и народ прославили Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и пречистую его Богоматерь Пресвятую Богородицу, и святых праведных Прокопия и Иоанна. И пели молебны со звоном в соборной церкви Пресвятой Богородицы, и оттоле пришли в церковь святого праведного Иоанна и также молебны пели со звоном, с верою и со слезами, чтя преславное и великое чудо Пречистой Владычицы нашей Богородицы, и Приснодевы Марии, и святых и праведных преславных чудотворцев Прокопия и Иоанна. И, торжествуя светло, отошли все в дома свои, славя святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

* * *

«Повесть о бесноватой жене Соломонии» написана в Устюге во второй половине XVII в. Сюжетная основа повести — история страданий Соломонии от дьявольского наваждения и чудесное исцеление ее устюжскими чудотворцами Прокопием и Иоанном. Дьявольское наваждение выступает в повести как нападение на Соломонию бесов. Демоны, терзающие Соломонию, — это особый живой и конкретный мир, они «темнозрачные», лица их сини и черны, они едят, пьют, рождаются и умирают, творят свои кознодейства, т. е. христианские понятия о злых духах получают здесь материальную оболочку.

Сюжет повести, полный чудесных, фантастических деталей, а также облик главной героини, бесноватой, страдающей «исступлением ума» и впоследствии получившей исцеление, далеки от канонических правил написания жития. Повесть примыкает к так называемым «народным житиям», в ней главное внимание обращается на чудеса, которым придан сказочный характер. Чудеса в «Повести о бесноватой жене Соломонии» предстают и как порождение дьявола и связанного с ним чародейства, и как вмешательство божественной силы, противостоящей дьявольским козням.

«Повесть о бесноватой жене Соломонии» имеет две редакции. Первая редакция (на ее основе сделан настоящий перевод) является, по нашему мнению, первичной, в ней больше подробностей, конкретных деталей, придающих повествованию оттенок достоверности. Этой же цели служат и точные датировки невероятных событий, описанных в повести, и ссылки повествователя на очевидцев многочисленных чудес. Вторая редакция краткая (текст этой редакции издан Г. Кушелевым-Безбородко в книге: Памятники старинной русской литературы. — Вып. II. — СПб., 1860.

Перевод текста и послесловие

Т. Мироновой

МОЛЕНИЕ

О, Федоре Стратилате,
О, Егорий, апрельский цвет!
Во пресветлой вы во палате,
Где ни плача, ни скорби нет.
Выходите вы со полками
Из высоких злаченных врат.
Вам оплот надо всеми нами...
Божий воин — земному брат.
Изведите огонь и воду,
Растопите вы топь болот,
Понашлите всю непогоду
На безбожный и вражий род!

Преподобные, преклоните
Ваши взоры от райских книг,
Вы, святители, освятите,—
Предводи нас, Архистратиг!
Мы молебны поем не втуне,
Не напрасно поклоны бьем:
От приморской спешит Солуни
Свет-Димитрий, звеня копьем.
На пороге же Божья Мати
Свой покров простирает вслед,
Чтоб Царь-Христос нашей рати
Дал венец золотых побед.

Николай Гумилев

ВОЙНА

М. М. Чичагову

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.

А «ура» вдали — как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это — мирное селенье
В самый благодный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих,
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

Как у тех, что гнутся над сохою,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: «Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!»

ЦАРЬГРАД

Недаром был Олегов щит
На воротах твоих прибит,
Царьград, томящийся в плену.
Эвксинских волн упорный страж,
Ты будешь наш, ты будешь наш
В сию волшебную войну.

Ты видел гордые века,
Ты нас манил издалека,
Как Византии пышный цвет.
Святой Премудрости собор
Давно пленил славянский взор,
И есть давно у нас обет:

Освободить любимый храм
И крест воздвигнуть к небесам,
А полумесяц дерзкий снять.
Пусть мир в огне, в слезах, в крови,
Надежды, Веры и Любви
Жива таинственная мать.

Пусть плен Софии — плен двойной,
Судьба нагрязнула волной,
Судьба летит быстрее птиц,
Россия вновь придет в Царьград,
Кресты на храме заблестят,
А минареты рухнут ниц.

Владимир Солоухин

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ПУШКИ

В КРЕМЛЕ

После первых крещений в Тулоне,
Через реки, болота и рвы
Их тянули поджарые кони
По Европе до нашей Москвы.
Их сорвали с лафетов в двенадцатом
И в кремлевской святой тишине
По калибрам, по странам и нациям
К опаленной сложили стене.
Знать, сюда непременно сводило
Все начала и все концы.

Сквозь дремоту холодные рыла
Тупо смотрят на наши дворцы.
Итальянские, польские, прусские
И двенадцать прочих держав.
Рядом с шведскими пушки французские
Поравнялись судьбой и лежат.
Сверху звезды на башнях старинных,
Башням памятна славная быль,
И лежит на тяжелых стволинах
Безразличная русская пыль.

ОКО

Взгляд современного историка

О МНОГОСТРАДАЛЬНОЙ ЕВПРАКСИИ, КНЯГИНЕ-НЕУДАЧНИЦЕ В ЖИЗНИ И В БЫЛИНАХ

Во многих былинах воспета духовная красота и величие русской женщины. На первое место в галерее женских характеров следует поставить мать богатыря. Она наделена чувством собственного достоинства, она носительница нравственных ценностей, ей присуще благородство, стойкость и сила духа.

Ее величественный образ, несомненно, связан с исконным уважением русского народа к старшим и отражает семейно-бытовой уклад крестьянской семьи.

В былине «Василий Буслаев⁷ молиться ездил», когда ее герой задумал идти в Иерусалим «душу спасти», его мать Амелфа Тимофеевна сына благославляет на добрые дела.

В былине «Иван Гостиный сын» мать героя Офимья Александровна также дает мудрые советы своему сыну:

А и гой же ты свет, мое чадо ненаглядное,
Не ходи-тко, чадо, да на царев кабак,
И ты не пей-кось, не кушай зелена вина,
И не имей союз со голями кабацкими!..

В былине «Добрыня и змей» князь Владимир просит Добрыню «сослужить службу немаленьку»: освободить и привезти в Киев любимую «племяненку» Забаву Путятишну. Рано утром будит сына мать, призывая к исполнению долга:

А ставай-ко ты, молоденький Добрынюшка!
Да ты делай дело повеленное,
Сослужи-тко эту служебку великую.

Образцом женской любви и верности может служить Василиса Микулишна, жена Данилы Ловчанина (былина «Данила Ловчанин»).

Перед нами общиe в своей идеальности женские характеры, отложившиеся в народном сознании.

Есть вместе с тем в былинах и другой женский образ, о котором предпочитают не распространяться, а то и совсем умалчивать исследователи русского народного творчества. Это Апракса-королевишна, жена князя Владимира. Ее характер резко выделяется на фоне других женских образов в русских былинах. Апракса-королевишна — коварная, злая, распутная женщина, к тому же еще и чужеземка.

Полное представление о ней дают две былины: «Алеша Попович и Тугарин» и «Сорок калик со каликою».

В былине «Алеша Попович и Тугарин» рассказывается, что на пиру у князя Владимира Тугарин «нечестно» за столом сидит: «Ко княжне он, собака, руки за пазуху кладет, целует во уста сахарные, сидит, князю насмехается».

Однако Апракса-королевишна благосклонна к невесте.

Она разрезала лебедь белую, поданную к столу, и говорила таково слово:

«Либо мне резать лебедь белую,
Либо мне смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича».

На пиру Алеша вызывает на поединок Тугарина, в котором и побеждает, Тугарин уходит с пира с бесчестьем.

Княгиня Апраксия полностью пренебрегает мнением окружающих:

«Скочила княгиня Апраксевна на резвы ноги,
 Стала пенять Алеше Поповичу:
 — Деревенщина ты, засельщина!
 Не дал посидеть другу милому!..
 Разлучил ты меня с другом милым,
 С молодым Змеем Тугаретиным».

В этой былине княгиня Апраксия представлена как распутная и наглая женщина, не побоявшаяся бросить вызов всем нравственным устоям и традициям.

В другой былине «Сорок калик со каликою» Апракса представлена в еще более неприглядном виде: она пытается соблазнить атамана калик, направляющихся в Иерусалим. Однако Касьян Михайлович «не идет на долги вечера» к молодой княгине Апраксеевне... на что «княгиня осердилася». Она приказывает положить Касьяну в его «суму рыта бархата» чарочку серебряную. Касьяна обвиняют в воровстве, и его товарищи-калики зарывают его по плечи в землю в наказание.

Такова Апракса-королевишна, жена князя Владимира, в былинах.

Еще в XIX веке ученые пытались найти реальный исторический прототип Апраксы. В. Ф. Миллер в «Очерках русской народной словесности», в статье «Имя былинной княгини», высказал мысль о том, что киевская княгиня Апракса «получила имя рязанской княгини Евпраксии, прославленной в старинных сказаниях о нашествии Батыя, причем самое имя совершенно отделилось от исторической личности, носившей его».

В. Ф. Миллер отмечает, что, кроме имени, ничто не связывает с былинной Апраксой рязанскую княгиню Евпраксию.

В «Повести о разорении Рязани Батыем» Евпраксия, услышав «смертоносные глаголы» о гибели своего мужа князя Федора в стане Батыя, бросилась с высокого своего терема с сыном Иваном на середу земли и «заразися до смерти». Евпраксия рязанская — воплощение любви и верности, она не может пережить своего мужа.

«Тип верной жены, угрожаемой сластолюбивым царем и кончающей жизнь самоубийством при известии о смерти мужа, — пишет Миллер, — перешел в нашем эпосе к Василисе, жене Данилы Ловчанина, а имя — одно без всяких других черт, оторванное от исторической княгини, — прикрепилося к жене князя Владимира, полной противоположности исторической Евпраксии по нравственным свойствам».

Точка зрения Миллера вызывает существенные возражения. По В. Ф. Миллеру, имя Апраксы-королевишны появилось в былинах не ранее XIV в., когда стерлась память об исторической реальной Евпраксии, рязанской княгине. Однако имя Апраксы зафиксировано в ранних былинах. Во всех былинах, связанных с Владимиром, она является его женой. Из этого следует, что это была княгиня, жившая много раньше Евпраксии рязанской, и облик которой более соответствовал нравственным качествам этой княгини.

Гораздо более убедительно другое предположение, высказанное С. П. Розановым в 1929 г. Исследователь полагает, что Апракса — жена Владимира — имеет своим историческим прототипом Евпраксию-Адельгейду Всеволодовну, дочь князя Всеволода, внучку Ярослава Мудрого и сестру Владимира Мономаха.

По-видимому, отзвуки реальной истории Евпраксии-Адельгейды дали материал для этого былинного образа. Евпраксия Всеволодовна, в саксонских хрониках

ках известная под именем Адельгейды, родилась в 1071 г. Ее отец, Всеволод Ярославич, был женат на византийской принцессе, дочери Константина Мономаха. Дети Всеволода и принцессы — Владимир Мономах и дочь Анна, в летописях она больше именуется Янкой. После смерти первой жены Всеволод женился вторично; наши летописи называют имя его второй жены — Анна, но ее происхождение неизвестно. Историк Миллер полагал, что она была куманкой или половчанкой. Этой точки зрения придерживался и Карамзин.

От второго брака у Всеволода были сын Ростислав, упоминаемый в «Слове о полку Игореве», и дочь Евпраксия.

В 1076 г. умер князь киевский Святослав; его вдова, саксонская графиня Ода, вернулась в Саксонию. Когда ее родственник маркграф Генрих Штаден задумал жениться, она рекомендовала ему княжну Евпраксию, дочь Всеволода. В 1083 г., когда Евпраксии было всего двенадцать лет, она была отправлена в Саксонию в дом жениха. Здесь она должна была жить до брака, осваиваясь с новыми для нее обычаями и языком.

Из саксонских хроник известно, что она привезла с собой богатое приданое: «Дочь русского царя приходит в эту страну с большой помпой, с верблюдами, нагруженными роскошными одеждами, драгоценными камнями и вообще несметным богатством».

В Саксонии Евпраксия, по-видимому, приобщилась к католической церкви и получила новое имя — Адельгейда, традиционное в семье Штаденов. Несколько лет она провела в Кведлинбургском монастыре, где получила соответствующее ее новому положению образование и воспитание. В брак с Генрихом Штаденом она вступила не ранее 1086 г., а в 1087 г. маркграф умер. По-видимому, после смерти мужа Евпраксия-Адельгейда чувствовала себя одиноко в семье Штаденов. В Кведлинбургском саксонском монастыре она познакомилась с императором Генрихом IV (аббатиссой этого монастыря была сестра Генриха IV — Адельгейда). В дальнейшем судьба Евпраксии была тесно связана с Генрихом IV и политической борьбой того времени.

Генрих IV (1050—1106), с 1056 г.— германский король, а с 1084 г.— император Священной Римской империи, стремился к укреплению императорской власти, вел ожесточенную борьбу с папой Григорием VII и его преемником за право инвеституры. Папа выступил против участия светской власти в выборах папы, за право назначать епископов, которое находилось в руках императора. Свою программу создания теократического государства Григорий VII изложил в «Диктате папы», где говорится о праве папы назначать императоров и епископов, о неподсудности папы и т. д.

Борьба за право инвеституры в Германии и Северной Италии привела к тому, что в 1076 г. Генрих в Вормсе созвал собор и объявил папу низложенным. Папа Григорий VII в том же 1076 г. отлучил Генриха от церкви. Немецкие князья решили лишить Генриха престола, если он не избавится от отлучения. В 1077 г. Генрих отправился в Каноссу, замок в Северной Италии, где Григорий VII находился в гостях у владелицы замка маркграфини Матильды Тосканской, поддерживавшей папу в борьбе с Генрихом. В Каноссе произошла встреча отлученного от церкви Генриха с папой Григорием VII, который простил кающегося грешника. По данным некоторых хроник, Генрих три дня простоял в одежде грешника у стен замка, добиваясь приема у папы.

Однако, получив прощение, Генрих не прекратил борьбы и даже назначил своей властью антипапу Климента.

Упомянуть о борьбе папы Григория VII и его преемников с Генрихом IV следует потому, что Евпраксия была не только невольной втянута в политическую борьбу того времени, но стала орудием противоборствующих сил.

Генрих IV в 1089 г. женился на Евпраксии, вдове графа Штадена. Коронова-

ние и венчание происходили в Кельне. Евпраксия-Адельгейда стала императрицей Священной Римской империи.

Трудно сказать, что побудило Генриха IV к этому браку. Возможно, Генрих IV стремился заручиться поддержкой могущественного саксонского рода Штаденов и подготавливал союз с Киевом.

Если бы Киев согласился лишь на переговоры со ставленником Генриха антипапой Климентом, то уже это укрепило бы позиции императора.

Однако Киев отказался вступить в переговоры с Климентом. Не оправдала надежд Генриха и супружеская жизнь. Брак с Евпраксией-Адельгейдой оказался несчастливym. Распутный Генрих привлек молодую жену к участию в тайных черных мессах, оканчивавшихся развратом, оргиями. Евпраксия была потрясена нравами и обычаями развращенного двора Генриха IV. По-видимому, она оказала сопротивление своему мужу, осудила его тайные деяния, и Генрих возненавидел Евпраксию-Адельгейду. Вокруг взаимоотношений Евпраксии и Генриха молва создала, вероятно, немало преувеличений и легенд. Несомненно, однако, жестокое обращение Генриха с Адельгейдой и его ненависть к ней, о чем свидетельствуют саксонские хроники.

В начале 90-х гг. XI в. Генрих IV начал очередной поход в Италию. Известно, что императором Священной Римской империи каждый раз приходилось захватывать Италию заново. Это был третий поход Генриха в Италию.

Немецкие хроники сообщают, что Адельгейда отказалась ехать в Италию по приказанию мужа, так как была беременна, причем она сообщила окружавшему ее духовенству, что не знает даже, кто отец ее ребенка.

Известно, что она все-таки вынуждена была поехать в Италию, по дороге бежала, а в письмах немецкому духовенству рассказывала о злодеяниях своего мужа. Однако убежать ей не удалось. Генрих заточил ее в Вероне в уединенную башню на три года.

Прочитируем сообщение русского исследователя Шайтана, основанное на изучении немецких хроник XI века: «Он заточил ее под стражу и допустил над ней насилие. Говорят также, что он настолько обезумел, что предложил сыну войти к ней. Конрад, сын Генриха от первого брака, тогда отказался осквернить отцовское ложе. Король уговаривал его, уверяя, будто его отцом был не он, а именно государь Швабии, на кого Конрад был действительно похож».

С. П. Розанов сообщает, что немецкие хронисты, слышавшие об этих издевательствах, не могли даже написать о них, чтобы «не слишком развратиться»; они просто упоминают о том, что Генрих принуждал ее к разврату.

Измученная издевательствами Генриха, Евпраксия попросила о помощи Матильду, маркграфиню Тосканскую, которая была врагом Генриха. Граф Вельф, муж Матильды, помог Евпраксии бежать в Каноссу. В Каноссе она оказалась под защитой Матильды и ее мужа, графа Вельфа. Освобождение Евпраксии во многом было следствием тонкого политического расчета Матильды Тосканской и папы Урбана II. Евпраксия стала орудием в их борьбе с Генрихом IV.

В 1094 г. состоялся собор в Констанце, на котором по настоянию Матильды и Урбана II была прочитана жалоба Евпраксии на Генриха; в своем послании собору Евпраксия-Адельгейда рассказала о гнусных деяниях Генриха. Ее жалоба была сочувственно воспринята собором, деяния Генриха были осуждены. Урбан II, которому Матильда представила Евпраксию, посоветовал ей еще и лично выступить с обвинениями против Генриха на соборе 1095 г. в Пьяченце. Собор этот был особенно многочисленным, на нем присутствовало 30 000 мирян и 4000 церковников. На собор явилось так много народу, что заседания его состоялись в открытом поле. Выступление Евпраксии на соборе в Пьяченце привлекло внимание всей Европы. Она откровенно рассказала о том, какие гнусные и мерзкие дела творил Генрих, а также о том, что была вовлечена в эти дела мужем. На

соборе к ней отнеслись с пониманием, на нее даже не наложили епитимьи, было признано, что во всем был виноват Генрих, который принуждал ее к безнравственным поступкам. Евпраксии сочувствовали, ей верили.

Трудно сейчас представить себе, что заставило Евпраксию-Адельгейду выступить на соборе в Пьяченце — на таком многочисленном собрании со своими обвинениями против мужа. Ведь тень от этих обвинений падала и на нее. Она не могла не понимать, что ее разоблачения разнесутся по всей Европе и что она сама в своих отношениях с Генрихом будет выглядеть не самым лучшим образом. Можно предположить, что Матильда Тосканская и папа Урбан II настаивали на ее выступлении в Пьяченце, что ее роль действительно была ролью библейской Иаили. Кроме того, ей обещали и успокаивали полным прощением на соборе ее невольных прегрешений. Можно также думать, что Евпраксия была настолько измучена преследованиями Генриха, настолько пришла к полному нравственному изнеможению, что не думала о том, к каким последствиям в ее собственной судьбе приведут ее разоблачения. Вряд ли она думала о своей дальнейшей жизни после всего того, что ей пришлось пережить. Очень скоро Евпраксия почувствовала себя лишней, чужой в замке Матильды, вдохновители ее действий потеряли к ней интерес. Ее дальнейшая судьба уже не интересовала ни Матильду, ни папу Урбана II.

Из Италии Евпраксия направилась в Венгрию, где ее тетка Анастасия в недавнем прошлом была королевой. Она была замужем за королем Андреем, который умер в 1061 г. Анастасия вряд ли была в живых в девяностые годы XI века. В Венгрии была хорошо известна жизнь Евпраксии, ее скандальные разоблачения, и вряд ли ее ожидал там радушный прием.

Недолго пробыла в Венгрии Евпраксия. В 1099 г. к венгерскому королю Коломану прибыло русское посольство от великого князя Святополка. Вместе с этим посольством возвратилась в Киев многострадальная Евпраксия. Ее мать была еще жива; по-видимому, у нее она нашла приют. Вероятно, и здесь, на родине, ее положение было нелегким.

В Киеве хорошо знали все обстоятельства ее жизни, и ее появление в Киеве вызвало и осуждение, и пересуды, и неприязнь. Именно этим объясняется тот факт, что Евпраксия спешит укрыться от недоброжелательства в монастыре. Летопись сообщает, что в 1106 г. «пострижесе Еупракси, Всеволожа дщи, месяца декабря в 6 день». Евпраксия была сломлена духовно и физически. Она вернулась на родину, потеряв все надежды, все иллюзии; вернулась, чтобы умереть на руках родной матери и лечь навсегда в родную землю. Через три года после пострижения она умерла в возрасте 38 лет, и русский летописец записал: «В лето 6617 (1109 г.) представися Евпракси, дщи Всеволожа, месяца иулия в 10 день, и положена бысть в Печерском монастыре у дверей, яже ко угу. И зделаша над нею божонку (часовню), иде же лежит тело ея».

История Евпраксии — это история русской женщины, оторванной от родной среды и ставшей жертвой жизни на чужбине. Оказавшись игрушкой низких страстей и политических расчетов, Евпраксия была обречена на многолетние страдания, и приходится удивляться тому, что она могла выжить среди всего этого ужаса. Нужны были большие нравственные, духовные силы, чтобы вынести все интриги, порочный быт и сатанинские извращения, выпавшие на ее долю.

Можно предположить, что Евпраксия-Адельгейда и была историческим прототипом Апраксы-королевишны русских былин. Именно она, окруженная и на родине недоброжелателями, выдуманскими и невыдуманскими домыслами, вошла в народное сознание как неверная и коварная жена князя Владимира.

ПОД ПОКРОВОМ ТАЙНЫ

Тайный приказ, тайный розыск, «слово и дело», Тайная канцелярия... Выражения, знакомые многим, ими называли в прошлые века учреждения, ведавшие политическим сыском. В словаре В. И. Даля есть слово «тайнник, тайнничий». Оно означает: «наперник, любимец царя, вельможи, доверенный негласный советник». Тайнники появились с того момента, когда стало необходимым удерживать и завоевывать власть, княжеский стол. Поначалу функции тайнников выполняла гридь — малая дружина князя, его охранники, отборные воины, кому он доверял самые деликатные поручения, связанные с устранением соперников и недругов.

Первый институт террора и устрашения, в который входил тайный сыск, придумал еще Иван Грозный. Однако опричнина была в большей степени органом карательным, нежели сыскным и охранным. Правда, впоследствии эта карательная основа тайных канцелярий сохранилась за ними.

Впервые понятия «слово и дело», «тайный розыск» появились при первом Романове — Михаиле Федоровиче. Тогда доверенными боярами царя рассматривалось немало дел, связанных с покушениями на государеву честь и жизнь. Понятие «Тайный приказ» впервые возникло при втором Романове — Алексее Михайловиче в 1654 году. Но просуществовал Тайный приказ лишь до 1676 года и был в основном, как верно заметил В. О. Ключевский, ведомством «государева спорта», «потехи»¹. В этот приказ большей частью входили сокольники, кречетники, очень уж любил Алексей Михайлович соколиную охоту. Основателем же Тайной канцелярии стал Петр I. А родилась эта Тайная канцелярия из известного петровского Преображенского приказа.

1. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ПРИКАЗ

Под Москвой, в селе Преображенском, и родился Преображенский приказ, ставший основой будущей Тайной канцелярии. Дела этого Приказа регулярно начинают вестись с 1696 года, но стал он создаваться, пожалуй, еще раньше, года с 1690-го, когда царевну Софью (ее переселили в Новодевичий монастырь в сентябре 1689 года) удалили в монастырь и правление перешло к царице Наталье Кирилловне Нарышкиной, матери Петра. Именно тогда в Преображенском и начинает сбиваться веселая петровская компания: шустрый бомбардир Алексашка Меншиков, «дебосан французский», выпивоха и кутила Франц Лефорт, аккуратный генерал Патрик Гордон, царь Семеновский Иван Бутурлин, впоследствии один из четырех «министров» первой Тайной канцелярии и потешный генералиссимус, князь Федор Юрьевич Ромодановский, душа и глава будущего Преображенского приказа. Вот как охарактеризовал его В. О. Ключевский — носивший имя Фридриха, главнокомандующий новой солдатской армией, король Пресбургский, облеченный обширными полицейскими полномочиями, начальник розыскного Преображенского приказа, министр кнута и пыточного застенка, «собой видом, как монстра, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьян по вся дни», но по-собачьи преданный Петру...².

¹ Ключевский В. О. Собр. соч.— М.: Мысль, 1988.— Т. 3.— С. 145.

² Там же.— Т. 4.— С. 18.

Все началось с забав и потех, а закончилось изнурительной каторжной работой по строительству новой России, империи, твердой ногой вставшей на Западе и на Востоке, и вместе с новыми завоеванными землями, городами и крепостями Петр I наладил как следует и аппарат политического, нравственного сыска и подавления. Если уж быть первым, то везде.

Надо сказать, что потешество сие, преображенское, напоминало потешество, разыгрываемое Грозным в слободе Александровской, в этом плане юмор Петра был так же тяжел и неуклюж, как у Ивана Грозного. Но если последний пародировал обычаи монашеского ордена, то Петр окарикатуривал сами религиозные культы, когда наряжал своего учителя Никиту Зотова патриархом и тот осенял пьяных гостей сложенными крест-накрест чубуками, а потом с посохом пускался в непристойный пляс.

Склонность к юродству у обоих царей была поразительная. И Грозный, и Петр любили похолопствовать, как бы сойти с царского пьедестала и превратиться в потешного раба, у обоих актерство жило в душе, и вот уже Петрушка Алексеев бьет поклоны хмельному величеству Ромодановскому. Высмеивая монашеско-церковную, боярскую Россию, Петр как бы загодя уже попрощался с ней.

Уезжая за границу, Петр оставляет все нити правления князю Ромодановскому, который, как я уже сказал, с 1696 года регулярно чинит розыск. В 1696 году было разобрано уже 605 дел, однако по «слову и делу» всего пять. В основном это дела о драках, битвах, кричании «караула».

В 1696 году умер слабоумный брат Иван, кончилось двоевластие, Петр взял Азов, стал десятками отправлять своих подданных за границу учиться, собственно, началась эпоха Петра. Сам он инкогнито, под именем урядника Преображенского полка Петра Михайлова, решил тоже поехать за границу; 23 февраля веселился с боярами у своего любимца Лефорта, когда явился с доносом пятисотенный стрелец Ларион Елизарьев, объявив, что Иван Циклер, которого Петр только что произвел в думные дворяне и собирался послать строить Таганрог, имеет намерение убить царя.

Циклера взяли, а по его навету Соковнина, последний оговорил Федора Пушкина с сыном Василием. Циклер под пытками сознался, что царевна Софья и покойный Иван Милославский уговаривали его убить царя. По приказу Петра вырыли гроб Милославского и привезли в Преображенское на свиньях. Гроб открыли. Соковнину и Циклеру отрубили сначала руки, потом ноги и только потом головы. Кровь лилась в гроб Милославского. Пушкину и другим тоже отрубили головы, на Красной площади поставили столб со спицами, на которые, словно елочные игрушки, насадили головы казненных. С тем Петр и уехал за границу.

В 1698 году вспыхнул новый стрелецкий бунт. 25 августа Петр, бросив все заграничные уроки, прискакал в Преображенское и сам занялся делами пытошными и розыском вместе с князем Ромодановским. Было построено 14 застенков, каждый день зажигалось до тридцати костров, чтоб наготове для пыток всегда были раскаленные угли. Пытаемых, висевших со связанными руками на перекладине, сначала пороли кнутом до крови на виске, то есть до того, пока не лопнет сосуд и не разорвется кожа на виске, потом его клали на раскаленные угли для поджаривания. Пытаемых было 1714 человек. Если кто из стрельцов «запирался», Петр в ярости сам рубил ему голову саблей.

30 сентября у ворот Белого города в Москве был повешен 201 человек. Казни шли ежедневно с 11 по 21 октября, стрельцов вздергивали на виселицах, одновременно на Красной площади колесовали, рубили головы, руки, ноги. Всего было казнено за эти 10 дней 772 человека. Только 17 октября в селе Преображенском казнили 109 человек, под Новодевичьим монастырем повесили 195 человек, наконец, в феврале 1699 года казнили еще 177 человек. Повсюду стояли столбы со спи-

цами, на которых висели отрубленные головы, тела казненных не убрали до весны по приказу Петра. По монастырям было разослано 1845 человек¹.

Так вступал на престол Петр Алексеевич Романов, задавший «тон» в работе и Преображенского приказа.

25 сентября 1702 года именным указом Петра было повелено: «буде впредь на Москве и в Московский судный приказ учнут приходиться каких чинов нибудь люди или из городов воеводы и приказные люди, а из монастырей власти присылать, а помещик и вотчинники приводят людей своих и крестьян, а те люди и крестьяне учнут за собой сказывать Государево слово или дело,— и тех людей в Московском судном приказе, не спрашивая, присылать в Преображенский приказ к стольнику ко князю Федору Юрьевичу Ромодановскому. Да в городах Воеводам и приказным людям таких людей, которые учнут за собой сказывать Государево слово или дело, присылать к Москве, не спрашивая ж»².

В именном указе от 25 января 1715 года Петр объявил: «Кто истинный христианин и верный слуга своему Государю и отечеству, тот без всякого сумнения может явно доносить словесно и письменно о нужных и важных делах самому Государю или пришед ко двору Его Царского Величества, объявить караульному сержанту, что он имеет нужное доношение, а именно о следующих:

1. О каком злом умысле против персоны Его Царского Величества или измены;
2. О возмущении или бунте;
3. О похищении казны;

А о прочих делах доносить кому те дела вручен»³.

Повторяя в указе от 19 января 1718 года — к этому времени новая Тайная канцелярия уже создавалась — три пункта указа от 1715 года, Петр подтверждал: «дабы о первых пунктах доносили по прежнему указу караульному офицеру, а о 3 пункте доносить Ушакову в Москве, Кошелеву в Петербурге»⁴.

В конце 1717 года Петром I было организовано несколько канцелярий для розыска. Они были как бы именные, во главе которых стояли видные бояре и дворяне, такие, как князь Петр Голицын, Григорий Юсупов, полковник Герасим Кошелев, Семен Салтыков, Михаил Волков, Иван Дмитриев-Мамонов и другие. Просуществовали они недолго, и уже в 1724 году Петр их отменил.

В 1711 году при создании Сената Петр предложил сенаторам выбрать и обер-фискала, который бы тайно надзирал и проводил законность всех дел, творимых в Сенате. Это были бы своего рода доверенные лица царя, которые осуществляли бы связь между царем и Сенатом, с одной стороны, а с другой — контролировали бы работу Верховного органа. Вплескнв фискалитет прочно займет свое место лишь в полицейской государственной системе, но поначалу, в петровское время, он вбирал в себя и часть тайного сыска за работой сенаторов. Указ от 17 марта 1714 года вводил систему фискалитета во всей России. Пункт 4 указа гласил: «Во всех делах фискалам надлежит только проводить и доносить и при суде обличать...»⁵

Однако и розыскные канцелярии, и фискалитет еще не являли собой ту организацию, которая вот-вот должна была появиться на свет. Лишь с 1718 года становится известна Тайная канцелярия или, как она поначалу именовалась, — Канцелярия тайных розыскных дел. Она как бы соединила в себе дела Преображенского приказа, последний все еще существовал, и им по-прежнему ведал князь

¹ Костомаров Н. И. Царевна Софья.— М.: Книга, 1988.— С. 57.

² Веретенников В. И. История Тайной канцелярии петровского времени.— Харьков, 1910.— С. 22.

³ Там же.— С. 26.

⁴ Там же.— С. 27.

⁵ Российское законодательство X—XX веков.— М.: Юрид. лит., 1986.— Т. 4.— С. 174.

Ф. Ю. Ромодановский (в 1726 году Приказ перешел к его сыну Ивану), и дела розыскных канцелярий, среди которых выделялась одна — графа Петра Андреевича Толстого.

Историк С. Петровский в своем исследовании «О Сенате в царствование Петра Великого», вышедшем в 1876 году, пишет, что Тайная канцелярия получила «свое существование с известного дела царевича Алексея Петровича»¹. А занимался этим делом непосредственно граф Петр Андреевич Толстой.

2. ОТЕЦ И СЫН

История взаимоотношений Петра Великого и его сына Алексея достаточно хорошо описана многими историками. Мне лично убедительнее всего кажется анализ этих взаимоотношений, сделанный Н. И. Костомаровым в его небольшой работе «Царевич Алексей Петрович (по поводу картины Н. Н. Ге)». Костомаров справедливо указывает, что причина будущего конфликта между отцом и сыном кроется прежде всего в неестественных, ненормальных отношениях между Петром и его первой женой Евдокией Лопухиной, которую он невзлюбил с самого начала. Эта нелюбовь и толкнула его в объятия Анны Монс, женщины, мягко сказать, ветреной и ненадежной, постоянно изменявшей Петру с первым подвернувшимся любовником. Алексей видел всю уродливость отношений отца и матери и, естественно, переживал за мать, сердцем будучи на ее стороне. Эта же сердечная привязанность к несчастной, брошенной матери заставила его возненавидеть все немецкое, чужестранное, исходившее как бы от злейшей врагини матери — Анны Монс. Психологи наверняка узрели бы, как на этой семейной почве сформировался у Алексея «комплекс антинемецчины» — невроз, который впоследствии развел отца и сына по разные стороны: первого — сторонника западных новшеств и веяний, второго — приверженца русского патриархального уклада. Да, царевич Алексей Петрович был слабее духом, чем его отец, но ненависть к отцу, изничтожавшему все русское, была у сына неподдельная. Он боялся и ненавидел его одновременно. Петр это чувствовал и платил сыну той же ненавистью. Сын не столько напоминал Петру ненавистную ему Евдокию, сколько был тайным недругом всех его преобразований. Петр прекрасно понимал, что под личиной смирения и показного соглашательства с ним зреет подлинный враг, который после его смерти беспощадно разрушит все, что он создал ценой невероятных усилий, потом и кровью. Эта мысль денно и нощно грызла царя, не давала ему покоя, поэтому столь трагичны были и взаимоотношения двух близких людей. То Петр заставляет сына отказаться от наследования престола, уйти в монастырь, и царевич послушно этот приказ выполняет, то Петр велит не спешить с монастырем, понимая прекрасно, что Алексей со столь же легким сердцем потом расстрижется, наденет на себя царскую корону, которую услужливо предложат ему те, кто дает волю своей злобе против него лишь по ночам, — старая боярская Русь, которая лишь затаилась и терпеливо ожидает его конца. Исход этого поединка был как бы предрешен заранее: кто-то из них двоих должен был навсегда сойти со сцены, но кто?.. Даже появление второго наследника Петра, которого родила ему вторая жена, Екатерина, не потушила эту вражду. Россия на своем веку видела столько, что даже появление наследника истинного не остановит тех, кто лелеет мечту о возврате к прошлым порядкам. Сейчас трудно сказать, отважился бы Петр убрать старшего сына, не случись его трусливого бегства со своей Евфросиньей за границу, но думаю, что повод бы сыскался. Петр был уже на грани нервного срыва вследствие этого долгого противостояния, я бы даже ска-

¹ Веретенников В. И. История Тайной канцелярии... — С. 78.

зал, что им подчас владело то же бешенство, каковое заставило Грозного убить царевича Ивана. Увы, но это жестокое и неумолимое свойство Истории повторяться, куда от него денешься?!

Царевич Алексей трусливо бежал, и это развязало Петру руки. Он послал вдогон коварного Толстого с приказом доставить царевича домой живым или мертвым. Тут мне хочется обратить внимание на графа Петра Андреевича Толстого, пребывавшего до сих пор как бы в тени, ибо среди потешников его не было и быть не могло. В те годы он стоял по другую сторону баррикады.

Сын стольника, а затем думного дворянина Андрея Васильевича Толстого, получившего по наследству также сан стольника, Петр Андреевич был связан родством с Милославскими (Милославская Мария Ильинична являлась первой женой отца Петра, Алексея Михайловича), которых Петр ненавидел. В молодости Толстой даже принимал участие в стрелецком бунте, который возвел на престол царевну Софью. Поэтому, едва Софью удалили в монастырь и полновластным царем стал Петр I, Толстой как бы отходит в тень, что доказывает прежде всего его незаурядный ум. О нем и брате Иване недаром говорили: «... в уме зело острый и великого пронырства и мрачного зла втайне исполненных»¹. Отчасти Толстому и повезло, он как бы почувал, какую сторону ему надо выбирать, и после 1685 года Толстой отходит от Софьи, а в 1693-м, еще задолго до второго стрелецкого бунта, он подале от будущих бедствий выхлопотал себе воеводство в Устюге.

Судьба оказалась милостива к Толстому. По общему набору «людишек», которых Петр сыскивал повсюду для учения за границу, Толстой попадает в заветный список и около двух лет учится в Италии мореходству.

Однако, прибыв после морских учений в Россию, он почти три года не у дел. Что, не нужны России мореходы?.. Толстой прибыл в Россию в 1699 году, когда еще шли стрелецкие казни, и, видимо, кто-то шепнул о его родственных отношениях с Милославскими и об участии в первом стрелецком бунте. Этого было достаточно, чтобы лишиться жизни, не только попасть в опалу. Но быть не у дел все же лучше, чем сложить голову на плахе. Спустя три года, в конце 1701-го, Толстого отправляют посланником в Константинополь, место, прямо скажем, не лучшее в Посольском приказе. Скорее всего, это почетная ссылка — с глаз долой, поскольку целых 9 лет он торчит в султанском Константинополе, точно о нем и вовсе забыли. Более того, в 1710 году начинается война с турками, и последние засадили русского толмача в семибашенный замок на хлеб и воду, где Толстой сидит полтора года. Выпустили его лишь в апреле 1712 года и, вняв его слезным просьбам, отпустили, не обезглавив, в Россию, куда он прибыл лишь в 1714 году.

В 1714-м события шестнадцатилетней поры давно забыты, и Толстой с 1715 года начинает работать в коллегии чужестранных дел, выполняет для Петра мелкие поручения, и Петр вскоре замечает умного, опытного и исполнительного Толстого. Царь Петр Алексеевич быстро привязывался к людям, умел оценить смелое и умное решение, более того, он нуждался в людях такого типа, и открытие им Толстого, видимо, и произошло в эти годы. Петра настолько покоряет хватка и ум своего нового любимца, что он решает поручить ему важнейшее из дел — привезти из Италии своего сына-рenegата. 1 июля 1717 года Толстой, облеченный высокими полномочиями, вместе с Румянцевым отправляется в путь.

Тетка царя российского понимал, что дальнейшая его фортуна зависит только от него. Сумеет он выполнить приказ царя — воздастся по заслугам. Нет — карьера для него будет закончена. Надо думать, что Толстой приложил все силы, все свое хитроумие, чтобы «обработать» царевича и вывезти его в Россию. Для

¹ Беретенников В. И. История Тайной канцелярии... — С. 142.

этого он даже пошел на обман, пообещав Алексею добиться царского позволения для женитьбы на любимой им Евфросинье. За возвращение царевича в Россию Толстой получил чин действительного советника.

Чтобы уж закончить очерк о первом «министре» первой Тайной канцелярии, скажу, что до конца дней Петра Толстой входил в число его самых приближенных людей, был сенатором в первом петровском Сенате. Петр поставил Толстого во главе Коммерц-коллегии, пожаловав собственноручной запиской графский титул.

«Голова, голова, кабы ты не была так умна, я давно бы отрубить тебя велел!»¹ — горько заметил однажды Петр I Толстому. Когда после смерти Петра началась борьба за власть — кто взойдет на престол: Екатерина Алексеевна или Петр Алексеевич, сын Алексея Петровича (Толстого историки так и называли — «убийцей Алексея»), то первый министр Тайной канцелярии проявил недюжинные способности, чтобы помочь Екатерине I взойти на престол, опасаясь гнева сына убиенного им царевича. Поначалу Толстой действовал совместно с Меншиковым и Апраксиным. Все трое были из нуворишей, выбились в знатные люди при Петре, все трое вошли в шестерку членов Верховного Тайного Совета, учрежденного указом 8 февраля 1726 года. Это был самый высший орган в государстве, который должен был надзирать за Сенатом и коллегиями. Все шло хорошо, пока Меншиков не добился от Екатерины согласия выдать свою дочь Марию за Петра Алексеевича, после чего императрица официально объявила его своим наследником. Это был жестокий удар по честолюбивым планам Толстого, прекрасно понимавшего, что едва сын царевича встанет на престол, как его тотчас уберут, а при худшем исходе и лишат жизни. Толстой тотчас начинает борьбу против меншиковского проекта, но с кем? С Иваном Ивановичем Бутурлиным, одним из своих коллег-министров, удаленным от Тайной канцелярии, и петербургским генерал-полицмейстером Антоном Михайловичем Девиером, бывшим юнгой португальского корабля. Но ни тот, ни другой особого веса при той расстановке сил не имели, и Меншиков быстро расправился со всеми троими, арестовав Девиера и затеяв целое дело против него. Обвинения, правда, были смехотворны: веселился, когда Екатерина умирала, предлагал в это же время цесаревне Анне Петровне выпить рюмку вина и прочие прегрешения, достаточно глупые и наивные, однако Девиер признался в сообщничестве с Толстым и Бутурлиным. Последний, благодаря своим связям, отделался ссылкой в свое поместье, а вот Толстого сослали в Соловецкий монастырь, где всемогущественный некогда граф, глава первой Тайной канцелярии, «умная голова», и окончил свои дни в 1729 году.

Но вернемся к первым дням основания Тайной канцелярии. Несомненно, самое крупное дело, произведенное в ней в Петровскую эпоху, — дело царевича Алексея.

Петр, как я уже говорил, хорошо понимал, что противные ему убеждения сына страшны не сами по себе, это бы полбеды, страшны они тем, что за ними стоит пол-России, если не больше, привыкшей жить по старинке с патриархальным батюшкой-царем. Сейчас трудно сказать, думал ли Петр сразу же расправиться с сыном или это решение пришло позднее. Ведь еще раньше, полагая отправить царевича в монастырь, он понял, сколь бесполезны такие попытки для будущего. Возвратив сына домой, Петр неминуемо должен был встать перед выбором: либо смерть сына и надежда на спасение его дела, его новой России, либо постоянная угроза ей в лице живого царевича, которого обязательно сделают своим знаменем те, кто жаждет возвращения старых времен, старого патриархального уклада, те, кто сегодня, затаившись, со злобой наблюдают за всеми переменами в государстве.

¹ Веретенников В. И. История Тайной канцелярии... — С. 143.

А стоит потом царевичу только словцо молвить, и все запреты падут сами собой.

Выбор был жестокий. Петр-политик боролся с Петром-отцом. Тем не менее, я думаю, этот выбор был сделан Петром еще раньше. Выбор в пользу политика. Теперь оставалось лишь соблюсти правила игры, тот особый этикет, который бы не позволил никому обвинить Петра в преднамеренной жестокости. Никто в мире не только не понял бы этого, но и не принял.

3 февраля 1718 года в Москве, в древней столице России, в главном ее храме, в Успенском соборе, где обычно короновались цари на царство, царевич Алексей перед Евангелием подписал клятвенное обещание никогда, ни под каким видом на престол царский не покушаться и признал истинным наследником на корону сына Екатерины Петра Петровича. Как видим, ритуал сей был продуман и проделан со всевозможной тщательностью, но, стоя в Успенском соборе и слушая клятвенные уверения сына, я не сомневаюсь, Петр ни на секунду не верил им. История сама тому была верной порукой.

Не успела, к примеру, Марина Мнишек короноваться на российский престол, стать императрицей русской, как через несколько дней ее, точно куклу, увезли в ссылку в Ярославль, как простую пленницу, а муж ее, «царь всея Руси», валялся на базарных столах с дудой на срамном месте. Все это случилось не так давно, столетие назад. И уж если так народ поступал с теми, кого сам же выбирал в цари, то что говорить о каких-то клятвах! Всегда можно объявить, что дана она была по насилию и принуждению.

В тот же день, 3 февраля, был обнародован манифест, где перечислялись все вины царевича Алексея, и судя по тому, что в нем собрали все, чего даже не было на самом деле, как-то: что сам император австрийский не хотел держать его в своих владениях и что жена царевича Алексея, кронпринцесса Шарлотта, умерла по его вине,— все это было выдуманно с беззастенчивой простотой наверняка Толстым, ибо Петру очень уж хотелось создать перед всем народом образ эдакого выродка, который, собственно, и жизни-то недостоин, но царь Петр милостив к своему сыну-выродку, он верит в его клятву отойти от всех дел и посвятить остаток жизни божьему делу, посему и даруется царевичу-изменнику Алексею прощение. Последнее было тоже объявлено во всеуслышание, на всю страну.

Правда, было одно условие, которое диктовал Петр сыну: он откроет всех своих сообщников. Толстой мгновенно составил царевичу «пункты», на которые он должен был дать исчерпывающие ответы, и царевич Алексей, дрожа от страха, все покорно выполнил, открыв не только всех, кто мало-мальски принимал посильное участие в его судьбе, но вписав даже тех, кто лишь издавал междометия сочувствия.

Зная, что Алексей постоянно поддерживал связь со своей матерью, Евдокией, сидевшей в Суздальском монастыре, Петр самолично послал туда с тщательным дознанием капитан-поручика Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева. Это был четвертый без пяти минут «министр» Тайной канцелярии. Активное участие в этом деле принимали также будущие «министры» Андрей Иванович Ушаков, о нем позже будет сказано подробнее, и Иван Иванович Бутурлин. Ближайшим помощником у Толстого в то время был дьяк Тимофей Палехин.

Указ ехать в Суздаль с дознанием Скорнякову-Писареву Петр выдал также 3 февраля. Ему приказывалось сделать в кельях бывшей жены полный обыск, исследовать все ее письма и наиболее подозрительные изъять вместе с теми лицами, у кого они хранились. На всю экспедицию Петр дал капитан-поручику 6 дней.

12 марта Петр уже отписывает Григорию Скорнякову-Писареву:

«Мой господин! Письма твои получил, на которые ответствую: бывшую жену мою и кто при ней также и кто ее фавориты, и платье ее приведи сюда, а перво разыщи, для чего она не пострижена и кто тому причина, и какой был указ в мо-

настыре, как ее Семен Языков привез, и кто в то время был и кто о сем ведает, всех заberi и привези с собой»¹.

Петр сослал Евдокию Лопухину в монастырь и велел постричь ее в монахини в 1598 году, взвалив на бывшую царицу и часть вины за стрелецкий бунт. Царь не назначил ей никакого денежного содержания, и царице помогали ее родственники Лопухины да царевна Наталья платьем и съестными припасами.

Возмущенная несправедливым осуждением, Евдокия через несколько лет скинула монашеское платье и надела мирское. В это же время появился некто Степан Глебов, майор, человек женатый, имевший уже взрослого сына, завладевший симпатиями царицы и вскоре ставший ее фаворитом. Изголодавшаяся по нежным чувствам, Евдокия всю силу своей неутоленной страсти обрушила на нежданного майора, и он, не выдержав этой бури страстей, трусливо бежал, бросив царицу. Доброхоты донесли Петру о том, что творится в Суздальском Покровском монастыре. эта вестъ совпала с возвращением Алексея, и Петр быстро нарядил в Суздаль следствие в лице преданного ему капитан-поручика Скорнякова-Писарева. Бывшую царицу доставили в Москву. Нашли и Степана Глебова, устроили им очную ставку, заставив Евдокию при всех признаться в пагубной связи с майором. Глебов же, как и подобает мужчине, молчал, мужественно снося тяжелейшие пытки на раскаленных углях. Так и не вырвав у него признания, Глебова посадили на кол 16 марта на Красной площади, и, говорят, он жив был еще целые сутки и, испросив тайно причащения у одного иеромонаха, умер.

5 марта 1718 года Петр издал еще один манифест, где изложил все вины бывшей царицы Евдокии, не пощадив ее чувства, ославив перед всей Россией, что не делает чести Петру во всей этой истории. Евдокию сослали на этот раз в Ладожский Успенский монастырь, где она жила уже под строгой охраной 12 солдат. Инструкцию по охране бывшей царицы писал сам Александр Меншиков. В ней он под страхом смерти велел солдатам постоянно и неусыпно ходить вокруг царицной кельи, никого не подпускать к ней и стеречь ее как опасную преступницу. Сочинив сей строгий циркуляр, Меншиков позабыл о главном — распорядиться о выделении продовольственных припасов на царицу и караул. Начальник охраны Семен Маслов сколько мог платил из своих денег за хлеб, пока, наконец, через полгода эта забывчивость была исправлена. Вскоре из Ладоги Евдокия была переведена в Шлиссельбургскую крепость, и только при Петре II, родном внуке Евдокии, правда, не без содействия того же плута Меншикова, Евдокию перевели в Москву, в Новодевичий монастырь, где справедливость была восстановлена и государыня-бабушка смогла пролить слезы по напрасно погубленной жизни.

Однако вернемся к царевичу Алексею и его инквизитору-отцу. Петр был главным следователем и судьей в этом деле. Верным же исполнителем Петровой воли стал Петр Толстой.

Прошел месяц. В Петербург приехала наконец возлюбленная царевича Евфросинья (они возвращались из-за границы разными дорогами). Толстой тотчас упрятал ее в Петропавловскую крепость вместе с ее братом Иваном Федоровым. Евфросинья была беременна, и Толстой ловко использовал это обстоятельство, чтобы добиться от нее самых подробнейших показаний против Алексея. Ребенок, родившийся в казематах Петропавловки, исчез бесследно. Когда Петр прочитал показания Евфросиньи, он пришел в бешенство. Евфросинья подробно описала всю нелюбовь царевича к отцу, выдала планы разрушения всех петровских порядков, которые лелеял Алексей, собираясь уничтожить российский флот, превратить Петербург в заштатный городишко-крепость и, конечно же, извести всех петровских законов. На очной ставке часть этих слов Алексей признал.

¹ Веретенников В. И. История Тайной канцелярии...— С. 80.

Тогда ему дали новые «пункты», еще больше прежних, и в сильном испуге Алексей чернит уже всех подряд, называя все фамилии, которые только знает.

14 июня царевича посадили в Петропавловскую крепость. 17 июня начался суд над ним. Посыпались новые оговоры, новые пытки и казни. 22, 24 июня царевича пытал Толстой, выбивая из него дополнительные показания. Дело доходит до того, что Алексей оговаривает австрийского императора Карла VI, который дал ему приют и спасение во время его бегства за границу. Под пытками царевич готов подтвердить все, что угодно.

24 июня царевичу был вынесен смертный приговор, о чем ему тотчас объявили.

25 июня царевича еще пытал Скорняков-Писарев.

26 июня царевича снова пытают все утро, до 11 часов.

26 июня 1718 года в 6 часов пополудни царевич преставился.

В указе о смерти говорилось, что царевич Алексей, выслушав смертный приговор, пришел в ужас и его хватил апоплексический удар.

Естественно, возникло много версий убиения царевича: и отравили ядом, и будто бы отрубили голову, и будто бы Румянцев, Бутурлин и Толстой удушили царевича подушками. Возможно, какая-то из этих версий действительно верна, но время не сохранило о том документальных свидетельств.

Я не хочу выносить оценок поступку Петра. Скажу лишь, что большинство историков склонны считать его чуть ли не подвигом. Тот же Костомаров, к примеру. Судить прошлое с наших нынешних нравственных критериев — дело неблагодарное, да и пустое. Все историки, точно заботясь о пристойности и Петровом целомудрии, отмечают, сколь тяжело Петр пережил смерть сына, что это был непоправимый удар и прочее. Однако на следующий день, 27 июня, отмечалась годовщина Полтавской битвы, царь сидел за столом вместе со всеми, веселился, и никто из современников не углядел в его облике особой грусти. 29 июня грянули царские именины, Петр обедал в Летнем саду, вечером вспыхнул фейерверк, и шумный веселый пир продолжался до глубокой ночи. Тело царевича было погребено лишь 30 июня вечером. «Траура, — как написал в своем очерке Н. И. Костомаров, — не было»¹.

3. ДЕЛА ТАЙНЫЕ, КАНЦЕЛЯРСКИЕ

В записной книге Санкт-Петербургской крепости под годом 1718-м есть такая запись: «В 5-е июня съехались в гарнизоне пополуночи в 10 часу в Губернаторский дом, где учреждена Канцелярия Его Государственных Тайных дел, господа сенаторы и министры»².

Итак, первыми министрами Канцелярии тайных дел стали действительный тайный советник Петр Андреевич Толстой, Андрей Иванович Ушаков, Иван Иванович Бутурлин и Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев. Указную книгу Тайной канцелярии скреплял дьяк Тимофей Палехин, канцеляристом Тайной канцелярии являлся Иван Клишин.

Первые дела Тайной канцелярии — злоупотребление Кудрявцева при отправке им корабельного леса, челобитье купца Фельтена о беспошлинном провозе рейнского вина для торговли в Петербурге.

Еще 25 февраля 1718 года кабинет-секретарь Петра I Макаров пишет Толстому и Бутурлину: «Понеже Его Величество для слушания розыскных дел Кан-

¹ Костомаров Н. И. Царевич Алексей Петрович.— М.: Книга, 1989.— С. 26.

² Веретенников В. И. История Тайной канцелярии...— С. 83.

целярии Вашей изволил определить один день в неделе, а именно — понедельник, и для того изволите о том быть известны»¹.

Каждый понедельник утром царь приезжал в свою Тайную канцелярию и выслушивал дела. Иногда этот визит происходил в четверг, иногда Толстой сам приезжал докладывать царю какое-то дело в Сенат, для чего Петру делались «экстракты» — сухие, лаконичные выжимки, где по существу кратко излагалось все дело.

То ли Петру понравилось самому распоряжаться всем ходом дел в Тайной канцелярии, или же он не хотел упускать всю ее деятельность из-под своего контроля, но постепенно без Петра не решается ни одно дело. Более того, поначалу Толстой и Ушаков как бы сами выносили приговоры, а Петр только должен был их утверждать, но царь стал энергично вмешиваться в дело, изменяя вынесенные ранее меры наказания, так что далее Толстой с Ушаковым готовят лишь экстракт, а Петр уже сам назначает меру наказания.

Так, подьячий Калугин важное доношение держал у себя дома и не доносил. Толстой пишет: «бить кнутом и на 10 лет в каторгу». Петр ставит свою резолюцию: «бив кнутом и вырезав ноздри, послать на каторгу в вечную работу»².

В письме дьяку Палехину Толстой, делая некоторые распоряжения, пишет между прочим, что «колодника Костромитинова надо пытать и до смерти можно, ибо памятно, как царское величество изволил о нем говорить, когда изволил быть в Тайной Канцелярии»³.

Петр и сам активно следит за делами в Канцелярии. Если не успевает заехать, то шлет записочки по тому или иному делу.

«Дьякона пытать, — пишет он в феврале 1720-го, — к кому он сюда приехал и приставал, и кого здесь знает своего мнения потаенных; а по важных пытках послать с добрым офицером и солдаты от гвардии в Нижний и там казнить за его воровство, что мимо выбранного старца воровски учинил. Другого, Иону, пытать до обращения или до смерти; ежели чего к розыску не явится»⁴.

По делу о доношении дьяка Болшова на Ал. Нарышкина (одного из родственников царя) Петр распоряжается: «...отослать в Канцелярию Сената, и по тому делу, что в Сенате приговорят, так и учинить»⁵.

Как видно из этих примеров, Петр довольно суров по отношению к подсудимым и при вынесении им наказаний, давая тем самым пример и своим «министрам». До 1720 года Толстой, Ушаков, Бутурлин и Скорняков-Писарев еще зовутся «министрами Канцелярии Тайных дел», а начиная с 1720-го они уже именуются судьями.

С 1724 года в Канцелярии начинает вестись Книга протоколов, куда заносится весь ход следствия: какие пытки применялись, что отвечал пытаемый, когда это случилось, какие вопросы ему задавали судьи.

При основной Канцелярии существует и походная, так что можно с нею отправиться в любое место. В Москве же существует свое отделение основной Канцелярии, своя контора, которую изредка ездят проверять то Толстой, то Ушаков.

Все пытки проводятся обязательно в присутствии «министров», они же подчас руководят и первичным розыском.

Правовой основой для вынесения наказаний по Тайной канцелярии являлась вторая глава Соборного уложения 1649 года, принятого еще при царе Алексее Михайловиче, а также параграфы Воинских артикулов, но на последние ссыла-

¹ Веретенников В. И. История Тайной канцелярии... — С. 109.

² Там же. — С. 111.

³ Там же.

⁴ Там же. — С. 118.

⁵ Там же. — С. 125.

лись реже, да и все они содержали одно наказание — смертную казнь. Вторая глава Соборного уложения 1649 года гласила: «О Государевой чести, и как Его Государское здоровье оберегать, а в ней 22 статьи»¹. Надо сказать, что и статьи второй главы Уложения милосердием не блистали. Умышление на государеву жизнь, на государев престол, измена, подстрекательство к бунту, все знавшие про то и не донесшие — все они подвергались смертной казни, а имущество их подлежало полному изъятию в пользу государя. Тем же, кто доносил и кто изменников ловил и приводил к государю, тому положено было царское вознаграждение. Упоминается и про государево «слово и дело». Но, к примеру, глава 12 гласит, что тот, кто заявит великое государево «слово и дело», а свидетелей не поставит и ничем не уличит, то тут все отдается на откуп самому государю, как он решит: верить или не верить. Правда, в главе 14 говорится, что если власти откроют, что государево «слово и дело» было сказано, дабы избежать собственного наказания или по пьянке, то таких полагалось бить батогами или кнутом². Это, как видим, вполне милосердно.

В 1722 году Андрей Иванович Ушаков имел жалованье (надо полагать, столько же, если чуть не больше, Толстой, и чуть поменьше, может быть, Бутурлин и Скорняков-Писарев) 585 рублей, 30 алтын и 2 деньги в треть, т. е. 1755 рублей в год. Деньга равнялась половине копейки, 2 деньги составляли 1 копейку. Рубль, как известно, 100 копеек. Чтобы понять реальную стоимость рубля и копейки, приведу некоторые цены того времени.

Пуд говядины стоил 28 копеек, 1 поросенок — 5—6 копеек, 1 жареный гусь — 9—10 копеек, утка — 5 копеек, курица — 3, индейка — 15—16, пуд копченого сала — 40, четверть (пуд) ржи — 70 копеек, пуд коровьего масла — 1 рубль, пуд белой муки — 1 рубль, 100 раков — 3 копейки, бочка пива — 2 рубля. Думаю, что всем «министрам» хватало таковой зарплаты, чтобы содержать дом и семью.

Дел поначалу в Тайной канцелярии заводилось много. Все они были несколько однотипны, чаще в основе почти каждого дела об оскорблении Его Величества Петра I лежал какой-нибудь казус или недоразумение. Так, в 1721 году некий Максим Антонов, напившись по случаю 12-й годовщины Полтавской битвы, решил поприветствовать своего государя, который во время праздника шел в парадном строю. Антонов прорвался сквозь заградительное оцепление, приблизился к государю, желая отдать честь. Антонова схватили, стали оттащить, он в это время успел захватить в ухо одному из охранников. Антонова увезли в Петропавловскую крепость, пытали на дыбе: имел ли он какое-нибудь серьезное злоумышление или нет. Ничего не выпытав, его сослали в Сибирь.

22 октября 1721 года группа сенаторов, а в числе подписавших стоит фамилия и Петра Толстого, подала царю прошение о принятии им титула «Отца Отечества, Императора Всероссийского Петра Великого», так отныне он должен именоваться. Если звание «Отец Отечества» ранее народ даровал таким полководцам, как Александр Невский, Михаил Скопин-Шуйский, то звание Императора, да еще Всероссийского выдвигалось Сенатом впервые. Народ, не привычный к этим западным титулам, был введен в немалую путаницу.

Так, заехав в город Конотоп с Украины, простодушный Данило Белоконник решил выпить. В кабаке подсел к солдату, который в пылу патриотических чувств поднял тост за здоровье императора. Данило, впервые услышавший сей необычный титул, громко выругался, заявив, что знает лишь одного государя-батюшку и ни за какого императора пить не желает. Солдат, оскорбившись, заявил «слово и дело». Данилу схватили, заведя дело о поношении Его Императорского Величе-

¹ Российское законодательство X—XX веков. — М.: Юрид. лит., 1985. — Т. 3. — С. 86.

² Там же. — Т. 3. — С. 88.

ства. 5 свидетелей умерли на дыбе, 6 сослали в Сибирь, сам Белоконник, к счастью, отделался крепкими батогами.

Последние два года Тайной канцелярией руководили Толстой и Ушаков вдвоем. После смерти Петра Екатерина I 28 мая 1726 года издала указ о передаче Тайной канцелярии в ведение Преображенского приказа, под начало князя Ивана Ромодановского. Толстой, помогавший Екатерине I удержаться на престоле, первое время занимался своими же делами, но уже в рамках Тайного совета, который вскоре после упразднения Преображенского приказа взял на себя его функции. По иронии судьбы почти через год жестокая опала коснется и всесильного временщика Алексашки Меншикова, как звал его когда-то Петр I. Меншиков умрет в том же 1729 году, что и граф Толстой, попытавшийся искать счастье в коридорах высшей власти. Ушаков же, пересидевший всю смуту в тени, счастливо избежал этих вывихов судьбы и продолжил дело, начатое Толстым и Петром I, но уже в царствование Анны Иоанновны.

Толстой, Ушаков, Бутурлин и Скорняков-Писарев были первыми мастерами сысского ремесла. Особо стоит отметить фигуру графа Толстого, который являет нам уже тип глубокого профессионала на этом неблагоприятном поприще. Но все лавры и слава — подлинному организатору и создателю Тайной канцелярии Всероссийскому императору Петру Алексеевичу Романову. Могучей энергии Петра с лихвой хватило, чтобы управлять самому сотворенным им детищем. Петр I многое создал в своей жизни. Большой частью его творений мы гордимся по сей день. Тайная канцелярия не принадлежит к их числу. Немало различных идей Петра I Алексеевича со временем кануло в Лету. Иные, увы, безвозвратно. Эта же оказалась необыкновенно живучей. К сожалению.

ГОЛОСА МИНУВШЕГО

Воспоминания, письма,
свидетельства

**ВЕЛИКИЕ ДНИ ТОРЖЕСТВА В КИЕВЕ!
ПОСЕЩЕНИЕ ВЫСОЧАЙШЕЙ СЕМЬИ!
АНГЕЛЬСКИЙ ПРИВЕТ!**

ДНИ ТОРЖЕСТВА КИЕВЛЯН

Что поразило встрепенуться и возрадоваться Киевскому граду? Какие радости! Боже! Боже! Велик Батюшка-Государь! Так трепещет весь простой народ, и аристократия, и неверующие! У неверующих страх, а у верующих и в лицах их отражается свет душ! И украшенные сердца их наполнены любовью к Родине. И служит приезд Государя к обновлению Родины. И солдатики чувствуют себя светозарными и сильными. И в эти дни на всю жизнь готовы и заразились силой благодатной и храброй — воинов. Никто не может дать обновления, как посещение Самого Батюшки-Царя. Никто не может поведать: как? почему? — у всех торжественная сила от Батюшки-Царя! — Поймите силу Высших властей, — Небесных Творцов, — то и земной Творец, и Управитель наш, и Создатель охраны на земле, — нас хранит и милует; поэтому и радость, и ликование у всех верующих. Такая радость, что всяк не может православный христианин сказать случившегося с ним от радости, увидя Батюшку-Царя! А у злых и у неверующих такая злоба бывает, — они хотят, но у них сила ничто, — потому сильные радости у толпы народа: и злые, и завистники не могут принести зла, — их, злых, толпа тает как снег от жары, потому что радость и «ура», как гром и молния. Как гром грянет, то мы крестимся, а «ура» — сила. Злые бессильны и «ура» бегут, как бесы — молитвы; противники Родины трепещут, и бегут, и скрываются. И столкновение публики нечто иное — тысячи толпы, и все обновлены духом, — как волны на море плещут. И народ от украшения и ожидания напряжения не может равнодушно говорить о дивном приезде. Что ни приезд, а будто с небес, — ожидание как Самого Господа. Толпа двигается по Киеву, и народ от радости не может усидеть, — всего трепещет и веселится; и в сердцах у них более чем иллюминации; а иллюминацию нельзя простым огнем назвать, т. е. вещи заставляют радоваться. Что же скажешь? Украшен Киев! Боже! Боже! Всевозможными цветами, и гирляндами, и флагами; они стараются украсить и убрать. Несметным счетом флагов испестрен весь — для дорогого Гостя нашей Родины. И все чувствуют силы в себе — поддержать свой град Киев и спешно приносят в жертву силы и чтут дорогого гостя Родины и Земли. И ничто, нет сравненья, как я был очевидцем и видел, что турки ожидали своего султана. Народ, начальство — да, ожидает, а простой вот ничего уж; еще видел и другие нации — тоже одно начальство, а простой народ — будто нет. А чем объясните? Тем, что велика православная вера, и в ней явился Избранник и Помазанник Божий. А слов на это совсем нет и сравнивать нельзя. Господи, мы счастливыцы! А о маленьких потешных и сказать нельзя. О их, во-первых, успехах: как ангелы между херувимами, как они занимаются! Ведь не верится себе: такие крошки, а сами в деле, как и нужно. Так радуешься! — смотришь, вот и видишь в юношах, как они показывают в себе будущую защиту всех нас. Только бы в них сохранить веру. Эти потешные, — это стена каменная, где мы за ней спрячемся. И вся армия стоит и трепещет. Боже! Как дисциплина — в ней нет в то время ни зависти, ни коварства, поэтому и назвались христоробивые воины до смерти.

Что же более изукрашен? Вокзал. Чувства живые и поражающие, — как в раю слово говоришь, что все ожидает: вся природа и все украшения. Врата Киева привет воздают дорогому Гостю, Батюшке-Утешителю нас.

Вот Его поездка как будит всех спящих. Наверно, ежели бы Он стал почаще ездить, то Он бы увидел, как Его ждут и любят, и светом любви освещают. А Им, говорят, не высказывали своих нужд; это мне говорили из Союза Русского народа, — им не велели. А почему не высказать правду Отцу Родины? Жаль, что запретили сказать дорогому Батюшке. Ведь мужичок перед Царем врать не будет: «что-то озабочен», кто запретил говорить Ему. Давай, Божинька, благополучия! Батюшка наш проехал с радостью и потом еще раз за разом поселил оживленье Своим посещением. Господи, яви милость Свою на нас! Давай мужества Батюшке-Царю, чтобы Он нас более и более посещал все Свое — посаженный рассадник земли.

Ведь как же! Посмотрите на Союзников, как они подходят, как величайшие святые! Да где же они будут врать? О, Господи! Все-таки не так они вылили свое горе дорогому Отцу; они воистину слуги Церкви и Батюшки, Великого Царя. И собрались в Киев тысячами; идут они как сокровища всех названий партии и сплотились единым духом. Вот для них-то и нужно посетить Россию по разным городам. Когда они видят Царя, у них единый дух; а в них громадная сила, то евреям и деться некуда, — это оплот; кружки Архангела Михаила и разные названия...; но не видят и бранятся между собой; потому — у них сила и друг другу покориться не могут. Эти кружки нужны для евреев; они очень их боятся. Когда они идут по Киеву, то жида шушукаются и трепещут; армии меньше боятся, потому у них дисциплина не позволяет, а у «Союза Русского народа» нет дисциплины. Теперь как можно, надо основывать кружки и не ссориться; то евреи и не подумают просить равноправия. Только надо, чтобы посреди их был пастырь, — хороший батюшка. Так это Киев дал понять приезд Батюшки-Царя. Необходимы кружки, и начинать с водки, и чтобы не было ее; а кто пьет, тех не нужно, — от нее вред.

Как отраден и поучителен приезд Хозяина Земли!

А в самой-то Матушке-Лавре Киевской какое ожиданье! Боже! Какая радость! — Как река течет мира, что-то иное; большие тысячи по древам как птица! Господи! И служба непрестанна; везде переполнено! Господи! Это никогда того скопления не встретишь, и все трепещут Одного Лица. Хотя полные братья, да бегают бегом. Сколько может дать Один Человек силы и подумать: что-то тут не само по себе творится. Как-то невидимо предстоит с Тем Лицом — дает подумать. И для всех живущих в Лавре такая неожиданная радость и не знают, как встретить. Все они в поднятом духе, и убрано — уже не в духе человек, а в духе Бога и Разуме Его. Что же скажешь о том, почему это все? Потому Сам Господи дал праздник! Словно Лавра переродилась!

Великое дело посещать Обитель Царям! В то время все молятся с наслаждением. Только поболее нужно пускать богомольцев. И на век остается Их посещение, где побывали, как веселилась толпа народа Святому Семейству Их Величеств. С энергией высшей степени кричали «ура». Нужно, чтоб все общество пело «Народный Гимн» и молитвы. И какая в толпе сила ума и слова. Толпы давали знать, что этот народ безопасен, и организация очень нужна: ранее, прежде не было «Союзов», и было посещать Россию опасно, — а теперь опора в них, в надежде посещения. Бога угодно, Он и даст Силы охранять Святую семью; тем более, что все в куче — все Семейство Великих сего мира.

И киевляне свидетельствуют, что прежним тем Царям не было такого почета. Это свидетельство доказывает, что не было «Союзов», и выписывали из деревень встречать. А в настоящее время много и так пришло; весь народ так пришел и весь отдался, только бы видеть. И после этого вот здесь, где удостоились повидеть всю семью, и все бежали в Лавру, и служили молебн. О, святое дело! И у всех явилось желание и единодушие поблагодарить Господа и всех, всех святых Киевских Чу-

дотворцев: Феодосия, Антония. И крик, и вопли были святые и нелицемерные. Как святая Лавра была освещена! И какие разных цветов огни горели! И давало понять, что это велик день для киевлян. И вера также горела у всех разными цветами: у кого более, у кого менее, и получится в разном свете: зеленый и белый свет — иллюминация, — подъем духа у всех верующих. Господи! Как изукрашен Киев! Первый день приезда Великого Семейства прямо сияет и сравнения подобного и не найдешь примера. Да, есть пример: выше есть благочестивые люди, которые удостоились видеть Небесный Чертог, и много Отцов, которые описывают небесную красоту в таком же духе; но там не от рук челоуеков освещено. А что народу! Тысячами и толпами! Боже! Миллионы ходят, но настроенье у всех поднято, и сердятся друг на друга, потому что толкаются все, все по Крещатику. Но сердятся не вредно, потому что не знают друг друга.

Какой дивный привет Александру II памятник! Как Его чтит Сам Государь со всем Своим Семейством! Как его открывали, с такой честью! И со многими полчищами войск и священнослужителей шли крестным ходом, — Сам Государь из Михайловского Монастыря с дочерьми и Митрополит, было духовенства сотни. А миру черняди множество, толпы народа; и все начали молиться и молились вместе со всеми, но молитвенников очень мало, потому простой народ не пускают; а тут надо руки пожать, и платья дорогие замараются, — помолиться — упасть в землю, и места у них дорогие, а простой народ и стеснен; но Сам Государь со всем Семейством за всех молился и депутация — да.

Когда Государь скомандовал на караул, то Его звук как молния поразил всех, и так все встрепенулись, и потом войска здоровались с самой Семейей Их Величеств, и у солдатиков в лицах свет озарен как лучи. Между солдатиками и Царем, когда здороваются, видится: Бог да Царь посреди их. И солдатика марш играют и плывут, словно лебеди; и все депутации стали на колени и пропели: «Боже, Царя храни». Пели гимн у памятника, — это после Государева отъезда, когда поехали к себе во дворец. И всю неделю, каждый день толпа всех народов видит Государя и вместе радуются и все светят; как лучи сверкали очи от радости; — чем чаще видишь, тем более хочется.

Солдатика просто не челоуеки, подобны ангелам; без сомнения, они от музыки забыли все челоуечество, и музыка отрывает их от земли в небесное состояние; и сила у них, как у рыцарей.

И вот еще поразило, когда Государь был в Купеческом Собрании, — там было не что иное, как рай; пускали ракеты и подобные светилам небес. Когда молились старцы, то видели благочестивые люди, что светились, озарены лучами; так и в августе 31-го, когда там была Семейя Их в Купеческом саду; депутации пели «Боже, Царя храни», гимны, — непохожи звуком челоуеков, от любви сердца. И слушатели с умиленьем вынесли трепет в душах; — горело умиленье от такого редкого события. Волна духовно в душах пела ко успокоению, и все представители получили обновление и говорили, и не верили себе: как, они ли, счастливы? Это у них до смерти всякий день будет повторяться, как и у всех, кто видел Святую Семейю, и все не верят себе! Сколь не величие Божие! Воистину Помазанник Христов!

Как это видать Христианина, когда стоишь в ряду и ожидаешь Их Высочайших — Семейю. Христианин не может стоять равнодушно, такая в нем волна славы, что кверху скачет; а которые с Ним, с Государем, у сопровождающих у тех — в душе больше Киева — я.

Когда Наследник с потешным прибыл, то получилась картина, то ни с чем не сравнить ту картину. Это было небесное состояние, как ангелы с херувимами. Чистота горела до небес. Вся музыка — ангельский звук, — совсем небесное состояние, — земного не было. Ну, после у потешных гордость будет. Для простолюдыя это — да; а для левой — они молодцы; для внутренней — это да.

Как потешные идут, то на них со умилением смотришь, и без слез — нельзя. Великое торжество от них получается.

Даже и училища увидели кротость на себе после посещения Великого Счастья,— Батюшки-Царя! И так на них повлияли дивные кроткие очи Батюшки-Царя; и они обещали учиться с кротостию все: духовная академия и все учебные заведения словно переродились. Храни их, Боже!

О, какие были проводы! Миру стояло на много верст, и ничем их не оценить,— не люди, а какая-то в них светила радость. Смотришь на них, что их тут нет, они где-то в седьмом небе, а тело на земле. Вот что может дать Самодержавная Семья: у кого слезы как ручьи, у кого трепещут ноги; кто мысленно высказывает свои нужды, кто делится радостью, кто печалью; и все открывают более чем батюшке (священнику) свои недостатки; все скорби и грехи — все Батюшке-Царю и Святому Семейству великого мира.

Солдатики на проводах стояли рядами; они, как ангелы, охраняют Славу на небе; отдались в послушанье и в военную дисциплину. И уподобились за свое послушанье в лица ангелов, поэтому назвались христолюбивые воины.

И как в виду всех перерождаются все учебные заведения при посещении Великого Монарха. Когда при проводах все классы были на панелях, провожали с кротостью и с радостью, а маленький класс девочек — пример и сравненье, как вели во храм Иоаким и Анна Святую Отроковицу, так и эти девочки готовы служить и Богу, и видеть Батюшку-Царя; это в них говорила чистота и ласки детские и отражались на Святом Семействе. Дивная картина малюток — их святости! Очень радуют все детские выходки, как они бросали цветочки по пути и намеревались бросить Их Величествам. Это смотришь,— не видишь, что бросают они ручками, а будто хотят вместе с букетом упасть к Ним в экипаж, на колени.

И как возрастают ничем, и не украсишь, как украсило само Святое Семейство.

Киев

Август 1911 г.

КОНЕЦ РАСПУТИНА

ВОСПОМИНАНИЯ

(фрагменты)

IX

После всех моих встреч с Распутиным, всего виденного и слышанного мной окончательно убедился, что в нем скрыто все зло и главная причина всех несчастий России: не будет Распутин, не будет и той сатанинской силы, в руки которой попали Государь и Императрица. Казалось, сама судьба свела меня с этим человеком, чтобы я собственными глазами увидел, какую роль он играет, куда ведет нас всех его ничем не ограниченное влияние.

Чего еще было ждать?

Можно ли было щадить Распутин, который губил Россию и Династию, который своим предательством увеличивал количество жертв на войне?

Есть ли хоть один честный человек, который не пожелал бы искренно его погубить?

Следовательно, вопрос состоял уже не в том, нужно ли было вообще уничтожить Распутин, а только в том, мог ли именно я брать на себя эту ответственность.

И я ее взял.

Я больше не мог продолжать эту отвратительную игру в «дружбу», которая так меня тяготила.

Первоначальный наш план, застрелить «старца» у него на квартире, оказался неудобным, ввиду того напряженного состояния, в котором находилась вся страна: война была в полном разгаре, армия готовилась к наступлению, и факт открытого убийства Распутина мог быть истолкован как демонстрация против Царской Семьи.

Момент был слишком опасный для открытого выступления. Мне казалось, что Распутин должен исчезнуть таким образом, чтобы никто не знал, куда и при каких обстоятельствах он исчез. Виновники этого исчезновения тем более должны были оставаться неизвестными.

Я думал тогда, что члены Государственной Думы, Пуришкевич и Маклаков, которые сознавали весь вред Распутина, сумеют дать мне хороший совет. Их речи, произнесенные с думской трибуны, неизгладимо запечатлелись в моей памяти.

Те, которые так горячо говорили против «старца», не могут не разделять моих соображений, не могут не одобрить моего намерения. Я верил, что они мне помогут.

Первый, к кому я обратился, был Маклаков. Предварительно условившись с ним о свидании, я отправился к нему на квартиру. Наш разговор был очень краток. В немногих словах я изложил ему мой план и спросил, каково его мнение.

Маклаков уклонился от определенного ответа. Колебание и недоверие прозвучало в его вопросе:

— Почему вы именно ко мне обратились?

— Я был в Думе и слышал вашу речь... — ответил я.

Мне было ясно, что он про себя одобряет мое намерение, но я не мог сразу

решить, чем он руководствуется в своих уклончивых ответах: недоверием ли ко мне, как к мало знакомому человеку, или просто боязнью быть замешанным в опасном предприятии. Во всяком случае, я после непродолжительной беседы с Маклаковым убедился, что иметь дело с ним не стоит.

Возвратившись домой, я протелефонировал Пуришкевичу и условился заехать к нему на другой день утром.

Свидание мое с ним носило совершенно иной характер, чем разговор с Маклаковым. Когда я заговорил о Распутине и сообщил о своем намерении с ним покончить, Пуришкевич, со свойственной ему живостью и горячностью, воскликнул:

— Это моя давнишняя мечта. Я всей душой готов помочь вам, если вы только пожелаете принять мои услуги, но ведь это не так легко, как вы думаете: чтобы добраться до Распутина, надо пройти через целый строй сановников и шпииков, охраняющих его.

— Все это уже сделано, — ответил я и рассказал о моем сближении со «старцем», о наших беседах и т. д.

Пуришкевич слушал меня с большим интересом. Я назвал ему Великого Князя Димитрия Павловича и поручика Сухотина, сообщил и о моем разговоре с Маклаковым.

Мое мнение о том, что Распутина надо уничтожить тайно, Пуришкевич вполне разделял.

Сознавая всю трудность исполнения нашего замысла, он, однако, нисколько не сомневался в его необходимости и в его громадном политическом значении. Он был твердо убежден, что все зло в Распутине и что, лишь удалив его, можно надеяться спасти страну от неминуемого развала.

Что касается Маклакова и его чрезмерной осторожности, то Пуришкевич его поведению ничуть не удивился. Он обещал при первой же встрече в свою очередь переговорить с ним и попытаться привлечь его на нашу сторону.

Получив согласие Пуришкевича принять активное участие в выполнении нашего намерения, я простился с ним с тем, чтобы на следующий день вечером он приехал ко мне на Мойку для совместной разработки общего плана действий.

На другой день, в пять часов, у меня собрались Великий Князь Димитрий Павлович, Пуришкевич и поручик Сухотин.

После долгих обсуждений и споров все пришли к следующему заключению: нужно покончить с Распутиным при помощи яда как средства, наиболее удобного для сокрытия всяких следов убийства.

Мои друзья были вполне согласны с тем, что уничтожение Распутина должно носить характер внезапного исчезновения и содержаться в строжайшей тайне.

Местом события был выбран наш дом на Мойке. В нем было помещение, которое я вновь отделывал для себя: оно, как нельзя лучше, подходило для выполнения нашего замысла, а мои отношения с Распутиным давали мне полную возможность уговорить его приехать ко мне.

Такого рода план вызвал во мне самое гнетущее чувство: перспектива пригласить к себе в дом человека с целью его убить была чересчур ужасна. Кто бы ни был этот человек, даже сам Распутин, но я не мог без содрогания представить себе свою роль в этом деле: роль хозяина, готовящего гибель своему гостю.

Мои друзья разделяли мое мнение, но после долгих обсуждений мы тем не менее пришли к заключению, что в вопросе, касающемся судьбы России, не должно быть места никаким соображениям и переживаниям личного характера и что все мои нравственные тревоги и угрызения совести должны отойти на второй план.

Решение было принято, но время его осуществления зависело от некоторых случайных обстоятельств. Ремонт нашего дома не мог быть закончен ранее середины декабря, но до того времени и Великий Князь, и Пуришкевич должны были уехать на фронт и предполагали вернуться в Петербург как раз к тому сроку, когда ремонт должен был окончиться. В этом отношении все складывалось удачно, только на меня выпадала крайне тяжелая обязанность в течение еще двух недель поддерживать дружеские отношения с Распутиным.

Если и прежде мне было трудно видеться с человеком, уничтожение которого я считал необходимостью, то тем мучительнее становились для меня встречи с ним после того, как приговор наш был произнесен уже в окончательной форме.

Пуришкевич предложил нам принять в участники еще одно лицо — доктора Лазоверта. Мы согласились.

Вторичное наше собрание происходило в санитарном поезде Пуришкевича.

На этом совещании были выработаны все подробности наших совместных действий.

Наш план, окончательно утвержденный, состоял в следующем.

Я должен был по-прежнему выдаться с Распутиным, усиливая его доверие к себе, и однажды пригласить его в гости, с тем чтобы его приезд в мой дом был обставлен строжайшей тайной.

В день, когда Распутин согласится у меня быть, я должен заехать за ним в двенадцать часов ночи и в открытом автомобиле Пуришкевича, с доктором Лазовертом в качестве шофера, привезти его на Мойку. Там во время чая дать ему выпить раствор цианистого калия.

После того как моментальным действием яда Распутин будет уничтожен, его труп, завернутый в мешок, увезти за город и сбросить в воду.

Для перевозки тела нужно было иметь закрытый автомобиль, и Великий Князь Димитрий Павлович предложил воспользоваться своим. Это было особенно удобно: великокняжеский стяг, прикрепленный к передней части машины, избавлял нас от всяких подозрений и задержек в пути. Распутина я должен был принять у себя один, поместив остальных соучастников заговора в соседней комнате, дабы, в случае необходимости, они могли прийти мне на помощь.

Какой бы оборот ни приняло задуманное нами дело, мы условились во что бы то ни стало отрицать нашу причастность не только к убийству Распутина, но даже к покушению на убийство.

Место, куда мы сбросим труп Распутина, решено было отыскать уже по возвращении в Петербург Великого Князя и Пуришкевича.

Через несколько дней после нашего совещания оба они уехали на фронт.

В Петербурге оставался только поручик Сухотин, с которым я виделся почти ежедневно.

В этот период времени я вторично посетил Маклакова. Перед своим отъездом Пуришкевич просил меня сделать все возможное для того, чтобы привлечь Маклакова к самому близкому участию в нашем деле.

При новом свидании с Маклаковым я был приятно поражен происшедшей в нем переменой. Вместо уклончивых ответов я услышал от него полное одобрение всему нами задуманному, но на мое предложение действовать с нами сообща он ответил, что ему, быть может, придется в половине декабря по важным делам отлучиться на несколько дней в Москву. Тем не менее я посвятил его во все подробности нашего заговора.

Прощаясь со мной, он был любезен, пожелал нам полного успеха и, между прочим, подарил мне резиновую палку.

— Возьмите ее на всякий случай, — сказал он, улыбаясь.

Тем временем мои занятия в Пажеском корпусе шли своим чередом. Полковник Фогель, который готовил меня к репетициям, по-прежнему приходил ко мне и часами объяснял мне военные науки.

Изредка бывал я у Распутина, подчиняясь необходимости поддерживать с ним отношения. Как ни был гадок мне этот человек, но еще более гадко было сидеть у него, разговаривать с ним. Эти посещения были для меня настоящей пыткой.

Однажды я зашел к нему за несколько дней до возвращения в Петербург Великого Князя Димитрия Павловича и Пуришкевича.

Распутин был в самом радостном настроении.

— Что это вы так веселы? — спросил я его.

— Да уж больно хорошее дельце-то сделал. Теперича недолго ждать: скоро и на нашей улице будет праздник.

— А в чем дело? — заинтересовался я.

— В чем дело, в чем дело? — старался передразнить меня Распутин.

— Вот ты боишься меня, — продолжал он, — и перестал ко мне ходить, а много кой-чего интересного есть у меня тебе порассказать... А вот и не скажу, потому боишься меня, опасаясь всего, а коли бы ты не боялся, — рассказал бы.

Я объяснил ему, что готовился все время к репетициям в корпусе, очень был занят и никак не мог вырваться, потому только и не приходил к нему. Но на все мои доводы Распутин твердил свое:

— Знаю, знаю, боишься меня, да и родные тебе не позволяют. Мамаша твоя небось за одно с Лизаветой¹... Обе только и думают, как бы меня отсюда спроводить. Да нет, не удастся им, не послушают их. Уж так-то меня любят в Царском, так любят. И что больше напротив меня говорят, то больше и любят... Вот как!

— Григорий Ефимович, — сказал я, — ведь вы в Царском себя иначе ведете: вы там только о Боге и разговариваете, оттого вам и верят.

— Что ж, милый, мне о Боге с ними не говорить? Они все люди благочестивые, любят такую беседу... Все они понимают, все прощают и меня ценят... А насчет того, что им худое про меня наговаривают, — это все ни к чему; все одно они худому не поверят, что ни говори... Я им и сам сказывал: будут, говорю, на меня клеветать, а вы вспомните, как Христа гнали, — Он тоже за правду страдал. Ну вот они всех и выслушивают, а сделают по-своему, как им совесть велит.

— С «Ним»² вот бывает подчас трудно; как от дому далеко уедет, так и начнет слушать худых людей. Вот и теперича сколько с «Ним» намучились. Я ему объясняю: довольно, мол, кровопролития, все братья, что немец, что француз... А война эта самая — наказание Божье за наши грехи... Так ведь куды! Уперся. Знай свое твердит: «Позорно мир подписывать».

— А какой такой позор, коли своих братьев спасешь? Опять, говорю, миллионы народу побьют.

— Вот «Сама» — мудрая, хорошая правительница... А Он что? Что понимает? Не для этого сделан, Божий Он человек — вот что.

— Боюсь одного, — продолжал Распутин, — как бы Николай Николаевич не помешал, коли узнает. Ему-то все только воевать, зря людей губить. Да теперича далече он, руки-то короткие — не достанет. Подальше его и угнали затем, чтобы не мешал да не путался.

— А по-моему, большую ошибку сделали, — сказал я, — что Великого Князя сместили. Ведь его вся Россия боготворила, самый популярный человек.

— За это самое и сменили. Возгордился больно да высоко метил. Царица-то сразу поняла, откудова опасность идет.

¹ Вел. кн. Елизавета Феодоровна.

² Государь.

— Неправда, Григорий Ефимович, Великий Князь Николай Николаевич совсем не такой человек: никуда он не метил, а исполнял свой долг перед Родиной и Царем. И с тех пор как он ушел, ропот в стране увеличился. Нельзя было в такой серьезный момент отнимать у Армии ее любимого вождя.

— Ну, уж ты, милый, не мудри: коли было сделано, так, значит, и надо, — правильно.

Распутин встал и начал ходить взад и вперед по комнате. Он был задумчив и что-то шепотом говорил про себя. Но вдруг он остановился, быстро подошел ко мне и резким движением схватил меня за руку. В его глазах засветилось странное выражение:

— Поедем со мной к цыганам. Поедешь — все тебе расскажу до капельки...

Я согласился, но в эту самую минуту зазвонил телефон. Оказалось, что Распутина вызывали в Царское. Я воспользовался тем, что наша поездка расстроилась, и предложил ему приехать ко мне в один из ближайших дней, чтобы вместе провести вечер.

Распутину давно хотелось познакомиться с моей женой, и, думая, что она в Петербурге, а родители мои в Крыму, он сказал, что с удовольствием придет.

Жены моей в Петербурге еще не было — она находилась в Крыму с моими родителями, но мне казалось, что Распутин охотнее согласится ко мне приехать, если он этого знать не будет.

На этом мы с ним расстались.

Через несколько дней вернулись с фронта Великий Князь Димитрий Павлович и Пуришкевич.

У нас было несколько совещаний, и на одном из них было решено пригласить Распутина в дом моих родителей на Мойке 16-го декабря¹.

Я позвонил ему по телефону и спросил, согласен ли он приехать ко мне в этот вечер. Он ответил утвердительно, но с тем условием, чтобы я сам за ним заехал и таким же порядком отвез обратно. При этом он просил меня пройти к нему в квартиру по черной лестнице, обещая предупредить дворника о том, что один из его знакомых заедет за ним в двенадцать часов ночи.

Таким образом, Распутин рассчитывал уехать из дому незамеченным.

Мне было странно и жутко думать о том, как легко он на все согласился, как будто сам помогал нам в нашей трудной задаче.

Назначенный день приближался.

Ввиду того что у меня было очень мало свободного времени, я просил Великого Князя Димитрия Павловича выбрать место на Неве, куда можно будет сбросить труп Распутина после его уничтожения.

Вечером в день нашего последнего совещания ко мне приехал Великий Князь, очень уставший после нескольких часов, проведенных в поисках подходящего места на реке.

Мы долго с ним сидели и разговаривали в этот вечер. Он рассказал мне о своем последнем пребывании в Ставке. Государь произвел на него удручающее впечатление. По словам Великого Князя, Государь осунулся, постарел, впал в состояние апатии и совершенно инертно относится ко всем событиям.

Слушая Великого Князя, я невольно вспомнил и все слышанное мною от Распутина. Казалось, какая-то бездна открывалась и готовилась поглотить Россию.

И, думая обо всем этом, мы не сомневались в правоте нашего решения уничтожить того, кто еще усугублял и без того великие бедствия нашей несчастной Родины.

¹ К этому времени должна была вернуться из Крыма моя жена, посвященная в наши планы, но болезнь помешала ей к намеченному дню приехать в Петербург.

XI

Весь день 16-го декабря я был занят подготовкой к экзамену в корпусе, назначенному на следующее утро.

Утром в перерыве между занятиями я заехал на Мойку в наш дом, чтобы отдать последние распоряжения.

Помещение, куда должен был вечером приехать Распутин, расположенное в подвальном этаже дома, только что вышло из ремонта.

Предстояло обставить его так, чтобы оно производило впечатление обычной жилой комнаты и не возбудило у Распутина никаких подозрений: ему могло показаться странным, если бы его провели в неуютный и холодный подвал.

Приехав домой, я застал там обойщиков, натягивавших ковры и вешающих занавеси.

Вновь отремонтированная комната была устроена в части винного подвала. Она была полутемная, мрачная, с гранитным полом, со стенами, облицованными серым камнем, и с низким сводчатым потолком. Два небольших узких окна, расположенных на уровень с землей, выходили на Мойку. Две невысокие арки делили помещение на две половины — одну более узкую, другую большую и широкую, предназначенную для столовой. Из узкой части комнаты входная дверь вела на лестницу, с первой площадки которой был выход во двор, а выше по ступенькам — ход в мой кабинет, находившийся в первом этаже дома.

Лестница, ведущая в кабинет, была неширокая, винтовая, из темного дерева.

Входивший в новое помещение попадал, таким образом, сначала в узкую его половину. Здесь уже стояли в неглубоких нишах две большие китайские вазы из красного фарфора, которые необычайно красиво выделялись на мрачной серой облицовке стен, оживляя ее двумя яркими пятнами.

Из кладовой принесли старинную мебель, и я занялся устройством столовой.

Как сейчас, я вижу перед собой до мелочей всю эту комнату.

Резные, обтянутые потемневшей кожей стулья, шкафчики черного дерева с массой тайников и ящиков, массивные дубовые кресла с высокими спинками и кое-где небольшие столики, покрытые цветными тканями, а на них кубки из слоновой кости и различные предметы художественной работы.

Особенно запомнился мне среди всех этих вещей один шкаф с инкрустациями, внутри которого был сделан целый лабиринт из зеркал и бронзовых колонок. На этом шкафу стояло старинное Распятие из горного хрусталя и серебра итальянской работы XVII века.

В столовой был большой камин-очаг из красного гранита, на нем несколько золоченых кубков, тарелки старинной майолики и скульптурная группа из черного дерева. На полу лежал большой персидский ковер, а в углу, где стоял шкаф с лабиринтом и Распятием, — шкура огромного белого медведя.

Посередине комнаты поставили стол, за которым должен был пить свой последний чай Григорий Распутин.

В устройстве помещения мне помогли смотритель нашего дома и мой камердинер. Им я поручил приготовить к одиннадцати часам вечера чай на шесть человек, закупить побольше всяких бисквитов и сладких пирожков, а также доставить из погреба вина. Я объяснил своим служащим, что у меня будут вечером гости и что, приготовив чай, они могут уйти в дежурную и ждать там, пока я их не позову.

Отдав все распоряжения, я поднялся к себе в кабинет, где меня уже ждал полковник Фогель. Занятия мои с ним окончились около шести часов вечера, и я поехал обедать во дворец Великого Князя Александра Михайловича.

Наскоро закусив, я вернулся обратно к себе на Мойку.

XII

К одиннадцати часам в новом помещении все было готово.

На столе стоял самовар и много разных печений и сладостей, до которых Распутин был большой охотник. На одном из шкафов приготовлен был поднос с винами и рюмками.

Я был еще один в доме и окидывал взглядом комнату и ее убранство.

Старинные фонари с разноцветными стеклами освещали ее сверху; тяжелые занавеси темно-красного штофа были опущены; топился большой гранитный камин, дрова в нем трещали, разбрасывая искры на каменные плиты.

Несмотря на то что комната находилась почти под землей и была сама по себе мрачная, теперь, благодаря освещению и всей обстановке, от нее веяло удивительным уютом. При этом тишина подвального этажа создавала впечатление таинственности, какой-то отрезанности от всего мира. Казалось, что бы ни случилось здесь, все будет утаено от человеческих глаз, скроется навсегда в молчании этих каменных стен.

Раздался звонок; он извещал меня о приезде Великого Князя Дмитрия Павловича и остальных участников заговора.

Я вышел им навстречу. Вид у всех был бодрый, настроение приподнятое, но я заметил, что разговаривали все как-то слишком громко, были неестественно веселы. Чувствовалось, что нервы у всех крайне напряжены.

Мы прошли в столовую. Обстановка комнаты сильно подействовала на моих друзей, в особенности на Великого Князя, который был у меня в этом самом помещении накануне, когда еще ничего не было готово.

Войдя в столовую, все некоторое время стояли молча, рассматривая место близкого события.

Из шкафа с лабиринтом я вынул стоявшую там коробку с ядом, а со стола взял тарелку с пирожками; их было шесть: три шоколадных и три миндальных.

Доктор Лазоверт, надев резиновые перчатки, взял палочки цианистого калия, растолок их и, подняв отделяющийся верхний слой шоколадных пирожков, всыпал в каждый из них порядочную дозу яда.

В комнате царило напряженное молчание, мы все следили с жутким интересом за работой доктора.

Оставалось еще всыпать порошок в приготовленные рюмки. Мы решили это сделать возможно позднее, чтобы яд не потерял своей силы при длительном испарении. Общее количество яда получилось огромное: по словам доктора, доза была во много раз сильнее той, которая необходима для смертельного исхода.

Для правдоподобности нужно было, чтобы на столе стояли неубранные чашки, как будто после только что выпитого чая. Я предупредил Распутина о том, что, когда у нас бывают гости, мы пьем чай в столовой, затем все поднимаются наверх, я же иногда остаюсь один внизу — читаю или чем-нибудь занимаюсь.

Мы наскоро сделали в комнате и на столе небольшой беспорядок, сдвинули стулья, налили чай в чашки. Тут же я условился с Великим Князем Дмитрием Павловичем, поручиком Сухотиным и Пуришкевичем, что после моего отъезда они поднимутся наверх в мой кабинет и станут там заводить граммофон, выбирая преимущественно веселые пластинки: это требовалось для того, чтобы поддерживать веселое настроение у Распутина и отогнать от него всякие подозрения. Я все же несколько опасался, чтобы вид подземелья не пробудил в нем каких-либо сомнений.

Закончив все приготовления, мы с доктором Лазовертом вышли. Он, переодевшись в костюм шофера, пошел заводить машину, стоящую на дворе у малого подъезда, а я надел доху и меховую шапку со спущенными наушниками, скрывавшими мое лицо.

Мы сели, автомобиль тронулся.

Целый вихрь мыслей кружился в моей голове. Надежды на будущее окрыляли меня. За несколько коротких минут моего последнего пути к Распутину я много передумал и пережил.

Автомобиль остановился у дома № 64 на Гороховой улице.

Войдя во двор, я сразу был остановлен голосом дворника, который спросил:— Кого надо?

Узнав, что спрашивают Григория Ефимовича, дворник не хотел было меня пускать; он настаивал, чтобы я назвал себя и объяснил причину моего посещения в столь поздний час.

Я ответил, что Григорий Ефимович сам просил меня приехать к нему в это время и пройти по черной лестнице. Дворник недоверчиво меня оглядел, но все же пропустил.

Войдя на неосвещенную лестницу, я вынужден был подниматься по ней ощупью. С большим трудом мне, наконец, удалось найти дверь распутинской квартиры.

Я позвонил и в ответ на звонок голос «старца» спросил, не отворяя:

— Кто там?

Услышав этот голос, я вздрогнул.

— Григорий Ефимович, это я приехал за вами,— ответил я ему.

Я слышал, как Распутин задвинулся и засуетился. Дверь была на цепи и засове, и мне сделалось вдруг жутко, когда лягнула цепь и заскрипела тяжелая движка в его руках.

Он отворил, я вошел в кухню.

Там было темно. Мне показалось, что из соседней комнаты кто-то смотрит на меня. Я инстинктивно приподнял воротник и надвинул шапку.

— Ты чего так закрываешься? — спросил Распутин.

— Да ведь мы же сговорились, чтобы никто про сегодняшнее не знал,— сказал я.

— Верно, верно... Я и своим ничего не говорил, и «тайников»¹ всех услал. Пойдем, я оденусь.

Мы вошли с ним в его спальню, освещенную только лампадой, горевшей в углу перед образами. Распутин зажег свечу. Я заметил неубранную постель — видно было, что он только что отдыхал. Около постели приготовлена была его шуба и бобровая шапка, на полу стояли высокие фетровые калоши.

Распутин был одет в белую шелковую рубашку, вышитую васильками, и подпоясан малиновым шнуром с двумя большими кистями.

Черные бархатные шаровары и высокие сапоги на нем были совсем новые. Даже волосы на голове и бороде были расчесаны и приглажены как-то особенно тщательно, а когда он подошел ко мне ближе, я почувствовал сильный запах дешевого мыла: по-видимому, в этот день Распутин особенно много времени уделил своему туалету; по крайней мере, я никогда не видел его таким чистым и опрятным.

— Ну что же, Григорий Ефимович? Пора двигаться, ведь первый час.

— А что, к цыганам поедем? — спросил он.

— Не знаю, может быть,— ответил я.

— А у тебя-то никого нынче не будет? — несколько встревожился он.

Я его успокоил, сказав, что никого, ему неприятного, он у меня не увидит и что моя мать находится в Крыму.

— Не люблю я ее, твою мамашу. Меня-то уж она как ненавидит!.. Небось с Лизаветой² дружна. Против меня обе они подкопы ведут да клеветают. Сама Царница сколько раз мне говорила, что они — самые мои злые враги...

¹ Агенты тайной полиции.

² Вел. кн. Елизавета Феодоровна.

— А знаешь,— вдруг неожиданно заявил Распутин,— что я тебе скажу? Заезжал ко мне вечером Протопопов и слово с меня взял, что я в эти дни дома сидеть буду. «Убить, говорит, тебя хотят; злые люди-то все недоброе замышляют...» А ну их! Все равно не удастся — руки не доросли.

— Да ну что там разговаривать... Поедем.

Я взял его шубу с сундука и помог ему одеться.

— Деньги-то забыл, деньги! — вдруг засуетился Распутин, подбежал к сундуку и открыл его.

Я подошел поближе и, увидев там несколько свертков в газетной бумаге, спросил:

— Неужели это все деньги?

— Да, дорогой мой, все билеты. Сегодня получил,— скороговоркой ответил он.

— А кто вам их дал?

— Да так, добрые люди, добрые люди дали. Вот видишь ли, устроил им дельце, а они, хорошие, добрые, в благодарность на церковь-то и пожертвовали.

— И много тут будет?

— Что мне считать? У меня и времени нет для этого. Я, чай, не банкир. Вот Митьке Рубинштейну — это дело подходящее... У него страсть сколько денег. А мне к чему? Да я, коли вправду сказать, считать-то их не умею. Сказал им: пятьдесят тысяч несите, а то и трудиться не стану для вас. Вот и прислали. Может, и больше дали, кто их там знает...

Приданое-то какое сделаю дочери,— продолжал Распутин.— Она у меня скоро замуж выходит за офицера: четыре Георгия, заслуженный. Ему и местечко хорошее приготовлено. «Сама»¹ благословить обещалась.

— Григорий Ефимович, ведь вы говорили, что деньги эти пожертвованы на церковь...

— Ну что ж, что на церковь? Экая невидаль. Брак-то, чай, тоже Божье дело; Сам Господь дал свое благословение в Канне Галлилейской... А на какое из этих дел деньги-то пойдут, не все ли Ему равно? Богу-то? — ответил, хитро ухмыляясь, Распутин.

Невольно усмехнулся и я. Мне показалась забавной та простодушная наглость, с которой Распутин играл словами Священного Писания.

Взяв часть денег из сундука и тщательно замкнув его, он потушил свечу. Комната снова погрузилась в полумрак, и только из угла по-прежнему тускло светила лампада.

И вдруг охватило меня чувство безграничной жалости к этому человеку.

Мне сделалось стыдно и гадко при мысли о том, каким подлым способом, при помощи какого ужасного обмана я его завлекаю к себе. Он — моя жертва; он стоит передо мною, ничего не подозревая, он верит мне... Но куда девалась его прозорливость? Куда исчезло его чутье? Как будто роковым образом затуманилось его сознание и он не видит того, что против него замышляют. В эту минуту я был полон глубочайшего презрения к себе; я задавал себе вопрос: как мог я решиться на такое кошмарное преступление? И не понимал, как это случилось.

Вдруг с удивительной яркостью пронеслись передо мною, одна за другой, картины жизни Распутина. Чувства угрызения совести и раскаяния понемногу исчезли и заменились твердой решимостью довести начатое дело до конца. Я больше не колебался.

Мы вышли на темную площадку лестницы, и Распутин закрыл за собой дверь.

Запоры снова загремели, и резкий зловещий звук разнесся по пустой лестнице. Мы очутились вдвоем в полной темноте.

¹ Императрица Александра Феодоровна.

— Так лучше,— сказал Распутин и потянул меня вниз. Его рука причиняла мне боль; хотелось закричать, вырваться... Но на меня напало какое-то оцепенение. Я совсем не помню, что он мне тогда говорил и отвечал ли я ему. В ту минуту я хотел только одного: поскорее выйти на свет, увидеть как можно больше света и не чувствовать прикосновения этой ужасной руки.

Когда мы сошли вниз, ужас мой рассеялся, я пришел в себя и снова стал хладнокровен и спокоен.

Мы сели в автомобиль и поехали.

Через заднее его окно я осматривал улицу, ища взглядом наблюдающих за нами сыщиков, но было темно и безлюдно.

Мы ехали кружным путем. На Мойке повернули во двор и остановились у малого подъезда.

XIII

Войдя в дом, я услышал голоса моих друзей. Покрывая их, весело звучала в граммофоне американская песенка. Распутин прислушался:

— Что это — кутеж?

— Нет, у жены гости, они скоро уйдут, а пока пойдемте в столовую выпьем чаю.

Мы спустились по лестнице. Войдя в комнату, Распутин снял шубу и с любопытством начал рассматривать обстановку.

Шкаф с лабиринтом особенно привлек его внимание. Восхищаясь им, как ребенок, он без конца подходил, открывал дверцы и всматривался в лабиринт.

К моему большому неудовольствию, от чая и от вина он в первую минуту отказался.

«Не почуял ли он чего-нибудь? — подумал я, но тут же решил: — Все равно живым он отсюда не уйдет».

Мы сели с ним за стол и разговорились. Перебирали общих знакомых, вспоминали семью Г., Вырубову; коснулись и Царского Села.

— Григорий Ефимович, а зачем Протопопов к вам заезжал? Все боится заговора против вас? — спросил я.

— Да, милый, мешаю я больно многим, что всю правду-то говорю... Не нравится аристократам, что мужик простой по царским хоромам шляется — все одна зависть да злоба... Да что их мне бояться? Ничего со мной не сделают: заговорен я против злого умысла. Пробовали, не раз пробовали, да Господь все время просветлял. Вот и Хвостову не удалось — наказали и прогнали его. Да ежели только тронут меня — плохо им всем придется.

Жутко звучали эти слова Распутина там, где ему готовилась гибель.

Но ничто не смущало меня больше. В течение всего нашего разговора одна только мысль была в моей голове: заставить его выпить вина из всех отравленных рюмок и съесть все пирожки с ядом.

Через некоторое время, наговорившись на свои обычные темы, Распутин захотел чаю. Я налил ему чашку и придвинул тарелку с бисквитами. Почему-то я дал ему бисквиты без яда.

Уже позднее я взял тарелку с отравленными пирожками и предложил ему. В первый момент он от них отказался:

— Не хочу, сладкие больно,— сказал он

Однако вскоре взял один, потом второй... Я, не отрываясь, смотрел, как он брал эти пирожки и ел их один за другим.

Действие цианистого калия должно было начаться немедленно, но, к моему большому удивлению, Распутин продолжал со мной разговаривать как ни в чем не бывало.

Тогда я решил предложить ему попробовать наши крымские вина. Он опять отказался.

Время шло. Меня начинало охватывать нетерпение. Я налил две рюмки, одну ему, другую себе; его рюмку я поставил перед ним и начал пить из своей, думая, что он последует моему примеру.

— Ну, давай попробую, — сказал Распутин и протянул руку к вину. Оно не было отравлено.

Почему и первую рюмку вина я дал ему без яда — тоже не знаю.

Он выпил с удовольствием, одобрил и спросил, много ли у нас вина в Крыму. Узнав, что целый погреб, он был очень этим удивлен. После пробы вина он разошелся:

— Давай-ка теперь мадеры, — попросил он.

Когда я встал, чтобы взять другую рюмку, он запротестовал:

— Наливай в эту.

— Ведь нельзя, Григорий Ефимович, невкусно все вместе — и красное и мадера, — возразил я.

— Ничего, говорю, лей сюды...

Пришлось уступить и не настаивать больше.

Но вскоре мне удалось как будто случайным движением руки сбросить на пол рюмку, из которой пил Распутин; она разбилась.

Воспользовавшись этим, я налил мадеры в рюмку с цианистым калием. Восшедший во вкус питья, Распутин уже не протестовал.

Я стоял перед ним и следил за каждым его движением, ожидая, что вот сейчас наступит конец.

Но он пил медленно, маленькими глотками, с особенным вкусом, присущим знатокам вина.

Лицо его не менялось. Лишь от времени до времени он прикладывал руку к горлу, точно ему что-то мешало глотать, но держался бодро, вставал, ходил по комнате и на мой вопрос, что с ним, сказал, что — так, пустяки, просто першит в горле.

Прошло несколько томительных минут.

— Хорошая мадера. Налей-ка еще, — сказал мне Распутин, протягивая свою рюмку.

Яд продолжал не оказывать никакого действия: «старец» разгуливал по столовой.

Не обращая внимания на протянутую им мне рюмку, я схватил с подноса вторую с отравой, налил в нее вино и подал Распутину.

Он и ее выпил, а яд не проявлял своей силы...

Оставалась третья и последняя...

Тогда я с отчаяния начал пить сам, чтобы заставить Распутина пить еще и еще.

Мы сидели с ним друг перед другом и молча пили.

Он на меня смотрел, глаза его лукаво улыбались и, казалось, говорили мне:

— Вот видишь, как ты ни стараешься, а ничего со мной не можешь поделаться.

Но вдруг выражение его лица резко изменилось: на смену хитрой, слащавой улыбке явилось выражение ненависти и злобы.

Никогда еще не видал я его таким страшным.

Он смотрел на меня дьявольскими глазами.

В эту минуту я его особенно ненавидел и готов был наброситься на него и задушить.

В комнате царила напряженная зловещая тишина.

Мне показалось, что ему известно, зачем я его привел сюда и что намерен с ним сделать. Между нами шла как будто молчаливая, глухая борьба; она была ужасна. Еще одно мгновение, и я был бы побежден и уничтожен. Я чувствовал, что под

тяжелым взглядом Распутина начинаю терять самообладание. Меня охватило какое-то странное оцепенение: голова закружилась, я ничего не замечал перед собой. Не знаю, сколько времени это продолжалось.

Очнувшись, я увидел Распутина, сидящего на том же месте: голова его была опущена — он поддерживал ее руками; глаз не было видно.

Ко мне снова вернулось прежнее спокойствие, и я предложил ему чаю.

— Налей чашку, жажда сильная, — сказал он слабым голосом.

Распутин поднял голову. Глаза его были тусклы, и мне показалось, что он избегает смотреть на меня.

Пока я наливал чай, он встал и прошелся по комнате. Ему бросилась в глаза гитара, случайно забытая мной в столовой.

— Сыграй, голубчик, что-нибудь веселенькое, — попросил он, — люблю, как ты поешь.

Трудно было мне петь в такую минуту, а он еще просил «что-нибудь веселенькое».

— На душе тяжело, — сказал я, но все же взял гитару и запел какую-то грустную песню.

Он сел и сначала внимательно слушал. Потом голова его склонилась над столом, я увидел, что глаза его закрыты, и мне показалось, что он задремал.

Когда я кончил петь, он открыл глаза и посмотрел на меня грустным и спокойным взглядом:

— Спой еще. Больно люблю я эту музыку: много души в тебе.

Я снова запел.

Станным и жутким казался мне мой собственный голос.

А время шло — часы показывали уже половину третьего утра... Больше двух часов длился этот кошмар.

«А что будет, если мои нервы не выдержат больше?» — подумал я.

Наверху тоже, по-видимому, иссякло терпение. Шум, доносившийся оттуда, становился все сильнее. Я боялся, что мои друзья, не выдержав, спустятся вниз.

— Что так шумят? — подняв голову, спросил Распутин.

— Вероятно, гости разъезжаются, — ответил я, — пойду посмотреть.

Наверху, в моем кабинете, Великий Князь Димитрий Павлович, Пуришкевич и поручик Сухотин с револьверами в руках бросились ко мне навстречу. Они были спокойны, но очень бледны, с напряженными, лихорадочными лицами.

Посыпались вопросы:

— Ну что, как? Готово? Кончено?

— Яд не подействовал, — сказал я.

Все, пораженные этим известием, в первый момент молча замерли на месте.

— Не может быть, — воскликнул Великий Князь.

— Ведь доза была огромная!

— А он все принял? — спрашивали другие.

— Все! — ответил я.

Мы начали обсуждать, что делать дальше.

После недолгого совещания решено было всем сойти вниз, наброситься на Распутина и задушить его. Мы уже стали осторожно спускаться по лестнице, как вдруг мне пришла мысль, что таким путем мы погубим все дело: внезапное появление посторонних людей сразу бы раскрыло глаза Распутину и неизвестно, чем бы тогда все кончилось. Надо было помнить, что мы имели дело с необыкновенным человеком.

Я позвал моих друзей обратно в кабинет и высказал им мои соображения. С большим трудом удалось мне уговорить их предоставить мне одному покончить с Распутиным. Они долго не соглашались, опасаясь за меня.

Взяв у Великого Князя револьвер, я спустился в столовую.

Распутин сидел за чайным столом, на том самом месте, где я его оставил. Голова его была низко опущена, он дышал тяжело.

Я тихо подошел к нему и сел рядом. Он не обратил на мой приход никакого внимания.

После нескольких минут напряженного молчания он медленно поднял голову и взглянул на меня. В глазах его ничего нельзя было прочесть — они были потухшие, с тупым, бессмысленным выражением.

— Что, вам нездоровится? — спросил я.

— Да, голова что-то отяжелела, и в животе жжет. Дай-ка еще рюмочку — легче станет.

Я налил ему мадеры; он выпил ее залпом и сразу подбодрился и повеселел.

Обменявшись с ним несколькими словами, я убедился, что сознание его было ясно, мысль работала совершенно нормально. И вдруг неожиданно он предложил мне поехать с ним к цыганам. Я отказался, ссылаясь на поздний час.

— Ничего, они привыкли. Иной раз всю ночь меня поджидают. Бывает, вот в Царском-то задержат меня делами какими важными али просто беседой о Боге... Ну, а я оттудова на машине к ним и еду. Телу-то, поди, тоже отдохнуть требуется... Верно я говорю? Мыслями с Богом, а телом-то с людьми. Вот оно что! — многозначительно подмигнув, сказал Распутин.

В эту минуту я мог от него ожидать всего, но ни в коем случае не такого разговора..

Просидев столько времени около этого человека, проглотившего громадную дозу самого убийственного яда, следя за каждым его движением в ожидании роковой развязки, мог ли я предположить, что он позовет меня ехать к цыганам? И особенно поражало меня то, что Распутин, который все чуял и угадывал, теперь был так далек от сознания своей близкой смерти.

Как не заметил он своими прозорливыми глазами, что за спиной у меня в руке зажат револьвер, который через мгновение будет направлен против него?

Думая об этом, я почему-то обернулся назад, и взгляд мой упал на хрустальное Распятие; я встал и приблизился к Нему.

— Чего ты там так долго стоишь? — спросил Распутин.

— Крест этот люблю; очень он красив, — ответил я.

— Да, хорошая вещь, должно быть, дорогая... А много ли ты за него заплатил?

Он подошел ко мне и, не дожидаясь ответа, продолжал:

— А по мне, так ящик-то занятнее будет... — и он снова раскрыл шкаф с лабиринтом и стал его рассматривать.

— Григорий Ефимович, вы бы лучше на Распятие посмотрели да помолились бы перед Ним.

Распутин удивленно, почти испуганно посмотрел на меня. Я прочел в его взоре новое, незнакомое мне выражение: что-то кроткое и покорное светилось в нем. Он близко подошел ко мне, не отводя своих глаз от моих, и, казалось, будто он увидел в них то, чего не ожидал. Я понял, что наступил последний момент.

«Господи, дай мне сил покончить с ним!» — подумал я и медленным движением вынул револьвер из-за спины. Распутин по-прежнему стоял передо мною, не шелохнувшись, со склонившейся направо головой и глазами, устремленными на Распятие.

«Куда выстрелить, — мелькнуло у меня в голове: — в висок или в сердце?»

Точно молния пробежала по всему моему телу. Я выстрелил.

Распутин заревел диким, звериным голосом и грузно повалился навзничь, на медвежью шкуру.

В это время раздался шум на лестнице — это были мои друзья, спешившие мне на помощь. Они второпях зацепили за электрический выключатель, который находился на лестнице у входа в столовую, и потому я вдруг очутился в темноте...

Кто-то наткнулся на меня и испуганно вскрикнул.

Я не двигался с места, боясь впопыхах наступить на тело.

Наконец зажгли свет.

Все бросились к Распутину.

Он лежал на спине: лицо его от времени до времени подергивалось, руки были конвульсивно сжаты, глаза закрыты. На светлой шелковой рубашке виднелось небольшое красное пятно; рана была маленькая, и крови почти не было заметно.

Мы все, наклонившись, смотрели на него.

Некоторые из присутствующих хотели еще раз выстрелить в него, но боязнь лишних следов крови их остановила.

Через несколько минут, не открывая глаз, Распутин совсем затих.

Мы осмотрели рану: пуля прошла навылет в области сердца. Сомнений не было: он был убит.

Великий Князь и Пуришкевич перенесли тело с медвежьей шкуры на каменный пол. Затем мы погасили электричество и, закрыв на ключ дверь столовой, поднялись все в мой кабинет.

Настроение у всех было повышенное. Мы верили, что событие этой ночи спасет Россию от гибели и позора.

XIV

Согласно нашему плану Великому Князю Димитрию Павловичу, поручику Сухотину и доктору Лазоверту теперь предстояло исполнить следующее:

во-первых, устроить фиктивный отъезд Распутина из нашего дома на тот случай, если тайная полиция проследила его, когда он к нам приехал. Для этого Сухотин должен был изобразить Распутина, надев его шубу и шапку, и в открытом автомобиле Пуришкевича, вместе с Великим Князем и доктором, выехать по направлению к Гороховой;

во-вторых, нужно было, захватив одежду Распутина, завезти ее на Варшавский вокзал, чтобы сжечь в санитарном поезде Пуришкевича, и там же, на вокзале, оставить его автомобиль. С вокзала надо было добраться на извозчике до дворца Великого Князя, взять там его закрытый автомобиль и возвратиться на Мойку.

В автомобиле Великого Князя Димитрия Павловича предстояло увезти труп Распутина из нашего дома на Петровский остров.

Доктора, заменявшего шофера, мы просили, при отъезде из нашего дома, ехать возможно скорее и постараться запутать следы.

Остались на Мойке только Пуришкевич и я. Мы прошли с ним в мой кабинет и там, ожидая возвращения уехавших, беседовали и мечтали о будущем Родины, теперь избавленной навсегда от ее злого гения.

Мы верили, что Россия спасена и что с исчезновением Распутина для нее открывается новая эра, верили, что мы всюду найдем поддержку и что люди, близко стоящие к власти, освободившись от этого проходимца, дружно объединятся и будут энергично работать.

Могли ли мы тогда предполагать, что те лица, которым смерть Распутина развязывала руки, с таким преступным легкомыслием отнесутся и к совершившемуся факту, и к своим обязанностям?

Нам в голову не приходило, что жажда почета, власти, искание личных выгод, наконец, просто трусость и подлое угодничество у большинства возьмут перевес над чувствами долга и любви к Родине.

После смерти Распутина сколько возможностей открывалось для всех влиятельных и власть имущих... Однако никто из них не захотел или не сумел воспользоваться благоприятным моментом.

Я не буду называть имен этих людей; когда-нибудь история даст должную оценку их отношению к России.

Но в эту ночь, полную волнений и самых жутких переживаний, исполнив наш тягостный долг перед Царем и Родиной, мы были далеки от мрачных предположений.

Вдруг среди разговора я почувствовал смутную тревогу и непреодолимое желание сойти вниз, в столовую, где лежало тело Распутина.

Я встал, вышел на лестницу, спустился до запертой двери и открыл ее.

У стола, на полу, на том месте, где мы его оставили, лежал убитый Распутин.

Тело его было неподвижно, но, прикоснувшись к нему, я убедился, что оно еще теплое.

Тогда наклонившись над ним, я стал нащупывать пульс, биения его не чувствовалось: несомненно, Распутин был мертв.

Из раны мелкими каплями сочилась кровь, падая на гранитные плиты.

Не зная сам зачем, я вдруг схватил его за обе руки и сильно встряхнул. Тело поднялось, покачнулось в сторону и упало на прежнее место; голова безжизненно висела на боку.

Постояв над ним еще некоторое время, я уже хотел уходить, как вдруг мое внимание было привлечено легким дрожанием века на левом глазу Распутина. Тогда я снова к нему приблизился и начал пристально всматриваться в его лицо: оно конвульсивно вздрагивало, все сильнее и сильнее. Вдруг его левый глаз начал приоткрываться... Спустя мгновение правое веко, также задрожав, в свою очередь, приподнялось, и... оба глаза, оба глаза Распутина, какие-то зеленые, змеиные, с выражением дьявольской злобы, впились в меня...

Я застыл в немом ужасе. Все мускулы моего тела окаменели. Я хотел бежать, звать на помощь, но ноги мои не двигались, голос не повиновался...

Как в кошмаре, стоял я прикованный к каменному полу...

И тут случилось невероятное.

Неистовым резким движением Распутин вскочил на ноги; изо рта его шла пена. Он был ужасен. Комната огласилась диким ревом, и я увидел, как мелькнули в воздухе сведенные судорогой пальцы... Вот они, точно раскаленное железо, впились в мое плечо и старались схватить меня за горло. Глаза его скозились и совсем выходили из орбит.

Оживший Распутин хриплым шепотом непрестанно повторял мое имя.

Обуявший меня ужас был не сравним ни с чем.

Я пытался вырваться, но железные тиски держали меня с невероятной силой. Началась кошмарная борьба.

В этом умирающем, отравленном и простреленном трупe, поднятом темными силами для отмщения своей гибели, было что-то до того страшное, чудовищное, что я до сих пор вспоминаю об этой минуте с непередаваемым ужасом.

Я тогда еще яснее понял и глубже почувствовал, что такое был Распутин: казалось, сам дьявол, воплотившийся в этого мужика, был передо мной и держал меня своими цепкими пальцами, чтобы никогда уже не выпустить...

Но я рванулся последним невероятным усилием и освободился.

Распутин, хрипя, повалился на спину, держа в руке мой погон, оборванный им в борьбе. Я взглянул на него: он лежал неподвижно, весь скрючившись.

Но вот он снова зашевелился.

Я бросился наверх, зовя на помощь Пуришкевича, находившегося в это время в моем кабинете.

— Скорее, скорее револьвер! Стреляйте, он жив!.. — кричал я.

Я сам был безоружен, потому что отдал револьвер Великому Князю. С Пуришкевичем, выбежавшим на мой отчаянный зов, я столкнулся на лестнице у две-

рей кабинета. Он был поражен известием о том, что Распутин жив, и начал поспешно доставать свой револьвер, уже спрятанный в кобуру. В это время я услышал за собой шум. Поняв, что это Распутин, я в одно мгновение очутился у себя в кабинете; здесь на письменном столе я оставил резиновую палку, которую «на всякий случай» мне дал Маклаков. Схватив ее, я побежал вниз.

Распутин на четвереньках быстро поднимался из нижнего помещения по ступенькам лестницы, рыча и хрипя, как раненый зверь.

Весь как-то съезжившись, он сделал последний прыжок и достиг потайной двери, выходящей на двор. Зная, что дверь заперта на ключ и ключ увезен уехавшим менять автомобиль, я встал на верхнюю площадку лестницы, крепко сжимая в руке резиновую палку.

Но каково же было мое удивление и мой ужас, когда дверь распахнулась и Распутин исчез за ней в темноте!..

Пуришкевич бросился вслед за ним. Один за другим раздались два выстрела и громким эхом разнеслись по двору.

Я был вне себя при мысли, что он может уйти от нас. Выскочив на парадную лестницу, я побежал вдоль набережной Мойки, надеясь, в случае промаха Пуришкевича, задержать Распутину у ворот.

Всех ворот во дворе было трое, и лишь средние не были заперты. Через решетку, замыкавшую двор, я увидел, что именно к этим незапертым воротам и влекло Распутину его звериное чутье.

Раздался третий выстрел, за ним четвертый...

Я увидел, как Распутин покачнулся и упал у снежного сугроба.

Пуришкевич подбежал к нему. Постояв около него несколько секунд и, видимо, решив, что на этот раз он убит наверняка, быстрыми шагами направился обратно к дому. Я его окликнул, но он не услышал меня.

Осмотревшись вокруг, убедившись, что все улицы пустынно и выстрелы никого еще не встревожили, я вошел во двор и направился к сугробу, за которым упал Распутин.

Он уже не проявлял никаких признаков жизни. На его левом виске зияла большая рана, которую, как я впоследствии узнал, нанес ему Пуришкевич каблуком.

Между тем в это время с двух сторон ко мне шли люди: от ворот как раз к тому месту, где находился труп, направлялся городской, а из дома бежали двое из моих служащих... Все трое были встревожены выстрелами.

Городового я задержал на пути. Разговаривая с ним, я нарочно повернулся лицом к сугробу так, чтобы городской был вынужден стать спиной к тому месту, где лежал Распутин.

— Ваше сиятельство, — начал он, узнав меня, — тут были выстрелы слышны; не случилось ли чего?

— Нет, ничего серьезного, глупая история: у меня сегодня была вечеринка и кто-то из моих товарищей, выпив лишнее, стал стрелять и напрасно потревожил людей.

— Если кто-нибудь тебя станет спрашивать, что здесь произошло, скажи, что все обстоит благополучно.

Разговаривая с городовым, я довел его до ворот и затем вернулся к тому месту, где лежал труп. Около него стояли мои служащие. Пуришкевич поручил им перенести тело в дом. Я подошел ближе к сугробу.

Распутин лежал, весь скрючившись, и уже в другом положении.

«Боже мой, он все еще жив!» — подумал я.

На меня снова напал ужас при мысли, что он опять вскочит и начнет меня душить; я быстро направился к дому. Войдя в свой кабинет, я окликнул Пуришкевича, но его там не оказалось. Ужасный, кошмарный шепот Распутина, звавшего

меня по имени, все время звучал в моих ушах. Мне было не по себе. Я прошел в мою уборную, чтобы выпить воды. В это время вбежал Пуришкевич.

— Вот вы где, а я всюду вас ищу! — воскликнул он.

В глазах у меня темнело, мне казалось, что я сейчас упаду.

Пуришкевич, поддерживая меня под руку, повел в кабинет. Но не успели мы в него войти, как пришел камердинер и доложил, что меня хочет видеть все тот же городской, который на этот раз взошел через главный подъезд, минуя двор.

Оказалось, что выстрелы были услышаны в участке, откуда у городского потребовали объяснений по телефону. Первоначальными его показаниями местные полицейские власти не удовлетворились и настаивали на сообщении всех подробностей.

Пуришкевич, увидав вошедшего в это время городского, быстро подошел к нему и начал говорить повышенным голосом:

— Ты слышал про Распутина? Это тот самый, который губил нашу Родину, нашего Царя, твоих братьев-солдат... Он немцам нас продавал... Слышал?

Городской стоял с удивленным лицом, не понимая, чего от него хотят, и молчал.

— А знаешь ли ты, кто с тобой говорит? — не унимался Пуришкевич. — Я — член Государственной Думы Владимир Митрофанович Пуришкевич. Выстрелы, которые ты слышал, убили этого самого Распутина, и, если ты любишь свою Родину и твоего Царя, ты должен молчать...

Я с ужасом слушал этот разговор. Остановить его и вмешаться было совершенно невозможно. Все случилось слишком быстро и неожиданно, какой-то нервный подъем всецело овладел Пуришкевичем, и он, очевидно, сам не сознавал того, что говорил.

— Хорошее дело совершили. Я буду молчать; а вот коли к присяге поведут, тут делать нечего — скажу все, что знаю; грех утаить, — проговорил, наконец, городской.

Он вышел. По выражению его лица было заметно, что то, что он сейчас узнал, глубоко запало в его душу.

Пуришкевич выбежал за ним.

Когда они ушли, мой камердинер доложил, что труп Распутина перенесен со двора и положен на нижней площадке винтовой лестницы. Я чувствовал себя очень плохо; голова кружилась, я едва мог двигаться; но все же, хотя и с трудом, встал, машинально взял со стола резиновую палку и направился к выходу из кабинета.

Сойдя по лестнице, я увидел Распутина, лежавшего на нижней площадке.

Из многочисленных ран его обильно лилась кровь. Верхняя люстра бросала свет на его голову, и было до мельчайших подробностей видно его изуродованное ударами и кровоподтеками лицо.

Тяжелое и отталкивающее впечатление производило это кровавое зрелище.

Мне хотелось закрыть глаза, хотелось убежать куда-нибудь далеко, чтобы хотя на мгновение забыть ужасную действительность, и вместе с тем меня непреодолимо влекло к этому окровавленному трупу, влекло так настойчиво, что я уже не в силах был бороться с собой.

Голова моя разрывалась на части, мысли путались; злоба и ярость душили меня.

Какое-то необъяснимое состояние овладело мной.

Я ринулся на труп и начал избивать его резиновой палкой... В бешенстве и остервенении я бил куда попало...

Все Божеские и человеческие законы в эту минуту были попорнены.

Пуришкевич говорил мне потом, что зрелище это было настолько кошмарное, что он никогда его не забудет.

ГОЛОСА МИНУВШЕГО

Тщетно пытались остановить меня. Когда это, наконец, удалось, я потерял сознание.

В это время Великий Князь Димитрий Павлович, поручик Сухотин и доктор Лазоверт приехали в закрытом автомобиле за телом Распутина.

Узнав от Пуришкевича обо всем случившемся, они решили меня не беспокоить.

Завернув труп в сукно, они положили его на автомобиль и уехали на Петровский остров. Там с моста тело Распутина было сброшено в воду.

ТОЛКОВАТЕЛЬ ВЕЩЕЙ СНОВ¹

ВВЕДЕНИЕ

Никто еще не мог в достаточной степени объяснить, отчего происходит сон, потому что вопрос этот высокого значения, и хотя врачи объясняют его по-своему, но объясняют, как и многое, рассматривая только тело человека, подчиненное физическим законам, следовательно, как тело физическое. Психологи объясняют, рассматривая неведомую сущность человека, как-то: разум, душу, воображение и проч. Магнетизеры явление сна объясняют по-своему, а спириты опять по-своему; ученые-физиологи имеют свой взгляд как на сон, так и на бодрственное состояние человека, а мистики опять объясняют сообразно своим взглядам.

Но уж если сон не могли объяснить достаточно ясно, чтобы положить раз навсегда преграду разнородным толкам, то, конечно, тем более никто не может пояснить явления грез. В наш век большинство верит воззрениям ученых-медиков, которые могут искусственно производить сон, точно так же, как уничтожать излишнюю сонливость. Однако же и магнетизер точно так же может усыплять, не прибегая ни к каким аптекарским пособиям.

Заметим, что сны бывают так же разнообразны, как и грезы.

По состоянию человека сон бывает: здоровый и болезненный.

По свойству сна: искусственный и натуральный.

Здоровый сон бывает у человека здорового, крепкого сложения, ведущего суровый и трудолюбивый образ жизни, который привык спать в определенные часы известное время, не обременяя себя избытком пищи и ведя трезвую жизнь.

Нужно заметить, что люди, пользующиеся здоровьем, но ведущие неправильный образ жизни, предающиеся пьянству, ведущие сидячую или праздную жизнь, притом ложащиеся спать как придется, не могут пользоваться здоровым сном. Также не могут пользоваться здоровым сном люди хотя и здоровые, но через меру утомленные, раздраженные, потрясенные внезапным горем или испугом, наконец, даже озабоченные или просто впечатлительные натуры, пользовавшиеся перед сном несколько часов приятным зрелищем.

Болезненные сны — достояние больных людей; они отличаются тем, что ограничиваются иногда тонкой дремотой или вообще кратким чутким сном. Нередко сон такого рода бывает по несколько раз в сутки, ненормально, так что человек иногда в состоянии ежеминутно засыпать. Вообще сны болезненные бывают у людей слабонервных, раздражительных, страдающих желудочными болями, малокровных и больных спазмами. Болезненные сны также бывают у людей здоровых: вследствие огорчения, испуга или при ожидании ежеминутной опасности. Но, впрочем, такого рода люди могут быть также в болезненном состоянии по поводу излишнего напряжения нервов. Большой прием пищи французской кухни, при неумеренном употреблении кислых вин также может причинить беспокойный, нездоровый сон.

Все эти сны могут быть естественными и искусственными. Естественные вызываются природой, а искусственные — волей человека или наукой: последние получают посредством принятых наркотических веществ, какими могут считаться гашиш, морфий, опиум, хлороформ и другие, избранные самой природой;

¹ Из сборника «Новый и самый полный сонник». — М., 1918.

также могут возбуждать искусственный сон, нечто вроде оцепенения, магнетизеры.

Заметим и в этом случае, что сон, произведенный не посредством самой природы человека, а извне, как-то: помощью снотворных веществ или магнетизма, совершенно иначе действует на организм, чем сон натуральный. Магнетический сон — явление, никем достаточно не доказанное, по последствиям своим дает разнообразные результаты, но не столь плачевные, как приемы опиума и морфина, а также гашиша и хлороформа, оцепеняющего нервы до бесчувствия.

Кроме того, различают сны — дневной от ночного, летний от зимнего, осенний от вешнего.

Последняя классификация снов, по словам прежних астрологов, зависит вполне от того, что влияет на спящего: солнце или луна. Луна, по мнению их, покровительствует спящим, тогда как солнце противоборствует сну, но зато не перестает действовать благотворно на тело. Не оттого ли тот, кто много спит днем, всегда бывает тучен, нежа тело в течение нескольких часов днем?

Вообще определяют время отдыха не свыше $\frac{1}{3}$ суток, или, лучше, 7 часов, то есть нужно ложиться в 10 часов и вставать в 5.

Все вышепоименованные роды сна дают нам возможность сказать каждому, что толковать сны очень мудрено, что слишком много нужно изучать темперамент каждого, чтобы сновидения были верными предсказателями.

Но история всех времен и народов указывает на некоторые грезы во сне, которые прямо предупреждали о несчастьи, также прямо предсказывали радости в будущем или, наконец, были иносказательными. Вера в сны древня так же, как древен человеческий род. Не только темная масса, но немало существовало и древних и новых ученых, которые сотнями случаев, подкрепленных свидетельствами, доказывали, что сновидения, конечно, не все, имеют вещее значение, таинственный смысл.

По их словам выходило, что те сны, которые виделись неясно, неопределенно, не имели никакого значения; те же, которые ясно удерживались в памяти, были верны и имеют значение.

СНОТолКОВАНИЕ

А

Аббата видеть для католика означает успех, говорить с ним — радость.

Абрикосы видеть означает обманутую надежду, удовольствие. Когда они бьются не в свое время, их есть предвещает скорое несчастье. Сушеные абрикосы — огорчение.

Авеля видеть — прискорбие.

Автомат видеть предвещает благополучие.

Автора видеть значит веселую и занимательную беседу; с авторами говорить или о чем спорить предвещает неудачу в начатом деле или совершенную его остановку.

Агат видеть в вещах и украшениях — знак внезапного нездоровья и физического расстройства, преимущественно от пищеварения. Всего лучше соблюсти некоторое время маленькую диету, помня правило гигиены, что не в качестве, а в количестве вся суть и вся беда может быть.

Агент. Встретить неожиданно человека, объявившего таинственно, что он агент какого-нибудь общества, более или менее промышленного, — взять, по увлечению, акции нового какого-нибудь общества, с которым выйдет история.

Агитатора видеть — неприятное впечатление; последовать за ним — потерю чести, обман или несчастье.

Агнец. Видеть библейское заклятие агнца — радоваться неожиданной новости, долженствующей иметь счастливое влияние на перемену вашей жизни.

Ад — печаль; быть мучиму в нем — потерю здоровья или аппетита, а иногда — угрыzenie совести; избавиться из ада — освобождение, выпутаться из беды, выздороветь.

Адвокат — неисполненные надежды, равно как многие обещания неоправдавшиеся.

Адъютант, посылаемый вами с каким-нибудь поручением, — письмо из далеких мест.

Азартную игру — неудовольствие.

Азбуку видеть во сне и учащих по оной предзнаменует новое испытание в жизни.

Акация. Гулять в длинной аллее акаций значит попасть впросак в том предприятии или деле, которое в этот день вам будет предлагаемо; почему в случае такого сновидения весьма не лишнее стараться уклоняться от всех делаемых вам предложений.

Акробаты. Видеть их пляшущих на веревке — веселье, а делающих фокусы — огорчение.

Акт. Подписать скрепленный нотариусом акт — очень дурной знак.

Актер (или актриса) — потеря друзей или близких родственников, горесть, слезы, досада, хлопоты, расстройство и обман лицемеров.

Акулу видеть — врага; быть ею пожранным — нападки от вредных людей, потерю денег.

Акушер или акушерка, с засученными рукавами работающие в чреве роженницы и вынимающие младенца, — появление начала болезни. Если же видеть себя в роли акушера с руками в крови — получить нежданно-негаданно деньги.

Акцию видеть (смотри бумажные деньги).

Алебастр. Быть обсыпанным алебастром и сыпать его на других — недобрый знак для того, у кого есть зазнобушка, какая бы то ни была; но знак совершенного успеха в намерениях сновидца, вполне целомудренного.

Аллея, состоящая из деревьев каких-то неизвестных, которые вы не можете определить и назвать, — знак нечаянного путешествия в место вам вовсе не знакомое.

Аллилуйя слышать — радость; петь — успех в делах.

Алмаз — богатство, выгодный брак; алмазная корона на голове — честь тому, на ком она надета; ложный алмаз — обманчивые слова, несбыточные мечты.

Алоэ. Вырезать мясистые листья алоэ, столь полезные от мозолей, и обкладывать ими себе и другим голову — перемена по тому роду службы или занятий, какие имеете.

Алтарь. Видеть его — радость; выстроить — кто-нибудь из родных вступит в монастырь.

Алты. Получить за что-нибудь в уплату мешок с старинными алтынами вместо современных денег — приобрести что-нибудь прочное, могущее повести к дельным последствиям.

Альбом видеть предвещает счастье.

Альманах — большая опасность, особенно если ведешь рассеянную жизнь.

Амазонку на коне — измену любимой женщины; пешую амазонку — обнаруженное и пресеченное несчастье.

Амбар видеть предвещает счастье.

Амбра. Видеть себя в чертогах, где сильно накурено и преимущественно амброю, — подвергнуться самой дерзкой лжи.

- Аметист получить в подарок — встреча с надменным фатом, который постарается вам нанести обиду.
- Амплуа получить на сцене — удовлетворение честолюбия.
- Амуниция, которой видите себя обвешанным, — получить неожиданную награду, из-за которой много будет потом хлопот и сплетен.
- Ананас купить или есть — успех или хорошую прибыль; ананасное варенье — приятные вести об успехах.
- Анатомировать означает неприятность.
- Ангела видеть означает радость и душевное спокойствие.
- Аневризм. Страдать аневризмом предвещает большие огорчения.
- Анекдоты рассказывать означает неожиданность; слушать означает радость.
- Анис есть здоровому — радость; больному — смерть. Сеять анис — ожидать хороших результатов.
- Анкерок пустой — хлопоты пренесносные; с вином или пивом, даже с квасом — получение письма или известия, долженствующего произвести перемену в жизни.
- Антидор вкушать — иметь с кем-нибудь истинно умилительную беседу, которая поспособствует исправлению вашего нрава.
- Антилопа, бегущая и прыгающая, за которой вы гонитесь по горам, — обманчивая мечта, могущая увлечь слишком далеко.
- Антонов огонь — лишение друга.
- Антраша. Тот, кто выделяет антраша, потеряет свое место; кто бывает зрителем, будет иметь выгоду.
- Анчоус — удача, после которой будут дурные последствия.
- Апельсин покупать — исполнение желаний; дарить — ссору, раздор; очищать его — сожаление; апельсиновое дерево — приятное известие.
- Апостола читать или слушать, что читают, — узнать всю правду о том, в чем до этого мы сомневались.
- Аппетит во сне — ошибка, обман.
- Аптекаря видеть означает неприятность.
- Аптеку, аптекаря — хитрость, скрытность, а для аптекаря — заботу.
- Ара — ярко-цветной попугай, который сидит в клетке или на каком-то необыкновенном дереве, — обман самый нахальный и грубый от лиц, с которыми вы в сношениях.
- Арбу, телегу видеть — подвиг или перемену жизни; нагруженную арбу — прибыльную работу.
- Арбуз есть — для мужчины печаль; для женщины — беременность; для девушки — обман или ошибку.
- Арестанта видеть предвещает новости.
- Арифметике учиться означает неожиданность.
- Арию слышать означает неприятность; петь — предвещает радость.
- Аркан закидывать на дикую лошадь — победа, одержанная над соперниками не без хитрости. Быть же самому тащимым на аркане — попасть под сюркуп в каком бы то ни было деле.
- Арку худую видеть во сне и в нее проходить означает опасность; арку твердую видеть и в нее проходить предвещает свободный ход в деле или предприятнях.
- Арлекина — обман; быть в costume — претерпеть насмешку.
- Армию видеть во сне предзнаменует пожар.
- Армяк надеть на себя или на других — получить затруднительное занятие, от которого рады будете отделаться.
- Арсенал видеть означает неприятность.
- Артиста видеть предвещает новости.

Артикул военный видеть во сне предвещает иметь осторожность против недоброжелательного человека.

Артиллериста видеть предвещает обман.

Артиллерию видеть предвещает врагу ужасную гибель.

Артишоки рассматривать — тайная горесть; если же их есть вареными, предвещает с кем-нибудь ссору.

Арфу видеть — возможность надеяться провести приятно время; играть на ней — утешение в печали.

Архалук, в который вы одеты и который вас жмет, — исполнение не совсем приятного нетерпеливого ожидания.

Архангел с трубой, взывающий к верующим, — проявление светлой надежды в то самое время, когда дела ваши кажутся вам плохими.

Архив, в котором вы роетесь, покрыв себя пылью от ветхих бумаг, — возбуждение, совершенно неожиданное; неприятное воспоминание.

Архиерея — радостные вести.

Архимандрита видеть предвещает неожиданность.

Архистратига — услышать о справедливом возмездии за какое-нибудь нечестивое и злонамеренное дело.

Архитектора видеть — заботу.

Аршин видеть предвещает новости; аршином мерить предвещает дорогу.

Аспид — встреча с хитрым и лживым человеком, а аспид с разинутой пастью — знак обиды, нанесенной каким-либо злым человеком.

Ассигнации видеть предвещает новости.

Астра в цвету — интересные обещания с радужными надеждами, но несбывающимися, как надежды на лотерейный билет или, например, на новую газету.

Астролог — обман, беспокойство, ни на чем не основанное, досада, затруднение при видимо простых обстоятельствах.

Астролябия, с которой вы расхаживаете по полю и стараетесь произвести измерения, — препятствие в том деле, которое, по всем вероятностям, представляется простым и ясным.

Астронома видеть во сне при его занятии означает наблюдение за новым предприятием.

Атамана видеть предвещает дорогу.

Атлас или карту земного шара видеть предзнаменует путешествие или дальнюю дорогу.

Атлас продавать означает убыток; покупать означает обман; атласное платье иметь означает любовь; атласный салоп видеть предвещает женитьбу.

Аукать означает новости.

Аукцион, в котором громко стучит молоток аукциониста, выкрикивающего: «Кто больше?», предвещает недоумение, близость к разорению.

Аул черкесский с пылающими огнями, с громкими рассказами хищников об их подвигах — неожиданная суматоха в одном из тех обществ, где нам случится быть на неделе.

Афиши и другие печатные объявления — ложные вести; наклеивать на стену — скандал; цветные афиши — смех; черные — печальные известия.

Аэролит, внезапно сорвавшийся с неба и упавший перед вашими глазами, у ваших ног, — первый седой волос, который у вас явится и который не всегда найдется, как вы его ни ищите.

Аэростат, на котором вы поднимаетесь на воздух, — достижение сладостного упоения в любви или в ином каком более или менее страстном чувстве.

Б

Бабку-акушерку видеть означает измену любимой особы; домашнюю ссору; лежать с бабушкой — исполнение намерения, принимать с ней младенца — ссору.

Бабочку, мотылька летающего — беспокойство или домашнюю неприятность; поймать — удачу в любви; раздавить — неприятность; ранить — измену.

Бабу видеть означает сплетни.

Бабушку или дедушку видеть — получить не вполне оцененную плату за труд.

Багаж тяжелый везти или нести — успех в замышленном деле; ежели же багаж сами навалите на плечи другого, то хлопоты и заботы.

Багор значит злоключение в том случае, ежели багром отталкивают лодку; если же колют багром, то лстивые обещания.

Багрение рыбы на реке, покрытой взломанными льдинами, — крупный разговор с людьми, с которыми обыкновенно велись сладкие речи.

Багряница, которую кто-нибудь набросил вам на плечи и закутал вас ею, — подарок богатый и выгодный.

Бадья. В бадью что-нибудь наливать или всыпать — увидеться с добрым старым знакомым и узнать от него что-нибудь любопытное и приятное.

Базилика — несчастья, причиненные тайными врагами.

Бакенбарды иметь означает удовольствие; брить означает неприятность.

Бал видеть — болезнь, расстройство дел; участвовать на балу — быть без дела; танцевать на балу — заниматься пустыми делами, а играть на балу в карту — вступить в опасный путь.

Балаган видеть предвещает перемену в делах.

Балалайку видеть означает радость.

Балахон. Видеть себя одетым в широкий балахон — не совсем хорошо: часто это знак начала болезни или такого дела, из которого трудно будет выпутаться.

Балдахин видеть означает благополучие.

Балет — разгульное собрание.

Балкон — опасное повышение.

Балласт выкидывать из корабля в море — освобождение от того недуга, которым в это время более или менее страдает. Нагрузка же балластом значит приобретение новых забот.

Бальзам пить означает неприятность.

Бамбук. Ломать бамбук или изготовлять себе хорошую бамбуковую трость — получить полезное предостережение.

Бандажи означают здоровье.

Бандурист, идущий перед песельниками и играющий на бандуре, повешенной через плечо, — страшная семейная суматоха.

Банки кровопускательные означают неприятность; с цветками — означают удовольствие; стеклянные пустые — радость.

Банки, занимающиеся дисконтом векселей, — быть жертвой чьего-нибудь надувательства.

Банкротство — обман в доверии, ошибку в расчете.

Банты предвещают неожиданность.

Баня. Войти в нее — безнадежность, выходить — удовольствие; видеть женщину в бане — огорчение, мужчину — бедность; кровь видеть в бане — скоропостижную смерть; пляшущих видеть в бане — болезнь.

Барабан видеть — фальшивый друг; клеветник; бой барабанный слышать — известие о клевете; сидеть на барабане — пустое намерение.

Барана — оскорбительный успех; бодающегося — брань.

Баранину есть — успех.

Барбарис видеть означает перемену в делах.

Барина видеть — судите вообще сон по действию виденного лица.

Барку порожнюю видеть означает радость; с дровами предвещает новости.

Барометр — пагубные перемены в поведении.

Барса видеть означает неожиданность.

Барсук — хитрость и обман.

Бархат — ложный слух; бархатное платье означает, что при прекрасной надежде нужно быть осторожным.

Барыню или даму. Прогуливаться с дамами разных лет — семейный раздор; говорить с дамами — сплетни, перемена погоды; видеть танцующих дам — легкую болезнь.

Барышника видеть — ошибку, обман; здороваться с ним — несчастье; бить барышника — преодолевать препятствие.

Басня. Читать басню значит быть наивным в обществе. Сочинить басню — прибыль другому, а не автору.

Батарею видеть предвещает новости.

Батог. Быть битым батогами и кричать при этом — распространение ложного слуха. Нести батог предлинный — приобретение хлопотливого и скучного занятия.

Батрак. Видеть себя батраком чьим-нибудь — приобрести вдруг страстишку к чему-нибудь очень нелепому.

Бахвал. Слушать рассказы бахвала, весьма назойливого, прославляющего свои деяния, — какой-нибудь обыкновенный житейский случай.

Бахрому видеть предвещает неприятность, золотую видеть — неудовольствие.

Бахча, расстилающаяся на большое пространство, с дынями, арбузами, тыквами и огурцами — изобилие чего-нибудь интересного и приятного.

Башлык видеть на голове — защиту или обеспечение.

Башмаки, вообще женскую обувь: потерять обувь — препятствие; починивать — довольство; менять — перемену жизни; башмачника видеть — хорошие дела; покупать — поправление дел в другом городе.

Бегемот, идущий по какому-то необыкновенному лесу, — встреча с весьма значительной личностью.

Бег рысистых охотников или всадников видеть для любителя, участвовавшего в нем, — получение радости; для тех, кто не любит или презирает их, участвовать в них значит получить досаду; во время бега упасть значит получить обиду.

Бегать за кем-нибудь до усталости — денежную утрату; за дичью — неожиданную радость, если только дичь поймана.

Беглеца, ведомого в острог, — возвращение на родину.

Бедным себя видеть — прибыль.

Бедренец (растение) есть и находить в том удовольствии — получить нравственную оплеуху.

Бедро иметь большое — потеря любимой особы или болезнь ее.

Безбожие. Видеть в храме проявление безбожия — получить горестное известие о лице, для вас интересном и вами уважаемом.

Бездну, пропасть, овраг — несчастье или опасность; упасть — непредвиденный упадок дел; обойти или избежать их во сне — избавление от существующей опасности.

Беззубый — знак потери имени и утраты чего-нибудь драгоценного из вашей собственности.

Безлюдие. Страна, где решительно живой души не встречается, где совершенное безлюдие, — счастливое происшествие.

Безмен видеть означает неприятность.

Безногий человек, т. е. совершенно без ног, имеющий одно только туловище и гоняющийся за вами,— огромные затруднения, которые необходимо преодолеть.

Безносый. Видеть себя безносом — потерять о ком-нибудь доброе мнение; видеть же собрание людей безносых — убедиться, что вас проведут за нос.

Безобразным видеть себя означает новости.

Безумным видеть себя означает препятствие в делах.

Безухий предзнаменует ложные слухи и сплетни, на которые не должно обращать внимания.

Бекас, подстреленный вами на охоте,— встреча с особой прекрасного пола, если вы мужчина, или непрекрасного, если вы женщина, и встреча та небезопасна для вашего сердца и кармана.

Бекеш на вате, с меховым воротником, который вам предлагают,— новое предприятие, результаты которого сомнительны.

Белила — радость.

Белиться — неожиданность.

Белка. Видеть это животное во сне мужчине значит свести знакомство с кокеткой; преследовать белку — разорение через увлечение женщиной сомнительного поведения.

Белую рубаху надевать — радостные вести; шапку на голове иметь — честь.

Белые волосы иметь — радость; зубы — здоровье.

Белый хлеб есть — прибыль.

Белых зверей видеть — свидание с друзьями; птиц — радостные вести.

Бельведер. Стоять на бельведере и любоваться каким-нибудь ландшафтным видом — приобретение нового, более блестящего положения.

Белье. Вешать его — выигрыш, счастливый случай, получение денег; укладывать его — скупость; покупать белье — болезнь; продавать белье — наступление нужды; мыть белье — жалкую утрату; грязное белье — ложь; рвать белье на себе — стыд.

Бельмо на глазу — обман.

Бергамоты означают неприятность; есть их предвещает радость.

Берег видеть означает успех в делах.

Березу видеть предвещает радости.

Берейтор, который в манеже школит лошадь, пытающуюся его сбросить,— затруднение в ваших делах, однако вами побеждаемых, хотя и с уроном для вас.

Беременность видеть: для девицы — обман, для женщины — получение радости, для старухи — скорая смерть.

Береста предвещает радость.

Берлогу видеть предвещает неприятность.

Беседа с людьми занимательными и хорошо рассказывающими — приобретение новых сведений, более или менее бесполезных.

Беседку видеть означает радость.

Беспокойство. Беспокоиться о чем — значит пользоваться доверенностью; беспокоить кого-либо — печаль.

Беспорядок. Производить его — бедность; видеть — печаль.

Бессильным видеть себя означает потерю.

Бессонница. Иметь во сне бессонницу предвещает будущие неприятности.

Бешеных собак видеть — неудача.

Библия. Видеть ее предвещает внутреннее довольство; читать ее — спокойствие совести.

Библиотека — необходимость посоветоваться о делах своих.

Билет на погребение — полезная предосторожность; свадебный билет — удовлетворение; на другое какое-нибудь приглашение — бесполезные издержки.

Бильяр, или биск. Играть на нем — потерю времени, места или работы, а также ссору.

Биржу — неудачу.

Бирюза, которой украшены разные вещицы в туалете вашем или других и являющаяся во множестве, — удивительная случайность.

Бисер означает радость.

Бисквиты предвещают радость; есть означает веселье.

Битва. Одержать победу — избавиться от болезни или поправиться в делах, а быть пораженному — потерпеть убытки, понести побои или проиграть дело.

Битую говядину есть — помощь.

Битый скот видеть — убытки.

Бить кого-нибудь — домашнее согласие между супругами, счастливая любовь холостым. Обороняться от собаки — верность, от кошки — измена, от змей — победа.

Благовест слышать — радость.

Благодарить кого — неожиданность.

Благоденствие. Видеть себя благоденствующим и очень довольным — обманутые мечты и ожидания.

Благодеение. Получать благодеение от кого-нибудь — досада и оскорбление; оказывать же благодеение — знак неперменного случая неблагодарности.

Благословлять кого — новости.

Блевание, происходящее от омерзения или вследствие какого-либо болезненного припадка, — знак потери какой-нибудь вещи, употребление которой могло быть вредно, хотя и приятно, как, например, потери бутылки превосходного белого рома или чего-нибудь тому подобного.

Бледное лицо иметь — радость.

Блеск молнии предвещает радость.

Блестки. Надевать платье, усыпанное блестками, которые от прикосновения осыпаются, — иметь скорое сношение с фатом, который нестерпимо чванится и павлинится.

Близнецы. Являются иногда знаменитые сиамские близнецы, сросшиеся вместе и описанные во всевозможных журналах и иллюстрированных сборниках, — очень хороший знак; если вы не женаты — женитесь по любви, а для женатого мужчины или для замужней женщины — предсказание довольно многочисленного семейства, в котором, однако, как водится по пословице, будет в семье не без урода.

Блины — болезнь; есть — неприятность.

Близоруким видеть себя означает неприятность.

Блокада крепости, в которой вы находитесь и крайне опасаетесь действия осаждающих, — знак, что вы не сладите с одним известным вам упрямым сердцем, почему лучше ретироваться.

Блонды — неожиданность.

Блох бить — неприятность; искать — беспокойство.

Блюдечко — радость.

Блюдо — открытие тайны; лизать — успех в делах.

Бобра видеть — неожиданность.

Бобы: для беременных женщин — безнадежность; в соусе — многочисленное потомство, хлопоты; с маслом — проигрыш в тяжбе; проглотить бобы — выговор или оскорбление.

Бобыль. Видеть себя совершенно безродным бобылем — узнать значительные семейные перемены, через которые произойдет чье-нибудь изолированное положение, или наследство.

Богадельня, в которую вы хлопчете поступить, и вас одевают уже в одежду

призываемых — неудачный расчет на чужой беде, который окажется пре-скверным.

Богатое платье иметь — ссора.

Богатым быть во сне — болезнь; видеть бедняка разбогатевшим — несчастье для виденного лица.

Богиня мифологическая, какая бы то ни была: Юнона, Венера, Прозерпина, Минерва и проч., со всеми своими атрибутами, на полупрозрачном облаке, — знакомство с особой, по наружности блестящей, но весьма легонького поведеньица и незавидной репутации.

Богоматерь является иногда в том величественном виде, в каком изображают Ее на превосходнейших картинах; это — предвестие самого счастливого происшествия в ходе вашей жизни, в течение полугода.

Богомолье. Идти на богомолье вместе с разными лицами, опираясь посохом, и с котомкой за плечами — иметь продолжительный разговор, результатом которого будет устройство желаемого.

Богохульствовать вместе с другими и не быть никем останавливаемым в нечестивых действиях влечет за собой пожар в доме, вами обитаемом, или огромную покражу, и чем ужаснейшими подробностями нечестия сон этот длится, тем хуже могут быть последствия; почему всего лучше немедленно проснуться, встать с постели и помолиться усердно Богу, выпив добрый стакан холодной воды с сахаром, если сахар имеется под рукой.

Богу молиться означает благополучие; жертву приносить — благополучие.

Богун (растение). Хлестать кого богуном — иметь странное толкование и пустую болтовню без всякого дельного результата.

Бодать кого-нибудь рогами, выросшими вдруг у вас на лбу, хотя вы и не жены, значит исполнение своего желания при появлении к тому твердой воли и характерного состояния.

Бодяга. Натирать себе щеки бодягой или видеть, что кому-нибудь ею натирают щеки вместо румян, — подвергнуться грубой лжи и самым странным выдумкам.

Божба. Произносить божбу самому — иметь причины оправдываться в чем-нибудь. Слышать божбу — встретить людей спорящих и недовольных, призывающих вас в свидетели.

Божница. Видеть божницу в комнате своей — хороший знак счастливого исхода какого-нибудь дела, которое вас занимает и почитается вами немаловажным.

Бойня, где мясники бьют скот на мясо и отрезают для вас куски, — знак невыгодного дележа, который будет произведен кем-нибудь.

Бокал — сплетни.

Болван. Видеть себя обращенным в болвана, на котором примеривают шляпки и чепчики, — подвергнуться насмешке и эпиграмме, попасть нечаянно на страницы юмористического журнала и молчать по необходимости.

Болото. Попасть в болото — беспорядок в делах; тонуть в нем — попасть в непредвиденное опасное дело; идти болотом — радость.

Боль ощущать в теле и не знать, как от нее отделаться, — подвергнуться нареканию и стараться тщетно оправдываться.

Больницу видеть — неприятное зрелище; лежать в больнице — получить по-мощь.

Больную голову иметь — честь.

Больным себя видеть — здоровье.

Больных посещать — радость.

Болячка на теле — неожиданность.

Бомба — новости.

Бондарь, спешно работающий и наколачивающий обручи, заставляя и вас ра-

ботать, — довольно безвыходное положение, в какое вы поставлены.

Борзая собака, бегущая быстро и преследующая что-то невидимое с небольшим лаем, — поиски нового места или какого-нибудь занятия не безуспешные.

Бородавка — неприятность.

Бороду иметь во сне — прибыль; женщина видит себя с бородой — получение ожидаемого; мужчина, бреющий бороду, — неожиданная неприятность; видеть старика с бородой — иметь доброго советника; видеть у кого-нибудь рыжую бороду — обманчивость.

Бородза, проведенная плугом или сохой, довольно свежая, по которой вы следуете, обсыпая ноги землей, — новая забота и хлопотливое делишко.

Борона — исполнение всех надежд, если есть интересное дело или неожиданное сватовство, которое ничем не кончится.

Бороться — хлопоты.

Борщ есть — неожиданность.

Босиком бегать — неприятность.

Ботаник, собирающий и сортирующий растения, приставляя к ним латинские ярлычки, — приобрести бестолковые хлопоты по делу, вовсе не интересному.

Ботвињу есть — неожиданность.

Ботинки надевать — радость.

Боярин, старинный русский, в том виде, как их изображают живописцы и описывают русские исторические писатели. Боярин что-то важно вещает вам, поглаживая свою боярскую бороду, а вы кланяетесь ему низехонько — неожиданный чей-нибудь поступок в духе приказания.

Бояться — перемену в делах.

Брага. Пить брагу и почувствовать опьянение — неожиданная перемена всех дел и занятий, по причинам, впрочем, вами подготовленным.

Брак. Жениться на девице обещает мужчине успех в делах, а вдове — замужество с юношей, досаду и ссору, как это часто и подтверждается, особенно последнее.

Браниться — неприятность.

Брань слышать — неприятность.

Браслет, надетый на вашу руку, которым вы любуетесь, — какая-нибудь скандальная история.

Брата видеть — получение известия; драться с ним — чувство родственной любви, тоски в отсутствие признательности.

Бревно на дороге значит препятствие в предприятии.

Бредень закидывать для рыболовства и тщательно наблюдать за ходом рыбы — получить вдруг по новым обстоятельствам желание к серьезному приобретению.

Бриллиант (см. алмаз).

Бритвы покупать предвещает безвыходную тоску; подарить — обманутое доверие; бриться — бесполезный труд; брить кого-нибудь — смерть друга или родственника вдали или в отсутствие; быть бритым любимой особой — излишнее доверие или утрату; бриться — неприятность.

Бричка. Ехать в бричке по тряскому шоссе — испытать какое-нибудь неудовольствие, после которого все будет, однако, казаться в розовом свете.

Брови. Большие брови — непредвиденный гнев; обритые брови — стыд, сожаление, угрызение совести.

Брод. Идти в брод самому по реке и быть настигнутым другими лицами, желающими воспользоваться этим путем, — открытие затруднительного способа примазаться к выгодной сильной личности.

Бродяга. Находиться в обществе бродяг, из которых есть много не помнящих родства, известных Иванов, — приобрести сношения, но компрометирующие.

Бросать в кого камни — препятствие в делах.

Бруснику видеть — неожиданность.

Брусок, точить ножи на бруске — знак получения занятия, хотя и очень хлопотливого. Брусок держать в руке — свидание с человеком тяжелого нрава.

Брызгать — неожиданность.

Брызги означают перемену в делах.

Брюкву есть: для супругов — скорое приращение семейства; вообще — полезный, но тяжелый труд.

Брюхо большое иметь — уважение; тощее — убыток.

Бубен — неожиданность.

Бубновый туз, король и валет вместе на руках в игре в винт — неожиданное событие с результатом неудовлетворительным.

Будку видеть — новости.

Будочника — успех в делах.

Будуар дамский, довольно роскошный, в котором вас заставляют в нетерпении ожидать чего-то, — лестные обещания без хорошего исхода.

Буженина, составляющая всю сумму угощения, вам делаемого, и которую вы кушаете сначала с удовольствием, а потом с отвращением, — временное расстройство пищеварения.

Бузун (грубая соль), лизанный и производящий довольно сильную жажду, — потребность непременно съездить в квартиру любимой особы в неожиданный для нее час.

Буйвол — знак нагоняя от начальства или от старших; если буйвол вас прободал, то вам должно беречься, чтобы как-нибудь не отказали от занимаемой должности.

Букашки — неожиданность.

Буква. Писать большие прописные буквы на доске или бумаге — затеять что-то очень странное, могущее, однако, быть весьма дельным.

Букет делать — собирать приятные новости; видеть много букетов — приятный кружок знакомства; поблекший букет — холодность между супругами; букет кидать в стену — напрасную потерю денег; получать букет — лесть.

Булава. Иметь булаву — достоинство; видеть булаву у швейцара — обиду; если булаву имеет во сне военный или служащий на коронной службе — повышение чина, возвышение в звании или другую награду.

Булавку. Видеть много булавок — пустые шутки, глупости; уколотся во сне булавкой — ошибиться в глупости; быть уколотым булавкой — получить неприятности вследствие пустых причин.

Булку есть во сне — полезный труд; видеть — полезное ожидание.

Булочную — новость.

Бульвар. Гулять по бульвару — хлопоты без цели и выгод.

Бумагу видеть белую — дружбу; цветную — досаду вследствие стыда или обиды; считать листы — пустую потерю нескольких дней; писаную бумагу видеть — ложные вести или обещания; деловую или гербовую бумагу получить — предстоит верное дело; бумагу хлопчатую видеть — приобретение.

Бумажник — неожиданность.

Бумажное платье надевать — прибыль.

Бумазея — неожиданность.

Бурав. Употреблять бурав для буравления какой-нибудь доски — смелое намерение, приведенное в исполнение.

Бурак, который наполнен зернистой икрой, подносимой вам с приглашением принять его в дар, — презабавный случай, от которого вы животики надорвете.

Бураки есть — подвергнуться лихоимственному действию, не имея дела в суде, а бураки собирать — получить сомнение насчет чьей-нибудь чести.

Бурка черкесская, в которую вы драпируетесь, — плохая защита ваших интересов лицом, которому вы их вверили.

Бурьян (тростниковая трава). Ходить в месте, заросшем бурьяном, — получить доказательство в чем-нибудь намерении оклеветать вас.

Буря. Скрываться от бури — неприятные новости, а иногда выражает встречу с сильным врагом; видеть бурю, находясь в безопасности, — доверие или душевное спокойствие.

Бусурмана, т. е. иноверца или вообще нехристианина, видеть означает неприятность для христианина, но для путешественника вообще — хорошую встречу, если только видел его спокойным.

Бусы — неожиданность.

Бутылку наполненную — бессонницу; пустую — скуку, иногда ссору.

Буфет — болезнь.

Буянство, произведенное в публичном месте разными лицами воинственного вида, — очень беспокойное происшествие, долженствующее случиться в вашей жизни в скорости.

Быка запряженного — неблагоприятный поступок со стороны видевшего, дело против совести; ведомого на убой — обвинение по уголовному суду.

Быть в аду — неприятность; адъютантом — неожиданность; в академии — новости; актером — радость; акушером — радость; аптекарем — неприятность; артельщиком — перемена в делах; артиллеристом — препятствие в делах; в архиве — неудовольствие; архимандритом — радость; архитектором — новости; астрономом — неприятность; атаманом — препятствие в делах; в балагане — перемена в делах; на балу — радость; в бане — печаль; в беседке — радость; на бирже — успех в делах; в болоте — неприятность; большим — здоровье; в больнице — несчастье; в бочке — веселье; вооруженным — неожиданность.

Быть на аукционе — неожиданность; в арсенале — неприятность; в адмиралтействе — новости; адмиралом — радость.

Быть на гауптвахте — неожиданность; в гостинице — неприятность; в гостях — сплетни; на даче в деревне — веселье; во дворце — сплетни; заколотым — радость; застреленным — неудача; в зверинце — неприятность; в кабаке — клевета; в кабинете — радость; с женщиной — успех в делах; с мужчиной — сплетни; в каюте — радость; в келье — успех в делах; на кладбище — счастье; в кузнице — неудовольствие; в кустах — неожиданность; в лагере — новости; в леднике — клевета; на лугу — неудача.

Быть лунатиком — неприятность; в люльке — неожиданность; в магазине — неожиданность; на мельнице — новости; в могиле — сплетни; в монастыре — радость; монахом — неожиданность; в облаках — веселье; у обедни — радость; в оспе — болезнь; на охоте — перемена в делах; пьяным — неожиданность; на пароходе — веселье; на параде — успех в делах; на пожаре — клевета; в постели — сплетни; на похоронах — перемену в делах; раненым — опасность; в роще — веселье; на рынке — обман; на садке — неожиданность; в саду — радость; в саже — препятствие в делах; в сарае — неожиданность.

Быть на свадьбе — обман; священником — неприятность; в спальне — клевета; в театре — обман; в темноте — неприятность; в толпе — неожиданность; в тесте — радость; в тюрьме — опасность; в тени — благополучие; на ужине — веселье; на фабрике — неожиданность; на фейерверке — радость; в золоте — веселье; в хижине — неожиданность; худо причесанным — неприятность; в церкви — радость; в чепчике — перемена в делах; в шкапу — неудача; на ярмарке — неудовольствие.

Бюст — радость.

В

Вагон видеть — затруднение, если он не на рельсах.

Вазу, урну — слух об умершем; с цветами, виденную на высоком месте, — неожиданную почесть; с плодами — успех.

Вакса — неожиданность.

Вал, насыпь и другое возвышение перед собой видеть представляет затруднение в деле или препятствие; упасть с вала означает, что предпринятый труд опасен.

Валенки. Много людей, обутых в валенки, и вы сами в валенках — перемена отношения из лучшего к худшему или обратно.

Валяться в грязи — прибыль.

Вампира видеть или другое чудовище и убивать его — выздоровление для больного, успех для здорового; но обратно, то есть когда чудовище нападает, сон выражает усиление болезни, а для здорового — предсказание к упадку в делах; болезнь или смерть близкого, который, лишившись жизни, потерял свое влияние на вас или также лишился возможности помогать вам.

Ваниль нюхать — приятная весть.

Ванны брать — благополучие.

Варган (орган). Играть на так называемом варгане — смешное сцепление обстоятельств; слушать, как играют на нем другие, — выслушать неприятный рассказ о событии некрасивом.

Варежки. Вместо перчаток иметь варежки — знак предосторожности, которую вам советуют принять в известном обществе.

Варенец. Есть варенец — получить весьма выгодное предложение. Видеть себя в молочной и угощать варенцом других — подвергнуться упреку в обмане.

Варенуха. Пить малороссийскую горячую варенуху и обжечь себе губы — встреча неожиданного препятствия в том, что казалось до крайности простым.

Вареную говядину есть предвещает убыток.

Вареную рыбу есть означает неудовольствие.

Вареные яблоки означает радость.

Варенье готовить — выгодную работу; нести варенье — хорошие слухи; есть — успех в любовных делах.

Варить кушанье означает полное содействие в делах других и очень верное и выгодное как для себя, так и для других.

Варить пиво — получить излишек за труд.

Вар видеть предвещает перемену в делах.

Васильки рвать предвещает перемену в делах.

Вата. Набивать себе вату в уши и в рот — знак будущих потех; есть вату — неприятности семейные; подшивать вату — отъезд приятеля.

Вафли есть — перемена в делах.

Вверх и вниз лежать — труд.

Вдовой себя видеть — неприятность.

Вдовцом себя видеть — неожиданность.

Ведро. Пустое — обман в предположении; полное чего-либо — забота¹.

Ведьма — неожиданность.

Веер, опахало — раздор; отдать свой кому-нибудь — передать кому-нибудь свое вредное слово, развить неприятность в окружающей сфере.

Вексели означают новости.

Векша, прыгающая в колесе, — иметь работу в роде Танталовой; например:

¹ Примеч. Чем наполнено? Смотрите соответственно соннику, чтобы разъяснить вопрос, в чем должна была заключаться забота.

считать миллионы и не иметь ни гроша, как это бывает нередко, когда глаз видит, да зуб неймет.

Великана видеть предвещает дорогу.

Великана, гиганта видеть во сне в сидячем положении — успех в делах; нападение гиганта — дурное мнение начальства; если видеть гиганта пораженного, то это означает для вас обман в надежде; целоваться с ним для мужчины — беспорядок вследствие преобладания женщины; для женщины гигант, если он спокоен и ласков, — очень благополучно.

Великомученик, являющийся в минуту своих страданий, из которых выходит торжествующим духовно, — благотворный случай в жизни.

Венец — успех в делах; из цветов — благополучие в супружестве.

Вензель означает обман.

Веник — радость.

Венок золотой — смерть; из моху — неприятность; из роз — благополучие; венок цветной означает благополучие; на голове иметь — славу.

Венчание видеть — новое знакомство.

Венчаться — радость.

Вепрь. Если вепрь нападает на вас и хочет задеть клыками — случай не совсем обыкновенный, но требующий предусмотрительности.

Вепря, дикую свинью, видеть означает примирение с врагом.

Верблюда — счастливое путешествие; павшего — препятствия в пути.

Верблюжье мясо есть означает болезнь.

Вербование в солдаты с насилием, причем сами вы попадаете в число завербованных, — формирование нового ведомства, в котором вам приятно находиться.

Вербу в руках держать — радость.

Веревку, повешенную и вытянутую, — получение письма; веревку-обрывок — получение ответа.

Веред означает неприятность.

Вереск. Находиться в месте, покрытом вереском, — попасться впросак самым наивным образом.

Веретено предвещает радость.

Веретье. Быть одетым в веретье — получить надежду на наследство по духовному завещанию, оказавшемуся в пользу другого.

Вериги иметь на теле — знак, что с вами кто-нибудь поступит довольно лицемерным образом.

Вермишель — благополучие.

Верста, мимо которой вы проезжаете, но не видите ее номера, — новое, неясное обстоятельство. Верста же с номером каким-нибудь — замечательное событие в это число в течение месяца, причем, однако, иногда бывает, что номер — сотый, тысячный или вообще свыше нормальных 31 дня, составляющих полный месяц, почему надо так делать: если, например, число 230 или 235, то вы принимаете только две первые цифры — 23. Если же число в две цифры, но свыше месячного количества дней, например 34, то вы принимаете общую сумму, т. е. 7, в этом данном случае.

Верстак. Строгать на верстаке — предпринять дело мудреное и скучное, которое вы преодолеете, однако.

Вертел то же, что сковороду или противень, если на них что-нибудь жарится, — труды; разбитые и сломанные — отъезд.

Вертеп и подземелье предвещают путешествие водой и преимущественно в погоду, требующую сиденья в каюте.

Вертоград в том виде, как он описан в Священном писании, предвещает истинное духовное удовольствие и даже сердечную тихую радость вследствие сделанного вами доброго дела.

Верфь, на которой производится постройка корабля, причем вам кто-нибудь показывает все подробности верфяного устройства,— хлопоты, увенчанные успехом.

Веселый обед — болезнь.

Веселых людей видеть — радость.

Веселые книги читать — счастье.

Веселье предвещает опасность.

Весить что — получение денег.

Весло, которым вы гребете один, без помощи другого, захват вами одного дела в присоединении к вашему.

Веснушки у себя на лице предвещают тому, кто их не имеет, счастье и выгоды, а тому, у кого есть веснушки,— слезы и заботы, почему должно заботиться свести их, обратиться для этого к известнейшим косметикам.

Ветвь в руках иметь — перемену в делах.

Ветер тихий — друзей; сильный ветер — врага.

Ветка с ягодами спелыми предвещает успех в предприятии и всякое счастье.

Ветла. Множество ветел — знак нерадостный, потому что предвещает расстройство здоровья и отчасти финансовых обстоятельств, что иногда важнее здоровья.

Ветошка. Вытирать что-нибудь ветошкой — иметь хлопоты по предмету исправления тех дел, которые позапутались.

Ветряную мельницу — неприятность.

Ветчина в окошках — возвращение богатых родственников.

Вежа — знак устранения от вас друзей в каком-нибудь важном обстоятельстве.

Вечеринка, на которой веселитесь, предзнаменует скорую головную боль, от которой весьма не худо принять меры.

Вешалка — начать заботиться о бережливом сохранении своих денег.

Вещи покупать — препятствие в делах; закладывать — новости.

Взварец пить с наслаждением — очень худой знак, близость расстройства расудка; но потчевать взварец — выгодная спекуляция.

Влезать на дерево — лезть.

Видеться с умершими — новая любовь.

Визг слышать — неприятность.

Вилки капустный варить, сняв с гряды собственноручно,— знак могущего быть семейного раздора.

Вилку видеть — опасность от объедения.

Вилы — изгнание, ссылку.

Винегрет есть — худое пищеварение с отрыжкой; но винегрет потчевать — приобрести нового неприятеля.

Вино наливать белое — радость; красное — побоище; пить мутное — печаль; вообще пить — обвинение.

Виноград есть — радость; виноград незрелый — ошибка; изюм — дурное состояние дел; предлагать женщине или мужчине (то есть другому полу) — сердечное огорчение; виноградные лозы видеть в шпалере — покражу и неудовольствие.

Виноградные лозы — убыток.

Винокурня в полном действии, с сильным производством хлебного вина — важное предприятие, долженствующее увенчаться успехом.

Винные ягоды — неожиданность.

Винт. Завинчивать что-нибудь винтом — очень трудное дело, о котором случится в этот день слышать или читать.

Виолончель. Играть на виолончели в концерте или одному — знак большого радостного и весьма гласного события, которое или с вами случится, или о котором вы услышите.

Виселицу — опасность.

Висельника — богатство.

Виски седые видеть — честь.

Вихор на головных волосах, который вдруг вырос, — поспешное поручение от начальства.

Вишневое дерево садить — богатство.

Вишневую настойку пить — расстройство желудка; потчевать кого-нибудь — нанесение оскорбления.

Вишни — напрасное ожидание.

Влюбиться в кого — неожиданность.

Внучата. Внучат своих видеть — знак утешения, радости и полного удовольствия, хотя бы у вас не было и детей и вы не были бы женаты или замужем.

Воду пить — стыд; настойку — ошибка; видеть виноторговца — дурное знакомство; видеть его продающим водку — смерть.

Водобоязнь. Быть одержимым бешенством или водобоязнию, т. е. страшиться вида всякой жидкости, — знак зародыша горячечной болезни, почему нелишне прибегнуть к медицинскому пособию и показать доктору пульс.

Водовоза — бесполезный труд.

Водоворот, в котором вас завертело, — быть в большом и слишком шумном обществе.

Водой умываться — радость; окачиваться — радость; поливать что — печаль.

Водолаза видеть означает дорогу.

Водопад — новости.

Воду чистую — благополучие; мутную — печаль; студеною — здоровье; пить воду — скука; броситься в воду — быть преследуемым; погружаться в воде — затруднительное положение; омыть руки: для больного — трудное положение; для здорового — отрешение от дел.

Водяную болезнь — смерть мучительную.

Военного видеть — напрасное огорчение; много военных — скуку; быть в мундире — раздор между супругами (для семейного); видеть развод — трату денег и времени; часового видеть — радость; драку военных — ночное нападение; солдатское учение — успех в делах.

Вожжи — успех в делах.

Возвышение, эстраду — оскорбление самолюбия; быть на возвышении — получение высокого назначения.

Воздух чистый и свежий — дружба со всеми, уважение, примирение со своими врагами, открытие вора или находка украденной вещи, победа над врагами, выигрыш тяжбы, счастливая поездка. Воздух беспокойный, колеблющийся (ветер), покрытый туманом, — печаль, болезнь, препятствие за препятствием. Воздух, благоухающий весенними цветами, — мирная, тихая жизнь, кроткие нравы, приятное благородное общество, успех в делах и путешествиях.

Воз, телега. Увязнувший в земле — болезнь; едущий — благополучно оконченное дело; разбитый воз — смерть друга; телега с дровами — незначительная польза.

Возить что — радость.

Возок, в котором вас везут куда-то зимой по хрустящему под полозьями снегу, — анонимное письмо странного содержания.

Войлок — радость.

Войну видеть — ссора.

Войско — потеря.

Вокзал — удовольствие.

Вол — получение убеждения в исполнении вашего дела.

Волдырь — неожиданность.

Волк — ссора; охотиться за волками — открытие заговора или замысла; быть в их стаде — угроза; убить волка — смерть врагу; слышать вой — нужда.

Волком быть — попасть в общество злых друзей или советников.

Волны — путешествие; волна речная или морская, плескающаяся о берег, на котором вы сидите, есть изображение того спокойствия духа, которое посетит вас для успеха ведения ваших дел.

Волчье мясо есть — благополучие.

Волокиту видеть, который не дает покоя женщинам и постоянно их преследует, — слышать непристойные рассказы; превратиться самому в волокиту, особенно когда не имеете к тому ни малейшей склонности, значит приобрести неожиданное на что-нибудь влияние.

Волосатик. Во время купания быть покрытым волосатиками — встретить на пути своих действий множество подъячих старого закала, которые с наслаждением повысосут из вашего кармана.

Волосы свои поседелыми видеть — почет или почтение; остричь волосы — измену, обман, сопряженный с утратой денег и времени; обрить их — пагубные предприятия; видеть вшей на голове — бедность; густыми видеть — радость; намаженными — радостные вести; горящими — прибыль.

Волочиться — неожиданность.

Волхв означает обман, лукавство и хитрость в самом циническом виде.

Волшебника видеть — запутанность в чужом деле к вашему неудовольствию.

Волынка — услышать многословные, но односмысленные уверения должника кредитору.

Вольтижирование — подвергнуться шарлатанской чьей-нибудь проделке.

Вопль слышать — новость.

Вора пойманного — благополучное устранение хлопотливого дела.

Ворван — после нелегкого труда избыток.

Воробья поймать — интригу; выпустить воробья — распространение пустых слухов.

Воровать в публичном месте — банкротство; у знакомого — скорый союз; у себя украсть — проиграться или упадок дел.

Ворожея — хлопоты, которые не увенчаются успехом.

Ворожить предвещает успех в делах.

Ворона кричащего слышать — к покойнику; убить его — спастись от опасного соперника; стаю их видеть — афериста.

Воронка. Цедить в воронку — услышать длинный и монотонный рассказ такого персонажа, которого нельзя оставить.

Ворону видеть — радость.

Воронье мясо есть — неприятность.

Ворота. Спать у церковных ворот — успокоение; отворять ворота — устранять обиду; затворять ворота — спастись от кредиторов.

Воротник — невольным образом принять какую-нибудь отсталую идею.

Ворох — сделаться жертвой престранных и преглупых сплетен, которые вам сильно надоедают.

Ворсянка — затевать новое дело для скрытия старых грешков.

Воск — радость; лить — получение денег.

Восковые свечи — неприятность.

Воскреснуть — новые слухи.

Восход солнца — хорошие вести.

Ватрушки есть — неожиданность.

- Врага своего целовать — примирение.
 Всадника видеть — неприятность.
 Всенощную слушать — ведет к последствиям самым приятным.
 Встретиться с кем — неожиданность.
 Выходить по лестнице — честь.
 Втирание — встреча с наушником, который постарается сообщить вам сплетню.
 Вуаль — неприятность.
 Вулкан — встреча с людьми, любящими спорить и легко ссорящимися.
 Вшей видеть — получение денег; бить — неожиданность; много видеть — болезнь.
 Вывеска — неожиданность.
 Выгон домашнего скота на пастбу означает услышать о себе людские разговоры.
 Выдра — худое предзнаменование относительно домашнего спокойствия.
 Выкройка — воздушные замки, которые вас потешат.
 Выливать что-нибудь — неудача.
 Вымочиться — меланхолия.
 Вымя — у коровы — из пустяков выйдет прескверная история.
 Выпальвание — старание об уничтожении дурной славы, распущенной в народе.
 Выставка — успех в делах.
 Выстрел — новые вести.
 Выть — получение денег.
 Вышивать — ложь.
 Вышитое платье иметь означает радость.
 Вышка — получить сведения обманчивые, не объясняющие дела.
 Выхухоль — подвергаться шарлатанскому обману.
 Вьюга — неудачу.
 Вьюшки — огорчение.
 Вязанку дров нести — знак весьма простой того труда, который на вас скоро навалит.
 Вязать чулки — получение денег; шарф — благополучие.
 Вязигу варить — радость; покупать — неожиданный подарок; продавать — благополучие; есть — неприятность.
 Вяз. Сидеть под тенью вяза преогромного значит нечаянно попасть на литературный юбилей, где некоторые джентльмены, хваля юбиляра, будут кстати превозносить и себя.

Г

- Гавань морскую видеть — очень хорошие вести.
 Гагару — заняться предприятием выгодным, но рискованным.
 Гада видеть — получить предложение с несбыточным планом.
 Гадать — неожиданность.
 Газеты читать означает скуку.
 Гайдуга видеть — попасть в компанию чванных людей, а потому и несносных.
 Гайку — потерю кредита вдруг от одного случая и трудное его восстановление.
 Галера — надежда на прославление.
 Галерея портретов фамильных — услышать о смерти одного из родных.
 Галок — неприятность.

Галстук надевать — проигранное дело; развязывать — освобождение от труда.

Галун означает возможность иметь довольно видное назначение как для мужчин, так и для женщин.

Галушки — значит приобрести новое полезное знакомство.

Гальванизм — войти в колею занятий, не терпящих никакого отлагательства.

Гамма — принять на себя очень скучные обязанности, например вроде домашнего наставника или домашней наставницы.

Гангрена знаменует большую заботу, печаль, скорбь.

Гардероб с платьями — потерю места, утрату денег.

Гардина — неприятность от людей, которым вы оказали услугу.

Гарем — в течение дня с вами самими или с кем-нибудь из ваших близких случится что-нибудь, если не слишком неприятное, то крайне страшное.

Гармония — знак, что на вас будет сделан поклеп, фальшивое показание.

Гарнец, насыпанный овсом, — надежда на изобильное приобретение.

Гарт типографский пересыпать и разбирать — вести беседу с людьми, любящими пересыпать из пустого в порожнее.

Гарус видеть к тому, что наяву встретится престранная нескладница в каких-нибудь ваших общественных отношениях.

Гастрономия — обманутые надежды.

Гауптвахта — получить внимательное слово от начальства.

Гвозди железные означают достижение желаемой цели.

Гвоздику рвать — рождение живого младенца в вашем роде.

Геенна, т. е. ад ветхозаветный, — поразительная и резкая перемена в жизни вашей.

Гекзамен (экзамен) — приобрести, преимущественно в женском обществе, совершенно незаслуженно репутацию педанта.

Геморрой — какой-нибудь очень обыкновенный случай оскорбительного чиновничьего честолюбия.

Географическая карта — знак недостойности в сердечных отношениях к вам ли или от вас к другим, смотря по обстоятельствам.

Георгины срывать и вязать их — иметь неудовольствие по причине чьей-нибудь надменности.

Геральдика — знак, что придется сделать большое путешествие пешком за ненахождением ни одного извозчика.

Герань. Горшок герани нести на голове — иметь верную надежду на беременность жены.

Гиацинт — сделать вдруг весьма большую издержку, совершенно непродуктивно.

Гербарий означает получение занятия методического, способного высушить мозг.

Герб — приобретение сильной головной боли от какого-нибудь чада.

Гибель корабля — встречу с врагом; лодки — болезнь; парохода — скорое замужество.

Гигиена — быть на блестящем, чисто гастрономическом обеде.

Гиена — встреча с человеком, могущим быть очень вредным.

Гимназия, училище — спокойствие в будущем.

Гимнастика значит убедиться в правильности какого-нибудь приговора или мнения, судебного или общественного.

Гимн — устройство какого-нибудь светского общественного удовольствия вскладчину вместе со многими.

Гиря. Поднимать гирю — иметь досаду; носить гирю на спине — получить

заботливые хлопоты; плясать с гирями, привязанными к ногам, — неподходящий брак.

Гитару видеть — исполнение желаний.

Гладить бороду — убыток; белье — потерю.

Гладить лисицу предвещает обман; что-нибудь утюгом — новости.

Глаз потерять — запутанные дела, бесполезные труды.

Глазами быстро смотреть — благополучие.

Глазеть — впутаться в коммерческую историю.

Глазурь — получить нечто приятное для вас.

Глина — смерть.

Глисты — радость.

Глодать что — женитьба.

Глухим себя видеть — болезнь.

Глухих видеть — радость.

Глядеться в зеркало — благополучие; в воду — веселье.

Гневаться — окончить разом дела.

Гнездо разорять — расстройство; найти его — счастье, удачу, но если пустое — ошибку в делах.

Гнилые зубы — ссора.

Гной — неприятность.

Гнуть что-нибудь — получить подарки.

Говеть предвещает благополучие.

Говорить с невидимой особой — слух о смерти; говорить с умершим — болезнь; говорить с деревом — богатство.

Говядину видеть или есть — худое предзнаменование.

Голени обритые видеть — потерю друга.

Голик. Мести голиком пол самому — расстаться с одной из своих прислуг.

Голову баранью есть — прибыль; большую иметь — честь; завитую — радость; маленькую — бедность; маслом мазать — благополучие; остриженную иметь — убыток; отрубленную видеть — смерть родственника; плешивую — неприятность; рубить кому — победу; сахарную видеть — неожиданность; свиную есть — дорогу; с большими ушами иметь — честь; с длинными волосами — убыток; с короткими волосами — благополучие.

Головни предвещают неожиданность.

Голого мужчину видеть — радость.

Голодным быть — бесполезно предпринятое дело.

Голос громкий слышать — прибыль; гусиный — клевету; приятный — новости; петушиный — сплетни; сиповатый — убыток.

Голосом петь — награда; слушать чужой голос — прибыль; сиплый и дурной — убыток.

Голубей дома видеть — семейное удовольствие; есть их — скука; голубя или голубку из рук выпускать — разлуку; голубя с голубкой видеть — свадьбу.

Гомеопатией лечиться — знак, что придется проглотить званый обед.

Гондола — знак, что проведете время самым эстетическим образом.

Гончарничать — затеять порядочное предприятие.

Гора. Взбираться на гору — трудный успех; сбегать с горы — избавиться от опасности; быть на горе — заслужить почтение.

Горб у себя иметь — радость.

Горбатых видеть — неприятность.

Горбуна видеть — получить наследство.

Горбушку хлеба есть — неожиданность.

Горелки. Играть в горелки — справлять в чем-нибудь чужую должность.

- Горенку — получить от портного или портнихи платье из хорошего материала, скверно сшитое.
- Гореть — встретить сильное сомнение в том, что казалось положительным.
- Горилку пить — иметь ссору.
- Горло чесать — печаль; себе перерезать — выиграть тяжбу; видеть обнаженным горло женщины — несостоявшийся брак.
- Горнило предвещает выговор от начальства.
- Горничную нанимать — неудачу.
- Горностаи — получить от кого-нибудь обиду.
- Город — благополучие.
- Горох есть — полный успех; сухой — сожаление.
- Горчицу — печаль, ссору, спор; горчицу, приложенную к телу, — успех неожиданный.
- Горшки бить — благополучие.
- Горькое что-нибудь есть — неприятность; пить — прибыль.
- Гостей видеть и иметь — ненависть.
- Гостиницу для приезжающих — дальний по России, а через то крайне неудобный и неприятный путь.
- Готовальню — видеться с родственниками, о которых почти забыл.
- Грабить — неприятность.
- Грабли — прибыль.
- Гравера видеть — быть предметом пущенной в свете молвы.
- Град видеть — неприятные новости; быть под градом — сиротство.
- Грамматика — провести приятно и забавно целый день.
- Грамоту жалованную получить — хорошее будущее.
- Гранатное дерево предвещает ссору, брань, даже и войну.
- Гранаты есть — получение обещанного; покупать их — несчастье.
- Гранаты (минерал) видеть в обделанном виде или в оправе — преодоление опасности.
- Гранаты (артиллер.) бросать — распустить недоброе слово; видеть гранату разорвавшуюся — минование опасности.
- Гранит ломать — иметь успех в трудном деле.
- Графины бить — клевета; полоскать — свидание с другом.
- Грача видеть летающего — дать обещание; кричащего слышать — предвещает покойника.
- Гребенку видеть — предвещает ссору.
- Гребца — неожиданное известие.
- Гремушка. Греть гремушкой — услышать пустые рассказы.
- Гренадер — приобрести вдруг несколько новых полезных знакомств.
- Греть веслами — радость.
- Греться у печи — дорогу.
- Грецкий орех есть — фальшивую тревогу испытать.
- Гречневик. Есть гречневик — получить совет на поездку к водам.
- Грибы — для дамы предвещает беременность, для мужчины — утомление.
- Грива. Видеть коня с гривой до земли — неприятный отзыв от душеньки.
- Гривна старинная — истинное наслаждение от какого-либо зрелища.
- Гримаса. Делать гримасы — получить флюс.
- Грифель есть — дорогу.
- Грифелем писать — прибыль.
- Гробницу видеть означает свидание с другом.
- Гроб для молодых — свадьбу, для семейных — прибыль.
- Грозу — неудача.
- Громом убит быть — радость.

Гром — гнев начальства.

Грубияна видеть — обрадоваться встрече с старинным приятелем, иногда однокашником.

Груды женские твердые — недостаток; отрезанную одну из грудей — измену; морщинистые — супружескую верность; женщину без грудей — раздор в супружестве.

Груды чего-нибудь — дорогу.

Груз наваливать на воз — хорошая перемена, потому что означает освобождение от какой-нибудь сумасбродной бабы.

Груздь. Есть грузди — проигрыш в карты; собирать грузди — поссориться с кем-нибудь.

Группа. Видеть группы молодых людей — получить возможность узнать ближе чувства одной женщины.

Груши — беспокойство и печаль; а для крестьянина — богатство; горького вкуса — напасть; кислые — беду.

Грыжа — быть уговариваемым к бракосочетанию.

Грызть что-нибудь — изобильное и лакомое угощение.

Грызть ногти — подарок; орехи — богатство.

Гряды копать — нечаянное посещение кладбища.

Грязь — несчастье; но если у себя дома — благополучие.

Губернатор. Видеть себя — мгновенный или часовой почет на свадьбе мелкого подчиненного.

Губка — радость; губкою обтираться — неожиданность.

Губы распухшие — неприятность.

Гудок, на котором вы играете, — неоконченный процесс, принятый на руки.

Гул подземный слышать — измену.

Гуляка. Видеть себя трактирным гулякой — узнать презанимательную новость.

Гулять самому — благополучие.

Гуляющих видеть — получать деньги.

Гурт рогатого скота самому вести — служебное поручение.

Гусар, скачущий на коне, — иметь дело с человеком опрометчивым и отличающимся резкостью речей.

Гусей видеть — благополучие; кормить — прибыль; ловить — женитьбу; покупать — честь; продавать — убыток.

Гусей дразнить означает свидание с другом; считать — новости; терять — потерю; убивать — подарок; щипать — богатство; есть — неудачу.

Гусеница, древесный червь. Раздавить предвещает удачу; поймать — ненавистный брак; дерево, покрытое гусеницами, неудачу вследствие своих ошибок.

Гусиные лапки есть — благополучие.

Гусиный крик слышать — сплетни.

Гусли видеть и на них играть предвещает счастливое окончание сегодняшнего дня, радость и приятную беседу.

Гущу есть — веселое приглашение.

РИСТАЛИЩЕ ИДЕИ

Споры и мнения

О «ВЛЕСОВОЙ КНИГЕ» И СЛАВЯНСКИХ ДРЕВНОСТЯХ

(«Влесова книга» — реальность или мистификация?)

Уже довольно долгое время среди историков и литераторов ведутся споры о «Влесовой книге» — подлинна она или не подлинна. Что это — древнерусская летопись на деревянных дощечках или искусная мистификация, памятник ли это или литературное произведение и какое она имеет значение?

В одном вопросе спорящие стороны, кажется, приходят к единому мнению: «Влесову книгу» надо опубликовать полностью, а не печатать отдельные, разрозненные отрывки, как это делалось до сих пор. И если эти отрывки вызывали неоднозначные и бурные мнения, то публикация целого произведения будет способствовать выяснению истины.

Интерес же к «Влесовой книге» имеет достаточно оснований: во-первых, сама «сенсационная» и запутанная история находки; во-вторых, содержание, охватывающее неизвестную историю славян начала новой эры, в-третьих, многочисленные аналогии, возникающие при рассмотрении отдельных исторических реалий. Что касается истории находки, то об этом писалось, хоть и немного, в советской печати. Напомним вкратце эту историю.

В 1919 году полковник Добровольческой армии Деникина некто Изенбек будто бы нашел в библиотеке разоренной помещичьей усадьбы какие-то деревянные дощечки. Они его заинтересовали необычностью букв и древностью вида. Собрав их в морской (!) мешок, он увез их с собой и не расставался с ними в своей дальнейшей эмигрантской жизни. Судьба его забросила в Бельгию, где он и умер во время оккупации страны фашистами в 1941 году. По профессии он был художником и занимался росписями тканей. В Брюсселе у него было ателье, и вот однажды судьба свела его с другим русским эмигрантом Ю. П. Миролюбовым. Он тоже был офицером, участвовал в белом движении, по образованию был инженером. Миролюбов очень интересовался древней историей и мечтал написать поэму о Святославе Игоревиче. Как-то он поделился этим замыслом с Изенбеком, и тот, указав ему на мешок с дощечками, сказал, что он, может быть, найдет там что-либо для себя интересное, однако не разрешил выносить дощечки из ателье. И вот Миролюбов будто бы 15 лет переписывал и изучал эти дощечки, в которых, по его мнению, была изложена история древних славян до IV века. Затем в годы войны, после смерти Изенбека, дощечки пропали. Но вот в ноябре 1953 года в журнале «Жар-птица», издаваемом на ротاپринте в Сан-Франциско, было напечатано сенсационное сообщение о том, что «в Европе отыскались «древние деревянные дощечки» V века с ценнейшими на них письменами о Древней Руси». Затем в том же журнале с марта 1957 по 1959 год стали печататься «переводы» с этих досок и было опубликовано единственное фото с «дощечки № 16».

Энтузиастами дальнейших публикаций и переводов этих дощечек оказались также энтомолог С. Лесной (С. Я. Парамонов), живший в Австралии, ученый-этимолог А. Кур (генерал Куренков), который сделал перевод нескольких дощечек.

С. Лесной сделал сообщение о «Влесовой книге» на V съезде славистов в Софии и прислал фотографию (или прорись) дощечки № 16 в славянский

комитет. Академик В. В. Виноградов поручил экспертизу снимка палеографу и языковеду Л. П. Жуковской. Ее заключение было отрицательным, то есть признавалась поддельность текстов, но была и такая фраза: «...однако подвешенное письмо говорит о древности».

В судьбе «Влесовой книги» за рубежом приняли активное участие еще несколько человек; среди них издатель и переводчик «Влесовой книги» Н. Ф. Скрипник и переводчик ее Б. А. Ребиндер, написавший работу «Жизнь и религия славян по «Влесовой книге».

Мне удалось познакомиться со всеми вариантами публикаций и переводов «Влесовой книги», так как на заседаниях Общественного музея «Слова о полку Игореве» по инициативе ее председателя, ныне покойного И. И. Кобзева, рассматривались все вопросы, связанные с «Влесовой книгой». Поэтому хотелось бы добавить еще некоторые сведения к уже упоминавшимся в печати, которые могли бы пролить дополнительный свет на обсуждаемую проблему.

Мне, например, как полонисту, показалось весьма спорным заглавие одной из статей Л. П. Жуковской «Влесова книга, почему же не Велесова?». Ведь если древние индоевропейские сочетания звуков «о» и «е» перед «л» и «р» в положении между согласными у восточных славян заменялись на ОЛО, ОРО, ЕРЕ, то у западных славян оставалось ЛЕ, РЕ. В русском языке «молоко», в польском «млеко». Почему для русского «Велесу» или «Волосу» не быть «Влесом»? Тем более нигде не утверждалось, что «Влесова книга» написана именно языком восточных славян. Могли быть и южные и западные влияния.

Возникла заинтересованность также в связи с тем, что во «Влесовой книге» некоторые места созвучны со «Словом о полку Игореве». Основная идея многих дощечек — призыв к единству, к защите Отечества от врагов. Помимо сходства общего пафоса и замысла, при сравнении отмечается переключки имен, речевых оборотов, совпадение лексики, похожесть образов... Ведь автор «Слова о полку Игореве» называет Бояна «Велесовым внуком». А рядом с Влесом фигурируют во «Влесовой книге» и другие боги славянского пантеона: Дажьбог, Перун, Сварог, Хорс, Ярило, Купала, Колядь, Овсень, Стрибог. Здесь же присутствуют таинственная Жля и «кмети», харалужное оружие и многое другое. Так же, как и в «Слове о полку Игореве», осуждается своекорыстие и себялюбство отдельных князей и вождей, с радостью рассказывается о пяти веках мощного единства и мирной жизни в истории Руси, с горечью повествуется об усобицах и звучит призыв к единству.

Все это казалось приверженцам подлинности «Влесовой книги» убедительным. Далее, «Влесова книга» затрагивает такие проблемы в истории Руси, которые до сих пор мало исследованы и при внешнем общем взрыве интереса к отечественной истории, естественно, привлекают пристальное внимание.

По материалам архива АН СССР, Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР и Центрального исторического архива Узбекской ССР можно проследить судьбу Ф. А. Изенбека (Али Изенбека), который, согласно изложенным в печати версиям, нашел дощечки «Влесовой книги» в разрушенном имении г. Великий Бурлук. Родился он в 1890 году, был сыном принявшего православие Атаджана Изенбека (в крещении Артура Егоровича) и внуком кокандского крупного бея Гани Изенбекхана. Артур Егорович Изенбек был капитаном первого ранга русского военно-морского флота. Его сын Федор пошел сначала по стопам отца и закончил штурманское отделение Морского корпуса в чине мичмана. Однако, очевидно, под влиянием кокандского дедушки Федор вновь принял мусульманство и новое имя — Али. С флота он сразу ушел и, имея склонность к рисованию, поступил на работу в Академию наук. В качестве художника-зарисовщика он участвовал в экспедициях по изучению исторических древностей Средней Азии. Работой

академического рисовальщика Али Изенбек занимался до февраля 1917 года. Туркестанская ЧК заинтересовалась Изенбеком в 1921 году. На него было заведено дело, из которого следует, что после февраля 1917 года Али Изенбек со своим кокандским дедушкой Гани Изенбекханом перебрался в Бухару и находился при дворе эмира до сентября 1920 года, то есть до самого дня падения эмирата, после чего исчез... и в 1921 году объявился в банде Джунаидхана, от которой из Туркмении ушел в Иран в 1923 году. Дальше следы его теряются. Вполне возможно, что потом все было так, как указал затем в письме о находке «Влесовой книги» Ю. П. Миролюбов, то есть что Изенбек перебрался в Брюссель, где получил бельгийское подданство и работу рисовальщика-модельера на одной из фабрик, которая специализировалась по производству восточных ковров.

Из всего этого следует только то важнейшее обстоятельство, что в 1919 году Али Изенбек не мог быть в Добровольческой армии Деникина. Следовательно, не мог он быть и полковником артиллерии. В деникинских «Очерках русской смуты» Марковский артдивизион, которым, по Миролюбову, якобы командовал Али Изенбек в чине полковника, действительно упоминается, но имя Изенбека не значится. Если бы он командовал этим артдивизионом, то уж, конечно, Деникин его назвал бы, так как перечисляет в своих мемуарах даже ротмистров. А тут вдруг забыл полковника, тем более с такой редкой для его армии узбекской фамилией!

И еще один момент. В своем письме к С. Лесному Миролюбов пишет, что «дощечки» были сложены в «морской мешок» Изенбека. Однако морской мешок на флоте — это брезентовый саван. Миролюбов же, не зная флота, думал, что морские вещмешки такие же, как в сухопутной армии. На флоте никогда их не было и нет, были рундуки (деревянные сундучки).

Вся история с находкой «дощечек» Изенбека и «адским» пятнадцатилетним трудом по переписыванию их взаперти в ателье Изенбека появилась на свет из писем Юрия Петровича Миролюбова.

Кто же он такой, Юрий Петрович Миролюбов? Офицер белой армии, после революции эмигрировавший на Запад. Родом он был из Косова (ныне район Ивано-Франковской области) — древнейшего культурного центра гуцулов. В Косове родилась и выросла его мать, а также няня матери, а затем и его, Юрия Петровича, — Варвара, которую он называет в своих сочинениях «прабой». Несомненно, от старушки няни, а возможно, и от матери он знал гуцульские предания и фольклор. От них же он, видимо, слышал о древнейшем гуцульском письме на деревянных дощечках, образцы которого мог затем видеть в библиотеке св. Владимира в Киеве, где он учился на медицинском факультете, а также одновременно изучал древнюю русскую историю, занимаясь украинской, кубанской, донской диалектологией. После бегства за границу попал в Калькутту, куда его, видимо, привело желание изучать санскрит, ибо в древнейшей истории славян четко прослеживаются связи славянского языка с этим древним языком браминов Индии.

Миролюбов собирался написать поэму о великом князе Святославе Игоревиче и искал тексты, по которым мог бы научиться писать языком IX века. Поэтому можно предположить, что одно из задуманных им историко-литературных сочинений он облек в форму «дощечек», якобы действительно существовавших, используя при этом вполне достоверные источники. В этой связи интересно высказывание переводчика «Влесовой книги» Б. А. Ребиндера: «При изучении текстов третьей части «Влесовой книги» надо понять, какие страницы были описаны с деревянных дощечек, какие, может быть, были «добавлены или исправлены», какие оставлены Миролюбовым в подражанье языку IX века с описанием жизни древних славян. Однако надо иметь

в виду, что Ю. П. Миролюбов был исключительно честным человеком и не собирался мистифицировать или вводить в заблуждение кого бы то ни было. Ему нельзя ставить в вину то, что было сделано в самых лучших побуждениях, но после его смерти». Правда, тексты первых двух частей «Влесовой книги» были опубликованы еще при жизни Миролюбова генералом Куренковым в журнале «Жар-птица», где Миролюбов был главным редактором. После его кончины Н. Ф. Скрипник собрал все, что было в архиве Миролюбова и опубликовал с разрешения его вдовы. Среди этих текстов было опубликовано и то, что Миролюбов, возможно, обнародовать и не собирался. Среди издателей и переводчиков «Влесовой книги» были Н. Ф. Скрипник и С. Лесной (Парамонов).

Н. Ф. Скрипник по первоначальному образованию — филолог, до воссоединения Западной Украины с Восточной работал в Львовском университете, специализируясь на украинской диалектологии.

С. Лесной до войны работал в Киевском университете энтомологом, но со студенческих лет тоже серьезно занимался историей Древней Руси, древнеславянской диалектологией, особенно ее западной ветвью, то есть теми наречиями западных украинцев, которые наиболее близки к корням древнейшей славянской лексики. Попав после войны в Австралию, они продолжали изучать историю Древней Руси. С. Лесной и остался на этом материале, Скрипник же вынужден был уехать в Голландию. Оба они, конечно, понимали, что «Влесова книга» — подделка, но «ухватились» за нее как за возможность как-то реабилитировать себя в глазах соотечественников, поскольку оба скомпрометировали себя в годы Великой Отечественной войны сотрудничеством с фашистами.

Еще один человек до последних дней своих был причастен к проблеме «Влесовой книги». Это — скончавшийся в декабре 1987 года Б. А. Ребиндер. Борис Александрович переводил и комментировал «Влесову книгу», перепиывался со многими корреспондентами в Советском Союзе. Роль Б. А. Ребиндера в проблеме «Влесовой книги» так же неоднозначна, как и роль его предшественников. Итак, кто же мог написать «Влесову книгу» и что она такое? Вероятнее всего, написал эту «древнюю летопись» и, как уже говорилось, придумал всю историю с находкой дощечек Изенбека, частично используя биографические данные Али Изенбека, Юрий Петрович Миролюбов. Причем сделал он это после того, как Изенбек уже скончался и ничего опровергнуть не мог. Поэтому, создавая вокруг себя всевозможные легенды, при сочинении «Влесовой книги» он использовал материал вполне достоверный и, по его мнению, всецело принадлежащий русской истории.

Что же это за материал? В дощечках развернута широкая картина языческого времени, особый мир представлений о жизни и смерти, о воинской славе. Отдельные фрагменты повествуют о славных деяниях отцов и дедов, и на примере их жизни показывается необходимость единства и любви к Родине. Здесь же речь идет о строительстве городов и защите их от врагов, о походах Германареха и Гулареха, Триедорея и Алдореха, Аскольда и Дира. Мы встречаемся с племенами вендов и антов, ильмерцев и готов, тиверцев и фрагов, гуннов и боров, древлян и полян, скифов и кимеров, наблюдаем их жизнь и обычаи древних славян, их праздники, календарные обряды.

Надо сказать, что автор развертывает поэтическую картину славянского языческого мировоззрения и проводит нас практически через 2000 лет славянского язычества. Общий объем «Влесовой книги» около трех печатных листов. Славянскому язычеству, как известно, были посвящены многие замечательные исследования ученых XIX века; вспомним «Поэтические воззрения

славян на природу» А. Н. Афанасьева, «Сказания русского народа» И. П. Сахарова, книгу Н. М. Гальковского «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси», исторические разыскания Ю. Венелина, С. П. Микуцкого, Ф. Л. Морощкина, А. Д. Черткова, работы советских ученых, в частности книги «Язычество древних славян» и «Язычество Древней Руси» Б. А. Рыбакова, содержание берестяных грамот. Все это не оставляет сомнений в глубокой древности славянской, в том числе русской, культуры. Эта древность сохраняется в корнях русских слов.

«Живой смысл» (выражение И. А. Забелина) русского слова не осколок, а целый поток народной памяти, которую мы учимся считать с листьев великого древа наших предков.

Проблема «Влесовой книги» явилась как бы началом, побуждающим и пробуждающим у многих людей интерес к малоисследуемой в настоящее время проблеме русской истории.

Почему-то совершенно не обращается внимание на то, что корни живого русского языка встречаются в языках очень древних народов. Так, например, корни и «живой смысл» русских слов отмечен выдающимся чешским ученым Б. Грозным в мертвом ныне хеттском языке II тысячелетия до н. э. Достаточно привести такие важные лексические понятия и слова, как «вода», «небеса», «мера», которые полностью совпадают в русском и хеттском.

Ученые XIX века не раз обращали внимание на сходство русского языка с санскритом (см.: Хомяков А. С. Сравнение русских слов с санскритом. СПб., 1855; Аделунг Ф. О сходстве санскритского языка с русским. СПб., 1811), а санскрита как языка «Вед» с языком «Зенд-Авесты», который Гегель называл зендским или бактрийским. Историк Е. И. Классен еще в 1814 г. предлагал «для доказательства приложить алфавит бактрийский, или «Зенд-Авесты», к чтению славянских рун, ибо венды принесли на Балтийское побережье грамотность свою за 2000 лет до н. э., и потому он может быть ближе к письменам руническим, нежели наша кирилловская и глаголическая азбуки (см.: Классен Е. И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славянорусов дорюриковского времени. М., 1861).

У многих ученых XVIII — XIX вв. мы находим комментарии к свидетельствам древних греческих, римских, арабских источников и сведения о чертах и резах, о рунах, о сходстве языка этрусков, латинян и греков с славянским (см., напр., работу С. Микуцкого «Сравнение корней слов латинских и славянских». СПб., 1852). Автор говорит о том, что донныне для определения времени, когда произошло расслоение индоевропейских народов, только историко-сравнительная филология доказывает несомненно, что жители Ирана, Индустана, греки, римляне, кельты, немцы, литовцы и славяне составляют одну семью народов и что языки их — отрасли одного корня. Он приводит данные француза П.-Ш. Левеска (род. в 1736 г.), который доказывал, что латины обязаны славянам корнями своих слов и что «предки латинов и славян слишком рано, то есть до происхождения от них троян и венетов, разделились».

Б. А. Рыбаков подтверждает общность культур народов Триполья, Индии, Ирана, Греции. Историк считает, что обособление славян от общего индоевропейского массива произошло во II тысячелетии до н. э. В связи с вышесказанным можно было бы предположить, что именно славяне в основном и составляли этот протоиндоевропейский массив, из которого происходили очередные «выплески», нарушающие единство славянского мира, но способствующие распространению славянского влияния в очень отдаленных от центра этого массива местах. Если считать центральной частью область Триполья, то такие «выплески» происходили, например, в Грецию, Индию, Иран,

чему мы находим свидетельства и подтверждения при сравнении языка, мифологии, памятников искусства.

Далее Классен пишет так: «Жрецы и мудрые между славян писали народные законы на деревянных дощечках (о чем, кстати, упоминается и у многих других авторов.—Г. Б.), и употреблялись у них руны для предсказаний, а в скандинавских сагах называют венетов образованными людьми... Что древние руссы действительно писали на деревянных дощечках, то подтверждает Ибн-Эль-Недим, приложивший к своему сочинению снимок с письма руссов, найденного им у одного кавказского жителя врезанным на белом дереве... и что все древние племена славян имели свои рунические письмена, только наши доморожденные скептики уверяют, что все руны должны быть скандинавскими».

Предполагаемый автор «Влесовой книги» Миролюбов в одном из своих писем заметил: «Изенбек думал, что дощечки березового дерева, я этого не знаю, т. к. не специалист по дереву». Однако, видимо, сама идея письма на деревянных дощечках его увлекала, тем более что он знал технологию письма гуцулов, которые писали на смерековых дощечках (вид хвойного дерева) новогодние приветствия. Дощечки эти кололись и обстругивались, на них острым ножом вырезались буквы. Возможно, приблизительно таким же образом Миролюбов и изготовил «дощечку № 16», которая и была исследована советскими специалистами и квалифицирована как подделка.

Возможно также, что намерением Миролюбова было приковать внимание людей как на Западе, так и в Советской России к той части славянской истории, которую в XX столетии предпочитают не обсуждать, а корни славян обрывают в лучшем случае в VI веке, когда они «вдруг» появились на огромных пространствах Европейского материка.

Использованная Миролюбовым во «Влесовой книге» азбука по начертанию напоминает кириллицу, но сокращает количество букв до 28. Однако при начертании букв «у», «о», «з», «ц» и некоторых других на «дощечке № 16» Миролюбов допустил такие закругления, которых гуцул не чертящий, а режущий текст на доске не сделал бы при всем своем старании. Видимо, Миролюбов несколько изменил технологию письма гуцулов (или не мог применить ее полностью) и не по доске, а уже по нанесенной на нее восковой краске прочертил буквы так, как это делали гуцулы.

Предполагаю, что Миролюбов включил в дощечки многие сведения, почерпнутые им в древнейших памятниках «Ведах», летописях браминов, «Зенд-Авесте». Он был уверен, что ранний санскрит не близок так никакому другому индоевропейскому языку, как к древнейшему языку руссов. Поэтому он специально поехал в Индию, в Пенджаб, изучать язык и тексты самых древних летописей браминов.

Древнейшим литературным памятником браминов является «Ригведа», из которой Миролюбовым заимствованы своеобразные воззвания к богам и песнопения во славу их (см. дощечки 2А, Б, 3Б, 4А и т. д.).

Очень многие дощечки повествуют о передвижениях племен, какими они были в древности, по представлениям некоторых ученых. Так, вероятно, Миролюбову была известна теория русского академика Карла Максимовича Бэра, занимавшегося вопросами прародины руссов, который считал ею район к северо-востоку от Гиндукуша, в частности Семиречье. В дощечке 15А читаем: «Воины на белых конях вышли из Зеленого края, где семь рек, гора Ирийская и Загорье... ушли в Двуречье... шли высокими горами снежными и ледяными и повернули к степям... пошли к горам Карпатским...» В дощечке 2А упомянуто Пятиречье как Пенджаб.

Из «Самаведы» во «Влесову книгу» перекочевал настоящий на травах жертвенный напиток «сома» (В «Зенд-Авесте» — хаома), названный «суря»

или «сурица». И пользовались им при совершении аналогичных религиозных ритуалов.

Многое заимствовано во «Влесовой книге» и из «Зенд-Авесты» — священной книги зороастризма, культ которого выражается в богослужении, очищении, обрядах жертвоприношений, причем жертвы только растительные: хлебные злаки, зерна трав, цветов, плоды и ветки хаомы (инд. сомы), благовония. Животные жертвы невозможны у зороастрийцев, ибо это считается осквернением стихии. Абсолютно то же самое мы находим во «Влесовой книге»: «Боги руссов не принимают жертв людских, ни животных, а только плоды, овощи, цветы, зерно и «питную сурю», настоянную на травах» (см. дощечку 4Б).

На первом плане в зороастризме служение огню как представителю света на земле, как стихии чистой и всеочищающей (см. дощечки 3А, 11Б и др.). Та же огненная стихия во «Влесовой книге», где неоднократно упоминается бог «Огник», «Перун огнекудрый», «Огнищан» и т. п.

Одна из особенностей религии зороастризма — учение о чистоте и нечистоте, об осквернении и искуплении, причем чистота подразумевается как нравственная, так и физическая. В этом духе сочинена дощечка «П 3А «Про Симаргла и как надо работать и мыться».

Язык «Зенд-Авесты» Гегель назвал зендским или бактрийским. Под этим названием он и известен в науке. Словарь Брокгауза и Ефрона относит зендский язык к ближайшим родичам санскрита, от которого он разнится лишь отдельными фонетическими особенностями, а некоторые ученые доказывают, что мифы «Зенд-Авесты» и «Вед» происходят из одного источника и что «Веды» — наилучший комментарий к «Зенд-Авесте».

Возможно, Миролюбов воспользовался также относительно мало известной книгой, которая называется «Веда словеная» или «Веда славян. Обрядовые песни языческого времени» (СПб., 1881). Собрал их в Родопских горах С. И. Веркович. В предисловии автор обращает внимание на обилие в этих песнях старославянских и греческих слов, а также слов какого-то другого языка, который ему не известен, но, по его мнению, близок индоевропейским. «Веду славян» населяют те же самые боги, что и «Влесову книгу»: Коляда, Ярило, Дажьдбог, Перун и др.

Язык «Веды славян» близок к языку гуцулов, и, по всей вероятности, Миролюбов, который, как уже упоминалось, воспитывался в среде гуцулов, создавая свои «дощечки», не преминул этим воспользоваться, смешав язык гуцулов с языком «Вед» санскритом. Возможно, во «Влесову книгу» вошли и истинные народные песни, и сказания гуцулов.

Если бы Миролюбов назвал источники, «Влесова книга» была бы воспринята как очередной научный трактат. В виде же «древнейшей языческой летописи» она вызвала живейший интерес, на что он, вероятно, и рассчитывал. Здесь невольно напрашивается параллель с публикацией Макферсоном «Песен Оссиана» и Ганкой «Краледворской рукописи».

«Песни Оссиана» — легендарного героя кельтского эпоса появились в 1760 году после путешествия Макферсона в горную Шотландию. С именем Оссиана связан цикл сказаний, представляющих записи устных песен бардов IX — XVI веков. Макферсон же издал книгу в своей редакции. Она оказала большое влияние на предромантическую литературу и вызвала бурный поток споров о подлинности этих песен.

«Краледворская рукопись», будто бы найденная Ганкой и опубликованная им в 1852 году в виде собрания старинных песен, имела и горячих защитников, и не менее горячих противников. Ганка — поэт, один из деятелей чешского национального возрождения. Некоторые из написанных им песен стали народ-

ными. Он издал в чешском переводе «Собрание сербских песен» и «Слово о полку Игореве». Защитники подлинности «Краледворской рукописи» говорили, что Ганке недоставало таланта, чтобы сочинить столь прекрасные песни. Противники утверждали, что побудить к фальсификации Ганку могла, конечно, исключительная любовь к Родине, желание показать, что Чехия была культурной страной уже в отдаленные эпохи своего существования. И эта цель была достигнута, ибо обнародование «Краледворской рукописи» вызвало небывалый подъем в обществе и интерес к древним памятникам на славянских языках.

Так и публикация Миролубова привлекла внимание ко многим еще не проясненным проблемам древнерусской истории, таким, как происхождение древнерусской письменности, древность славянских языков и наречий, отражение в них древних верований и древнеславянской мифологии, перемещения и движения славянских племен, происхождение их названий, которые, как утверждают многие источники, обнаруживают связь русских слов с санскритом, санскрита с древнеперсидским или зендским языком, а также языком этрусков и пеласгов — обитателей Триполья во II тысячелетии до н. э.

Не могло же и такое совершенное произведение древнерусской литературы, как «Слово о полку Игореве», возникнуть на пустом месте, без длительной письменной традиции.

Археологические открытия и исследования последних лет, опубликованные в советской печати, дают все больше оснований для осмысления и возможного пересмотра некоторых устоявшихся представлений. И дело не в погоне дилетантов за сенсациями, а в необходимости серьезного и неоднозначного разговора о вариантах дешифровки, например, трипольских надписей, об истории пеласго-этрuscoго алфавита, о том, каким образом на территории современной Украины существовала письменность во времена Троянской войны в XII веке до н. э. и что такое «Ситовская надпись» в Родопских горах, повторенная на полу Софийского собора в Константинополе, которую болгарский ученый, знаток древних языков, академик Иван Гошев расшифровал словами: «Я, князь рунхинов...»

КОЛОКОЛА ВЕКОВ

Исторические судьбы церкви
в русском обществе

Александр Нечволодов

Государи и духовенство

(Из четырехтомного труда Александра Нечволодова «Сказания о Русской Земле»)

Книга известного историка А. Нечволодова пользовалась огромной популярностью в России в начале XX века. 4 тома его «Сказаний» охватывают историю и культуру России с древнейших времен до воцарения на престоле Михаила Романова. Они были рекомендованы для чтения практически во всех средних учебных заведениях, народных читальнях. Написанные с высочайшей любовью к России, они и сегодня читаются на одном дыхании, в чем вполне может убедиться и нынешний читатель, не лишенный патриотического чувства.

Текст печатается по изданию 1913 г.

27 октября 1505 года великий князь Иван Васильевич Третий окончил свой многотрудный жизненный подвиг на 67 году жизни и на сорок четвертом — великого княжения, пережив Софию Фоминичну на два года.

Чувствуя приближение конца, Иоанн собрал детей и бояр и приказал громко читать духовную; в то же время он велел освободить много заключенных в темницах, а должников между ними выкупить за свой счет. После причащения и соборования митрополит Симон хотел постричь его, но он отказался, очевидно желая умереть Государем, а не монахом.

Всегда следуя в течение своей жизни преданиям старины, он и в завещании своем, по обычаю предков, наделил волостями всех пятерых сыновей. Но тогда как старшему — великому князю Василию — было дано 66 городов, и в том числе самые значительные, остальным четверем — Юрию, Димитрию, Семену и Андрею — были оставлены лишь небольшие уделы, с весьма ограниченными правами и полным подчинением старшему брату, великое княжение которого они должны были держать честно и грозно, а после него и того из сыновей Василия, кто будет его преемником. Свято соблюдая заветы предков по собиранию Русской Земли и всегда проявляя во всех своих действиях удивительную обдуманность и *замечательное чувство меры*, Иоанн в течение своей долгой жизни сделал ряд огромных земельных приобретений и оставил своему наследнику уже весьма могущественное Государство, превосходящее по своим размерам по крайней мере в три раза то, которое он получил от отца своего Василия Темного.

Как мы видели, деятельным помощником Иоанна во всех его делах был сам Русский народ, стремившийся объединиться в крепкое государство вокруг стольного города Москвы, которая представляла столько дорогого и заветного для каждого Русского сердца и ума. Это горячее чувство любви к Родине отразилось, конечно, на всех многочисленных походах, которые предпринимал Иоанн во имя собирания Русской Земли; мы постоянно видели в его ратях необыкновенное воодушевление и замечательное стремление к смелым наступательным действиям, причем слово «Москва» было боевым кличем, объединявшим всех.

Вместе с тем мы видели также, что войска Иоанна и их державный вождь были всегда воодушевлены самыми возвышенными понятиями о чувстве долга и благородстве; так, Московские воины побросали в воду захваченные доспехи Новгородцев, не желая пользоваться добром изменников Русскому делу и Православию; Московские воеводы гнушались общения с Немецким изменником Гаммерштетом, несмотря на оказанную им нам большую услугу в битве с Немцами; сам великий князь велел заточить князя Холмского, предавшего ему своего господина — Тверского князя, не желая иметь в числе своих слуг предателя; наконец, наши военачальники князь Ухтомский и Ярославский после победы над Татарами, в 1469 году, дважды получив от Иоанна высшие в то время знаки отличия — по золотой деньге для ношения на груди, отдали их священнику, чтобы он молился о Государе и о всем его воинстве. Мужество, бескорыстие и горячая любовь к Родине были отличительными свойствами сподвижников Иоанна III.

Постоянная потребность в многочисленной воинской силе, доходившей иногда до 180 000 человек, и необходимость содержания бдительных сторожевых отрядов в степи заставляли, разумеется, Иоанна уделять военному делу немало своих забот.

Помимо служилых людей или старшей дружины, бояр, детей боярских и дворян, в походы посылались сурожане, суконники, купчие люди и прочие Москвичи, «которые пригоже по их силе», а также брались люди посошные, по одному с нескольких сох, казаки и полки Татарские — служилых Татарских царевичей, поселенных в разных Московских волостях.

Кроме жалованья деньгами и отдачи городов на кормление или же некоторых статей великокняжеских доходов (путей) в пользование — в награду за военную службу, самым могущественным средством для вознаграждения военно-служилого сословия и для его увеличения являлась по-прежнему широкая раздача поместий.

Вообще, с половины пятнадцатого века все личные землевладельцы были обязаны нести военную службу в Московском Государстве и в нем было как бы правилом, что кто владеет землею, тот должен и проливать кровь для ее защиты.

Высшим военным сословием было, разумеется, как и прежде, боярство, причем все бояре, занимая различные государственные должности, оставались по-старинному прежде всего соратниками своего Государя.

Однако при Иоанне Третьем в среде самого боярства начала происходить важная перемена, вследствие поступления на Государеву службу многих князей Рюриковичей и Гедиминовичей, которые становились выше старого Московского боярства; наплыв в среду этого боярства — многочисленных служилых князей, из бывших удельных, как увидим ниже, повлек за собой весьма крупные последствия.

Несмотря на многочисленные войны, благодаря счастливому их окончанию и отсутствию внутренних усобиц, сорокатрехлетнее время правления Иоанна было одним из счастливейших и самых спокойных для Московского Государства; торговля развилась весьма сильно и вообще очень поднялось благосостояние жителей.

По свидетельству Итальянца Иосифа Барбаро, в Москве было такое изобилие в хлебе и мясе, что говядину продавали не на вес, а по глазомеру; зимой же в нее привозилось великое множество быков, свиней и других животных, совсем уже ободранных и замороженных, продававшихся по крайне дешевой цене. При этом право варить мед и пиво и употреблять хмель перешло при Иоанне Третьем, как рассказывает Барбаро, с целью уменьшения пьянства, в исключительную собственность казны.

Заботясь о сохранении народного здоровья и нравственности, Иоанн строго следил также, чтобы к нам не заносились заразные болезни, и все приезжающие из-за границы подвергались тщательному надзору. Это, как увидим, было важной заботой и последующих Московских Государей.

От времен Иоанна Третьего до нас дошла древнейшая переписная, или «писцовая», окладная книга; в книгах этих подробно описывались пригороды, волости, погосты и села с указанием количества земли, принадлежащей каждому владельцу, с целью ее обложения податью в пользу великого князя. Земля для этого обложения делилась на сохи, причем величина сохи менялась от качества земли: так, соха доброй земли определялась величиной ее, потребной для посева 800 четвертей, средней — 1000 четвертей, а худой — 1200 четвертей. После покорения Новгорода Иван установил там размер подати по полугривне с сохи, что, вероятно, соответствовало размеру земельной подати и в других частях Государства. Посадские и слободские люди платили подати в зависимости от величины и степени зажиточности их дворов. Наконец, были обложены податью, или тамгою, и всякого рода товары.

Крестьяне при Иоанне Третьем оставались по-прежнему свободными, но было точно и окончательно установлено, что переходы от одного владельца

к другому могли происходить только один раз в году, именно за неделю до Юрьева дня и неделю спустя его.

Определение это вошло в так называемый «Судебник» Иоанна Третьего или судный устав, составленный в 1497 году дьяком Гусевым. В начале «Судебника», между прочим, говорится: «Посулов (взятки) боярам и окольныхчим и дьякам от суда не брать и судом не мстить и не дружить никому». «Судебник» Иоанна Третьего значительно отличается от «Русской Правды» Ярослава Мудрого: месть и самоуправство не допускаются, но наказания гораздо суровее, чем по «Русской Правде». Смертная казнь и торговая (битье кнутом) полагались по «Судебнику» за многие преступления: за второе воровство, разбой, убийство, душегубство и разные другие лихие дела, причем по-старому оставлено как судебное доказательство «поле», или «судебный поединок», а также введены пытки. Введение в «Судебник» смертной казни и разного рода пыток явилось всецело заимствованием из Западной Европы. Сравнивая «Судебник» Иоанна с судебником Казимира Польского 1468 года, мы встречаем в последнем виселицу и пытки, причем виселица полагалась уже за первое воровство свыше полтины, а по Магдебургскому праву, данному Литовским великим князем западнорусским городам Полоцку, Минску и Смоленску, употреблялись постоянно как наказание отсечение головы, посадение на кол и потопление.

Важным преимуществом Русского законодательства пред Западно-европейским было то обстоятельство, что у нас перед уголовным законом были *все безусловно совершенно равны*. Так, в 1491 году по приговору суда всенародно секли кнутом князя Ухтомского, дворянина Хомутова и бывшего архимандрита Чудовского монастыря за составление подложной грамоты, сочиненной ими, чтобы получить в собственность чужую землю.

Сурово наказывал Иоанн Васильевич и приезжих иностранных мастеров, если они этого заслуживали. Мы говорили, что сын великого князя Иван Молодой умер в 1390 году, разболевшись ломотой в ногах. Его взялся лечить приехавший из Венеции Жидовин мистро-Леон, объявивший великому князю: «Я вылечу сына твоего, а не вылечу — вели меня казнить смертной казнью». Иоанн согласился на это условие и позволил лечить сына; Жидовин стал давать ему вовнутрь зелье и жег ноги стеклянными сосудами, причем лечил так усердно, что Иван Молодой сперва слег, а затем и умер. Похоронив его, великий князь, во исполнение условия, приказал отрубить голову мистро-Леону, как минуло сорок дней по смерти сына. Другой врач, немец Антон, которого Иоанн держал в большой чести, лечил служилого Татарского князя Караучу и уморил его смертным зельем «на посмея», как говорит летописец; за это Иоанн выдал лекаря Антона сыну Карауча, и он был зарезан Татарами на Москве-реке. Меры эти, конечно, поражают нас своею крайнею суровостью; но не надо забывать, что в XV и XVI веках среди иноземных лекарей было множество самых отъявленных шарлатанов.

Заботясь о привлечении в свое Государство сведущих мастеров-иноземцев, великий князь отлично понимал при этом, что если восточные пришельцы-Монголы завоевали Русскую Землю силою, то пришельцы с Запада будут стараться завладеть ею хитростью, и потому зорко следил за всеми ними. Первым попался услужливый монетчик Иван Фрязин, через которого велись переговоры о сватовстве Софии Фоминичны. Он взялся доставить Венецианского посла Тревизана к хану Золотой Орды Ахмату чрез Московские владения и выдал его за своего родственника-купца. Когда обман открылся, то великий князь приказал посадить Тревизана в тюрьму, откуда он был выпущен только после усиленных просьб управителя Венеции, а Иван Фрязин был взят под стражу перед самым въездом Софии Фоминичны в Москву, затем закован в железо и заточен.

Когда завязались наши сношения с Германией, то в 1492 году король Максимилиан прислал в Москву Немца Снупса с письмом к великому князю, в котором он просил оказать означенному Снупсу содействие в изучении Русской Земли и в путешествии за Каменный пояс к реке Оби. Иоанн принял Снупса ласково, но решительно отказал ему в просимой помощи под предлогом трудности пути; в действительности он, конечно, опасался этого Немецкого лазутчика и не желал, чтобы он видел наши недавно приобретенные северо-восточные земли, где открылся новый источник богатства для России, так как, несомненно, был хорошо осведомлен о том, что в Западной Европе во вторую половину пятнадцатого века развилась необыкновенная жажда открытий новых земель с целью обогащения. Теперь вместо крестовых походов там стали предприниматься походы промышленные — в надежде найти золото, драгоценные камни и другие богатства. Особенно привлекали жажду наживы всех западных Европейцев рассказы о баснословных богатствах Индии. В поисках морского пути в Индию была открыта в 1498 году Америка смелым Итальянским мореплавателем Христофором Колумбом, а Португальский мореплаватель Васко да Гама, в том же 1498 году, обогнув с юга Африку, дошел до Индии.

Но еще за тридцать лет до Васко да Гама, около 1470 года, наш Тверской купец Афанасий Никитин, без всякой посторонней помощи, также открыл путь в Индию, и притом при гораздо более трудных обстоятельствах, чем Васко да Гама. Афанасий Никитин, имея в России долги, решил пробраться с дорогим жеребцом в Индию, надеясь выгодно его продать там и вернуться затем на Родину с богатыми и редкими товарами.

До нас дошло чрезвычайно любопытно составленное им описание его «Хожения за три моря». От Твери до Астрахани он плыл Волгой и чрез Дербент и Баку пробрался в Персию. Будучи по дороге ограблен Татарами и подвергаясь все время огромным опасностям, он прибыл наконец в Индию, где посетил множество городов и славный Эллорский храм. «Вер в Индии всех 84 веры,— рассказывает он,— и все веруют в Будду, а вера с верою не пьет, не ест, не женится». Что нам особенно дорого в повествовании Афанасия Никитина — это горячая вера в Бога, которая не оставляла этого замечательного Русского человека в самые тяжелые времена, и необыкновенно трогательная привязанность его к Православию и к своей Родине. Описывая свои злоключения, он говорит: «Мне, рабу Божию Афанасию, струснулось по вере: уже прошло четыре великих поста, четыре Светлых Воскресенья, а я грешный не знаю, когда Светлое Воскресенье, когда пост, когда Рождество Христово и другие праздники, не знаю ни среды, ни пятницы; книг у меня нет; когда меня пограбили, то книги у меня взяли; я с горя пошел в Индию, потому что на Русь мне не с чем было идти, не осталось товару ничего... Господи Боже мой! на Тя уповаю, спаси мя! Пути не знаю, как выйти из Индостана; везде война! А жить в Индостане все истратишь, потому что у них все дорого: я один человек, а по два с половиною алтына в день издерживаю, вина и сыты не пью». Наконец Никитин благополучно вернулся домой через Персию, Черное море и Кафу.

Огромное значение, как и в прежние времена, имело при Иоанне III наше духовенство.

В начале его великого княжения митрополитом Московским был Феодосий, старец ревностный и добродетельный, который чрезвычайно способствовал своим усердием охранению в неприкосновенности величайшей христианской святыни — храма Гроба Господня. В Иерусалиме, в это время как раз, было большое землетрясение, от которого пал купол в означенном храме. Когда об этом узнал Египетский султан, коему была подвластна Святая Земля,

то он решил уничтожить храм до самого основания и поставить над Гробом Господним мечеть. Иерусалимский патриарх Иоаким умолил его, однако, не делать этого, и султан согласился на его просьбу, при условии, если ему внесут огромные по тогдашнему времени деньги, а именно пять с половиною тысяч Итальянских золотых. Для сбора этих денег патриарх намерен был сам ехать в Россию, но по дороге заболел и скончался в Кафе, а вместо него прибыл его племянник Иосиф, которому Феодосий своим усердным старанием и помог собрать на Руси нужные деньги и тем спасти Гроб Господен от мусульманского поругания.

Будучи крайне недоволен многими священниками, ведшими неправедную жизнь, Феодосий очень вооружался против этого, еженедельно собирал многих из них для поучения, постригал вдовых в монахи, расстригал нераскаившихся и, в конце концов, навлек на себя сильное неудовольствие папсты, так как многие церкви остались без священников. Тогда ожидали конца мира, и великое множество частных людей имело свои домовые церкви. Крайне удрученный этим неудовольствием, Феодосий отказался от митрополии, заключился в Чудовом монастыре и, взяв себе в келью одного прокаженного старца, ходил за ним до конца жизни, сам омывая его смрадные струпы.

Ближайшим преемником Феодосия были Филипп, а затем Геронтий; Филипп, как мы помним, не допустил, чтобы несли Латинский крыж пред кардиналом, приехавшим с царевной Софией, а Геронтий был одним из увещавших Иоанна вступить в битву с Ахматом на реке Угре.

Из епископов, святительствовавших при Иоанне Третьем, кроме известного уже нам Вассиана, знаменитого своим горячим словом во время того же нашествия Ахмата, стяжал себе неувядаемую память Чудовский архимандрит, а впоследствии Новгородский архиепископ Геннадий, как горячий ревнитель Православия, немало пострадавший за него своей непоколебимой стойкостью, но успевший к концу своей деятельности оградить Русскую церковь от крайне пагубного и тлетворного вторжения в ее недра жидовства¹.

Во время управления Русской митрополией — преемником Феодосия — Филиппом I, занимавшим митрополичий стол с 1464 по 1474 год, — какой-то иудей Феодор, прибыв в Московское Государство, по всем вероятностям из Литвы, крестился и так повел свои дела, что митрополит поручил ему, как знающему Иудейский язык, перевести на Славянский Псалтырь, что тот и сделал. Псалтырь эта сохранилась в собрании рукописей Кирилло-Белозерского монастыря и по новейшим исследованиям наших ученых оказывается Иудейской молитвенной книгою «Махазор», причем, по словам одного из исследователей, М. Н. Сперанского, «ни в одном из псалмов этого перевода нет пророчеств о Христе», которых так много в истинной Псалтыри, так как

Феодор жид, «фанатически преданный иудейству»... перевел вовсе не Псалтырь Давида, а молитвы иудейские, употребляемые при богослужении, в которых ярко просвечивает иудейская оппозиция (неприязнь) учению о троичности лиц Божества.

Темная личность Феодора-жида была только предшественником гораздо более опасных разрушителей нашей Веры.

В 1470 году, как мы говорили, Новгородцы пригласили себе Литовского князя Михаила Олельковича. С ним вместе из Киева прибыл и ученый жид

¹ Мы именуем Иудеев жидами, а не евреями, как их часто называют многие Русские писатели новейшего времени, и делаем это потому, что Евер, предок Авраама, считается родоначальником многих Семитических племен, в том числе и Арабов; Иудеи же происходят от потомков Иуды, почему на всех Европейских языках для них и имеются названия, происходящие от слова Иуда: *юде* /по-немецки/, *джу* /по-английски/, *жюйф* /по-французски/, *жид* /по-польски/ и так далее; наши летописцы, а также историки Карамзин и Соловьев тоже неизменно называют Иудеев жидами.

Схария, который был хорошо научен... «чародейству же и чернокнижию, звездознанию и астрологии», как его впоследствии описывает один из обличителей. Этот Схария и взялся за прочное насаждение жидовства в лоне нашей церкви. Первым его учеником был священник Дионисий, которого он, без сомнения, привлек тайнами иудейского чернокнижия, или *кабалы*, являющимися смесью Вавилонских и Египетских тайных учений, переделанных иудейскими учеными раввинами на свой лад. В кабалу, между прочим, входит *астрология*, то есть искусство узнавать судьбу каждого человека посредством наблюдения за звездами и различных таинственных вычислений над ними, а также *магия*, или искусство производить чары с помощью заклинаний и других волхваний. Заманчивые и таинственные сведения, которые сулит изучение кабалы, служат на протяжении множества веков, вплоть до настоящего времени, сильнейшей приманкой для людей легковверных и не особенно твердых в Христианстве, причем по мере углубления в занятия эти у них мало-помалу в корне разрушается вера во Христа, так как наставники-кабалисты, пользуясь своим влиянием на учеников, постепенно убеждают их, что полное посвящение в тайные науки возможно лишь при условии отречения от Христа.

XIV и XV столетия ознаменовались особенным увлечением Западно-европейского общества занятиями кабалистическими науками, преимущественно же астрологией. Уже упомянутые нами в предыдущей главе «Отреченные книги», во множестве появившиеся на Руси в XIV и XV веках, в переводах с Западно-европейских языков: «Аристотелевы врата, или Тайные Тайных», «Рафли», «Шестокрыл», «Трепетники» и «Лопаточники», хотя и приписывались Египетским и Арабским мудрецам, но, как выяснено целым рядом исследований, имеют самую близкую связь с Иудейской кабалой, и, по-видимому, значительная часть их составлена жидовскими раввинами, из коих в средние века особой известностью пользовался некий Моисей Маймонид; странствовавшие под видом врачей и знахарей раввины во множестве распространяли его сочинения на разных языках и рассказывали чудеса про его врачебное искусство и необыкновенные познания в тайных науках. Одним из таких странствующих раввинов-кабалистов, которых в это время имелось много в Западной Европе, и был, очевидно, Схария. Дионисий не замедлил совершенно поддаться опытному жиду-совратителю и привел к нему вскоре другого священника Алексия, тоже ставшего усердным учеником Схарии; последний, видя успех своего растления Православных священников, выписал еще двух жидов-учителей из Литвы: Шмойлу Скарявого и Моисея Хапуша.

Оба новообращенных священника так усердствовали в новом учении, что хотели даже обрезать, но жида их до этого не допустили, говоря, что, в случае падения на них подозрений, обрезание будет служить уликою и что жидовства они должны держаться тайно, явно же оставаться христианами и строго исполнять наружное благочестие. Это наружное благочестие первых еретиков обратило на них общее внимание и содействовало быстрому распространению их учения, причем новообращенные жидовствующие всеми силами старались получить священнические места, чтобы успешно действовать на свою паству.

При этом, если они «видели человека твердого в Православии», говорит известный наш историк С. Соловьев, «перед таким и сами являлись Православными; перед человеком, обличающим ересь, они и сами являлись строгими ее обличителями, проклинали еретиков; но где видели человека слабого в вере, тут были готовы на ловлю». Еретики отличались ученостью и имели книги, каких не было у Православного духовенства, которое потому и не могло успешно бороться с ними. Конечно, они не сразу открывались своим ученикам в жидовстве, а предварительно старались возбудить их сомнение в неко-

торых местах Нового и Старого Заветов, криво толкуя их, и в то же время заманивали их воображение недомолвленными рассказами о прелестях кабалистики и только после того, шаг за шагом, переходили к полному отрицанию и хуле христианства, не признавая ни Божества Спасителя, ни Божественного Его Воскресения; при этом жидовствующие, строго блюдя наружное благочестие на людях, когда оставались одни между собой, самым возмутительным образом надругались над Православной Святыней — иконами и крестами, позволяя себе над ними неслыханные кощунства. Увидя, что дело разрушения Православной Веры, благодаря усердию новообращенных, несомненно обольщенных прелестью открытий, которые им сулила кабала, стало на вполне прочные основания, жид Схария счел благоразумным скрыться со своими жидами помощниками из Русской Земли.

Русские же жидовствующие безвозбранно продолжали свое развращающее и преступное дело. Скоро слава о благочестивой жизни и мудрости двух главных Новгородских еретиков — Дионисия и Алексия — достигла до того, что обратила на них внимание великого князя Иоанна Васильевича, когда он был в Новгороде в 1480 году, и оба они были им взяты в Москву, причем одному было велено быть протопопом в Успенском соборе в Кремле, а другому — в Архангельском.

Таким образом, гнусная ересь заползла, так сказать, в самое святое место для Русских людей. Отсюда оба попа стали усердно распространять пагубное учение среди известнейших и могущественнейших людей, окружавших великого князя, и скоро приобрели себе многих усердных сообщников, в числе которых были: невестка великого князя Елена, вдова Ивана Молодого и мать наследника престола Димитрия, Симоновский архимандрит Зосима и славный своею грамотностью и ученостью думный дьяк Феодор Курицин, пользовавшийся величайшим и особо трогательным расположением великого князя; он заведовал сношениями с иностранными государями и сам ездил к ним послом; к нему примкнул и другой Курицин — Волк.

Конечно, самым могущественным соблазном для уловления жидовствующими этих славных людей было завлечение их в занятия астрологией.

Вместе с этими занятиями астрологией жидовствующие, без сомнения, стали также всеми мерами распространять и отреченные книги.

В продолжение 17 лет секта существовала в Новгороде, Москве и других местах, куда ее разнесли, оставаясь совершенно неизвестной правительству, так как упорное заpiresательство и употребление при этом всевозможных клятв составляло одно из основных правил еретиков. Наконец, в 1487 году она была случайно открыта в Новгороде. Пьяные еретики затеяли между собою ссору и в ней стали нарекать друг на друга, причем выдали и свою тайну о принадлежности к секте.

Об этом сообщили архиепископу, которым был в это время Геннадий. Он донес сейчас же в Москву великому князю и митрополиту Геронтию. Великий князь с обычным своим здравомыслием отвечал ему: «Того береги, чтобы то лихо в Земли не распростерлося». Геннадий немедленно нарядил следствие, в котором ему помогло раскаяние священника Наума, отрекшегося от жидовства и сообщившего важные сведения о существе и учении секты. Но обыск, произведенный Геннадием, вследствие решительного заpiresательства сектантов, привел к немногому: было задержано только четыре человека (два священника и два дьякона), которых он отдал на поруки. Скоро они нашли случай бежать в Москву, где, как мы видели, у них имелись могущественные покровители. Геннадий послал за бежавшими все обыскное дело в Москву; здесь, несмотря на настоячивые заpiresательства сектантов, великим князем и митрополитом было признано, что трое из них в пьяном виде надругались над

святыми иконами. Государь приказал бить их на торгу кнутием и отправил затем к Геннадию с приказанием: «ты созови собор, обличи их ересь и дай им наставление: если не покаются, то отошли их к моим наместникам, которые казнят их гражданской же казнью» (битье кнутом на торгу).

Вместе с тем Геннадию предписано было производить дальнейший розыск об ереси. Он усердно занялся этим и открыл новых еретиков, причем на покаявшихся накладывал епитимию, а упорствующих отсылал к наместникам для гражданской казни. Все свои розыски о нераскаявшихся еретиках Геннадий направлял в Москву, прося окончательно осудить их, созвав для этого собор. Но на эти просьбы он не получал никакого ответа. Без сомнения, Московским жидовствующим духовенством и дьяком Феодором Курициним дело было выставлено перед великим князем и митрополитом как сильно преувеличенное, а сам Геннадий — беспокойным человеком. Эта Московская ослаба послужила большим соблазном для раскаявшихся Новгородских еретиков; они побежали в Москву, стали здесь беспрепятственно ходить в церковь и алтарь, а некоторые даже и служить литургию, надругиваясь над святынею. В этом протопоп Дионисий, взятый великим князем в Москву вместе с Алексием из Новгорода, дошел до крайней дерзости: во время богослужения он плясал за престолом и ругался над крестом. Причиной такого надругательства, говорит известный ученый Е. Голубинский в своей «Истории Русской Церкви», была «не одна только прямая и простая ненависть к христианству как к вере, но и тот языческий взгляд, существовавший у волхвов (и доселе остающийся у колдунов), что чем сильнее будут оскорбления христианской святыни, тем действительнее будут волхвования».

Между тем умер митрополит Геронтий, и на его место был поставлен тайный последователь жидовствующих — Симоновский архимандрит Зосима, человек распутный и пьяный. На это поставление уговорил великого князя пользовавшийся его большим доверием соборный протопоп Алексей, «своими волхвованиями подойде державного, да поставить на престоле святительском скверного сосуда сатанина, его же он напои ядом жидовского».

Таким образом, во главе всей Русской церкви стал жидовствующий митрополит. Опасность была воистину велика.

Как только Зосима сел на митрополичьем столе, он начал сейчас же теснить Геннадия; прежде всего, он потребовал от него исповедания веры. Это прямо означало, что Геннадий подозревался в неправоверии. Конечно, последний отлично понимал, кто строит против него козни, но не только не устранился своих врагов, а, наоборот, усилил против них свою ревность. Он отказался послать Зосиме свое исповедание, объяснив, что он уже дал его по обычаю, при поставлении в архиепископский сан, и с своей стороны напоминал Зосиме, что последний обещал настаивать перед великим князем о преследовании еретиков и казни их: «Если князь великий того не обещает и не казнит этих людей, то как нам тогда срам свести со своей Земли? Вон Фряги, смотри, крепость какую держат по своей вере; сказывал мне цезарский посол про Шпанского короля, как он свою Землю то очистил». При этом Геннадий прямо указывал на Государева дьяка и любимца Феодора Курицина, как на корень всего зла: «от него вся беда стала; он отъявленный еретик и заступник еретиков перед Государем».

Вслед за письмом к митрополиту Геннадий отправил послание и к архиепископам: Ростовскому, Суздальскому, Тверскому и Пермскому; он убеждал их всех требовать безотлагательного созвания собора и самого строгого суда над еретиками ввиду того, что они держат свою ересь в тайне, а явно остаются ревностными Православными. «От явного еретика человек бережется,—

писал он, — а от сих еретиков как уберечься, если они зовутся христианами. Человеку разумному они не объявятся, а глупого как раз съедят».

Геннадиево послание оказало немедленно же свое действие. Зосима не мог противиться общему требованию духовенства, и собор открылся 17 октября 1490 года, хотя, по проискам митрополита, Геннадия на него не пригласили. Тем не менее собор обвинил еретиков и проклял их; часть сослал в заточение, а некоторых отправили Геннадию в Новгород, причем сам Зосима во главе собора вынужден был вынести им приговор, начинавшийся так: «Речью глаголю вам, прелестником и отступником веры Христовы, тебе Захарие черныцю, и тебе Гаврилу протопопу Новгородскому, и тебе Максиму попу, и тебе Денису попу, и тебе Василью попу, и тебе Макару дьякону, и тебе Гриди дьяку, и тебе Васюку дьяку, и тебе Самухе дьяку, и всем вашим единомысленникам, мудрствующим с вами злую вашу окаянную и проклятую ересь, что есте чинили в Великом Новгороде злая и проклятая дела неподобная: мнози от вас ругались образу Христову и Пречистые образу, написанным на иконах, а иные от вас ругались кресту Христову, а иные от вас на многие святые иконы хульные речи глаголали, а иные от вас святые иконы щепляли и огнем сжигали, а иные от вас крест силолоен (крест из дерева алоэ) зубы искусаи, а иные от вас святыми иконами и кресты о землю били и грязь на них метали, а иные от вас святые иконы в лоханю метали, да инога поругания есте много чинили над святыми образы написанных на иконах. А иные от вас на самого Господа нашего Иуса Христа Сына Божья и на Пречистую Его Богоматерь многие хулы изрекли... Ино все то чинили есте по обычаю жидовскому, противясь божественному закону и вере христианской...»

Геннадий велел посадить осужденных на лошадей лицом к хвосту в вывороченном платье и в берестовых остроконечных шлемах с надписью: «се есть сатанино воинство». В таком виде их провезли по всему Новгороду, выставляя на позор народонаселения, и в заключение сожгли на их головах шлемы. Однако собор 1490 года нисколько не обессилил ереси в Москве, где главные жидовствующие, и в том числе митрополит, остались неоткрытыми.

Дерзость еретиков особенно усилилась, когда прошел 1492 год: на этот год падало седьмое тысячелетие со времени сотворения земли по Библейскому счислению, и многие, по суеверию, ожидали конца мира, а между тем год благополучно окончился и все оставалось по-прежнему. «Если Христос был Мессия, — говорили еретики Православным, — то почему же он не явился в славе, по вашим ожиданиям?»

Но в это время на поддержку Геннадию для борьбы с жидовством выступил могущественный союзник, знаменитый игумен Волоколамского монастыря — Иосиф Санин, с ранней молодости прославивший себя подвигами сурового подвижничества и не устранившийся просить пострижения у Пафнутия Боровского, страшного старца, который, как мы говорили, имел особый дар отгадывать по лицу приближавшегося к нему человека все, что у того делается на душе.

Пафнутий, увидя павшего к его ногам юношу, узнал тотчас же, с кем имеет дело, и постриг его в тот же день. Избранный после смерти Пафнутия игуменом Боровского монастыря, Иосиф хотел ввести устав еще гораздо более строгий, и когда увидел, что братия этим недовольна, то ушел в Волоколамские леса, где основал обитель с правилами строжайшего общежительного устава; он запретил женщинам всякое сношение с братией, и сам, подчиняясь этому, отказал себе в свидании с престарелой матерью. Здесь он скоро прославил себя особо трудными подвигами высшего подвижничества и кроме того приобрел славу, как муж знаменитый своей ученостью и начитанностью.

Видя возрастающую наглость жидовствующих и соблазнительное пове-

дение митрополита, Иосиф смело и решительно поднялся против него и в самых сильных выражениях написал послание к Суздальскому епископу Нифонту, призывая его с остальными Русскими иерархами стать на защиту Православия. «В великой церкви Пречистой Богородицы, на престоле Святых Петра и Алексия,— писал он,— сидит скверный, злобный волк в пастырской одежде, Иуда предатель, бесам причастник, злодей, какого не было между древними еретиками и отступниками... Если не искоренится этот второй Иуда — то мало-помалу отступничество утвердится и овладеет всеми людьми. Как ученик — учителя, как раб — государя, молю тебя: поучай все Православное христианство, чтобы не приходили к этому скверному отступнику за благословением, не ели и не пили с ним». Всех обличительных посланий, или «Слов», против жидовствующих преподобный Иосиф Волоцкой написал 16; собрание их известно под именем «Просветителя», причем они написаны настолько сильно и живо, что до сих пор нельзя равнодушно читать те места «Просветителя», в которых говорится о нечестивых мнениях и действиях жидовствующих.

Приведенное выше послание Иосифа к Нифонту Суздальскому, написанное, вероятно, заодно с Геннадием, возымело свое действие. В 1794 году Зосима, отговорившись немощию, добровольно сложил с себя звание митрополита и удалился в монастырь, а на его место был поставлен Симон, игумен Троицко-Сергиевой лавры.

Поставление Симона митрополитом было произведено самим великим князем Иоанном в Успенском соборе; знаменуя, что соизволение Государя дает Русской церкви первосвятителя, Иоанн торжественно повелел Симону «принять жезл пастырства и взойти на седалище старейшинства».

Тем не менее и удаление Зосимы несколько не ослабило ереси в Москве. Искусно влияя на великого князя через дьяка Феодора Курицина и невестку Елену, к которой он, как раз в то время, особенно благоволил, охладев к Софии Фоминичне, жидовствующие добились назначения архимандритом Новгородского Юрьева монастыря — инока Кассиана, державшегося жидовства, с тем, чтобы он опять поднял на ноги Новгородских еретиков, сильно ослабленных деятельностью Геннадия. Скоро Юрьев монастырь сделался средоточием жидовствующих; там происходили их совещания и совершались надругания над священными предметами.

Геннадий, конечно, знал о беспорядках в Юрьевом монастыре, но многого сделать не мог, так как Московские еретики, а вместе с ними и бояре князя Патрикеевы, благожелатели Елены и ее сына, настраивали великого князя, постоянно нуждавшегося в земле для раздачи ее военно-служилому сословию в виде поместий, отнять часть Новгородских архиепископских земель для боярских детей.

Тем не менее Геннадий продолжал, насколько мог, свою борьбу с жидовством. Сознывая при этом, что с ним надо бороться не только наказанием, но и убеждением и что для этого нужны просвещенные священники, он первый начал говорить о необходимости училищ для духовных, созданных при страшном Татарском иге. «Бил я челом,— писал он митрополиту Симону,— государю великому князю, чтобы велел училища устроить; ведь я своему государю напоминаю для его же чести и спасения, а нам бы простор был: когда приведут ко мне ставленника¹, грамотного, то велю ему ектенью выучить, да и ставлю его и отпускаю тотчас же, научив как божественную службу совершать. Но вот приведут ко мне мужика: я велю ему Апостол дать читать, а он и ступить не умеет; велю дать Псалтырь — он и по тому едва бредет; я ему откажу —

¹ В священники или дьяконы, по выбору мирян.

а они кричат: Земля, господине, такая, не может добыть человека, чтобы грамоте умел; но ведь это всей Земле позор, будто нет в Земле человека, кого бы можно в попы поставить!.. Для того-то я и бью челом государю, чтобы велел училища устроить: его разумом и грозою, а твоим благословением это дело исправится...»

Усердно заботясь о просвещении священников и о борьбе с ересью, Геннадий вместе с тем успешно руководил огромным трудом, который довел до конца. Это был полный новый перевод Старого Завета на Церковно-Славянский язык.

Торжество еретиков продолжалось, к счастью, недолго. Смерть их главы Феодора Курицина, умершего после 1497 года, была для них огромной потерей, так как, несомненно, главным образом он усыплял бдительность Иоанна, уверяя его, что никакого жидовства нет, а есть невинное занятие угадывания судьбы по звездам, к каковому занятию, по естественному стремлению знать свою судьбу, были склонны почти все государи в тот век.

«Звездозаконю бо прилежаху,— говорит Иосиф Волоцкий про Феодора Курицина и протопопа Алексия,— и многим баснотворением и астрологии и чародейству; сего ради мнози к ним уклонишася и погрязоша в глубине отступления».

Затем, в 1499 году, опала поразила Патрикеевых и их партию. Иоанн охладил к невестке и внуку и примирился с Софией Фоминичной, постоянной горячей ревнительницей Православия, которая с сыном Василием поддерживала частые отношения как с Геннадием, так и с Иосифом Волоцким. С возвращением доверия Иоанна Васильевича к жене последняя устроила доступ Иосифу к великому князю, который и без того его высоко чтит. Оставшись с Государем наедине, Иосиф стал усердно спрашивать его о принятии строгих мер против еретиков.

«Прости меня, отче, как простили меня митрополит и владыка. Я знал про Новгородских еретиков»,— сказал Иоанн, каясь, без сомнения, в том, что он взглянул на них слишком легко, полагая, что главным их занятием была астрология.— «Мне ли тебя прощать?»— отвечал Иосиф. «Нет, отче, пожалуй, прости меня».— «Государь,— сказал ему на это Иосиф,— если ты подвигнешься на нынешних еретиков, то и за прежних Бог тебе простит». В том же духе действовали на Иоанна и его духовник с митрополитом.

Наконец, в конце 1504 года, был созван собор на еретиков. Но в нем уже не мог принять участия Геннадий. Дело в том, что в предыдущем, 1503 году был тоже созван церковный собор, на котором участвовал и он, для рассмотрения вопроса о повышении нравственности среди духовенства, вопроса, поднятого самим же Геннадием. Собор этот постановил ряд суровых определений, в числе коих было воспрещение служить вдовым священникам обедню ввиду того, что они часто вели жизнь недостаточно чистую по их сану, а также запрещение митрополиту, архиепископам и епископам брать за поставление духовных лиц всех степеней какую-либо плату, причём за нарушение сего полагалось лишение сана. Лицо, которое первое подверглось во всей строгости этому соборному постановлению, был сам Геннадий!.. Едва он прибыл в Новгород, как на него последовало обвинение, что он ставит священников «за мзду», и он должен был, сложив свой сан, удалиться в Чудов монастырь. «Догадываются, что свержение Геннадия было делом еретиков»,— говорит С. Соловьев.

На соборе 1504 года обличителем жидовствующих явился Иосиф. Главнейшие виновные — дьяк Волк Курицин, Димитрий Коноплев и Иван Максимов — были переданы в руки гражданского суда, а затем сожжены в клетке 28 декабря в Москве. Некрасу Рукавову отрезали язык и отправили в Новгород; там его сожгли вместе с архимандритом Касьяном, братом и некото-

рыми другими. Менее виновных отправили в заточение в тюрьмы, а еще менее виновных в монастыри. Иосиф Волоцкой не одобрял отправления еретиков в монастыри и говорил Иоанну: «Этим ты, Государь, творишь мирянам пользу, а инокам погибель» — и требовал более суровых наказаний.

Удар, нанесенный ереси собором 1504 года, был очень силен, но, однако, не окончательно искоренил ее, как мы увидим в нашем последующем изложении.

Кроме участия в соборе 1504 года, созванном для разбора ереси жидовствующих, Иосиф Волоцкой принимал также участие и в соборе 1503 года, на котором, как мы говорили, рассматривался вопрос о поднятии нравственности среди духовенства. На этом же соборе был поднят вопрос и о владении монастырями землею.

Мы видели, как образовывались многие из Русских монастырей. Обыкновенно благочестивый человек, чувствовавший в себе призвание к подвижничеству, удалялся в пустынь — дремучий лес, ставил себе здесь убогую келию и начинал свой подвиг. Скоро к нему стекалось несколько братий, таких же подвижников, рубилась церквица, и возникало общежитие, где все были заняты суровой работой для снискания себе пропитания. Вслед за этим вблизи новой обители начинали селиться крестьяне; образовывались небольшие *починки*, превращавшиеся мало-помалу в населенные деревни. Правительственная власть всегда охотно шла на поддержку возникавшим обителям и уступала им обширные земли, на которые садились крестьяне и начинали их обрабатывать. Это был один из источников появления земельной собственности у монастырей.

Другим источником были вклады в монастыри, делаемые многими богатыми и благочестивыми людьми, — *на строение души*, то есть чтобы в память их после смерти совершались бескровные жертвы на литургиях и производилась раздача милостыни бедным. Вклады эти состояли весьма часто из земельных пожертвований. Таким образом, бедные обители, основанные благочестивыми подвижниками, стали мало-помалу богатеть, и к концу пятнадцатого века монастыри являлись уже очень крупными земельными собственниками на Руси, и многие из них имели весьма сложное хозяйство. Конечно, иноки, назначаемые для ведения этого хозяйства, отвлекались от чисто монашеской жизни, но зато, владея земельным имуществом, монастыри могли идти навстречу народным нуждам, не отказывать просящим в помощи и кормить в неурожайные годы голодающих.

К воротам монастыря преподобного Иосифа Волоколамского прибыло во время голода до 7000 человек из окрестных сел, прося хлеба. Другие побросали перед монастырем своих голодных детей, а сами разошлись. Иосиф приказал келарю ребят подобрать и содержать в монастырской странноприимнице, а взрослым раздавать хлеб. Чрез несколько дней келарь доложил: ржи нет и братию кормить нечем; на это Иосиф приказал казначею купить ржи, но тот ответил: «Денег нет». Тогда игумен велел занимать деньги и покупать рожь, а братскую трапезу сократить до крайней скудости. Конечно, подобное отношение монастырей к бедным вполне оправдывало владение ими земель.

Однако среди Русского духовенства были и другие взгляды на этот предмет, и на соборе 1503 года по этому поводу был поднят вопрос знаменитым Нилом Сорским, мужем праведным и кротким (в миру Майковым), положившим начало на реке Соре новому на Руси виду монашеского жития, именно «скитскому», который состоял в том, что иноки поселялись вдвоем или втроем, питались от плодов собственных рук и поддерживали друг друга в «умном делании», то есть в борьбе с дурными помыслами и страстями, и непрерывной

внутренней молитве. Скит, по учению Нила Сорского, мог состоять из нескольких келий, где жило по два или по три пустычника, но затем обитель не имела права владеть землею и казною и даже принимала милостыню лишь в случае крайней нужды. Взгляд Нила на то, что монастыри не должны владеть землею и вообще имуществом, поддерживали и так называемые «Заволжские старцы», жившие, подобно ему, в скитах, лесах и болотах.

Против взглядов Нила и Заволжских старцев горячо восстал, не менее их знаменитый своим подвижничеством, Иосиф Волоцкой, который смотрел на монастырь как на прибежище для сирых и голодных, а так же, как на рассадник властей церковных. «Если у монастырей сел не будет,— говорил Иосиф,— то как честному и благородному человеку постричься? Если не будет честных старцев, то откуда взять на митрополию, или архиепископа, или епископа? Если не будет честных старцев и благородных, то вера поколеблется». Мнение Иосифа превозмогло на соборе, и земли были оставлены монастырям, но спор между приверженцами Нила Сорского и Иосифа¹ Волоцкого или «Осифлянами», как их называли, продолжался еще долгое время среди духовенства.

Как мы говорили, собор 1503 года обратил также свое особое внимание на поднятие нравственности среди духовных лиц, не останавливаясь перед весьма суровыми мерами.

От описываемого же времени до нас дошли и некоторые замечательные поучения священнослужителям. «В церкви разговаривать не давай,— говорится в одном из них,— приноса не приноси на Божий жертвенник от неверных еретиков, развратников, воров, разбойников, грабителей и властителей немилосердных, корчемников, резоимцев (рез — процент), ротников (рота — клятва), клеветников, клепников, лжепослухов, волхвов, потворников, игрецов, злобников или кто томит челядь свою голодом и ранами и наготой. К убогим сиротам, болеет ли кто-нибудь из них или умрет или родит, приходи прежде чем позовут... Стой на страже день и ночь... Кого изгубишь леностью или нерадением, мука их на тебе взыщется; к троеженцу не входи в дом, разве только будет на одре смертном».

Это поучение показывает, конечно, насколько должны были быть близки отношения приходского священника к его прихожанам и как высшие духовные власти ставили ему в обязанность принимать дары на церковь только от достойных и чистых людей и вместе с тем людей милосердных к своей меньшей братии — слугам и челяди. Тот же взгляд о милосердии к рабам очень определенно высказал Иосиф Волоцкой в послании к одному вельможе: «Слух до меня, господине, дошел... будто велико твое немилосердие и нежалование к рабам и сиротам домашним, теснота, скудость в телесных потребах, голодом тают, наготой страдают... Писание повелевает рабов как братьев миловать, питать и одевать и о душах их заботиться, научать на всякие добрые дела; если же раб и сирота у тебя в такой тесноте, то не только им нельзя добрых дел делать, но, умирая с голоду, они не могут удержаться от злых обычаев»...

Такое истинно христианское отношение духовенства к своей пастве не оставалось, конечно, без самого благотворного влияния на прихожан: имеется известие, что во времена Иоанна Третьего граждане Москвы содержали для погребения странников село «Скудельничье», причем у них был трогательный обычай ходить туда в четверг седьмой недели поста (семик), покупать каноны, свечи и молиться об умерших, после чего они засыпали старую яму, наполненную мертвецами, и выкапывали новые; копали и засыпали все, Бога ради, мужчины и женщины.

Заканчивая обзор главнейших событий в жизни Русской Земли при Иоанне Третьем и дел, совершенных им лично за свое сорокатрехлетнее великое

княжение, нам остается помянуть еще одно, которое он сам считал в числе важнейших, начальных, — об именовании Русского Государя в торжественных случаях, или об его титуле.

Мы видели, что Иоанн продолжал себя называть великим князем, хотя при нем пределы Московского Государства расширились уже до великой державы, и что после падения Царьграда и женитьбы его на Софии Фоминичне именно к нему, как к верховному защитнику Православной веры, переходило наименование императора.

Мы видели также, что иногда его и величали как императором, так и царем. Однако не в этих новых величественных наименованиях он видел большое начальное дело. Он видел его в выражении «*вся Русь*» и неперемным условием мира с Литвой ставил включение этих слов в перемирную грамоту.

Это требование Иоанна было основано на том, что Царский титул Русского Государя заключает в себе сокращенно всю историю Русской Земли и задачи ее верховных властителей, смысл деятельности которых может быть кратко выражен словами: «Умиротворение или соби́рание Земель и народов», продолжающееся и не оконченное еще и поныне, так как нет еще до сих пор ни полного соби́рания, ни совершенного умиротворения.

Самодержец, царь, обладатель, повелитель — все эти наименования, заключающиеся в титуле, сливаются и завершаются в одном слове: «Миротворец». На основании этого титул Царский и прочитывается, по древнему обычаю, в храме соби́рания Русской Земли — в Успенском соборе в Москве, куда, как известно, перенесены иконы и даже иконостасы из присоединенных городов, а также в областных соборах накануне праздника Рождества Христова, пришедшего водворить мир во всей Земле. И это ежегодное чтение Царского титула указывает и напоминает всем, что Русский Государь, расширяя и увеличивая свой титул, является исполнителем Его святой воли, чтобы на Земле был мир¹. Так, несомненно, смотрел Иоанн Третий на свою задачу, которую Божьим Промыслом он призван был исполнить, и, несомненно, точно так же смотрел на него Русский народ, как на Божию милостию данного ему Государя, всем своим подданным в отцов и праотца место поставленного. Отсюда понятна та огромная, неограниченная власть, которую имел Иоанн в своем Государстве. Он мог объявить Псковским послам: «Разве не волен я, князь великий, в своих детях и в своем княжении», в то время как по смерти Казимира Литовского сын его Александр писал, «что паны радные великого княжества Литовского заблагорассудили оставить его, Александра, в Литве и на Руси, для защиты от неприятеля, на то время, пока не *выберут* великого князя».

Русский народ дал Иоанну Третьему наименование Грозного, так же, как, увидим впоследствии, и внуку его Иоанну Четвертому. И действительно, Иоанн был грозный царь и, когда было нужно, казнил и заточал виновных против порядка и тишины в своей Земле; при этом, для блага Земли, он, как мы видели, не останавливался даже перед тем, чтобы жертвовать своими чувствами к самым близким людям: братьям и внуку. Это наименование Иоанна Грозным понималось народом в смысле его требовательности и строгой справедливости; в этом же смысле писал, как мы указывали, и архиепископ Геннадий к митрополиту об устройстве церковных школ: «Для того-то я и бью челом Государю, чтобы велел училища строить: его разумом и грозою, а твоим благословением это дело исправится...»

¹ Этим внутренним значением титула Православных Русских Государей Миротворцев он резко отличается от титула мусульманских завоевателей, Турецких султанов, в числе почетных наименований которых — в их титуле имеется также и название «убийца».

Вместе с тем, несмотря на прозвание Грозного, Иоанн, по свидетельству современников, отличался чрезвычайной почтительностью при сношении с духовными лицами, а в боярской думе любил «встречу», то есть высказывание мнений, несогласных с его личными, чтобы можно было полнее и разностороннее разобрать вопрос, подлежащий рассмотрению думы. Чрезвычайно отзывчивым был он также и ко всем общественным бедам: мы видели, что когда в 1472 году пришла на Москву весть о движении хана Ахмата со всей ордой, то Иоанн в тот же час, ничего не вкусив, вборзе двинулся с полками к Коломне, чтобы преградить ему дорогу. Также ретиво и самоотверженно принимал он участие в тушении больших пожаров, неоднократно случавшихся в Москве.

«Иоанн оставил государство удивительное пространством,— говорит Н. М. Карамзин,— сильное народами, еще сильнее духом правления, то, которое ныне с любовью и гордостью именуем нашим любезным Отечеством. Россия Олегова, Владимирова, Ярославова погибла от нашествия Монголов: Россия нынешняя образована Иоанном... Немецкие, Шведские историки шестнадцатого века согласно приписали ему имя Великого, а новейшие замечают в нем разительное сходство с Петром Первым. Оба, без сомнения, велики. Но Иоанн, включив Россию в число государств Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного склада подданных... Призывая художников для украшения столицы, для успехов воинского искусства, хотел единственно великолепия, силы; и другим иноземцам не заграждал пути в Россию, но единственно таким, которые могли служить ему орудием в делах посольских или торговых, любил изъяслять им только милость, как пристойно великому государю, к чести, не к унижению собственного народа».

Предлагаем читателям познакомиться с духовным наследием известного православного иерарха русского зарубежья архиепископа Сиракузского и Троицкого Аверкия. Он принял епископский сан 23 мая 1953 г., расцвет его как православного религиозного мыслителя пришелся на 50-е годы, но статьи и речи его не теряют актуальности и сегодня. Ортодоксальное богословствование в Духе и Истине Православия, искренняя любовь к России и русскому народу, глубокое переосмысление нашей трагической и одновременно великой отечественной истории, поиски верных путей Русского Возрождения — вот что привлекало и привлекает в его статьях мыслящих русских людей, болезнующих за народ и Державу, вне зависимости от того, со всеми ли политическими воззрениями этого авторитетного православного автора согласны или не согласны читатели.

Статья печатается с некоторыми сокращениями по сборнику архиепископа Аверкия «Истинное Православие и современный мир».

НЕ УЧАСТВУЙТЕ В ДЕЛАХ ТЬМЫ

За последние несколько месяцев наша страна стала свидетелем не только бурных общественных и экономических потрясений. Можно, не боясь ошибиться, утверждать, что сегодня всеобщее внимание привлекают явления чисто психического, духовного порядка, обладающие необычайно сильным воздействием на индивидуальное и общественное сознание. В первую очередь мы имеем в виду прямые телевизионные трансляции с участием разного рода целителей и экстрасенсов, для которых средства массовой информации быстро подобрали определение — «представители нетрадиционной медицины».

Передачи с участием телевизионных целителей собирают изрядную часть населения страны. Судя по восторженным откликам, эти передачи, кроме своего специального воздействия, представляют собой едва ли не единственное на сегодняшний день проявление общественного оптимизма. И результаты, и сама процедура подобных сеансов впечатляющи. Утверждается, что число получивших исцеления часто от застарелых или не поддающихся обычному лечению болезней исчисляются сотнями. Атмосфера в телестудиях вызывает у многих настоящее эмоциональное потрясение, особенно когда освободившиеся от недугов люди по указанию целителя демонстрируют на сцене «чудо исцеления».

Нравственная позиция «нетрадиционных медиков» единодушна и четко оговаривается ими: любовь к людям, доброта, благожелательность ко всем. Особо подчеркивается, что главная их цель не физическое, а духовное здоровье человека. Они заверяют, что своими средствами примут участие в духовном возрождении народа.

Не обходят они вниманием и Церковь. Практически в каждой такой телепередаче подчеркивается сдержанное почтение к Церкви и раздаются настойчивые призывы к сотрудничеству. Некоторые экстрасенсы называют себя людьми православными, отказываются лечить некрещеных и просят даже освятить церковными обрядами свои дипломы по «нетрадиционной медицине». Поступили телеграммы благодарности целителям и от духовенства...

Скептикам и людям, пытающимся сказать об опасности подобной деятельности, указывают на выздоровевших больных и говорят: «В конце концов не важно, кто и как лечит, важно быть здоровым».

Да, великое благо — здоровье. Человек, потерявший и вновь обретший его, воистину обретает весь мир! Но мы, христиане, не можем не помнить слов Спасителя: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф., 16, 26).

С великой радостью Церковь благословляла бы своих чад пользоваться знанием и мастерством подобных целителей, как благословляет она многие врачебные труды, если бы не знала о той духовной и физической опасности, которая следует за такого рода воздействиями.

В опыте Православной Церкви, в творениях святых отцов и христианских апологетов рассматриваемые нами явления известны давно. И достаточно хорошо исследованы, чтобы ошибаться на их счет.

Всякому, кто хоть раз бывал на акте экзорцизма («отчитки» — в русском варианте), стоит только взглянуть на экран во время сеанса «исцеления» и увидеть людей, впавших в транс, помимо своей воли танцующих, смеющихся и плачущих, чтобы ясно понять: они ведут себя в точности как люди, одержимые теми силами, которые в православной практике называются бесами, или нечистыми духами. И у нас уже не возникает вопроса, почему «целитель» настойчиво приказывает таким пациентам быть сдержаннее: в состоянии одержимости люди могут начать вести себя бурно и непредсказуемо, если дух, руководящий ими, полностью овладеет человеком.

Как правило, далекий от Церкви человек либо полностью отвергает возможность влияния духовного мира на нашу жизнь, либо представляет это влияние в искаженном виде.

Святая Православная Церковь содержит знания о духовном мире, данные ей в Божественном Откровении, в опыте святых подвижников. Этих спасительных знаний вполне достаточно, чтобы каждой член Церкви мог ориентироваться в духовном мире, различать добро и зло.

Затронутый нами вопрос основательно разработан и в аскетических сочинениях отечественных подвижников: святителей Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника, отца Иоанна Кронштадтского. Мы же остановимся на нем только в связи с интересующими нас проблемами.

Современная научная мысль ведет поиски разумных существ в далеких галактиках, между тем как иной мир намного ближе к человеку.

Духовный мир существует параллельно миру физическому и включает в себя не только нашу духовную жизнь: любовь, ненависть, мысли, страсти. Это еще и мир духовных нематериальных существ, обладающих независимой волей, разумом и возможностями, несравнимыми с возможностями человека. Недаром в Церкви некоторых из них называют Силы, Власти, Господства.

В отличие от физического мира, духовный мир морально не нейтрален. Если физический огонь можно использовать как в добрых целях, так и во зло, то существа духовного мира сами по себе имеют добрую или злую волю. Первые в церковной традиции называются Ангелами, вторые — демонами, бесами. Обычно не спрашивают, почему добры Ангелы — это кажется естественным. Спрашивают, почему злы бесы? Так вот, они злы как раз потому, что извратили свою естественную природу, как извратил свою естественную человеческую природу садист, которому доставляет удовольствие мучить и губить все живое. Как Ангелы, так и бесы могут воздействовать на мысли человека, вдохновлять его поступки. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Явления духовных существ в нашем материальном мире известны давно. Много о них говорится в Священном писании. Не связанные конкретной физической оболочкой, духовные существа могут принимать самый различный вид, но всегда тот, который люди в меру их развития готовы воспринять. Так, в сороковые годы нашего века, когда человечество уже психологически было подготовлено к межзвездным полетам и встречам с «марсианами», появились первые НЛО. Как ни захватывающи рассказы об их появлении, как ни головокружительны перспективы «контактов», но сами НЛО и их «пилоты» — все те же древние лукавые существа, которые морочили головы нашим предкам в виде уродцев с рожками и с копытцами, а теперь являются их просвещенным потомкам во всеоружии «последних достижений межпланетной космической техники». Многие западные исследователи давно уже оставили гипотезы о внеземном происхождении НЛО. Они решили заняться не самими бесконечно ускользающими объектами, а последствиями, которые оказывают на человека контакты с ними. Постепенно от трудов по космической технике они добрались до творений святых Отцов Православной Церкви о духовном

мире, о психофизических явлениях, о взаимопроникновении двух этих миров.

Другого рода мистические явления и демонстрации являет собой и полтергейст, когда на глазах милиции, ученых и общественности бесы разводят такое хулиганство, что просто совестно становится за растерянных «исследователей» с высокими научными степенями, которые до сих пор не могут понять, что над ними попросту издеваются!

Благодатные явления и действия Ангелов — тема особая, и мы ее здесь касаться не будем.

Что же до «исцелений», то медикам еще предстоит исследовать воздействия гипнотизеров, оккультных целителей и экстрасенсов на организм человека. Как это и всегда бывало в истории, время покажет, где здесь чистое шарлатанство, где печальное неразумие людей, вслепую вторгающихся в духовный мир и в души своих пациентов, а где сознательное служение злу и использование темных сил духовного мира в целях, далеких от «нравственности» и «любви к людям». Во всяком случае, кроме чисто духовных последствий, о которых еще будет сказано, подобные исцеления всегда эфемерны, непрочны, и вред, наносимый ими человеку на всю жизнь, несравним с минутным физическим облегчением.

Экстрасенсы утверждают, что их воздействие на человека происходит в рамках естественных процессов, что они лишь вызывают к действию скрытые возможности человеческого организма, хотя и делают это путем психического воздействия. Еще древние говорили о великом целительном действии слова. Лечение, настоящее лечение словом, исходит ли оно от врача, или от священника, или от близкого больному человека, было, есть и будет. Но оно не может быть общим для всех, а только лицом к лицу, сердцем к сердцу. В случае же если такие воздействия на человека сопряжены с того или иного рода тайными внушениями или тайными иррациональными знаниями, то они однозначно связаны с разумными существами духовного мира, которых как православные подвижники, так и исследователи иных христианских конфессий признают бесами, а опыты, проводимые с их помощью, — медиумическими, или оккультными.

Не может не вызывать самого серьезного беспокойства тот факт, что десятки миллионов наших соотечественников периодически открывают себя для совершенно неизвестного им воздействия, о происхождении и последствиях которого они не имеют даже отдаленного представления. Люди подвергают себя самым изысканным и далеко идущим психологическим оккультным опытам, влиянию опаснейших сил духовного, психического мира¹.

Известны разные формы медиумизма: от «вызывания духов» и вертящихся столиков до полтергейста, «чудесных исцелений», материализации духовных существ и еще более опасных оккультных фокусов. Известны и их последствия для человека, втянувшегося в «мистическую наркоманию»: психические и эмоциональные расстройства, жесточайшие депрессии и, наконец, самоубийства и злодеяния, совершенные под влиянием демонических сил. Но самая большая опасность — вечная погибель души, если человек не оставит общения с духом злобы и не покается. Потому-то в Священном писании строжайше запрещены контакты с оккультным миром. «Не должен находиться у тебя... прорицатель, гадатель, ворожея, обаятель, вызывающий духов,

¹ Один из современных западных ученых, впервые столкнувшись в процессе исследования современных оккультных феноменов с духовными существами, действующими в этих опытах, описал свои впечатления от них как встречу с «ужасными сверхчеловеческими чудовищами, одна мысль о которых может свести человека с ума». В а л л с Ж. Невидимый колледж. — Нью-Йорк, 1975.

волшебник и вопрошающий мертвых, ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это» (Втор., 18, 10—12).

В замечательном исследовании о современных оккультных явлениях американского иеромонаха Серафима Роуза «Христианство и религия будущего» можно прочесть: «Медиум — это лицо, обладающее определенной психической сенситивностью (чувствительностью), которая позволяет ему быть орудием или средством проявления невидимых сил или существ... Почти все нехристианские религии широко используют медиумическую одаренность как ясновидение, гипнотизм, «чудесные» исцеления, появление и исчезновение предметов и их перенесение с места на место».

Несмотря на разнообразие форм, во всех медиумических сеансах есть и нечто общее: пассивность медиума заключается в том, чтобы полностью отдаться действию внешней, руководящей им силы, каким бы именем она ни называлась: природной способностью, влиянием «космического фактора», инопланетян, явлением «духов умерших» или даже Ангелом (сатана принимает вид Ангела света) (2 Кор., 11, 16).

Пассивность присутствующих также желательна, и поэтому на оккультных сеансах вполне обычны призывы отдаться потоку мыслей и подхватывать все возникающие ощущения. Но для «продвинутого» медиума пассивность присутствующих не является необходимым условием. Путем тренировок и собственной полнейшей подчиненностью руководящему духу медиум может достичь результатов, когда сеанс будет удаваться даже в присутствии многих скептиков.

«Необходимая спиритическая атмосфера обычно создается искусственными приемами, как, например, пение гимнов, слушание тихой музыки и даже совместная молитва».

«Все присутствующие берутся за руки, образуя так называемый спиритический, или магический, круг. Путем такого замкнутого кольца каждый участник снабжает энергией определенную силу, которая коллективно передается медиуму. Однако магический круг нужен только не очень развитым медиумам» (отец Серафим Роуз).

Сегодня мы можем воочию убедиться, что магический круг с успехом образуется и с помощью, например, телевидения, как это имело место в начале семидесятых годов в США у популярного (недолгое время) телецелителя Орела Робертса. (Да, да, и в области дурной мистики наши новоявленные «звезды» всего лишь устаревшая западная мода!) Этот Орел Робертс производил «чудесные исцеления» по телевидению с тем только отличием от наших отечественных «нетрадиционных медиков», что в конце концов стал называть оккультные вещи своими именами. Вскоре он прекратил опыты, так как обычные последствия оккультизма не замедлили сказаться на многих его пациентах.

Каким же образом образуется эта странная энергетическая цепочка? Заметьте, телемагам не нужно, казалось бы, ничего от нас: мы можем не слушать их, даже не понимать (известны случаи воздействия на младенцев, на иностранцев, не знающих русского языка, при отключенном звуке телевизора), допускается, что вы можете недоверчиво или откровенно критически относиться к «целителю», но если вы не выключаете телевизора, то отдаете как раз то, что необходимо, — ваше внимание! А остальное возьмут помимо вашей воли!

По единодушному мнению святых отцов, именно вниманием человека стараются завладеть бесы: это единственная дверь, через которую они могут проникнуть в душу. Отцы заповедуют не внимать никаким внушениям духов злобы или тех, через кого они действуют, не перекидывать к ним духовный мост, соединяющий человека с внешним миром, — его внимание.

Отдавая свое внимание, человек невидимо становится в многомиллионную спиритическую цепочку и оказывается в ней пусть не активным членом, но проводником и участником. А этого достаточно, чтобы оказать воздействие на душу, а для некоторых и на тело, после чего может появиться «приподнятое, оптимистическое настроение» и «чудесное исцеление», которое часто происходит за счет перераспределения энергии либо в самом человеке (один орган исцеляется за счет другого), либо среди лиц, участвующих в спиритической цепочке. А уж вслед за этим утверждается и вера в медиума, решимость твердо следовать ему во всем, а порой даже настоящая «одержимость им».

Система массовых внушений не нова. Мы хорошо знакомы с ней в форме внушений идеологических. Сдобренные обещаниями всяческих возможных и невозможных благ, эти внушения были причиной известных трагедий в истории. Последствия одержимости ложными мыслями, ложным духом у нас перед глазами. Теперь же речь идет о новой системе психологически-окультистских внушений.

Особенно опасно то, что система подобных воздействий тщится проникнуть в святая святых человеческой души — в область духа. Насколько это страшно, могут понять пока лишь только христиане.

Устроением Божиим человеческая душа, его воля непроницаемы для воздействия воли другого человека. Лишь духовные существа, Ангелы или бесы, могут внушать душе помыслы, но человек властен принять или отвергнуть их. В этом — великий дар Божий, дар свободной, Богоподобной воли. Но если человек добровольно поддается сильному психическому воздействию со стороны сенситива, имеющего опыт внушений или оккультных знаний, то постепенно та, образно говоря, духовная преграда, которая предохраняет душу от непосредственного влияния чужой воли, разрушается, и человек становится доступным психическому, волевому воздействию другой человеческой личности. Такому воздействию, о котором сам человек может и не подозревать! Даже «невинный» гипноз в состоянии разрушить эти защитные области духовной структуры человека, не говоря уже о более сильных и таинственных внушениях.

О дальнейших последствиях таких воздействий мы можем только догадываться. Биороботы и психологически закодированные народы — это пока еще область научной фантастики, но давайте обсудим одно вполне реальное и даже «перестроечное» предположение, которое может сработать без всякой мистики и внушений.

Предположим ситуацию: во время предстоящей предвыборной кампании в телепрограмме, ну, например, «Взгляд», журналист задает популярному телецелителю частный вопрос, который объективно не может не интересовать многих: «За кого из претендентов вы будете голосовать?» И следует частный, подчеркнуто частный, без всяких внушений ответ: «Я буду голосовать за N». Повлияет ли этот ответ на мнение избирателей?

Усиление и принятие оккультных увлечений во все времена сопутствовало деградации, ослаблению общества. Нынешняя «новая волна» в нашей стране набирает силу, но пока она не достигла тех форм, в которые обычно облекается оккультизм, когда собирает нужное количество адептов. А формы эти таковы — новое религиозное сознание и противохристианская деятельность.

Нынешние телемаги ничего не говорят о том, что выйдут на уровень каких-то религиозных систем. Но такое умолчание сплошь и рядом встречается в эзотерических религиях. Тем, кто приступает, например, к занятиям йогой, ничего не сообщают о сверхъестественном, а лишь о здоровье, о физическом и нравственном совершенстве. Более того, все мистическое и оккультное

отрицается. И только спустя время «продвинутым» перспективным и надежным ученикам открывают эзотерическое, тайное учение. Большинство же так и остается профанами, вполне довольствуясь экзотическими упражнениями, индуистским жаргоном и сознанием своей значимости «в космосе». В этом, последнем, и сосредоточены истинные, «эзотерические» цели начального посвящения. Сознание собственной значимости — вот что внушается человеку вместе, конечно, с непрерывной и трепетной заботой о здоровье, а также «любовью к людям» и всем набором гуманитарных реверансов в сторону абстрактного «добра» и «нравственности». Вдохновители восточных и оккультных учений прекрасно знают, что гордость, сатанинская гордость, которую они называют «сознанием собственной значимости», обращает в ничто любое доброе дело.

Почти ежедневно слышится с экрана мистическая терминология: космизм, выходы в астрал, путешествия в галактиках, встречи с инопланетянами, микрокосм, микротеос и проч. и проч. Уже раздаются голоса о синтезе всякой духовности, и модное слово «плюрализм» употребляют в сочетании со словом «духовный». Уже стараются привлечь к плюралистической духовности Православие, где место Христа Спасителя будет рядом с телемагом, восточным гуру и гуманоидом из летающей тарелки.

«Исцеления» — это, несомненно, лишь начало! Начинается всегда с самого грубого, материального, но действенного. Продолжение программы зрителям покажут в следующей серии. Но основы закладываются сегодня. Теперь уже можно не сомневаясь сказать: во время спиритических телесеансов люди невольно получают посвящение в оккультный мир, наделяются оккультными способностями.

Для посвящения (инициации) много не требуется. В разные времена и у разных народов оно могло сопровождаться поклонением мистическому объекту, «возложением рук медиума», участием в «магическом круге» и даже просто чтением оккультной литературы и наблюдением за оккультными опытами. Пример явного посвящения, происшедшего помимо воли человека, был показан недавно по телевидению. Девушка из Ленинграда продемонстрировала дар притягивать металлические предметы, который открылся у нее после того, как она увидела подобный опыт по московской программе. Способности такого рода на первый взгляд бессмысленны, но цель та же — привлечь к подобным «чудесам» наше с вами внимание.

Впрочем, телезрителям доводилось видеть на экране случаи куда более настораживающие. Совсем недавно некий экстрасенс начал свой «курс лечения» с просьбы ко всем зрителям встать и повернуться лицом... к западу. Затем он, воздев руки, трижды совершил поклонение, с усилием, как бы понуждая стоящих перед ним сделать то же. Для всякого православного человека, знающего, как происходит Таинство Крещения, ясно, что на его глазах происходит нечто прямо противоположное чину отречения от сатаны, когда крещаемый, встав лицом к западу, с древних времен символизирующему зло и сатану, отрекается от врага человеческого рода. А затем, повернувшись на восток, который символизирует Божественное присутствие в мире, трижды поклоняется Господу. Конечно, сам экстрасенс может объяснить все это иначе, припишет, по обычаю, наши подозрения «клерикальному мракобесию», но мы-то понимаем, что это может означать.

«Мы неуклонно приближаемся к времени, когда откроется широкое поприще для многочисленных ложных чудес, чтобы привлечь к гибели тех несчастных потомков плотского мудрования, которые будут соблазнены и совращены этими чудесами», — писал наш великий святитель Игнатий Брянчанинов. А цель этих ложных чудес одна — отвратить человека от Христа, Един-

ственного и Истинного Спасителя, и привести к чему угодно: к «духовности», к инопланетянам, к самому себе, к гуру, к бесу...

Истинные исцеления, совершаемые по вере в Господа Иисуса Христа в Православной Его Церкви, в первую очередь связаны с покаянием и исцелением души. Своим благодатным изменением они простираются не только на временную жизнь человека, но — что главное — на Жизнь Вечную.

Первейший признак истинного подвижника, на которого Господь возложил тяжкий крест исцелений и чудотворений, — глубочайшее смирение. Напротив, делатели ложных чудес надменны, горды, честолюбивы, презрительны к людям, жестоки, хотя могут бесконечно говорить о любви к человечеству.

Зреет в мире порой прикрытое, порой явное отступление от Бога. Чем дальше, тем более воодушевляются адепты тайных учений, видя, что все легче им вовлечь людей, потерявших веру в Христа, в свои сети. Но в то же время они не могут не сознавать, что человеконенавистническая сила их будет посрамлена и уничтожена силою Божией. Недаром один из известнейших телемагов на вопрос, хочет ли он креститься, ответил несогласием и пояснил: после крещения у него может пропасть «исцеляющая» сила.

Дети, от которых загорается все, что только может гореть, дома, где летают предметы, люди, которые неожиданно начинают «исцелять», инопланетяне, как наваждения, носящиеся теперь уже и по Русской земле, возбуждая умы, и потрясения в прессе, — все это проявления одного и того же духа, который от крещения и Христовой веры пропадает, исчезает, яко исчезает дым...

Почему же не осветят дом, где летают сквородки и ворочаются «барабашки»? Ведь подобные случаи известны столетиями, как и церковные способы борьбы с ними. Почему хотя бы не попробовать? Не делают этого, потому что не хотят! «Возлюбили больше тьму, нежели свет» (Ин., 3, 19), — сбывается слово Господне. Им интересно с «барабашкой», интересно проводить медиумические опыты, интересно воровски, через черный ход вторгаться в духовный мир и разбойничать там, ощущая себя могучими сверхлюдьми. Им интересней оккультный путь в жизни, а не путь Креста Христова. Им интереснее с дьяволом, чем с Богом!

Как же далеко отстоит наше сознание от сознания наших предков, которые, понимая страшную опасность подобных опытов для человека, оценивали их наравне с убийством и самым страшным злодейством! Православных христиан за обращение к «целителям», подобным нынешним, отлучали на долгие годы от причастия. Мракобесие, дремучесть! — отшатнутся многие. Не призываем мы, конечно, к средневековым казням экстрасенсов и телемагов, но неужели в этих фактах истории мы найдем только подтверждение «дремучести» наших предков и ничто не заставит нас задуматься над опасностью?

Как ни обидно за людей нецерковных, когда они бездумно отдают свои душу и тело в волю телемагов и духов, ими руководящих, неизмеримо горше и страшнее, когда слышишь, что соблазняются «исцелениями» православные христиане, тем более священники...

В любом случае, кто бы ни приглашал нас воспользоваться услугами оккультных «целителей», единственным отношением православного христианина может быть только полное и твердое уклонение от подобных «исцелений» и опытов. Да и православным ли христианам искать помощи на стороне? Или нет у нас Господа, Который «вчера и днесь Тот же» (Евр., 13, 8), Который исцелял и исцеляет всех, с верою приходящих к Нему? Или нет Заступницы, Скорой Помощницы Божией Матери? Нет преподобного Серафима, Саровского чудотворца, и сонма святых, сильных подать нам помощь? Или нет в нас православной веры, если мы

предпочитаем веру в телемагов и первых встречных, которые пообещают найти средство облегчить наш крест?

За все приходится расплачиваться. За наше спасение, за неисчислимые христианские чудеса Господь заплатил Своею Кровью. За «чудеса» бесовские, за этот кратковременный обман, будут платить как сами маги, так и их жертвы, платить настолько, насколько они отделились от Христа и склонили к этому других.

Сейчас трудно сказать, чем разрешится для России это новое увлечение: в нашем крайне скудном духовном состоянии мы должны предоставить течение вещи Суду Божию, Который откроет сокровенное в известное Ему время. Будем только помнить завет апостола Павла: «не участвуйте в бесплодных делах тьмы!» (Еф., 5, 11).

ГЕОРГИЕВСКИЙ ЗАЛ

Галерея ратной славы

МЫСЛИ О ХАРАКТЕРЕ СУВОРОВА

Все науки изобретены человеком для его пользы. История есть Наука о самом человеке. Она показывает нам состояние разумного существа в пределах, назначенных ему природою в гражданском обществе. Человек, выведенный за сию черту, отделенный от общества, принадлежит к наблюдениям психологии и физиологии и рассматривается только как животное и как существо духовное. Но как скоро его нравственные или духовные способности действуют в отношении к его ближним и имеют влияние на судьбу их, тогда он становится лицом историческим, в хорошем или дурном смысле. История следует за развитием его способностей, наблюдает его дела и побуждения, взвешивает их на весах справедливости и, по числу добра и зла, им сделанного, определяет его достоинство. Это история *одного* человека. Участие, принимаемое народом в судьбе своих правителей или великих мужей, начальствовавших над ним или имевших на него влияние, степень просвещения и нравственности целого народа, его политический характер, подвиги, произведенные общими силами, внутреннее состояние и внешние отношения, успехи и несчастья, одним словом, *жизнь целого народа* составляет Историю Государства. Отдельные истории в общем суть то же, что цветные полосы в одной радуге: они сливаются вместе неприметно, почти неощутительно. *Какая цель всякой истории?* Одна: сделать людей лучшими. Блеск добродетели и заслуги протекших веков должны руководствовать нас в настоящем и будущем. Порок и злодеяние должны наполнять сердца наши ужасом и омерзением. Стремясь к сей цели, историк действует как философ. Как политик он должен оценивать дела и подвиги сообразно политическому состоянию различных стран, назначаемому естественным порядком вещей, характером народов и географическим положением. В нашей устарелой Европе могут процветать одни монархии, а в монархиях, в государствах обширных, должны сиять Пожарские и Миныны, Румянцевы, Суворовы. Историк предстоит великая обязанность возжечь в сердцах пламень высокой доблести и, указав истинные пути общего блага и заслуги, увлечь за собою все, что только мыслит и чувствует.

Российская история представляет много блестящих эпох величия и славы. Но до какой бы степени могущества и блеска ни достигла Россия, осьмнадцатое столетие будет всегда почитаться знаменитейшею эпохою ее истории. В сем веке Великий П е т р выдвинул Россию из мрака и утвердил ее между европейскими державами. Созданы законы, благоустроенное воинство, флоты, насаждено просвещение. Е к а т е р и н а Великая усовершила начатое П е т р о м, и Россия, как исполин, которому развязали руки, скрепленные узами, и сняли покров с глаз, Россия, говорю я, распростерла и утвердила владычество свое над полумиром. Осьмнадцатый век славится множеством доблестных россиян, политиков, воинов, ученых и литераторов. Мы поныне, так сказать, живем и питаемся атмосферою осьмнадцатого века — блеск его славы поныне озаряет нас. Россияне гордятся, называясь потомками сподвижников П е т р а и детьми современников Е к а т е р и н ы.

Здесь предлежит разрешению один вопрос: правда ли, как некоторые утверждают, что стечение великих людей образует славу и величие царствования, не-

зависимо от способностей самого правителя? Нет. Великие государи созидают великих людей и открывают им поприще. Главнейшая черта гения, первое качество ума высокого и пронизательного, есть *способность познавать людей*. Одна из спасительнейших принадлежностей монархического правления есть та, что государь, независимо от обстоятельств, может человека, подняв из праха, поставить на первой ступени трона и сокрушить жезл его могущества, если он употребляет его во зло. Материалы величия и славы, таланты, гении по большей части первоначально скрываются в прахе. Сколько мрамору в мире, а много ли Аполлонов Бельведерских? Для этого надобны великие художники. Одни находят простые камни на берегах Потози, а другие бриллианты; одни черпают глину у подножия горы, другие в том же месте выкапывают золото. Одни только великие люди могут находить гениев или открывать зарытые в земле таланты.

Древние, олицетворяя все способности души и ума, представляли гения в виде крылатого юноши. Это значит, что для полета гения надобно большое пространство. Русские понимали это исстари. У нас существует поговорка: *ум любит простор*. В других образах правления раздоры партий часто заграждают пути гению и заставляют его, вместо того чтобы действовать, истощаться в одних звуках. Под эгидою мудрого европейского монархического правления великий человек может действовать свободно для общего блага, не опасаясь преград. В пример поставлю П е т р а I и Долгорукого.

Ни один из российских героев не приобрел столь исполинской, всемирной славы, как Суворов. Он родился гением. Е к а т е р и н а постигла его, обстоятельства открыли ему поприще, и мудрая государыня умела дать направление его быстрому полету. Суворов обязан своею славою природе и Е к а т е р и н е Великой.

Но кто таков был Суворов? Бросим взгляд на этот нравственный феномен и постараемся разгадать его характер.

Свет наполнен анекдотами о его особенных поступках, которые, в общепотребительном языке, называются странностями. Суворов жил, действовал и говорил не так, как другие. Силою своей души он, так сказать, вылил свой характер в форму, дотоле несуществовавшую; среди обыкновенных, протоптанных стезей к величию проложил себе необыкновенный, новый путь. Все вокруг его дышало роскошью, блистало богатством. Суворов один жил как простой воин, питался солдатскою пищею, ездил верхом на казачьей лошади, носил мундир из толстого сукна и из всех наружных украшений любил только знаки отличия, заслуженные им на поле брани. Утонченность в обращении, изысканность в речах в его время дошли до высочайшей степени. Суворов обходился со всеми по-лагерному, изъяснялся кратко, отрывисто, иногда фигурами, часто двусмысленными выражениями. К чему вела его такая оригинальность? Суворов сократил этим все формы, все мелочные преграды, находившиеся на пути, ведущем к цели, им избранной; он нашел легкое средство отделяться от толпы, заграждавшей ему дорогу. Чтобы установить некоторое равновесие между собою и людьми тщеславными, мимо которых ему надлежало проходить к высоте, он бросил им на забаву свой диогеновский плащ. Одним словом, оригинальность Суворова была обдуманная в высоком уме и исполненная при помощи его сильного характера: она сделала его *единственным* при дворе, *единственным* в армии. Всеобщее внимание обращено было на него, и он талантами своими и заслугами превратил внимание в удивление; счастливо достигнув цели, заставил уважать средство и, быв сперва *единственным* по оригинальности, сделался *единственным* по достоинству.

Суворов имел обширный ум, счастливую память, глубокие сведения в науках и прочитал все, что только было написано о теории военного искусства. Но он не любил ни сухих прений о военном деле, ни кабинетных тактиков. Планы сражений он созидал в виду неприятеля, осведомившись о его силе, способах, за-

нимаемом им местоположении и духе войска. Новость поражает умы и дает преимущество тому, кто искуснее в новом изобретении. Суворов создал новую тактику, которой главные правила были: быстрота и натиск. Опыт оправдал пользу его изобретения, и все генералы нашего времени приняли его методу. Суворов переменял образ войны европейской; Наполеон усовершенствовал методу. «Голова не ждет хвоста; пуля дура, штык молодец!» — вот в каких словах Суворов изъяснял свою тактику, которую все исполняли охотно, потому что все, от генерала до солдата, понимали Суворова. Тактика Наполеона была та же.

Суворов знал, что надобно употребить необыкновенные средства, чтобы заставить людей охотно жертвовать собою по одному слову, по одному мановению презирать тягчайшие труды, переносить весело все недостатки. Чтобы составить воинство единоедушное, непоколебимое, алчущее побед и славы, Суворов, как новый Прометей, образовал новых людей на свой образец. Он, так сказать, слился душою со своим воинством, перелил в него свою душевную крепость и запечатлел в сердцах и в памяти составленные им самим понятия об обязанностях солдата: он сам сделался первым образцом и, составив *дух воина* по своему желанию, образовал так называемых *суворовских солдат*. Ему легко было управлять своим собственным созданием, которого он знал все составные стихии и весь механизм: главные пружины были беспредельная привязанность и слепая уверенность к начальнику. Это одно только производит военные чудеса. Наполеон так же поступал, как и Суворов: он образовал особое воинство, которое гордилось именем наполеоновских солдат. Он называл чувство, оживлявшее его воинов, и привязанность к себе *la moral de l'armée* (нравственные армии). Когда Наполеона упрекали, зачем он не старался собрать остатков своей армии в Вильне, чтобы воспротивиться переходу русских через границу, Наполеон отвечал: «Я не мог этого сделать, потому что *нравственное* моей армии исчезло в непреодолимых бедствиях». Суворовские солдаты шли на смерть и во все опасности, как на пиршество, с веселыми песнями и музыкою, с каким-то особенным чувством самонадеянности и уверенности в победе. Они охотно умирали за православную церковь, за матушку царицу и за *батюшку* Суворова. Суворов не имел в армии другого названия.

«Как батюшка наш скажет, так и будет!» — было обыкновенное заключение не только солдатских, но и офицерских рассуждений о военных предприятиях.

Суворов в высшей степени одарен был способностью познавать будущее по соображению настоящего. Сделав несколько вопросов человеку, иногда странных и аллегорических, он по ответам заключал о его способностях и уме — и редко ошибался. Он старался окружать себя отличными и точными исполнителями и избегать людей, которые любят представлять возражения, подавать советы, проекты и т. п. Он в уме своем и в душе чувствовал довольно силы, чтобы действовать самим собою, и потому требовал от своих подчиненных только точного исполнения своей воли, расторопности и храбрости. Так как мы выше упомянули, что Суворов не любил распространяться в рассуждениях о теории военного искусства и составлял планы сражений на лету, на месте сражения, так сказать, по вдохновению, то в его школе образовалось более отличных исполнителей, нежели искусных полководцев. Подражать ему и пользоваться его примерами было невозможно, ибо он созидал на каждом шагу и, подчиняя обстоятельства своему гению, не мог передать того другим людям, что дается одною природою. Возвратясь из Италии, Суворов, будучи болен, в Кобрине писал к Е. Б. Фуксу (Ист. Росс.— Австр. камп. Ч. III. С. 654): «Вот моя тактика: отважность, храбрость, пронизательность, прозорливость, порядок, мера, правило, глазомер, быстрота, натиск, человечество, мир, забвение».

«Все войны между собою различны. В Польше нужна была масса; в Италии нужно было, чтоб гром гремел повсюду, и проч.»

Должно согласиться, что подобные качества трудно приобретать, не будучи одаренным оными свыше. Постигнуть Суворова во всех тонкостях его военного искусства было столь же трудно потому, что он действовал везде лично и перед делом изъяснялся почти всегда неопределенно. В главных только распоряжениях или операциях он поверял свои мысли другим на бумаге. Но генерал, исполнявший в точности поручения Суворова, как бы они ни казались необыкновенными и странными, мог быть уверен в приобретении прочной и блистательной славы. Суворов, обдумав путь, по которому надлежало стремиться к цели, за одно удачное исполнение возлагал всю славу успеха на подчиненных и выставлял их всегда на первом плане картины. Он чувствовал свое превосходство и потому не знал ни зависти, ни соревнования. Он любил, как детей, как братьев, своих верных сподвижников и обходился с ними как искренний друг. Главнейшими пороками в военном человеке он полагал нерешительность, медленность и слабость характера; для таких людей у него не было пощады ни в словах, ни в обращении.

Что же касается до его предвидения, то стоит только прочесть первую статью во второй части сочинения г-на Фукса для удостоверения, что если б план Суворова был исполнен в свое время, то гидра французской революции была бы истреблена при самом ее рождении. Все, что исполнено в 1813 и 1814 годах, Суворов предвидел в 1799 году.

Большая часть иностранных военных писателей не понимала и поныне не понимает Суворова. Они судят о нем по наружности. Его оригинальность, простоту в словах, в обхождении и в образе жизни, следствия высокого его ума и характера, они почитали невежеством и быстрые его успехи, следствие обдуманного его соображений, приписывали счастью. Говорят, что, когда при Наполеоне говорили о том, что большую часть побед должно отнести на счет счастья полководцев, он отвечал:

— Правда; но это счастье приходит только к умным людям.

Суворов отвечал точно так же по сему предмету:

— Сегодня счастье, завтра счастье; помилуй, братец! Надобно сколько-нибудь и ума.

Мнение двух великих полководцев об одном предмете должно почесть неопровержимую истину. Главная ошибка иностранцев в мнении о Суворове происходит оттого, что они вовсе не знают России и характера русского народа. Суворов таким, каковым он был, мог только существовать в России и в свое время. Пусть теперь иностранцы и противники прочтут 2-ю и 3-ю части сочинения, изданного г-м Фуксом: они из замечаний, диспозиций, писем и донесений Суворова увидят все величие, весь ум сего великого, необыкновенного человека.

Суворова упрекают в том, что он не дорожил жизнью своих воинов и подвергал их почти неизбежным опасностям. Мы согласны, что методическая тактика Мальбурга, принца Евгения и Тюрена имеет свое неоспоримое достоинство; но Суворов жил и действовал в такое время, когда ему надлежало употреблять новые, необыкновенные средства к достижению своей цели. Прежние полководцы сражались только с одними неприятельскими войсками: Суворов должен был сражаться с народами, возбужденными к войне политическими мнениями. В подобных случаях одна блистательная победа над войском не решит участи войны и не доводит до цели.

В сем случае не одним числом побед, но и скоростью должно уничтожить силу, быстротою военных операций пресечь все средства к противоборству, твердостью и решительностью мер поколебать все замыслы, все предназначения неприятелей. Борьба с мнениями требует других средств, нежели борьба с одною

силой. Бывают случаи, когда капитану корабля поставляется в обязанность бросать в море пушки, снаряды, сокровища и оставлять судно на произвол ветров, для спасения экипажа; бывают случаи, когда должно жертвовать всем для спасения корабля. Одним словом, поступки полководцев зависят от обстоятельств, и тот заслуживает величайшую похвалу, кто умел постигнуть дух своего времени, овладеть обстоятельствами и употребить их в свою пользу — для достижения цели, предначертанной ему правительством. Суворов исполнял счастливо все, что на него было возлагаемо; он приобрел милость и уважение своих государей, благодарность соотечественников, беспримерную любовь воинов и удивление величайших генералов своего времени. После этого можно ли Суворова обвинять в чем-нибудь?— Он гений умом, исполин подвигами и характером, слава и честь России! Суворов то же между частными людьми, что П е т р В е л и к и й между государями.

ЛАРГИ ГРОМ

В русско-турецкую войну 1768—1774 годов летняя кампания 70-го года самая яркая. Отныне и навсегда вошла она в военную историю России и всего мира как образец наступательной стратегии.

Войну эту зачастую зовут р у м я н ц е в с к о й, поскольку все основные победы связаны с именем фельдмаршала Петра Александровича Румянцева.

Сын «птенца гнезда Петрова», Румянцев родился в 1725 году. Подпоручик в 15 лет, полковник — в 18, генерал — в 31 год. Герой Семилетней войны с Пруссией, основные сражения которой — Гросс-Егерсдорф, Кунерсдорф, взятие Кольберга — происходят при его доминирующем участии, он по праву считается одним из наиболее талантливых военачальников Европы.

Война с Турцией закрепила и упрочила это мнение.

Наиболее выдающиеся его победы в этой войне — при Ларге и Кагуле. До Ларги было сражение при урочище Рябая Могила, где русские разгромили татарскую конницу. Теперь же им противостояла — кроме татар — отборная османская пехота...

Ночью в неприятельский лагерь бежал офицер — поляк прапорщик Квитковский, выдавший планы Румянцева, — теперь противник знал о готовящемся наступлении. Фактор внезапности был утерян.

Однако предательство Квитковского изменило планы русского командования лишь в малой степени. Понимая, что сражение не отменит — хан, да и турецкие паши были настроены решительно — и что превосходство противника в людях при атаке будет очевидным, Румянцев лишь перенес начало наступления на два часа ранее. Желая хоть немного дезориентировать хана, выступавшего в роли главнокомандующего, он приказал оставить на месте ночлега палатки и лагерьные костры, надеясь, что Каплан-Гирей поверит в невозможность сегодняшнего наступления русских в связи с предательством бывшего офицера.

План атаки был оставлен в неприкосновенности: седьмого июля наступать должна была вся армия, кроме арьергардного отряда полковника Каковинского. Малые силы русских предполагали удар в едином порыве — это был единственный залог успеха.

Каждый из генералов, казалось, наизусть помнил слова диспозиции, произнесенные на военном совете главнокомандующим:

— Тогда как вся армия будет атаковать противника в правый фланг, корпус генерал-поручика Племянникова ударит по левому неприятельскому крылу. Господа, от храбрости и искусства предводителя определенной к тому части войск зависит будет и облегчение действий армии. И споспешествование самой над неприятелем победы — овладением лагеря. Первенство и достоинство генерала, столь праведно отличающие его между иными искусными генералами опытами и самим временем службы, преклонило на нем мой выбор.

— Господин генерал-поручик, — обратился Румянцев к Племянникову. — Корпус ваш будет состоять из вверенной Вашему превосходительству дивизии, к которой определяется еще один из егерских батальонов полковника Фабрициана, шесть эскадронов кавалерии от корпуса генерал-квартирмейстера Баура и часть легких войск.

— Корпусам господ генералов Репнина и Баура выступить из их мест и следовать: генералу Бауру — на левую оконечность нашей линии, генералу Репнину — подле него справа. Приблизясь к Ларге, навести четыре моста, перейти реку и построиться к атаке.

Главные силы армии под моим командованием начнут движение к моменту наведения мостов через Ларгу. Им надлежит идти за корпусами господ Репнина и Баура в трех колоннах. Коннице быть промеж передовых каре и каре главных сил. Казакам и арнаутам — быть на флангах для сдерживания нападков на наши тылы и фланги. Впрочем, в писаной диспозиции вы прочтете сии пункты более подробно изложенные.

И последнее, господа, прошу вас данное довести до сведения и подчиненных ваших. Конечно, всякий верный сын Отечества сделает все полезное и сверх предписания сего. Начальники полков, увидя какую-нибудь перемену в ходе битвы, не пропустят случая сделать движений, согласных с успехом сражения. Это все, господа. Готовьте людей. Скоро уж в бой...

Отряды Репнина и Баура наступали тремя каре по хребту между реками Ларга и Бабикул, имея на флангах егерей уступом вперед. Перед этим, соблюдая предписанный порядок, в полнейшей тишине, от которой зависели успех дела и жизнь всех, с изумительной точностью, согласно намеченному, перешли Ларгу. Никто не подталкивал и не направлял — каждый знал свои действия и свое место. Слышны были лишь тихие команды начальников:

— Осторожнее, ребята, не шуметь.

Переправившись, русские заняли высоты левого берега и перед самым рассветом выстроились к бою.

Татарские пикеты, согнанные с места движением корпуса Баура, возвестили в своем лагере о шестии неприятельских войск. Поэтому поначалу в ставке у татар показались большие огонь и дым — сигналы тревоги, а потом раздался всеобщий крик и началась безрассудная сумятица. Хан все же до конца не верил в возможность наступления столь малыми силами на его войска.

Первое, что сделали татары, — это открыли по наступающим русским каре сильную канонаду со своих батарей. В ответ на это Румянцев приказал подготовить атаку подковообразного укрепления, сначала подавил его огнем своей артиллерии, а затем — предпринять наступление группами Репнина, Баура и Потемкина.

Основные силы под его начальством шли за этими тремя отрядами в едином большом каре, имея позади всю регулярную конницу.

Вглядевшись в картину разворачивающегося сражения, Румянцев бросил через плечо адъютанту:

— Генерал-майора Мелиссино ко мне!

Тот появился почти сразу же:

— Я здесь, Ваше сиятельство.

— Все орудия вашей бригады — к атакующим каре. Поставьте батареи между кареями господ Репнина и Потемкина. Весь огонь — на главный ретраншемент.

— Слушаюсь!

Сто сѣмьдесят орудий полевой бригады Мелиссино создали мощную огневую поддержку наступающим.

Назначенные к атаке каре подошли к укреплению на двести шагов и открыли сильный огонь картечью из полковых и полевых орудий. Особенно губительны для татар и турок были залпы бригады Мелиссино. Неприятельская артиллерия, захлебываясь, вскоре замолчала вовсе.

— Что Племянников? — вновь задал вопрос Румянцев своему окружению.

— Перешел Ларгу, Ваше сиятельство,— мгновенно ответил Олиц.— Выстраивается для атаки третьего и четвертого ретраншементов.

— Добро!

Корпус Племянникова, исполняя самостоятельную задачу, определенную ему диспозицией главнокомандующего, в самом начале боя наступал в направлении моста через Ларгу. Не доходя до него версты полторы, корпус развернулся перед оврагом и тем самым привлек внимание неприятеля, имитируя направление главного удара.

Действуя в составе двух каре, Племянников открыл против левого фланга Каплан-Гирея жесткую канонаду. А после того как татары отвлекли все же с этой стороны часть своих сил для защиты правого фланга, подвергающегося атаке главных отрядов армии Румянцева, быстро двинул свои каре по деревянному мосту через реку, продолжая отвлечение хана.

Деятельность его не ограничивалась лишь имитацией атаки — это также было предусмотрено: максимальная активность небольшими силами. И к четырем часам он — как и Репнин с Бауром — сбил передовые татарские посты и приблизился к укреплениям. Когда же Племянников услышал сильную канонаду, производимую Мелиссино, тоже открыл артиллерийский огонь по противнику, подойдя вплотную с севера к Ларге.

Боясь атаки с двух сторон, хан решил ударом во фланг и тыл Репнина и Баура, и также и главному каре отразить их наступление. Для этого он бросил с правого фланга долиной Бабикула всю конницу.

Румянцев тотчас отвратил опасность от армии и свел на нет все маневры противника:

— Яков Александрович,— обратился он к начальнику третьей дивизии Брюсу,— отрядите в лощину бригаду Римского-Корсакова. Надо запереть там татар. Да не забудьте артиллерию.

— Слушаюсь, Ваше превосходительство,— Брюс распорядился направить в долину Бабикула бригаду генерал-майора Корсакова в составе Санкт-петербургского и Апшеронского полков и батарею большой артиллерии майора Внукова.

Бригада спустилась в долину и, встав в каре, открыла продольный огонь по идущей коннице, что заставило татар выйти из противоположной стороны лощины на высоты. Чтобы сбросить неприятеля оттуда, Внуков расположил на северной возвышенности, где стояли русские легкие войска, батарею и также открыл продольную пальбу.

Вскоре Румянцеву было доложено, что противник из долины прогнан, опасность нападения на русский тыл ликвидирована: фланг и тыл атакующей каре Репнина, Баура и Потемкина были теперь надежно прикрыты.

Румянцев в этот момент прибыл к этим каре, препоручив вести построенное им главное каре в боевом порядке Олицу, а левую сторону — предохранять Брюсу. Сам же он решил в определяющем пункте лично руководить боем:

— Вперед, ребята! В атаку! Ура!

Каре Репнина и большая часть сил Потемкина атаковали турок и татар с фронта. Часть сил отряда Потемкина под командой бригадира Ржевского охватывала их правый фланг. Корпус Баура вышел еще левее и открыл сильный огонь вдоль укреплений и в тыл неприятелю.

Бригада Мелиссино пришла на помощь артиллеристам Внукова — татарская кавалерия была отогнана от русских тылов окончательно.

Первый ретраншемент хана был атакован с трех сторон. Противник стал подаваться, и каре Репнина под прикрытием артогня подошло к самому укреплению. Пехота не шла, а бежала на крутую гору, не теряя при этом строя, и с разбегу заняла окопы. Подполковники Ельчанинов и Фалкеншильд первыми ворвались туда с криками победы.

- Луи, ребята!
- Ура, братцы!
- Алла!

Противник ожидал, что русские бросятся грабить лагерь — хан отступал столь поспешно, что не успел ни вывезти, ни спрятать, а его подчиненные не успели растащить богатейшую казну. Солдаты постоянно натыкались на груды монет, россыпи жемчуга и камней, но поскольку им было не до этого — враг еще сопротивлялся,— все это так и оставалось лежать.

Сохраняя полный порядок, русская пехота продолжала рваться в глубину расположения противника.

С началом атаки на первый ретраншемент корпус Племянникова в двух каре двинулся к долине Ларги. Первое генерал-поручик возглавил сам, имея в подчинении генерал-майора Гротенгельма и бригадира Гудовича, а второе каре поручил генерал-майору Замятину. Поставив батарею на краю долины, командир корпуса приказал открыть огонь по укреплению левого фланга. Турки отвечали. Канонада гремела оглушающе, но в общей симфонии боя ее почти не было слышно.

И поэтому Румянцев, руководя наступающей пехотой Репнина, Баура и Потемкина, все время мучительно прислушивался.

— Что-то не слышно Племянникова. Где его пушки?

— Ваше превосходительство,— отвечали ему,— генерал-поручик Племянников ведет огонь на левом фланге Каплан-Гирея.

— Пошлите сказать ему, чтоб не забывал о главном. А сие — четвертый ретраншемент!

Фронтальная атака Племянникову удалась — он овладел правым укреплением и пошел на левый ретраншемент, четвертый. Укреплениями своими это отделение превосходило все три первые примыкавшие к нему с правой стороны шанцы. Батареи и глубокие рвы заграждали проход, как и самая увесистая гора, на которой эти укрепления были построены.

Каре Племянникова — полки: четвертый гренадерский, астраханский и московский пехотные — спустились в долину Ларги, вплотную подошли к ретраншементу. Турки из своих левофланговых укреплений постарались атаковать русское каре во фланг, но все их попытки были решительно отражены.

Полки сами начали движение вперед — полезли на крутизну. Подъем был настолько сложен, что солдаты сначала поддерживали друг друга, а потом, хватаясь руками за пучки травы, ползком продвигались к окопам.

В это время каре, состоящее из бутырского и муромского пехотных полков и батальона егерей под командованием Замятина, по приказу командира корпуса атаковавшее третий ретраншемент левее большого оврага, отделявшего его от четвертого, уже справилось с задачей.

Относительная легкость предприятия заключалась и в том, что Репнин, Баур и Потемкин, подкрепляемые главными силами, уже овладев правым укреплением, быстро взяли — на плечах турок — и второй ретраншемент, поскольку он был обращен к ним тылом. Османы начали сбегаться к третьему, куда двинулись и эти каре.

Все три генерала шли вдоль третьего укрепления, а Замятин атаковал в лоб. Противник не выдержал перспектив полного обхода и начал поспешное отступление к сильно укрепленному четвертому ретраншементу, по какому-то недоразумению считавшемуся неприступным.

Пехота Племянникова почти уже преодолела склон, как тут, продолжая свое движение, появились три передовые русские каре. Готовясь к атаке во фланг — Репнин, Баур и Потемкин, чтобы не идти через утесистый овраг, приняли влево и теперь вышли сбоку от окопов.

Увидев себя окружаемыми, турки принялись бросать позиции, и русская пехота, наконец, преодолев все трудности, снося залпы неприятельской артиллерии, под выстрелами собственных батарей вступила во внутренность ретраншемента.

Итоги? Противник обратился в паническое бегство на юг по восточному берегу Прута. Пехота русских не могла преследовать турок — так резво те ретировались. Тяжелая кавалерия Салтыкова долго гнала конных татар, но без особого успеха, так как последние на легких лошадях постоянно отрывались от драгун.

Приказ же Румянцева Салтыкову — отрезать турецкую пехоту — своевременно не дошел, поэтому потери у неприятеля были не такие, как могли и должны были быть после подобного разгрома: тысяча убитых. Было взято триста орудий, восемь знамен и весь лагерь.

После боя Румянцев лично подъезжал к каждому начальнику и изъявлял признательность за благоразумие и мужество, а солдатам — за рвение и храбрость. Служивым же корпусов Репнина, Баура и Племянникова досталось и по тысяче рублей на отряд — именно они бились на кисетах с пиастрами и камнями. Отмечая это, главнокомандующий сказал:

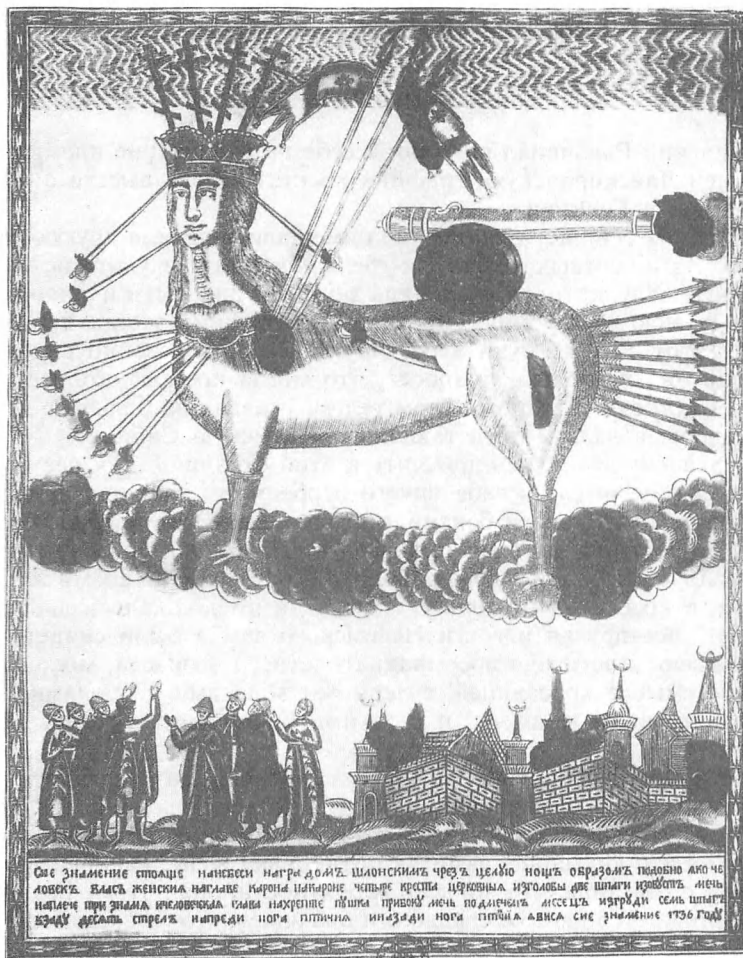
— Благодарю вас, воины, что не посрамили вы славного имени р о с с и й-ск и х солдат! Что не ринулись вы алчущей толпой на рухлядь османскую, забывая при том, что главная добыча воинства — м о щ ь Отечества! Спасибо вам за викторию!

Наградой Румянцеву за Ларгу был орден Святого Георгия I степени. Не считая Екатерины II, которая также возложила подобный знак на себя, как гроссмейстер ордена, Румянцев стал первым кавалером высшей степени единственного военного ордена России.

Вскоре был Кагул, и он стал фельдмаршалом. Был переход с армией за Дунай, и он стал Румянцевым-Задунайским. В 1774 году он заключил мир с Портой и по-прежнему управлял Малороссией, которая ему была поручена еще в начале 60-х годов. Потом снова была русско-турецкая война — 1787—1791 годов, — и вновь он — командующий одной из армий.

Умер Румянцев в 1796 году — через несколько недель после воцарения Павла I, захватив таким образом всю российскую историю XVIII столетия — от Петра до Павла.

КУНСТКАМЕРА

Занимательная историческая
смесь

ЛИСТКИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»

Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов
именитых людей П. О. Карбановым

РОДОСЛОВНАЯ ЧУДЕС

РОКОВОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ

Князь и княгиня Радзивилл приняли к себе на воспитание племянницу свою, графиню Агнесу Ланскоронскую; графиня воспитывалась вместе с их детьми в Невемском замке, в Галиции.

Для перехода из той части замка, где помещались дети, в другую его половину, состоящую из приемных комнат, и где жили князь и княгиня, нужно было пройти огромную залу, которая разделяла замок на две части и занимала середину постройки во всю ее глубину. Шестилетняя графиня всегда пугалась и кричала, проходя этот зал, по пути в гостиную, где обыкновенно сидели князь и княгиня. Когда она настолько подросла, что могла кое-как объяснить причину своего обычного страха, то, дрожа всем телом, указала на большую картину, висевшую над дверями зала и представлявшую Кумскую Сибиллу.

Напрасно девочку старались приучить к этой страшной для нее картине, которая, однако же, не имела в себе ничего особенного; наконец, дядя, видя, что она не может преодолеть своей боязни, приказал вынести Кумскую Сибиллу, несмотря на то, что картина эта была произведение Тициана. Агнеса не переставала бояться, проходя через зал, и всегда обходила его двором; во время же дождя или снега ее несли в кресле на половину тетки. Так продолжалось двенадцать или тринадцать лет. Все друзья и гости Невемского замка были свидетелями того, что я рассказываю. Достигнув восемнадцатилетнего возраста, молодая графиня была в полном смысле красавицей, с черными волосами и бровями, с плечами, словно выточенными из мрамора, и с такими изящными ручками, какие редко можно встретить.

В день Рождества Христова в замке собралось до шестидесяти человек гостей — соседних дворян. Молодежь захотела повеселиться в большой зале замка. В первый раз графиня Агнеса, входя в зал, не выказывала никакого страха. Дядя обратил на это внимание, заметив потихоньку жене: наконец Агнеса поумнела; княгиня же ответила, что, по всей вероятности, она потому решилась войти в зал, что приближается день ее свадьбы и она знает, что бал, по обычаю, должен быть в этой зале.

Однако ж у самых дверей Агнеса остановилась, решимость ее исчезла, и прежний детский ужас овладел ею; дядя ей сделал выговор, гости шутили и смеялись над ней, но, несмотря на это, она, схватившись за дверь, далее не двигалась. Ее шутя втолкнули в зал и затворили дверь, чтобы она не могла уйти. Девушка умоляла, чтобы ее выпустили, говоря, что жизнь ее в опасности и она сейчас же умрет. Вслед за этими просьбами послышался сильный треск, а затем наступила мертвая тишина. Оказалось, что картина, которую вновь повесили на прежнее место, сорвалась с крючка и упала на голову несчастной, причем железная вызолоченная стрела княжеской короны Радзивиллов, украшавшей картину, вонзилась в череп девушки, и она была мгновенно убита. Рассказываю этот загадочный случай со слов князя Гогенлоэ (*Souvenirs de la marquise de Crequis. Paris, 1838, p. 175, v. II*).

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

В начинающих проникать в публику «записках» покойного Бисмарка нашлось описание следующего поразительного факта.

В 1849 году Вильгельм, тогда еще прусский принц, был в Лондоне, где в то время славилась на всю Англию некая гадалщица.

Принц отправился к ней.

Она предсказала Вильгельму, когда он сделается императором и когда умрет.

— Ты будешь царствовать не только над своим теперешним народом, но и над всеми немцами,— сказала гадалка.

— А когда это случится?— перебил ее принц.

— Сложи цифры текущего года с отдельными цифрами, составляющими этот год.

$$1849 + 1 + 8 + 4 + 9 = 1871.$$

— Вот год твоего восшествия на императорский престол!— воскликнула гадалщица.

— Но я к этому времени буду стар,— заметил с досадой будущий император.

— Ты проживешь очень долго,— был ответ гадалщицы.

— Приблизительно сколько?

— Не приблизительно, а безошибочно ты узнаешь, когда умрешь, если цифры года твоего восшествия (1871) сложишь с отдельными цифрами, составляющими этот год.

$$1871 + 1 + 8 + 7 + 1 = 1888.$$

Предсказание сбылось в точности.

Принц Вильгельм стал императором в 1871 году, а скончался в 1888-м. (Ребус, 1898, № 34).

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ВИДЕНИЕ

Г-жа Манассейна сообщает в письме к профессору Ш. Рише в «Annales des sciences psychiques» за 1895 год следующий случай видения.

Это было 4 ноября, в пятницу, в десять часов утра, в гостиной, освещенной солнцем. Г-жа М. рассказывала г-же Михеевой, учительнице музыки своей дочери, о вчерашнем посещении собора. Вдруг рассказчица увидела около раскрытого пианино знаменитого композитора Антона Рубинштейна. Он был одет в черное, руки держал на клавишах, а свою львиную голову откинул немного назад. Г-жа М. видела Рубинштейна от себя направо, так как пианино находилось сбоку. Желая хорошенько присмотреться к бестелесному пианисту, она повернулась к нему, но видение постепенно исчезло. Г-жа М. сказала о своей галлюцинации дочери и учительнице музыки, заметив при этом: «Счастье, что г. Рубинштейн здоров, так как иначе это видение могло бы вызвать суеверные беспокойства, тем более что за несколько дней перед смертью государя я видела его галлюцинаторный образ».

После этого видение повторилось в тех же условиях еще два раза с небольшими промежутками, каждый раз расплываясь, подобно дыму в сыром воздухе, когда галлюцинатка поворачивалась к видению. В тот же день г-жа М. рассказала о своей галлюцинации профессору Тарханову, который, вместе с г-жой Михеевой, подтверждает действительность сообщения ею факта галлюцинации. Пять дней спустя, то есть 9 ноября, стало известно, что утром в два часа Антон Рубинштейн неожиданно умер, но чувствовал себя нездоровым еще с пятницы. К этому нужно прибавить, что знаменитый пианист был в доме г-жи М. только один раз и вовсе даже не садился к пианино. (Б и т н е р В. Верить или не верить? Спб., 1899).

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ ГРАФИНИ А. Д. БЛУДОВОЙ»

Один из родственников деда моего, князя Андрея Николаевича Щербатова (никак не могу вспомнить его имени), рассказывал, как очевидец, об известном неразгаданном явлении перед смертью Анны Иоанновны. Вот как рассказывал мой дед. Его товарищ был дежурный со взводом солдат в карауле, вечером за несколько дней до смерти Анны Иоанновны. Это было во дворце на Фонтанке у Аничкина моста, в том самом доме, где теперь Троицкое подворье, в покоях митрополита московского. Караул стоял в комнате подле тронной залы; часовой был у открытых дверей. Императрица уже удалилась во внутренние покои, говоря словами гоф-фурьерских записок. Все стихло; было уже за полночь, и офицер уселся, чтобы вздремнуть. Вдруг часовой зовет на караул, солдаты вскочили на ноги, офицер вынул шпагу, чтоб отдать честь. Он видит, что императрица Анна Иоанновна ходит по тронной зале взад и вперед, склоня задумчиво голову, закинув назад руки, не обращая внимания ни на кого. Часовой стоит как вкопанный, рука на прикладе, весь взвод стоит в ожидании; но что-то необычайное в лице императрицы, и эта странность ночной прогулки по тронной зале начинает их всех смущать. Офицер, видя, что она решительно не собирается идти дальше залы, и не смея слишком приблизиться к дверям, решается, наконец, пройти другим ходом в дежурную женскую и спросить, не знают ли намерения императрицы. Тут он встречает Бирона и рапортует ему, что случилось. «Не может быть, — говорит герцог, — я сейчас от императрицы, она ушла в спальню ложиться». — Взгляните сами: она в тронной зале.

Бирон идет и тоже видит ее. «Это какая-нибудь интрига, обман, какой-нибудь заговор, чтобы подействовать на солдат!» — вскричал он, кинулся к императрице и уговорил ее выйти, чтобы в глазах караула изобличить какую-то самозванку, какую-то женщину, пользующуюся некоторым сходством с ней, чтобы морочить людей, вероятно с дурным намерением; императрица решила выйти, как была, в нудермантеле; Бирон пошел с нею. Они увидели женщину, поразительно похожую на нее, которая нимало не смутилась. «Дерзкая!» — вскричал Бирон и вызвал весь караул. Молодой офицер, товарищ моего деда, своими глазами увидел две Анны Иоанновны, из которых настоящую, живую, можно было отличить от другой только по наряду и по тому, что она взшла с Бироном из другой двери. Императрица, постояв минуту в удивлении, выступила вперед, пошла к этой женщине и спросила: «Кто ты, зачем ты пришла?» Не отвечая ни слова, та стала пятиться, не сводя глаз с императрицы, отступая в направлении к трону, и, наконец, все-таки лицом к императрице, стала подниматься, пятившись, на ступеньки под балдахин. «Это дерзкая обманщица! Вот императрица! Она приказывает вам, стреляйте в эту женщину», — сказал Бирон взводу. Изумленный, растерявшийся офицер скомандовал, солдаты прицелились. Женщина, стоявшая на ступенях у самого трона, обратила глаза еще раз на императрицу и исчезла. Анна Иоанновна повернулась к Бирону, сказала: «Это моя смерть!» — затем поклонилась остолбеневшим солдатам и ушла к себе.

Это один из самых достоверных рассказов о привидении. Очень мне досадно, что я забыла имя офицера, который был очень близок к деду и сам передавал ему все подробности недолго после этого неразгаданного случая. Через несколько дней или часов Анна Иоанновна скончалась, я тоже не запомню срока (Русский архив, 1889, кн. 1).

О НАШИХ АВТОРАХ

Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873) — известный русский поэт. Автор лирических сборников «Стихотворения» (1835), «Стихотворения» (т. 1—3. 1856), «Новые стихотворения» (1857).

Салиас де Турнемир (литературное имя — граф Салиас) Евгений Андреевич (1840—1908) — популярнейший русский писатель второй половины XIX — начала XX в. Граф, сын известной писательницы графини Елизаветы Васильевны Тур, племянник писателя А. Сухова-Кобылина. Автор повестей, пьес, исторических романов. Среди них такие крупные историко-художественные произведения, как «Пугачевцы» (1874), «Петербургское детство» (1880—1881), «На Москве» (1885), «Свадебный бунт (1705)» (1886), «Путевые очерки исканий» (1864) и др.

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897) — крупный русский поэт. Брат известного критика и публициста Валериана Николаевича Майкова. Среди произведений А. Н. Майкова, сведенных в многочисленные поэтические циклы, антологическая поэзия, стихи на исторические темы, пейзажная, любовная, гражданская лирика.

Кузмин Михаил Алексеевич (1875—1936) — русский писатель, композитор. В его многогранном творчестве книги стихов «Сети» (1908), «Осенние озера» (1912), «Глиняные голубки» (1914), «Нездешние вечера» (1921), «Форель разбивает лед» (1929); сборник стихов и нот «Куранты любви» (1910); повести «Крылья» (1907), «Приключения Эме Лебефа» (1907), «Покойница в доме» (1914).

Гумилев Николай Степанович (1886—1921; расстрелян как «участник контрреволюционного заговора») — выдающийся русский поэт. Автор книг стихов «Путь конквистадоров» (1905), «Романтические стихи» (1908), «Жемчуга» (1910), «Чужое небо» (1912), «Колчан» (1916), «Фарфоровый павильон», (1918), «Огненный столп», «Шатер» (обе — 1921), «Стихотворения. Посмертный сборник» (1922). Среди произведений Н. С. Гумилева — поэма «Мик» (1918), сборник рассказов «Тень от пальмы» (1922), пьесы «Гондла», «Дитя Аллаха» (обе — 1917), сборник статей «Письма о русской поэзии» (1923), очерки «Записки кавалериста» (1915—1916). Муж знаменитой русской поэтессы Анны Андреевны Ахматовой.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — известный русский поэт. Среди его произведений сборники стихов «Ярь», «Перун» (оба — 1907), «Дикая воля» (1908), «Избранник» (1916), «Ангел Армении» (1918), «Серп» (1921), «Думы» (1942), «Северное сияние» (опубл. в 1968) и др.; поэмы «Шофер Владо» (1918), «Красный Питер» (1922), «Три сына» (1956); повести «Сугуловское гнездовье» (1915), «Адам» (1917), «Сады Семирамиды» (опубл. в 1971); новый

текст к опере И. Глинки «Иван Сусанин» (1937—1944), стихи для детей, переводы статей, воспоминания.

Солоухин Владимир Алексеевич (род. в 1924) — известный русский писатель, автор сборников стихов «Дождь в степи» (1953), «Аргумент» (1972) и др.; лирических повестей «Владимирские проселки» (1957), «Капля росы» (1960), романа «Мать и мачеха» (1964), сборника рассказов и повестей «Мед на хлебе» (1978), книг эссе «Письма из Русского музея» (1966), «Слово живое и мертвое» (1976), «Время собирать камни» (1980), «Камешки на ладони» (1977—1990).

Распутин (Новых) Григорий Евфимиевич (1872—1916) — фаворит царя Николая II. Из крестьян Тобольской губернии. В качестве «провидца» и «исцелителя» приобрел неограниченное влияние на царскую семью. Имел огромное влияние на дела государства. Убит группой заговорщиков во главе с князем Ф. Юсуповым и В. Л. Пуришкевичем в 1916 г.

Юсупов Феликс Феликсович — князь, один из представителей знатной фамилии Юсуповых. Супруг великой княжны Ирины Александровны, принадлежащей к членам царской фамилии. Один из организаторов убийства Г. Распутина.

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859) — популярный русский писатель, журналист. Автор дидактико-нравоописательных романов «Иван Выжигин» (1829), «Петр Иванович Выжигин» (1831), «Памятные записки Чухина» (1835), исторических романов «Димитрий Самозванец» (1830), «Мазепа» (Ч. 1—2. 1833—1834), мемуаров («Воспоминания». Ч. 1—6. 1846—1849). Издавал газету «Северная пчела» (1825—1839, с 1831-го совместно с Гречем), журнал «Сын отечества» (1825—1839, совместно с Гречем) и др.

Шевкунов Георгий Александрович родился в Москве в 1958 году. Закончил сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии по специальности литературная работа. В 1984 г. поступает послушником в Псково-Печерский монастырь. Накануне празднования Тысячелетия крещения Руси направлен проходить послушание в издательском отделе Московской патриархии. В настоящее время исполняет обязанности ответственного секретаря редакции «Православные чтения».

Памяти Валентина Саввича Пикуля

Как в Бермудском треугольнике внезапно исчезают огромные океанские корабли, ушел безвозвратно величественный белоснежный парусник, имя которому — Валентин Пикуль.

Смерть Валентина Саввича уже отдаляет время. Но на высоком флагштоке русской литературы гордо реет его личный вымпел, а на флагах расцветивания мы прочитываем как будто с рождения знакомые названия: «Баязет», «Моонзунд», «Пером и шпагой», «Слово и дело», «Битва железных канцлеров», «Нечистая сила», «Фаворит», «Честь имею»...

Писатель первоклассного дара, самобытный и капитальный историк, фронтовик-моряк и борец-патриот с отроческих лет, гражданин, не согнутый и не сломленный великоначальственной десницей, — таким останется в нашем сознании, сознании миллионов живущих и их потомков Валентин Саввич Пикуль.

Вечная ему память!

Редколлегия альманаха
«Русская старина»

О т р е д а к ц и и. В. С. Пикуль, который был членом редколлегии альманаха, передал нам свою последнюю миниатюру «Зина — дочь барабанщика». Она публикуется в следующем номере.

РУССКАЯ СТАРИНА

Редактор **Н. Федорчук**

Художник **А. Быков**

Технический редактор **И. Павлова**

Корректор **М. Барабанова**

Сдано в набор 03.07.90. Подп. в печать 16.10.90. Формат 70×100¹/₁₆.
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Бумага книжно-журнальная. Усл. п. л.
19,5. Усл. кр.-отт. 20,15. Уч.-изд. л. 21,09. Тираж 100 000 экз. Цена 10 р.
Заказ № 1219.

Профиздат. 101000, Москва, ул. Кирова, 13.

Товарищество «Возрождение»

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и массовой информации
РСФСР. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.

В этом номере «РУССКОЙ СТАРИНЫ»:

знаменитый роман Евгения Салиаса «Миллион» — о последних годах жизни Григория Потемкина,
образчик «русского Декамерона» — анонимная повесть «О бесноватой жене Соломонии»,
эссе Фаддея Булгарина о генералиссимусе Суворове,
исторические стихи А. Майкова, Н. Гумилева, М. Кузмина
и других русских поэтов,
начало дискуссии о сенсациях «Влесовой книги»,
фрагмент из будущей книги В. Романова «История политических убийств на Руси»,
а также путевые заметки Григория Распутина и воспоминания об убийстве «святого старца» князя Феликса Юсупова.